

МАЙКЛ
БИРНС

МАЙКЛ БИРНС

СВЯТАЯ
ТАЙНА

ЭКСМО

СВЯТАЯ
ТАЙНА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

МАЙКЛ БИРНС

СВЯТАЯ ТАЙНА

ЭКСМО
Москва
«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 64

Michael Byrnes
THE SACRED BONES
© 2007 by Michael Byrnes

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Бирнс М.
Б 64 Святая тайна : роман / Майкл Бирнс ; [пер. с англ. А. Крышана]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 448 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-36892-1

Патрику Доновану, хранителю секретного архива Ватикана, неизвестный предлагает приобрести древний манускрипт, сохраненный до нашего времени тамплиерами. Им оказывается тайный дневник Иосифа, ученика Христа, с подробным планом места, где захоронен его учитель. И буквально через пару недель под Храмовой горой в Иерусалиме группа вооруженных наемников вскрывает тайное захоронение, похищает оттуда погребальный ковчег, а затем один за другим гибнут все, кто хоть как-то причастен к тайне древней святыни...

Роман Майкла Бирнса «Святая тайна» — один из самых успешных триллеров 2008 года.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-36892-1

© Перевод. А. Крышан, 2009
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2009
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2009

*Посвящается Кэролайн,
Вивьен и Камилле*

Пролог

Лимассол, Кипр

Апрель 1292 г.

Стоя у восточного парапета квадратной башни крепости Колосси, Жак де Моле всматривался в необъятную ширь Средиземного моря, теплый бриз трепал его белый плащ и густую темно-рыжую бороду. Для рыцаря, чей возраст близился к пятидесяти, величественные черты его лица — прямой длинный нос, пронизательные серые глаза, сведенные в одну линию брови и резко очерченные скулы — казались на удивление юными. Но густые, коротко стриженные волосы серебрились сединой.

Отсюда он не мог разглядеть берегов Святой земли, но готов был поклясться, что ощущает запах ее эвкалиптов.

Почти год минул с тех пор, как Акра, последний оплот крестоносцев в восточной части Иерусалимского королевства*, пала под ударами египетских мамлюков**. Осада длилась шесть кровавых недель, до тех пор, пока Великий магистр Гийом де Боже не отшвырнул меч и не сошел со стены цитадели, осуждаемый своими людьми. Де Боже ответил им:

* Христианское королевство, возникшее в 1099 г. после завершения 1-го Крестового похода. Было уничтожено в 1291 г. с падением Акры.

** Мамлюки (также мамелюки) — военная каста в средневековом исламском Египте, рекрутировавшаяся из юношей-рабов тюркского происхождения. В 1250 г. мамлюкам удалось захватить власть в Египте.

— Je ne m'enfuit pas... Je suis mort. Я не бегу... Я мертв.

Подняв окровавленную руку, он показал стрелу, глубоко вонзившуюся ему в бок. И тут же упал, чтобы уже никогда не подняться.

И сейчас де Моле думал, не явилась ли смерть де Боже предсказанием судьбы самого ордена тамплиеров.

— Господин... — окликнули его по-французски.

— Да? — Де Моле повернулся к молодому писцу, остановившемуся на ступеньках лестницы.

— Он готов говорить с вами, — доложил юноша.

Де Моле кивнул и последовал за молодым человеком во чрево замка, скрытая под плащом кольчуга слегка позвякивала, когда он спускался по ступеням. Его провели в небольшое помещение со сводчатыми стенами, посередине которого на кровати лежал изможденный человек — новый Великий магистр Тибо Годен. Зловоние давно не мытого тела висело в воздухе.

Де Моле старался не задерживать взгляд на костлявых руках Годена, изъеденных язвами. Лицо больного было столь же отталкивающим — мертвенно-бледное, с желтыми глазами, тускло блестевшими в провалившихся глазницах.

— Как вы себя чувствуете? — Изобразить искреннее сочувствие де Моле не удалось.

— Так же, как и выгляжу. — Великий магистр уперся пристальным взглядом в кроваво-красный крест, украшавший плащ де Моле прямо над сердцем.

— Вы звали меня? — Несмотря на жалкое состояние Годена, он оставался главным соперником де Моле.

— Звал, чтобы обсудить то, что произойдет после моей кончины, — хрипло проговорил умирающий. — Есть нечто, о чем тебе необходимо знать.

— Я знаю лишь одно: вы отказываетесь собирать новую армию и вернуть то, что мы потеряли, — с вызовом ответил де Моле.

— Оставь, Жак. Опять ты... Папа умер и унес с собой в могилу всякую надежду на новый Крестовый поход. Даже

ты должен понимать: без поддержки Рима у нас нет шансов выжить.

— Я этого не допущу.

Папа Николай IV, первый в истории католичества Папа-францисканец и сторонник рыцарей ордена тамплиеров, тщетно пытался заручиться поддержкой для нового Крестового похода. Он созывал синоды, пытаясь объединить тамплиеров и рыцарей ордена Святого Иоанна*. Он собрал средства для снаряжения двадцати судов, рассылая эмиссаров повсюду, даже в Китай, и способствуя развитию новых военных альянсов. Однако несколько дней назад шестидесятичетырехлетний Папа скоропостижно скончался в Риме.

— Многие в Риме считают смерть Николая не случайной, — заговорщическим тоном сообщил Годен.

Лицо де Моле напряглось.

— Что?

— Его преданность церкви была неоспоримой. Однако Папа нажил себе много врагов, особенно во Франции. — Великий магистр поднял дрожащую руку. — Как известно, король Филипп предпринимает решительные меры, чтобы финансировать свои военные кампании. Сажает в темницы евреев, чтобы завладеть их имуществом. Обложил пятидесятипроцентным налогом французское духовенство. Папа Николай выступал против этого.

— Вы, конечно же, не утверждаете, что Филипп убил его?

Великий магистр закашлялся, прикрыв рукавом рот. Когда он убрал руку, на ткани остались капли крови.

— Просто знай, что Филипп жаждет диктовать свою волю Риму. У церкви же есть куда более серьезная проблема. Иерусалим подождет.

Де Моле долго молчал. Затем взгляд его вновь встретился с глазами Тибо Годена.

— Вы знаете, что покоится под храмом Соломона. Как вы можете отказываться от дальнейшей борьбы?

* Официальное название — орден всадников госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского.

— Мы всего лишь люди, Жак. Господь сам защитит то, что покоится там. Неразумно думать, что в наших силах что-либо изменить.

— Отчего вы так уверены?

Годен нашел в себе силы слабо улыбнуться.

— Надо ли мне напоминать тебе, что на протяжении веков, до нашего прихода в Иерусалим, очень многие бились за право хранить эти секреты? Мы играли лишь незначительную роль в этом наследии, но я уверен, что мы не последние. — Магистр помедлил. — Мне известны твои помыслы. Ты силен духом. Люди уважают тебя и прислушиваются к твоим словам. И когда я уйду, ты наверняка попытаешься идти своим путем.

— Разве не в этом наш долг? Разве не в этом мы присягали Господу?

— Наверное... Но может статься, то, что мы прятали все эти годы, придется открыть миру.

Де Моле склонился ближе к изможденному лицу Великого магистра.

— Но это уничтожит все, во что мы верим!

— И на этом месте появится нечто более прекрасное. — Голос Тибо Годена упал до шепота. — Вооружись верой, друг мой. Вложи меч в ножны.

— Никогда.

1

Иерусалим Наше время

Сальваторе Конти никогда не интересовали мотивы клиентов. Многочисленные операции, в которых он участвовал, научили его сохранять спокойствие и концентрироваться на выполнении задания. Однако в эту ночь ему было не по себе.

По древним улицам шли восемь человек, с ног до головы одетые в черное и вооруженные легкими штурмовыми винтовками «Хеклер и Кох XM8» со 100-зарядным магазином и подствольным гранатометом. Неслышно ступая по булыжникам ногами, обутыми в мягкие ботинки, каждый сканировал свой сектор обзора сквозь инфракрасные очки ночного видения. Все вокруг них дышало глубокой стариной, ни на минуту не позволяя забыть о том, где они находятся.

Резким взмахом руки отдав сигнал оставаться на местах, Конти продолжил движение в одиночку.

Он чувствовал, что и его команда немного нервничает. Несмотря на то что Иерусалим в переводе означает «город мира», у Конти город ассоциировался с постоянными волнениями и беспорядками. Каждая его тихая улочка вела к сердцу города, расколотому надвое.

Его парни прибыли сюда поодиночке из нескольких стран Европы. Два дня назад они собрались здесь все вместе в относительно благополучном районе Еврейского квартала, на

квартире, выходявшей окнами на площадь Махази и арендованной на имя Дэниела Марроне — один из многочисленных псевдонимов Конти.

Сам Конти под видом туриста приехал сюда раньше, чтобы изучить сеть переулков и петляющих улочек, которые окружали памятник старины площадью в тридцать пять акров в центре укрепленного Старого города. Массивный прямоугольный комплекс крепостных валов и неплохо сохранившихся стен вздымался на тридцатидвухметровую высоту. Монумент напоминал колоссальный монолит, возложенный на крутой гребень горы Мориа. Несомненно, исламский Храм аш-Шариф, более известный миру под названием Храмовая гора, представлял собой самый оспариваемый кусок земли во всем мире.

Поскольку к высокой западной стене можно было подобраться под прикрытием зданий, Конти махнул рукой, приказывая двум парням выдвинуться вперед. Все, что попадало в свет укрепленных на стене прожекторов, отбрасывало длинные тени. Люди Конти умело сливались с сумраком, однако с таким же успехом здесь могли прятаться и солдаты Сил безопасности Израиля.

Бесконечные конфликты между израильянами и палестинцами превратили Иерусалим в самый охраняемый город мира. Однако Конти знал, что в СБИ полно новобранцев — молодых парнишек, которые хотели только оттрубить три положенных года; для его матерых бойцов они не представляли никакой опасности.

Он вгляделся вперед, очки ночного видения окрашивали тени в призрачно-зеленый цвет. Впереди было чисто, если не считать двух патрульных в оливкового цвета полевой форме, бронежилетах и черных беретах, которые стояли метрах в пятидесяти. Солдаты были вооружены винтовками М-16. Оба курили сигареты «Тайм лайт», в Израиле самые популярные, а на вкус Конти — просто мерзкие.

Бросив короткий взгляд в сторону точки назначения — Мавританских ворот в западной стене цитадели, — Конти

быстро сообразил, что приблизиться к Храмовой горе немеченными не удастся.

Скользнув пальцами вдоль ствола, он перевел «ХМ8» на стрельбу одиночными выстрелами и вскинул винтовку к плечу. Наводя красную точку лазерного прицела на голову первой фигуры в зеленом, он ориентировался на огонек сигареты. Несмотря на то что титановые пули способны пробить кевларовый жилет, Конти предпочитал стрелять наверняка, то есть не в корпус.

Один выстрел. Один труп.

Указательный палец плавно надавил на курок.

Приглушенный хлопок, легкая отдача, и цель рухнула на колени.

Прежде чем второй патрульный начал понимать, что происходит, Конти выстрелил снова — пуля попала солдату в лицо и прошла сквозь его голову.

Проследив взглядом за падением израильтянина, Конти помедлил и прислушался. Все тихо.

Он всегда удивлялся тому, насколько условным было понятие «оборона», предлагавшее людям в качестве защиты нечто едва ли более надежное, чем просто слова. И хотя его родина с военной точки зрения была, в общем-то, незначительна, в глубине души Конти чувствовал, что стал ее ударной силой.

Еще один отрывистый взмах руки — и его парни направились к пологому подъему, ведущему к Мавританским воротам. Слева от них располагалась площадь Западной стены*. Вчера он с удивлением разглядывал правоверных евреев — мужчины отделялись от женщин занавеской-ширмой, — собравшихся здесь, чтобы предаться скорби подле древнего храма, который, согласно их вере, украшал когда-то это священное место. Справа от него горбатилась холмиками руин древнего Иерусалима небольшая низина.

Массивные железные ворота, запертые на засов с замком, перекрывали доступ внутрь. Менее чем за пятнадцать секунд

* В европейской традиции Стена Плача.

замок вскрыли, и его команда просочилась через узкий, похожий на туннель проход, расширяющийся к просторной эспланаде.

Проскользнув мимо мечети Аль-Акса, примыкающей к южной стене Храмовой горы, Конти обратил взгляд к центру эспланады, где сразу же за высокими кипарисами, на возвышении располагалась вторая и более крупная мечеть, ее позолоченный купол светился на фоне ночного неба, словно окутанный ореолом святости. Купол Скалы — материальное воплощение притязаний ислама на Святую землю.

Конти повел своих людей к юго-западному краю эспланады, где, каскадами сбегая вниз, начиналась широкая современная лестница. Он растопырил пальцы правой руки в перчатке — и четверо мгновенно залегли. Следом он дал команду двум другим парням затаиться на корточках в тени ближайших деревьев и держать под прицелом периметр.

По мере того как Конти и его люди спускались по лестнице, воздух все более напитывался влагой, а затем сделался неожиданно холодным, с душком болотной сырости. Как только все собрались на нижних ступенях, то включили галогеновые лампочки на стволах винтовок. Лучи резкого, яркого света рассекли темноту, являя глазам сводчатое пространство с искусно сделанными арками в проходах.

Конти где-то читал, что в двенадцатом веке крестоносцы использовали подземные помещения храма под конюшни. Более поздние хозяева, мусульмане, не так давно переделали его в мечеть, но и исламский декор не сумел скрыть жутковатое сходство интерьеров со станцией подземки.

Проведя лучом фонаря по восточной стене помещения, Конти с удовлетворением заметил две коричневые брезентовые сумки, которые, как было обещано, оставил здесь его местный агент.

— Гретнер, — окликнул он тридцатипятилетнего взрывника из Вены. — Это тебе.

Австриец подобрал сумки.

Забросив карабин за плечо, Конти вынул из кармана свернутый лист бумаги и включил миниатюрный фонарик. Кар-

та указывала местоположение того, что им приказано было добыть; он не любил употреблять глагол «украсть» и его производные, поскольку это умаляло его профессионализм. Конти направил луч света вдоль стены.

— Это прямо перед нами. — Английский Конти был на удивление хорош.

Он настоял на том, чтобы разговоры в группе велись только на этом языке, благодаря чему сводились к минимуму неточности в общении, а также возможность вызвать подозрения у израильтян.

Зажав в зубах фонарик, Конти свободной рукой отстегнул от ремня электронный измерительный прибор «Stanley Tru-Lazer» и нажал кнопку на его панели. Маленький жидкокристаллический дисплей ожил, и тонкий красный луч лазера ввинтился глубоко во тьму. Конти пошел вперед, его люди двинулись следом.

Он пересекал помещение по диагонали, обходя массивные колонны. Пройдя в глубь зала, Конти резко остановился, сверился с показаниями на дисплее, отклоняя в сторону луч лазера, пока тот не обозначил южную стену мечети. Тогда Конти развернулся лицом к северной стене, примыкающей к Храмовой горе:

— То, что мы ищем, должно находиться прямо за этой стеной.

2

Сальваторе Конти постучал рукой в перчатке по известняковой кладке.

— Что скажешь?

Опустив на пол брезентовые сумки, Клаус Гретнер отстегнул от ремня портативный ультразвуковой сканер и направил на стену, замеряя ее толщину.

— Около полуметра.

Конти вытащил из первой сумки внушительного размера ядерный перфоратор «Flex BHI 822 VR» — именно такой, как он запрашивал, — уже со вставленным в патрон 82-миллиметровым алмазным буром. Поблескивая в свете фонарика, перфоратор выглядел как новенький, будто только что из упаковки. Конти протянул инструмент Гретнеру.

— Можно бурить «по-сухому»*. Здесь хорошая влажность, — сказал он, показав на стену. — Шнур и блок питания в сумке. Сколько дырок понадобится?

— Камень мягкий. Штук шесть.

Из второй сумки Конти достал первый брикет С-4 и начал лепить цилиндры из похожей на оконную замазку взрывчат-

* Бурение без смазочно-охлаждающих жидкостей.

ки, в то время как австриец высверливал отверстия в швах каменной кладки.

Через десять минут шесть аккуратных зарядов с дистанционными взрывателями были готовы.

Обтерев перфоратор, Гретнер бросил его у стены. Конти и остальные, спрятавшись за колоннами, прикрыли лица респираторами, австриец присоединился к ним и нажал на кнопку дистанционного пульта.

Оглушительный взрыв, скрежет обломков, клубы пыли.

Выбив несколько шатавшихся кирпичей, Конти пролез в образовавшийся пролом, боевики последовали за ним.

Они очутились внутри помещения, рассмотреть которое мешала поднятая взрывом пыль. Прочные на вид земляные стены поддерживали низкий потолок. Даже сквозь респираторы воздух казался разреженным и малопригодным для дыхания, с тяжелым привкусом паров гексогена, напоминавшим моторное масло.

Как понял Конти, помещение долгие годы было замуровано. Он на мгновение задумался, откуда вообще его клиенту стало известно о существовании этого места, затем резко повернулся к стоявшему с ним рядом бойцу.

— Ну-ка, посвети.

Несколько лучей, рассекая мрак, прошлись по ряду прямоугольных предметов, расположенных на полу, у боковой стены помещения. Каждый был бежевого цвета, примерно две трети метра длиной и чуть сужался от верхушки к основанию.

Внимательно осмотрев эти похожие на ларцы шутовины, Конти задержался в конце ряда, присев на колени, чтобы разглядеть получше. Выбрать нужное оказалось гораздо проще, чем он думал. Наклонив голову, чтобы рассмотреть ковчег слева, Конти сравнил характерный выгравированный символ с изображением на фотокопии, которую достал из кармана. Полное совпадение.

— То, что надо, — громко объявил он, убирая документы в карман. — Давайте быстро.

Они находились глубоко под Храмовой горой, но Конти знал, что звуки взрывов могли быть слышны за наружными стенами.

— Тяжелый вроде... — сказал, подойдя, Гретнер.

— Килограммов тридцать пять, — уточнил Конти.

Каким-то образом его клиент знал и об этом.

Перебросив за плечо «ХМ8», Гретнер разложил на полу нейлоновую сеть и вместе с одним из боевиков поднял и перенес на нее ковчег.

— Все, уходим, — скомандовал Конти.

Через брешь в стене они вернулись назад, в мечеть. Прежде чем подняться по лестнице, Конти забрал у всех респираторы и засунул в рюкзак.

Выбравшись на эспланаду, он внимательно осмотрелся и убедился, что оставленные им часовые на своих местах, в густой тени. Конти сделал им знак рукой, и оба рванулись вперед.

В это время на эспланаду подтянулись остальные бойцы.

Несколькими мгновениями позже силуэты часовых мелькнули в пролете Мавританских ворот и тут же откатились назад под автоматным огнем с открытой площадки, расположенной ниже.

Мгновение тишины.

Отдаленные крики, затем — снова стрельба.

Жестом приказав всем оставаться на местах, Конти подбежал к воротам, упал и на локтях подполз к проему. Вглядевшись вперед, он увидел невдалеке множество израильских солдат и полицейских, отрезающих все пути вниз, к площади Западной стены. Видимо, кто-то либо обнаружил двух убитых солдат СБИ, либо услышал взрыв.

Израильтяне затаились, выжидая, когда они начнут движение. К Храмовой горе были и другие пути, и Конти быстро просчитал вероятность иного варианта отхода, но он не сомневался, что СБИ направит подкрепления и туда. Прочесать плато не займет у них много времени.

Еще он понял, что взятый напрокат автофургон, припаркованный в долине Кидрон, использовать нельзя. Повернувшись назад, он махнул часовым, чтобы они возвращались к группе.

Подбегая к мечети Аль-Акса, Конти сдернул с пояса воки-токи.

— Альфа-один, ответьте! Прием.

В ответ — лишь шум и помехи.

Он отошел от стены мечети, полагая, что она препятствует нормальному приему.

— Альфа-один?

Сквозь треск едва слышалось прерывистое бормотание.

Конти вновь нажал на кнопку передатчика:

— Если вы меня слышите, план меняется. Мы под обстрелом. — Повысив голос, он тщательно проговорил следующую команду. — Подберете нас на юго-западном углу эспланады Храмовой горы, у мечети Аль-Акса. Прием!

Пауза.

Треск разрядов, затем слабый хриплый голос:

— Принято. Уже в пути. Конец связи.

Конти подавил вздох облегчения. Прямо над зазубренными вершинами горного хребта, к югу, на фоне темного неба он разглядел черную тень.

Вертолет быстро приближался.

Конти перецелкнул режим стрельбы «ХМ8» на автоматический, активизировав гранатомет, остальные боевики сделали то же самое. Он знал, что израильтяне только в крайнем случае откроют по ним плотный огонь, опасаясь нанести разрушения этому священному месту. Однако его люди не проявят ответной любезности.

— Этих парней надо отбросить, чтобы расчистить путь отхода, — скомандовал Конти, и по его сигналу наемники компактной группой бросились к воротам с винтовками наперевес.

Стрекот лопастей вертолета привлек внимание израильтян, большинство из них задрали головы к небу, глядя на чер-

ную тень, быстро скользящую к Храмовой горе на малой высоте.

Из укрытия на полуразрушенной стене Конти и его люди открыли плотный огонь по солдатам. В считанные секунды восемь из них были уничтожены. Остальные израильтяне заметались по площади в поисках укрытия, но по лабиринту узких улочек из прилегающих Мусульманского и Еврейского кварталов к месту перестрелки уже подходили подкрепления.

Над юго-восточной оконечностью крепостного вала показался «блэк хоук» ВВС Израиля — фюзеляж, окрашенный в камуфляжные цвета пустыни, на мгновение смутил солдат СБИ. Но Конти также видел и группу людей, пытающихся занять более выигрышную позицию у юго-западного угла вала. Внезапно справа от него англичанин Дуг Уилкинсон, боевик из Манчестера, резко дернулся назад, выронив «ХМ8», и схватился за плечо.

Прижав указательный палец ко второму спусковому крючку винтовки, Конти сосредоточил внимание на скоплении солдат внизу и выстрелил. Граната вылетела из подствольника, дымом и оранжевыми искрами прочертила в воздухе дугу и взорвалась, взметнув в воздух осколки камня. Огненный вал, скрежет обломков и визг шрапнели обратили израильских солдат в паническое бегство.

Лопасті вертолета свистели уже над самыми головами боевиков, поднимая тучи пыли. Наконец «блэк хоук» коснулся земли.

— Все туда! — заорал Конти, махнув рукой в сторону вертолета. — Груз на борт!

Отступая от ворот, он заметил на другой стороне Храмовой горы, между кипарисами еще одну группу солдат СБИ, быстро приближающихся и охватывающих территорию вокруг Купола Скалы.

«Вот-вот отрежут!» — промелькнуло в голове.

Ковчег мгновенно погрузили, следом на борт забрались его люди. Пробегая под винтом, чтобы запрыгнуть в вертолет, Конти пригнул голову.

Под плотным обстрелом «блэк хоук» оторвался от земли и стал быстро удаляться от Храмовой горы. Пройдя на бреющем полете над долиной Ха-Эла, он понесся над бесплодным простором пустыни Негев, взяв курс на юго-запад. Машина двигалась намного ниже «уровня зрения» радаров, но даже на больших высотах, благодаря потрясающему искусству пилота и великолепной маскировке, засечь вертолет было бы практически невозможно.

Через несколько минут показались огни палестинских поселений вдоль сектора Газа, но вскоре пляжи Газы быстро сменились темным простором Средиземного моря.

В восьмидесяти километрах от израильского побережья на волнах покачивалась двадцатидвухметровая моторная яхта «Хинкли», построенная по спецзаказу, ее точные координаты были занесены в память бортового компьютера вертолета. Снизившись, «блэк хоук» завис над палубой.

Экипаж «Хинкли» бережно принял с вертолета ковчег, затем на яхту по тросу спустилась команда Конти. Уилкинсон крепко прижимал к боку раненую руку, когда Конти пристегивал его к карабину троса. Судя по всему, рана была неопасной. Когда Уилкинсон очутился на палубе, Конти завершил переход команды на корабль.

Установив автопилот на режим неподвижного зависания в воздухе, пилот — человек Конти — покинул кабину, переступив через тела двух израильских летчиков. Эти люди сегодня вечером вылетели с базы Сдэ-Дов в обычный разведывательный полет вдоль египетской границы, ничего не зная о вооруженных людях, затаившихся в хвостовой части машины.

Благополучно приняв на борт груз и пассажиров, «Хинкли» взревела двигателями и стала медленно набирать скорость. Конти зарядил гранатой подствольник и поднял голову — вертолет был в пятидесяти метрах позади. Мгновением позже новейший образец американской военной техники разлетелся на куски, озарив ночное небо огненным шаром взрыва.

Яхта уже набрала крейсерскую скорость в двадцать два узла, держа курс на северо-запад.

На сегодняшний вечер боевые операции закончены. Как и предвидел Конти, израильтяне оказались абсолютно не готовы к организованному скрытному нападению. А беспорядочная стрельба и серьезные потери — всего лишь уместный повод увеличить его вознаграждение.

Понедельник

Три дня спустя

3

Тель-Авив

Как только капитан лайнера компании «Эль аль» объявил о начале снижения на подлете к аэропорту Бен Гурион, Разак бен Ахмед аль-Тахини повернулся к иллюминатору и увидел, что синь Средиземного моря под лазурным, без единого облачка небом сменилась серо-желтым ландшафтом пустыни.

Вчера у него состоялся тревожный телефонный разговор. Без каких-либо подробностей, просто срочный вызов. ВАКФ — мусульманский совет, выступавший в качестве хранителя ратора и попечителя Храмовой горы, — требовал его немедленного вылета в Иерусалим по чрезвычайно важному делу.

— Сэр... — Приятный голос вывел его из задумчивости.

Разак отвернулся от иллюминатора и встретился взглядом с молодой бортпроводницей в темно-синем костюме и белой блузке. Внимание Разака привлек значок «Эль аль» на ее лацкане — звезда Давида с крылышками. «Эль аль» в переводе с иврита означало «ввысь», «к небу». Еще одно напоминание о том, что Израиль контролирует не только сушу.

— Пожалуйста, приведите спинку кресла в вертикальное положение, — вежливо попросила стюардесса. — Через двадцать минут мы совершим посадку.

Разак вырос в большой и очень дружной семье в Дамаске и был старшим из восьми детей. Он часто помогал матери

по хозяйству, поскольку отец его, занимавший должность посла в Сирии, постоянно находился в разъездах. С помощью отца Разак начал свою политическую карьеру как посредник между соперничающими группировками суннитов и шиитов на территории Сирии, а затем и по всему арабскому региону. Позже он получил политическое образование в Лондоне, после чего вернулся на Ближний Восток, где круг его обязанностей расширился, вобрав в себя дипломатические миссии в ООН и посредничество между арабскими и европейскими бизнес-партнерами.

Вот уже почти десять лет Разак вплотную занимался наиболее серьезными проблемами исламского мира, поневоле становясь все более влиятельной политической фигурой. Ежедневно сталкиваясь с радикальным фанатизмом, террористическими актами и оголтелыми атаками на глобализацию, он отлично понимал, что сохранять святость ислама в современном мире делается все труднее. И хотя Разак стремился сосредоточить основное внимание на религиозных аспектах ислама, он очень быстро понял, что на сегодняшний день политика неотделима от веры.

Ответственная и весьма нелегкая работа сказалась на его внешности. Пряди ранней седины серебрили виски, пробиваясь сквозь густые волосы, а во взгляде темных глаз светилась непреходящая печаль. Будучи среднего роста и обычного телосложения, Разак не привлекал восхищенных взглядов, хотя во многих кругах его искусство дипломата производило сильное впечатление.

Тяжелая личная потеря стремительно трансформировала его юношеский идеализм в сдержанный цинизм. Он постоянно напоминал себе мудрые слова, услышанные в детстве от отца: «Мир — невероятно сложная штука, Разак, разобраться в которой ох как непросто. Но чтобы выжить в нем, — отец показал рукой куда-то вдаль, очерчивая невидимое пространство, — никогда нельзя идти на компромисс со своей душой. Это самый ценный дар Аллаха... и то, как ты им распорядишься, будет твоим даром Ему».

Пока «Боинг-767» снижался, мысли Разака переключились на загадочную стычку в Старом городе Иерусалима, произошедшую три дня назад. В мировых СМИ циркулировали сообщения об ожесточенной перестрелке, имевшей место в пятницу у Храмовой горы. Подробностей о характере столкновения было не много, однако все источники утверждали, что в перестрелке с неизвестным противником пали тринадцать солдат вооруженных сил Израиля.

Разак был уверен, что его вызов имеет прямое отношение к инциденту.

Когда он снимал чемодан с ленты багажного транспортера, записал будильник наручных часов. Разак запрограммировал его на подачу сигнала пять раз в день пятью особыми мелодиями.

Половина третьего.

Выйдя из туалета, куда он по обыкновению заходил сполснуть лицо, шею и руки, Разак отыскал свободное место в зале ожидания и опустил чемодан на пол. Взглянув на часы, он сверился с показаниями миниатюрного цифрового датчика GPS. Крохотная стрелка на экране указывала направление на Мекку.

Воздев руки, он дважды проговорил: «Аллах акбар», затем сложил ладони на груди и приступил к одной из пяти ежедневных молитв, обязательных для мусульман.

— Нет Бога, кроме Аллаха, — тихо проговорил он, опускаясь на колени и сгибаясь в покорном поклоне.

В молитве Разак обретал уединение, мир вокруг словно расступался, унося суету и шум, и это помогало ему изобретать компромиссы, которые он должен был найти во имя ислама.

Глубоко погружившись в раздумья, Разак не обращал внимания на группу западных туристов, не сводивших с него глаз. Для многих в наше время благоговейная преданность молитве — понятие чуждое. И его совсем не удивляло, что вид араба в деловом костюме, преклонившего колени перед невидимым оком Божьим, так легко вызвал любопытство у

Вокруг массивного стола из тикового дерева сидели девять арабов средних лет и старше. Некоторые были в традиционных куфиях и деловых костюмах, остальные — в чалмах и ярких дишдахах*. Когда вошел Разак, разговоры в комнате резко стихли.

Сидевший во главе стола высокий араб с бородой в белом головном уборе встал и приветственно поднял руку.

Пробираясь к нему, Разак тоже вскинул руку:

— Ассалам алейкум!

— Ва алейкум ассалам, — с улыбкой ответил мужчина.

Фарух бен Алим Абд аль-Рахман аль-Джамир был человеком представительным. Хотя истинный возраст его оставался неизвестным, на вид многие дали бы ему лет шестьдесят пять. Ясные серые глаза скрывали множество секретов и почти ничего не говорили о своем хозяине. Левую щеку перечеркивал широкий шрам, и Фарух гордился им как напоминанием о днях, проведенных на поле боя. Его зубы казались неестественно ровными и белыми и были, скорее всего, вставными.

С тех пор как в тринадцатом веке мусульмане вернули себе Храмовую гору, ВАКФ осуществлял контроль над этой святыней, а в качестве ее главного смотрителя назначался особый хранитель. Должность хранителя, в обязанности которого входило решение всех вопросов, касающихся неприкосновенности священного объекта, сейчас занимал Фарух.

Как только они уселись, Фарух представил Разака сидевшим за столом мужчинам и сразу же вернулся к теме собрания.

— Не стану извиняться за то, что вызвал вас сюда так поспешно. — Фарух обвел взглядом присутствующих, постукивая шариковой ручкой по полированной тиковой столешнице. — Все вы, конечно, в курсе того, что случилось в минувшую пятницу.

* Длинная мужская рубаха, доходящая до пола.

У плеча Разака склонился официант, предлагая чашку арабского кофе с пряностями — кахвы.

— Событие катастрофическое, — продолжал Фарух. — Поздно вечером группа неизвестных пробралась в мечеть Марвани. Используя взрывчатку, они проникли в потайную комнату за задней стеной.

То, что преступление имело место в пятницу, когда все мусульмане Иерусалима собираются на Храмовой горе для молитвы, особенно беспокоило Разака. Не исключено, что злоумышленники хотели запугать мусульманскую диаспору. Он поудобнее устроился на стуле, мысленно пытаясь оценить степень дерзости нападавших, которые осмелились осквернить святыню.

— Скакой целью? — Он неторопливо отпил кофе, наслаждаясь запахом кардамона, наполнявшим ноздри.

— Похоже, они похитили артефакт.

— Что за артефакт? — Разак предпочитал прямые ответы.

— К этому мы вернемся чуть позже, — торопливо проговорил Фарух.

Разаку уже не в первый раз пришла в голову мысль о чрезмерной осторожности хранителя.

— Выходит, работали профессионалы?

— Именно так.

— Взрывы повредили мечеть?

— К счастью, нет. Мы сразу же связались со специалистами. По предварительной информации, повреждена только стена.

— Кто мог это сделать? У вас есть соображения? — Разак нахмурился.

Фарух покачал головой.

— Я же говорю, это израильтяне! — скривив нижнюю губу и дрожа от ярости, выпалил один из самых старших арабов.

Все повернули головы к старику. Он потупил глаза и опустился на место.

— Прямых доказательств нет, — твердо сказал Фарух. — Однако показания свидетелей говорят о том, что для транспортировки похитителей был использован вертолет израильских ВВС.

— Что? — поразился Разак.

Фарух кивнул и добавил:

— Он сел на эспланаду за мечетью Аль-Акса и увез их.

— Но разве это не закрытая для полетов зона?

— Совершенно верно, закрытая.

Разак постарался не выдать изумления тем, что кому-то удалось провести подобную операцию, в особенности в Иерусалиме.

— Как же это могло произойти?

— Подробности нам пока неизвестны. — Фарух принялся постукивать ручкой по столу. — Мы только знаем, что вертолет был замечен над Газой через несколько минут после похищения. Ждем подробного доклада из СБИ. Однако давайте не забывать, что тринадцать израильтян были убиты во время атаки и еще больше ранено. Полицейских и солдат СБИ. И утверждать, что израильтяне несут ответственность за это... не вижу смысла.

— Ситуация очень сложная, — заговорил другой старейшина. — Ясно, что кража произошла на объекте, находящемся под нашей юрисдикцией. Однако гибель такого количества солдат СБИ тоже имеет большое значение. — Он развел руками и помедлил. — Израиль дал согласие сохранять инцидент в тайне, но обратился к нам с просьбой о сотрудничестве в плане обмена информацией, которая появится в ходе нашего внутреннего расследования.

Разак покрутил в пальцах чашку и поднял глаза:

— Насколько я понял, полиция уже начала предварительное расследование?

— Конечно, — кивнул Фарух. — Они прибыли на место происшествия спустя несколько минут. Проблема в том, что до сих пор они не в состоянии сообщить ничего конкретного. Мы подозреваем, что израильтяне утаивают важные фак-

ты. Вот почему мы вызвали вас. Боюсь, конфронтации избежать не удастся.

— Если только... — начал было Разак.

— Времени в обрез, — перебил его еще один член ВАКФ, обладатель густой седой бороды. — Обеим сторонам известно, что очень скоро СМИ начнут выдвигать собственные умозаключения. И все мы знаем, к чему это приведет. — Ища поддержки, он обвел всех присутствующих взглядом пронизательных темных глаз. — Разак, вам известно, как незначительна наша роль здесь, в Иерусалиме. Вы видите, что происходит на улицах. Наши соотечественники надеются, что мы защитим это место. — Вытянутым указательным пальцем седобородый дважды стукнул по столешнице. — Никто не знает, какова будет реакция народа. В отличие от большинства сидящих здесь, — он остановил взгляд на первом говорившем, все еще розовом от гнева, — они решат, что это дело рук израильтян.

— Нетрудно также представить, с каким удовольствием Хамас и Хезболла взвалят вину за инцидент на евреев, — вновь вмешался Фарух, лицо его потемнело. — Они только и ждут, чтобы мы таким образом оказали им поддержку и помогли втянуть израильтян в эскалацию борьбы за освобождение Палестины.

Ситуация складывалась намного хуже, чем представлялось Разаку. Отношения между палестинцами и израильтянами и так были крайне напряженными. И Хамас, и Хезболла за последние несколько лет заручились серьезной внешней поддержкой в борьбе против израильской оккупации, и этот инцидент наверняка будет способствовать продвижению их политической программы. Разак старался не думать о куда более драматических последствиях, вероятность которых также существовала. ВАКФ сейчас оказался в самом центре сомнительной и неустойчивой политической коллизии.

— Так в чем заключается моя миссия? — спросил он, обводя взглядом членов ВАКФ.

— Вам необходимо установить, кто похитил реликвию из подземелий мечети, — мягким голосом ответил седобородый старейшина. — Мы должны знать это для того, чтобы вернуть правосудие. Наш народ заслуживает объяснения, почему священное место подверглось такому неслыханному осквернению.

Во внезапно наступившей тишине Разак услышал приглушенные оконным стеклом выкрики протестующих людей — будто голоса из могилы.

— Я сделаю все необходимое, — заверил он. — Прежде всего мне необходимо осмотреть место происшествия.

Фарух поднялся на ноги.

— Я отвезу вас туда прямо сейчас.

Ватикан

Шарлотта Хеннеси изо всех сил боролась с беспощадной восьмичасовой разницей во времени, и даже три выпитых утром эспresso не помогли ей окончательно прийти в себя.

Согласно инструкции, она ждала вызова в своем номере. В отличие от роскошного лимузина и первоклассного сервиса, сопровождавшего ее в стремительном путешествии от Финикса до Рима, нынешняя резиденция в ватиканском доме Святой Марфы была аскетичной. Белые стены, простая дубовая мебель, двуспальная кровать с прикроватной тумбочкой, хорошо хоть в номере имелись ванная и маленький холодильник.

Шарлотта сидела у залитого солнцем окна, устремив взгляд вдаль поверх моря черепичных крыш западной части Рима. Взятую с собой книгу — «Святое “может быть”» Энн Тайлер — она дочитала еще в самолете, и далее пришлось довольствоваться выпуском «Оссерваторе романо» на английском языке. К этой минуте она уже изучила его от корки до корки. Вздохнув, Шарлотта отложила газету и взглянула на цифровое табло стоявшего на тумбочке будильника — 3.18.

Она с тревогой и любопытством ожидала начала работы. Что за проблема заставила Ватикан вызывать сюда американского генетика? Будучи главой центра исследований и развития в «Био-мэппинг технолоджи», Шарлотта, как пра-

вило, наносила зарубежные визиты только в фармацевтические и биотехнические компании, занимающиеся внедрением новейших достижений в области исследований генетики человека.

Однако почти две недели назад ее боссу, основателю компании БМТ Эвану Олдричу, позвонил человек из Ватикана, представившийся как отец Патрик Донован. Выслушав весьма заманчивое предложение священника, Олдрич согласился оказать помощь в выполнении строго секретного проекта. Интригующее решение, поскольку мало что на свете могло отвлечь Олдрича от собственной работы, особенно когда для дела требовалось на время расстаться со своим лучшим научным сотрудником.

А лучшим являлась Шарлотта.

В свои тридцать два года Шарлотта была стройной женщиной, ростом пять футов девять дюймов, ее миловидное лицо с ровным, здоровым загаром и изумительными изумрудно-зелеными глазами обрамляли каштановые волосы до плеч. Обладая редким балансом ума и обаяния, она стала «лицом отрасли» у себя в компании, где трудились в основном ученые-мужчины с неказистой внешностью. Как известно, генетику человека традиционно недооценивали, подвергая сомнению ее достижения. Агрессивно раскручивая свои новейшие технологии генной инженерии, БМТ заботилась о правильном общественном имидже.

С недавних пор Шарлотта к арсеналу своих талантов добавила и выступления в СМИ — в ток-шоу и программах новостей. Олдрич рассказал ей, как ватиканский священник, упомянув, что видел одно из ее недавних интервью о реконструкции материнской родословной посредством составления генетической карты митохондриальной ДНК, намекнул на необходимость ее участия в его деле.

Сейчас, когда ее время было поделено между исследованиями и PR-обязанностями, Шарлотта гадала, какую же роль ей отвели здесь. Ведь если разобраться, консервативное папство точно не входило в число ее верных поклонников.

Мысли вновь унесли к Эвану Олдричу.

Он резко изменил свою карьеру десять лет назад, оставив спокойную должность профессора генетики в Гарварде, чтобы окунуться в нестабильный мир бизнеса. И перемену эту Олдрич произвел блестяще. Не первый раз Шарлотта принималась размышлять о том, чем он руководствуется в своих делах. Точно не деньгами, хотя, когда БМТ со временем стала открытой компанией, он очень хорошо на этом заработал. На самом деле им двигала целеустремленность, непреклонная вера в то, что их работа действительно имеет большое значение. Шарлотту притягивали к Олдричу его увлеченность и неподдельная харизма. А то, что, по ее мнению, выглядел он как кинозвезда, не слишком ее волновало.

Почти год назад Шарлотта и Эван начали встречаться, соблюдая осторожность из-за возможных конфликтов, имеющих отношение к работе. Но если в природе существовала врожденная совместимость между двумя людьми, Шарлотте удалось ее найти. Как непреложный закон природы, она осознала то, что просто-напросто не может без него жить. Всего четыре месяца назад их отношения казались ей идеальными.

И тогда судьба сыграла с ней жестокую шутку.

Рутинный анализ, взятый у Шарлотты в ходе ежегодного медосмотра, выявил аномально высокий уровень белка в крови. Последовали дополнительные анализы, включая и болезненную костную биопсию. В результате страшный диагноз: множественная миелома*.

Рак кости.

Поначалу Шарлотта пребывала в ярости: будучи практически вегетарианкой, она редко употребляла спиртное и как одержимая занималась в спортзале. Откуда что взялось?! Тем более тогда она чувствовала себя просто отлично.

* Поражение костного мозга, при котором в одной или во многих костях возникают опухолевидные узлы.

Нынче же все было по-другому. Всего неделю назад она стала принимать мельфалан* — начало щадящего этапа химиотерапии. Сейчас Шарлотта чувствовала себя так, словно постоянно боролась с непроходящим похмельем, перемежающимся приступами тошноты.

У нее не хватало решимости рассказать обо всем Эвану. По крайней мере сейчас. Он уже начал заговаривать об их будущем и даже о детях. Все это казалось несбыточным и разбивало ей сердце. В течение последних нескольких недель Шарлотта все больше падала духом. Не желая обманывать его даже в малом, она хотела быть абсолютно уверена, что окажется в числе тех десяти процентов, кто выходит победителем из борьбы с этим заболеванием, прежде чем давать серьезные обещания.

Осторожный стук в дверь вырвал Шарлотту из омута мрачных мыслей.

Четырьмя быстрыми шагами дойдя до двери, она открыла ее и увидела лысого мужчину в черном костюме и в очках, почти одного роста с ней. Белый воротничок священнослужителя сразу же бросился ей в глаза. Лет сорок пять — пятьдесят, лицо привлекательное и бледное.

— Добрый день, доктор Хеннеси. Меня зовут отец Патрик Донован. — Его английский был чуть приправлен ирландским акцентом.

Приятно улыбаясь, он протянул изящную ладонь.

«Ага, мой ватиканский поклонник», — подумала она и сказала: — Рада видеть вас, падре.

— Я так благодарен вам за проявленное терпение. Прошу извинить, что заставил вас ждать. Пойдем?

— Да, конечно.

* Противоопухолевое алкилирующее средство.

Храмовая гора

Разак и Фарух стояли глубоко под Храмовой горой, на заваленном обломками камня полу мечети Марвани. Как сообщил хранитель, разрушения были значительными, но только внутренними: прожекторы на опорах освещали зияющую полутораметровую брешь в задней стене. Увидев ее, Разак почувствовал, что его желудок будто бы скрутило в узел.

Впервые он побывал здесь в конце девяностых. Тогда это место представляло собой сплошной каменный завал — от пола до потолка. Так было до того, как израильское правительство разрешило ВАКФ приступить к раскопкам и реставрации. Взамен еврейским архитекторам позволили раскопать туннель Западной стены — подземный проход, соединяющий южную часть площади Западной стены с Виа Долороса в районе северо-западной части набережной, глубоко под зданиями Мусульманского квартала. Как обычно, компромисс не обошелся без кровопролития. Внезапно возникшие столкновения между палестинцами и израильтянами, протестующими против раскопок, привели к гибели семидесяти солдат и мирных жителей. В числе погибших оказался самый близкий друг Разака Галиб, который яростно протестовал против того, чтобы израильтяне вели раскопки под его домом, примыкавшим к сохранившемуся участку Западной стены.

Некоторые мусульмане упорно верили, что некий злобный джинн умышленно наполнил это подземное помещение каменными обломками, дабы перекрыть доступ сюда. И теперь, когда реставрация близилась к завершению, Разак не мог избавиться от ощущения чьего-то злобного присутствия в темных углах.

Подойдя к брешу в стене, он пробежал пальцами по ее неровному краю, чувствуя под рукой что-то вязкое. Затем взгляделся в даль потайной комнаты — в ту ее часть, где завалов было меньше всего.

Рядом остановился Фарух с обломком каменной кладки в руке и протянул его Разаку.

— Смотрите, — указал он на ровную дугу, идущую вдоль края кирпича. — Израильтяне нашли оставленную похитителями дрель, ею пробурили отверстия, которые заполнили взрывчаткой.

Разак осмотрел кирпич.

— Как им удалось пронести взрывчатку в самое сердце Иерусалима, через все посты?

— *Взрывчатку и оружие...* Профессионалы. — Фарух по пояс просунулся в брешь и взгляделся в темноту. — Не хотел говорить при всех, но не исключено, что им помогал кто-то из местных. И вполне возможно, что здесь не обошлось без израильтян.

— Вы говорили, полиция уже видела это? — Разак его уверенности не разделял.

— И полиция, и люди из СБИ. Сразу после кражи они два дня здесь все обнюхивали.

Такая тщательность Разака не удивила.

— Ждем не дождемся их полного отчета, — добавил Фарух. — Пора бы уже, кстати.

Они вдвоем забрались через пролом в комнату.

Здесь тоже стояли прожекторы на подставках, освещая стены, выложенные из мягкого известняка горы Мориа, и толстые земляные опоры, подпирающие каменный свод. На стенах не было никакого орнамента. И застоявшийся воздух все еще хранил привкус взрывчатки.

Разак повернулся и внимательно посмотрел на хранителя:

— Вы знали о существовании этой комнаты?

— Ни сном ни духом. Археологические работы велись в помещении самой мечети. Любые несанкционированные раскопки строго запрещены.

Взгляд Фаруха был тверд, но Разак прекрасно знал: во всем, что касалось раскопок, ВАКФ и прежде позволял себе кое-какие вольности.

Напротив Восточной стены Разак заметил девять аккуратных каменных ковчегов, установленных в ряд. На каждом — гравировка на языке, напоминающем иврит. Он подошел ближе. Прямоугольная вмятина в земле с краю свидетельствовала о том, что прежде здесь стоял десятый ковчег. Разак подошел еще ближе.

Внезапно из-за дыры в стене донесся голос:

— Джентльмены, позвольте вас отвлечь.

Разак и Фарух резко обернулись и увидели мужчину средних лет, заглядывавшего в пролом. Лицо его с бледной кожей, обожженной южным солнцем, венчала копна непослушных темных волос.

— Простите, вы говорите по-английски? — У незнакомца был изящный английский выговор.

— Говорим. — Разак быстро подошел к пролому.

— Замечательно, — улыбнулся незнакомец. — Это все упростит. Мой арабский слабоват.

Фарух локтем отодвинул Разака в сторону.

— Вы кто? — сурово осведомился он.

— Моя фамилия Бартон. — Мужчина сделал движение, намереваясь забраться через брешь в комнату. — Грэм Бартон, я...

Фарух вскинул руки вверх:

— Да как вы посмели войти сюда? Это священное место! Бартон замер в испуге, словно увидел под ногами мину.

— Простите. Но если вы позволите мне...

— Кто вас впустил? — Разак обошел Фаруха, чтобы преградить путь Бартону.

— Меня прислал сюда комиссар полиции Израиля, в помощь вам. — Он достал письмо с отметкой департамента полиции.

— Англичанин! — Фарух отчаянно жестикулировал. — Они прислали нам в помощь англичанина! И это после всего, что здесь творилось в прошлом!

За многие годы, проведенные Бартоном в Израиле, он с сожалением осознал, что здесь все еще хранят недобрую память об англичанах из-за их неуклюжих попыток колонизации Ближнего Востока в 1900-х годах и ниспровержение правительства, которое лишь усугубило негодование палестинцев и их обиду на Запад.

Он натянуто улыбнулся.

— Должен ли я напоминать вам, — предостерег его Фарух, — что людям немусульманской веры вход сюда запрещен?

— Однозначное определение моим религиозным симпатиям дать довольно сложно, — примирительно сказал Бартон.

Когда-то он регулярно посещал службы в англиканской церкви Святой Троицы, расположенной неподалеку от его кеенсингтонского дома в Лондоне. Давно это было. Теперь он считал себя верующим светского толка, избегающим официальной религии, но стремящимся к углублению своей веры в то, что во вселенной существует нечто более значительное, чем он сам. В процессе этих поисков ему пришлось отказаться от кое-каких составляющих большинства вероисповеданий, включая ислам, который он глубоко уважал.

— Итак, с какой целью вы здесь? — настаивал Разак.

— Я сотрудничаю с Археологическим управлением при Министерстве культуры Израиля. — Бартон старался сохранять невозмутимый вид. Он уже чувствовал, что согласие на эту работу было крайне дурной идеей. Группе попала в аквариум с пираньями. — Моя специальность — древние памятники Святой земли.

«А точнее, библейские древности», — про себя добавил он, однако озвучивать свою мысль считал неразумным.

— И я пользуюсь в этой сфере достаточным уважением, — сказал он вслух, завершив фразу уже мысленно: «И даже считаюсь знаменитостью».

Выпускник Оксфордского университета, заведующий отделом античности Лондонского музея, обладатель резюме, которое можно читать, как увлекательный роман, не говоря уж об участии в бесчисленных археологических раскопках в Иерусалиме и его окрестностях и регулярных статьях в «Библикэл археолоджи ревю» — вот послужной список Грэма Бартона. И как раз перед самым хищением Археологическое управление выдало ему щедрый денежный аванс за осуществление надзора за грядущей широкой кампанией по оцифровке материалов, которая каталогизирует все коллекции музеев Израиля. Бартон благоразумно решил не распространяться об этом сейчас.

Однако Фарух оставался непреклонен.

— Ваши верительные грамоты нас не впечатляют.

— Понятно. Но я могу сэкономить вам уйму времени, — добавил Бартон, не реагируя на открытую враждебность хранителя. — Более того, меня официально поддерживают СБИ и полиция Израиля. Мне сообщили, что вам требуется всесторонняя помощь в расследовании происшествия. Вот мое рекомендательное письмо. — Его тон стал более напористым и уверенным.

Фарух, встретившись глазами с Разаком, прочел в них недовольство израильянами, их изворотливой тактикой.

— Мне сообщили, что инцидент имеет какое-то отношение к древней реликвии. — Бартон вознамерился заглянуть через плечо Разака.

Два мусульманина все еще пытались противостоять вторжению.

— Все говорит о том, что воры обладали точной информацией о расположении помещения, столь тщательно спрятанного под Храмовой горой. Вы с этим согласны? — Бартон продолжал напирать.

— Одну минутку. — Фарух поднял палец и жестом велел археологу ретироваться.

Со вздохом Бартон отступил назад, в мечеть. Политические сложности явно вызывали у него раздражение.

Разак проводил англичанина взглядом.

— Странно. Интересно, они...

— Это грубое оскорбление! — Лицо Фаруха приблизилось к его лицу.

— А израильтяне сообщили вам об этом? — Разак понизил голос почти до шепота: — Нет. И я этого не допущу.

Разак глубоко вздохнул. Не по душе ему была идея позволить этому Бартону — скорее всего, человеку израильских властей — соваться в расследование такого деликатного дела. В конце концов, СБИ и израильская полиция уже потратили двое суток на осмотр места происшествия, не получив очевидных результатов. А теперь вдруг решили прислать непрофессионала и чужака? Вполне возможно, Бартон послан не просто для того, чтобы имитировать расследование. Никто не знает, каковы мотивы Израиля. Однако время работает не на Разака, к тому же его знание археологии и древностей, мягко говоря, ограничено.

Фарух прошипел ему в ухо:

— Что скажете?

— У нас не так много времени. Поскольку Бартон утверждает, что является экспертом...

— И что?..

— Мне кажется, что израильтяне уже в курсе того, что здесь стряслось. Возможно, он предоставит нам кое-какую информацию. Хоть какую-то зацепку. В интересах всех сторон разрешить эту проблему как можно скорее.

— Разак... Доверие надо заслужить. — Фарух смотрел в пол. — Вы достойный человек. Но не все любят вас. Мы с вами — мы доверяем друг другу. Однако с этим Бартоном мы должны быть предельно осторожны. — Желая придать весомости последним словам, он воздел кверху указательный палец.

— Разумеется, но разве у нас есть выбор?

Фарух выдержал его взгляд.

— Вероятно, вы правы, — наконец уступил он, выразительно вздохнув. — Просто мне очень хотелось бы, чтоб он не был англичанином. — Хранитель выдавил улыбку. — Заберите у него рекомендательное письмо и проверьте его личность в полиции. Делайте, что сочтете необходимым. Я уйду.

Выбравшись в мечеть, Разак взял письмо и велел англичанину дожидаться его возвращения, затем проводил Фаруха до лестницы.

— Глаз с него не спускайте, — напомнил Фарух, украдкой оглянувшись на Бартона.

Разак снял с себя пиджак и протянул его Фаруху, попросив забросить в офис. Он проследил взглядом за тем, как хранитель поднялся по лестнице и растворился в солнечном свете.

Закатав рукава рубашки, Разак достал мобильный телефон и набрал номер сотрудника полиции Израиля, подписавшего рекомендательное письмо. Два раза его переадресовывали, затем попросили подождать, заставив слушать какую-то песенку из израильской попсы. Наблюдая за тем, как Бартон меряет шагами пол мечети Марвани, Разак покачивался с пяток на носки, держа телефон на вытянутой руке как можно дальше, чтобы от техноритма этой песенки у него не разболелась голова. Через минуту раздались два отчетливых щелчка, за ними последовал гудок.

— Генерал Тополь слушает, — произнес гнусавый голос.

Разак приложил все усилия, чтобы в его почти безупречном английском не проскальзывал арабский акцент:

— Мое имя Разак бен Ахмед аль-Тахини. Я уполномоченный ВАКФ по надзору за расследованием происшествий на Храмовой горе.

— Так и знал, что вы позвоните, — без всякого выражения проговорил Тополь. — Я так понимаю, с мистером Бартоном вы уже познакомились?

Такая прямота ошарашила Разака:

— Познакомились...

— Хороший спец. Я как-то с ним работал. Весьма объективен.

Разак воздержался от комментариев:

— Вынужден сообщить вам, что его присутствие вызвало не слишком одобрительную реакцию ВАКФ. Мы понимаем необходимость участия вашего департамента, однако мистер Бартон переступил порог мечети без соответствующего разрешения.

— Приношу извинения, что не успели вам сообщить, — ответил Тополь, подавив зевок. — Но Грэм Бартон уполномочен действовать от нашего имени. В письме, которое у него с собой, все указано. Уверен, вы понимаете, что характер преступления вынуждает нас с вами играть две главные роли в расследовании.

— Но ведь он не следователь, а археолог, — возразил Разак. — К тому же израильская полиция уже осматривала место преступления.

— Ну да, наши люди были там, — согласился Тополь. — Однако целью преступления, похоже, был какой-то артефакт. Мы полицейские. Угон автомобилей. Квартирные кражи со взломом, убийства — это мы понимаем. А вот артефакты для нас — темный лес. Потому и решили, что следствию пригодятся познания Бартона в археологии.

Разак воздержался от ответа, по обыкновению предпочтя молчание конфронтации. Во время переговоров противная сторона частенько выбалтывала важную информацию только для того, чтобы заполнить паузу или избежать молчания. Пауза позволяла ему обдумать возражения.

Полицейский понизил голос, перейдя на заговорщический тон:

— Я так думаю, нам обоим следует на время забыть о наших разногласиях ради исполнения правосудия.

— Мои коллеги и я лично разделяем ваше беспокойство. Можем ли мы быть уверены в том, что информация будет храниться в тайне до завершения расследования?

— Даю вам честное слово. Мы ищем скорого и мирного разрешения проблемы. Сплетни разносятся, как пожар. Нюхом чую, скоро на нас свалится куча неприятностей.

— Понимаю.

— Удачи вам!

Отбой.

Разак повернулся к англичанину — тот стоял, сложив руки за спиной, и, насвистывая, любовался впечатляющим интерьером мечети.

— Все в порядке? — поинтересовался Бартон.

Разак кивнул и протянул руку:

— Добро пожаловать, мистер Бартон. Меня зовут Разак.

6

Ватикан

В конце тускло освещенного коридора располагалась лестница. Шарлотта Хеннеси и отец Донован спустились на два пролета по крутым ступеням и очутились в современном фойе дома Святой Марфы. Пройдя по мраморным плитам пола мимо бронзового бюста Папы Иоанна Павла II, они вышли на яркое полуденное солнце.

Шарлотта привыкла к сухому континентальному зною Финикса. Римская жара угнетала ее своей влажностью. К тому же приходилось подчиняться строгим требованиям ватиканского дресс-кода: руки, ноги и плечи должны быть постоянно прикрыты. Никаких шортов и блузок с короткими рукавами. Как в школе — никаких топов или блузок на бретельках. На следующие несколько дней запланированы брюки хаки и рубашки с длинными рукавами из плотной ткани. Дома она обычно заканчивала день, лежа в бикини на берегу пруда на заднем дворе своего ранчо в испанском стиле. По крайней мере, когда чувствовала себя достаточно хорошо. Шарлотта с прискорбием осознала, что здесь ей это не светит.

— Уверен, вы сейчас гадаете, для чего вас попросили приехать сюда, — заговорил отец Донован.

— Да, эта мысль приходила мне в голову, — вежливо ответила она.

— Ватикан искушен в вопросах теологии и веры, — начал объяснять падре. — Однако вы не слишком удивитесь, услышав, что и в области естественных наук существуют некие пробелы, восполнить которые способны только мы. — Он улыбнулся с мягкой иронией.

— Что ж, это понятно.

«У священника мягкий характер», — подумала Шарлотта.

Его ирландский акцент действовал успокаивающе, и еще она отметила, что Донован постоянно жестикулирует, вероятно, побочный результат многолетней деятельности проповедника.

Они неторопливо миновали piazza Санкте Марте, обходя по боковым дорожкам вокруг апсиды собора. Шарлотта восхищалась ее мрамором и витражами.

— Взять, к примеру, меня, — продолжил падре Донован. — *Prefetto di Biblioteca Apostolica Vaticana**... Весьма причудливое название для должности смотрителя Ватиканской библиотеки. В моем ведении книги и история церкви. Должен признаться, что я не много знаю о вашей отрасли науки. Но когда увидел вас по телевизору, убедился, что именно вы поможете мне в осуществлении проекта, который меня попросили возглавить.

— Я, мягко говоря, удивлена тем, что моя скромная деятельность заинтересовала кого-то в Ватикане.

— Да, многие за этими стенами имеют свое субъективное мнение относительно генетических исследований. Я же предпочитаю придерживаться более широких взглядов.

— Приятно это слышать, — улыбнулась Шарлотта. — Так чем же именно мне предстоит заняться?

Священник ответил не сразу, а дождался, пока двое монахов, проходящих мимо них, не удалились на достаточное расстояние, и тихо проговорил:

— Мощи. — Он собрался было сообщить подробности, но вдруг передумал. — Лучше вам взглянуть своими глазами.

* Хранитель папской библиотеки Ватикана (*ит.*).

Направившись к северу по виале дель Джардино Куадра-то, они прошли сквозь пышную зелень Ватиканских садов, мимо шикарной, выстроенной в стиле неоклассицизма шестнадцатого века виллы Пия IV.

Прямая улица проходила позади величественного Ватиканского музея. Шарлотта припомнила, как когда-то читала, что именно здесь, в бывшем дворце пап эпохи Возрождения, собрана богатейшая коллекция произведений искусств Ватикана. Это также было место, куда съезжались бесчисленные туристы со всех уголков мира, чтобы полюбоваться на самый известный городской экспонат — Сикстинскую капеллу, стены которой покрыты знаменитыми фресками, а потолок расписан самим Микеланджело.

Она чувствовала, что отец Донован еще не готов поделиться своей тайной. И хотя ее так и подмывало спросить, почему изучением мощей руководит библиотекарь, Шарлотта решила сменить тему.

— Как же здесь красиво! — вздохнула она, охватывая взглядом цветы, декоративные фонтаны и изумительную архитектуру Возрождения. — Как в сказке. И вы здесь живете?

— О да.

— И каково оно, жить здесь?

Священник поднял на нее глаза и усмехнулся.

— Ватикан — это наш дом, наш мир. Все, в чем я нуждаюсь, находится здесь, за этими стенами. Это нечто похожее на кампус колледжа.

— Вот как?

— Разумеется, за исключением ночной жизни, — добавил Донован со смехом. — Хотя, должен сознаться, у нас, конечно же, существуют свои эквиваленты студенческих взаимоотношений.

Они уже приближались к служебному входу музея. Неспешным шагом, менее чем за десять минут, Шарлотта и священник прошли метров шестьсот — почти всю страну в поперечнике.

Храмовая гора

Разак подвел англичанина к проделанной взрывом дыре и жестом предложил ему пройти внутрь.

Шагнув в пролом, Бартон быстро окинул помещение внимательным взглядом, анализируя обстановку.

Разак остался стоять у бреши, ему было не по себе от мрачной атмосферы подземелья.

Возбужденный и полный энергии Бартон, без колебаний стал излагать вслух свои соображения.

— В конце первого столетия до нашей эры царь Ирод Великий нанял ведущих архитекторов Рима и Египта для создания Храмовой горы. Грандиозное предприятие потребовало сооружения гигантской платформы, которая включала в себя твердую подстилающую породу на северной оконечности и расширялась к югу, а также мощных крепостных стен в том месте, где гора Мориа идет под уклон. — Бартон развернулся на месте, указав в противоположном направлении. — Вот почему в южной оконечности платформы вполне могли располагаться подземные помещения, как, например, то, в котором сейчас разместилась мечеть Марвани. И археологи с давних пор ведут спор о возможности существования аналогичных помещений под самой горой.

— Вы хотите сказать, что израильтяне знали о существовании потайной комнаты?

Понимая, что Разак будет выискивать любой повод для подозрений, Бартон очень осторожно подбирал слова. И хотя он знал, что израильские археологи проводили тепловое сканирование на Храмовой горе, показавшее наличие подземных аномалий, он был твердо уверен, что именно это помещение обнаружено не было.

— Вовсе нет. Убежден, если б это было так, ВАКФ уже знал бы об этом. — Англичанин не сомневался, что Разак не поверил ни единому его слову.

Бартон переключил свое внимание на каменные ковчег. Он опустился на корточки, чтобы разглядеть получше, и передвигался так от одного к другому. Его возбуждение росло с каждым новым открытием.

Тем временем беспокойный взгляд Разака блуждал по каменным стенам.

— Так что же это за место?

Бартон выпрямился.

— Как я понимаю, мы сейчас находимся в древнееврейской крипте.

Разак крепко прижал к груди скрещенные руки. Сама мысль о пребывании в склепе, в царстве смерти, в компании душ неверных, лишала присутствия духа и усугубляла его дурные предчувствия. К тому же склеп еврейский! В этот миг помещение будто сделалось меньше. Ему стало душно.

— И похоже, ваши воры унесли одного из постоянных обитателей крипты. — Бартон передвигался фут за футом и сейчас указывал на прямоугольную вмятину в земле в конце ряда.

— По-моему, эти ковчег слишком малы для того, чтобы быть гробами.

— Позвольте вам кое-что объяснить. — Археолог остановился и помедлил, собираясь с мыслями. — Древние евреи в процессе погребения — тахара — омывали тела усопших, покрывали цветами, травами, специями и маслами. Потом лодыжки, запястья и челюсти перевязывали, а на глаза клали две монетки. — Он приложил к глазам сложенные чашка-

ми ладони. — Наконец все тело оборачивали холстами и накрывали саваном.

После этой стадии, насколько было известно Бартону, приготовленное тело помещалось в длинную нишу, углубление в скале, или *loculus**. Здесь ниш не было, но вариации в дизайне гробниц не являлись редкостью, и сейчас он не хотел грузить Разака лишней информацией.

Пытаясь представить себе внутренние размеры ковчега, Разак никак не мог сообразить, как можно втиснуть тело в такой маленький объем.

— И все же я не возьму в толк...

Бартон вытянул руку.

— Прошу вас, — мягко прервал он. — Так вот, они верили, что тело должно искупить грех, пройдя через процедуру разрушения плоти. Поэтому родственники оставляли труп разлагаться в течение года, после чего вынимали кости и помещали их в священную каменную коробку — миниатюрный гроб, так называемый оссуарий**.

Разак уставился на него. Исламский похоронный обычай — погребение в течение двадцати четырех часов в скромной гробнице, обращенной к Мекке, предпочтительно без гроба, — резко контрастировал с детально продуманным древнееврейским ритуалом.

— Понятно... — Разак потер пальцами подбородок.

— Такой способ погребения характерен для этого региона, — продолжил Бартон, — однако практиковался в течение очень непродолжительного периода: примерно с двухсотого года до нашей эры до семидесятых годов нашей. Это помо-

* *Loculus* (лат.) — гроб, ящик.

** Еврейские оссуарии изготавливались преимущественно из камня и имели форму прямоугольного ящика в соответствии с размерами костей покойника: длина — по длине бедренной кости, ширина — по ширине таза, высота — по общему объему костей, включая череп. Оссуарии закрывались плотно пригнанной крышкой, двухскатной, сводчатой или плоской; некоторые имели низкие ножки. Уже на ранних оссуариях встречаются резные узоры.

гает нам довольно точно определить дату заложения оссуариев, даже не прибегая к новомодным исследованиям. Как видите, — Бартон указал на ряд, — ковчеги достаточно большие, чтобы поместить расчлененный скелет.

— Зачем они хранили кости? — Разак полагал, что знает ответ, но хотел удостовериться окончательно.

— Древние евреи свято верили в возможное воскрешение, которое принесет им грядущий истинный Мессия.

Разак кивнул. Тела мусульман тоже дожидались Дня суда в могилах — это напомнило ему, сколько общих корней имели иудаизм и ислам.

— Тот самый Мессия, — добавил Бартон, — который, согласно иудейской вере, вновь выстроит третий и последний храм здесь, наверху. — Он поднял руку, показывая в направлении эспланады Храмовой горы.

— Этого никогда не будет, — с вызовом заявил Разак.

Другого ответа Бартон от мусульманина и не ждал.

— Ну, да... В общем, вся процедура являла собой приготовления к этому дню. Без костей воскреснуть не было никакого шанса.

— Оссуарии представляют собой какую-либо ценность?

— Смотря какие. Камень должен находиться в нетронутом, первозданном виде. — Бартон внимательно осмотрел остальные девять ковчегів. — Эти, похоже, сохранились превосходно: видимых трещин нет, плюс у всех крышки на месте. Надписи тоже могут быть очень важны. Зачастую резчик наносил на поверхность сведения о личности усопшего. Иногда же резьба делалась как украшение. Если она не повреждена и затейлива, ценность резко возрастает. — На раскопках в этом регионе Бартон повидал сотни однотипных ковчегів, и многие представляли собой более впечатляющее зрелище, чем эти. — А наши оссуарии выглядят весьма заурядными.

— И сколько может стоить один такой?

— Как вам сказать... — Бартон поджал губы. — На антикварном рынке цена может достигать шести тысяч фунтов

или десяти тысяч долларов. Большая проблема в том, что не всякую древнюю находку сочтут редкостью. Чтобы продать ее по высокой цене, она должна быть в идеальном состоянии, при условии, что заинтересуются ей либо страстные коллекционеры, либо музеи. Однако в наши дни музеи предпочитают не приобретать экспонаты на антикварных рынках.

Разак уже начал привыкать к английскому акценту археолога.

— Отчего же? — спросил он.

— Востребованными являются артефакты, происхождение которых не вызывает никаких сомнений. Серьезному покупателю необходимо компетентное доказательство того, что находку подняли из определенного раскопа, подтверждающего ее подлинность. Земля и найденные артефакты вокруг археологического раскопа дают множество ключиков к разгадке возраста реликвии. Достаньте ее прямо из земли и... — Он пожал плечами.

Разак опустил на корточки. Столько информации сразу...

— Из ваших слов следует, что... поскольку ценность находится в прямой зависимости от доказательства происхождения артефакта, стоимость украденного отсюда оссуария на свободном рынке может быть совсем невысока?

— Совершенно верно, — кивнул археолог. — Стоимость также сильно зависит от репутации продавца. Если появляются какие-либо подозрения, цена оссуария существенно понижается, а это означает, что мы в состоянии исключить возможность участия в краже какого-либо музея или широко известного коллекционера. — Бартон посмотрел на сидящего на корточках мусульманина, гадая, следует ли и ему тоже присесть. Так и не решив, он остался стоять. — Ведь не исключены серьезные последствия. Должен также обратить ваше внимание на следующее: множество реликвий, найденных в Израиле в течение последних двух десятилетий, за которые музеи Европы заплатили непомерные деньги, оказались подделками.

— Получается, если кто-то выставит оссуарий на обозрение в какой-нибудь галерее, то зря потеряет время?

Бартон кивнул. Людские потери израильтян никак не соответствовали спорной рыночной стоимости реликвии.

— Так чего ради было прибегать к такой жестокости и шуму, чтобы украсть один-единственный оссуарий? — продолжал рассуждать Разак. — Почему не взяли все?

— Подмечено верно, — согласился Бартон. — Именно это нам с вами и предстоит выяснить. Мне необходимо изучить гравировки на оставшихся ковчегах, а также внимательно осмотреть усыпальницу, чтобы разобраться, кто был здесь захоронен. Подозреваю, что похитители точно знали, какой именно оссуарий им нужен, а его происхождение и подлинность их абсолютно не волновали. Но должен добавить, что участие в деле серьезных археологов исключено: они не взрывают стены мечетей.

Разак позволил себе улыбнуться.

— Сколько может весить один оссуарий?

— Килограмма двадцать два, плюс кости... Все вместе, думаю, около тридцати.

— А как его можно транспортировать?

— Да пожалуй, в стандартном контейнере. Только упаковочного материала надо побольше. Если вывозить из Израиля морем, то в порту содержимое контейнера подлежит таможенному досмотру. Мне, кстати, сообщили, что начиная с пятницы весь ожидающий отправки груз тщательно проверяется. Мышь не проскочит.

— И скорее всего, сразу же после происшествия СБИ перекрыла все автомобильные дороги, — добавил Разак. — Надеюсь, это воспрепятствует вывозу оссуария из Израиля.

— Да, но ведь полиция сообщила, что похитители использовали вертолет. — Бартон с недоумением посмотрел на Разака.

— Так утверждают свидетели, — кивнул Разак.

— Не хотелось бы констатировать очевидное, но разве они не пересекли границу на этом вертолете?

На лице Разака проявилось раздражение. Подобное сообщение только что пришло ему в голову, но он даже думать не хотел о перспективах.

— Все может быть... — Мысль о том, что реликвия находится вне пределов досягаемости, просто пугала. Все это было так не похоже на его привычные обязанности, и Разак про себя клял ВАКФ за то, что его втянули в это дело. — А еще свидетели утверждают, что видели вертолет над Газой вскоре после похищения.

— Вот это уже совсем плохо.

— Не совсем, — мрачно возразил Разак. — Во всяком случае, до тех пор, пока этот вертолет не отыщется.

— И все же существует слабая вероятность того, что оссуарий по-прежнему в Израиле, — предположил Бартон.

— Очень слабая. — Поднявшись на ноги, Разак отряхнул пыль с брюк.

Чувствуя, что мусульманский чиновник подавлен, Бартон решил, что будет разумным изменить подход.

— Я, конечно, не эксперт в области криминалистики, — заговорил англичанин. — Но что-то мне подсказывает, что в оссуарии содержалось нечто более значительное, чем просто кости. Держу пари, воры знали наверняка, что именно. — Он примирительно положил руку на плечо Разак. — Мы обязательно докопаемся до истины. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы расшифровать надписи. — Почувствовав, что мусульманину жест неприятен, он убрал руку.

— Мистер Бартон, сколько времени вам понадобится?

— Не больше часа.

— Давайте начнем с самого утра, — предложил Разак. — Я и еще один из моих людей из ВАКФ, Акбар, встретим вас на верху лестницы. Он проводит вас вниз, и можете сразу приступить.

— То есть мне работать под его контролем?

Разак проигнорировал его слова.

— Понимаю, понимаю. — Бартон развел руками. — Я знаю, это место священно. И я не мусульманин.

«Спокойствие и никакой конфронтации», — напомнил себе Разак и спросил:

— Девять утра вас устроит?

— Конечно.

— Если я вдруг вам понадобится... — Разак протянул англичанину визитку.

Бартон бросил взгляд на карточку. Только имя и номер мобильного телефона.

— Благодарю. Да, чтобы не было недоразумений, Разак... Политикой я не интересуюсь. Прошу вас, помните: я здесь, чтобы помочь вам. Тринадцать человек погибли в пятницу, и я уверен: то, что мы обнаружим здесь, поможет понять причину их гибели.

Разак дружелюбно кивнул, и оба стали выбираться из подземной усыпальницы.

Ватикан

На шумном грузовом лифте отец Донован и Шарлотта опустились в подвал, расположенный на один этаж ниже Ватиканского музея.

Когда двери разъехались, священник повел ее по широкому, залитому флуоресцентным светом коридору, и Шарлотте представилось, что они сейчас попадут в больницу. Звуки их шагов отдавались эхом от виниловых плиток пола и голых белых стен, по обе стороны бесконечной чередой тянулись двери.

«Наверное, кладовые», — подумала она.

— Нам туда, — сказал отец Донован, указывая на широкую металлическую дверь в самом конце коридора.

Священник провел магнитной картой по считывающему устройству на дверном косяке, щелкнул замок. Он открыл дверь и жестом пригласил Шарлотту войти.

— Это вам. — Донован протянул карточку. — Она также открывает дверь служебного входа в нерабочее время. Прошу вас, не потеряйте.

Шарлотта кивнула, убирая карточку в карман.

За порогом располагалась обширная лаборатория. Вдоль стен блестели стеклянными панелями стеллажи, приютившие самый разнообразный набор химических сосудов, бутылей и пробирок. Ниже располагались шкафы, в которых кра-

совались всевозможные устройства, предназначенные для научных исследований, последнее слово современной электроники. Яркие галогеновые лампы освещали каждую поверхность, сверкающие металлом мощные рабочие установки, словно острова, высились тут и там посреди огромного помещения. Негромко и ровно гудели системы кондиционирования и очистки воздуха, удаляя пыль и вредоносные микроскопические примеси и одновременно поддерживая необходимые температуру и влажность.

Если Ватикан и не интересовался научными достижениями, то здесь, под землей, этого не ощущалось. Лаборатория была самым хорошо оборудованным рабочим местом, какое доводилось видеть Шарлотте.

— Новейшее «дополнение» к нашему музею, — с улыбкой пояснил Донован. — Никто из постоянно проживающих здесь его пока не видел.

— Да, впечатление производит.

— Наше собрание произведений искусства требует постоянного наблюдения и ухода, — продолжил падре, будто оправдываясь. — Множество мраморных скульптур, картин, гобелены... — Руки священника вновь пришли в движение, будто он читал проповедь. — Именно здесь мы будем приводить в порядок и ухаживать за самыми ценными экспонатами, чтобы будущие поколения смогли любоваться ими.

В дальней стене лаборатории открылась дверь, и на пороге появился мужчина средних лет. Увидев его, священник улыбнулся:

— Ah, Giovanni, come sta?

— Fantastico, padre. E lei?

— Bene, grazie*.

На Шарлотту произвело впечатление, с какой легкостью ирландский священник перешел с одного языка на другой. Мужчина, одетый в ослепительно белый лабораторный ха-

* О, Джованни, как поживаете? — Чудесно, падре. А вы? — Хорошо, спасибо (ит.).

лат, направился к Доновану, чтобы пожать ему руку. Карие глаза и седые волосы, приятное лицо с морщинками там, где их прочертила не сходящая с лица широкая улыбка.

— Доктор Джованни Берсеи, позвольте представить вам доктора Шарлотту Хеннеси, знаменитого генетика из Финикса, штат Аризона. — Донован опустил руку на плечо Шарлотты.

— Рад познакомиться с вами, доктор Хеннеси, — сердечно ответил Берсеи по-английски, с сильным акцентом.

Он протянул ей руку. Как и многие, видевшие Шарлотту Хеннеси впервые, он тоже был пленен ее изумительными зелеными глазами.

— Взаимно. — Она пожала его мягкую ладонь и тепло улыбнулась.

Жалея, что не может сказать что-то приятное по-итальянски, Шарлотта осознала, насколько она далека от совершенства, как и большинство ее знакомых-американцев, когда дело касалось лингвистических навыков, хотя в Финиксе она прошла элементарный курс по испанскому языку.

— Доктор Берсеи очень много помогал нам в прошлом, — сообщил ей отец Донован. — Он антрополог, его специализация — культура Древнего Рима.

— Как интересно!

Шарлотта тут же попыталась мысленно сопоставить, как их абсолютно разные области науки могут дополнять друг друга. Тревога по поводу реликвии, которую обещал ей показать Донован, усилилась.

Донован вытянул перед собой руки, будто обнимая невидимую чашу.

— К сожалению, мне сейчас необходимо отлучиться на часок, получить то, что дожидается нас на вокзале Термини. Хотелось бы, чтобы к моему приходу вы успели познакомиться поближе.

— Конечно, — сказала Шарлотта, глядя на Берсеи, которому, похоже, пришлось по душе предложение священника.

Уже в дверях отец Донован добавил:

— Я не прощаюсь. Очень скоро мы с вами встретимся.

Он вышел. Шарлотта повернулась к Берсеи и озадаченно спросила:

— Вы что-нибудь поняли?

— Увы. — Антрополог пожал плечами. — Должен признаться, я немного заинтригован. В прошлом я весьма плодотворно потрудился на благо Ватикана, но секретных соглашений не подписывал ни разу. Вы, полагаю, тоже?

— Да. И мне все это показалось странным.

Три страницы юридических оговорок, проштампованные папской печатью и заверенные нотариусом Ватикана. Было очевидно, что степень секретности проекта куда серьезнее, чем формальное требование о неразглашении договора. Шарлотта поборола искушение поинтересоваться гонораром, решив, что это покажется неуместным. Олдрич не сказал, сколько именно денег было перечислено на корпоративный счет БМТ, но она догадывалась, что сумма очень и очень значительная.

— Но вот с кем мне не доводилось работать в паре, так это с генетиком, — озадаченно продолжил Берсеи. — Нет-нет, только не подумайте, что я жалуюсь, — быстро добавил он.

— Вы живете в Риме?

— В двух километрах отсюда. На работу езжу на своей «веспе»*. — Он многозначительно поиграл бровями.

— Надеюсь, вы осторожны. — Шарлотта рассмеялась. — Мне показалось, что здесь все так носятся...

— Самые безбашенные водители в Европе.

— Расскажите, пожалуйста, какого характера работой вы занимались здесь прежде?

— О, несколько разного типа проектов, — ответил антрополог. — Полагаю, что могу гордиться своими работами по древним катакомбам Рима. Комиссия Ватикана осуществляет надзор за катакомбами, так что я частенько взаимодей-

* «Веспа» — модель мотороллера.

ствую с ней. Но в сам Ватикан меня вызывают редко. Страшно, правда?

— Да уж, — согласилась она. — А охраны здесь сколько!

— Значит, вы генетик? Звучит интригующе. И в духе времени.

— Я в основном занимаюсь исследованием генома человека: анализируя структуру клеток и ДНК, определяю генетические пороки, дефекты, которые могут стать причиной заболеваний.

Берсеи погладил подбородок:

— Как все-таки удивительно совершенен человеческий организм!

— Я всегда восторгалась им. С самого детства.

— Что ж, доктор Хеннеси, я не совсем понимаю, почему судьба свела нас вместе, но с нетерпением жду, когда мы с вами приступим к работе.

— Спасибо. Пожалуйста, зовите меня Шарлоттой.

— Пойдем. — Он жестом пригласил ее пройти с ним в заднюю комнату, из которой появился. — Подберем вам халат. Наверняка отец Донован захочет начать сразу, как только вернется.

Иерусалим

Расставшись с археологом, Разак нашел Фаруха в той же комнате, где накануне днем проходило совещание ВАКФ. Хранитель только что закончил телефонный разговор и положил трубку.

— Ну и как вам Бартон? — Фарух устало опустил на стул.

— Похоже, он знает, о чем говорит.

— Тополь звонил. — Фарух кивнул на телефон. — Извинялся, что не сообщил нам заранее. Обещал отозвать Бартона, если мы будем им недовольны. Я сказал ему, что переговорю с вами.

Разак понял, что Фарух намеревается переложить на него ответственность за действия Бартона.

— Думаю, мы можем ему доверять. Он уже поделился со мной ценной информацией.

— Так что, передать Тополю, что мы с англичанином срабатываемся?

— И тем самым продемонстрируем наши честные намерения, — дополнил Разак. — В конце концов, это в интересах обеих сторон. Сотрудничество с израильтянами уменьшит подозрения и отсрочит возможные вооруженные выступления.

— Только не забывайте: за ним нужен глаз да глаз, — повторил Фарух. — Он знает, что украдено?

— Знает. Оссуарий.

— Ковчег с мощами? Столько шума из-за такой немудреной вещи?

— Тот-то и оно. — Разак покачал головой. — Бартону потребуется время, чтобы определить, что именно было в том оссуарии. Завтра утром он приступит к более детальному исследованию склепа.

— Понятно.

— Есть что-нибудь новое о вертолете?

Фарух помотал головой.

— До тех пор пока не прояснится суть произошедшего, — сказал Разак, — нам надо запросить копии деклараций всех экспортных грузов в портах, начиная с Тель-Авива, за последние три дня. Также проверить аэропорты. По словам Бартона, груз должен быть весом около тридцати пяти килограммов. Габариты тары примерно метр длиной и две трети метра в ширину и высоту. Это сузит круг поисков.

— Я попрошу копии грузовых документов для воздушного, железнодорожного и водного транспорта, — пообещал Фарух без особого энтузиазма.

Надев очки, он сделал пару беглых записей в блокноте.

— А контрольным пунктам на дорогах — им всем можно доверять?

— Бросьте, Разак. — Фарух скривился. — Да когда ж они заслуживали доверия? Тем не менее весь автотранспорт тщательно досматривается. Только я очень сомневаюсь, что они будут так рисковать, вывозя груз из Израиля на машине.

— Думаете, его вывезли из страны на вертолете? — Тот факт, что Бартон сам озвучил эту идею, заставил Разака отнестись к ней более серьезно.

— В Израиле его следов пока не обнаружено, так что, похоже, вертолет уже не найдут. Кстати, — чуть помедлив, продолжил Фарух, — полиция занимается сигналом, поступившим от домовладелицы из Еврейского квартала. Некто снял у нее комнату, где проживал в компании с несколькими мужчинами, которые, как ей показалось, были членами туристи-

ческой группы. Так вот, в пятницу вечером, незадолго до захода солнца, все они исчезли. Ее прислуга дала согласие завтра с утра прийти в полицию и составить фоторобот.

— Думаете, это зацепка?

— Может быть. Вот только странно, что женщине этой понадобилось целых три дня, чтобы объявиться. — Фарух заглянул в свой блокнот. — Комната была снята на имя Даниела Марроне. На это же имя был взят в аренду фургон, который нашли брошенным на дороге Ха-Офель. Неудивительно, если окажется, что имя вымышленное. Израильтяне также провели баллистическую экспертизу, — продолжил он. — Похитители были вооружены штурмовыми винтовками «ХМ8» — оружием далеко не простым, выпускаемым фирмой «Хеклер и Кох» по заказу вооруженных сил США.

— Занятно...

Израильские криминалистические лаборатории никогда не переставали удивлять Разака. Постоянно совершенствуя национальную безопасность, израильтяне вбухали мощные инвестиции в современные технологии по борьбе с терроризмом, включая создание постоянно обновляемой базы данных с подробными характеристиками каждой изготавливаемой в мире единицы оружия.

— Вот только большого прока в этой информации я не вижу. — Разак нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

— Бартон говорит, что оссуарий может стоить всего несколько тысяч долларов.

— Хм... — Фарух обдумал услышанное. — Ну что ж, пока наша реликвия вне досягаемости, давайте подождем и посмотрим, что нам расскажет археолог.

Рим

На широкой бетонной дорожке грузового терминала вокзала Термини молодой грузчик возился с громоздким деревянным ящиком, пытаясь перекантовать его на ручную тележку.

— Тапанай! — резко окликнули его по-итальянски. — Нука, поаккуратней!

Жмурясь от яркого солнца, грузчик поднял глаза, чтобы посмотреть, кто обозвал его болваном. На фоне новенького терминала из стекла и бетона стоял высокий, крепко сбитый мужчина с надменной физиономией, одетый в хлопчатобумажные брюки и белую рубашку. Мускулистый незнакомец был не из тех, с кем следовало вступать в словесную перепалку.

— Хорошо, синьор...

С трудом вывернув с оживленной Виа Джованни Джолитти, припарковался у поребрика белый микроавтобус «фиат». Отец Патрик Донован выскочил из машины и поспешно направился навстречу Конти.

— Все в порядке?

— Будет в порядке, если грузчики научатся работать.

Юноша-грузчик закатил глаза, повернув лицо так, чтобы нервный итальянец его не увидел.

Конти неодобрительно разглядывал священника.

— Вас что, заставляют носить такой наряд? Специально, чтоб привлекать внимание, черт побери? — Он взглянул на номера машины. Они принадлежали не Ватикану. Хотя бы в этом Донован не напортачил.

Священник пожал плечами и тяжело вздохнул.

На мгновение Конти задержал взгляд на лысом черепе Донована, сверкающем под солнцем.

— Вам следовало бы намазать эту штуку каким-нибудь лосьоном, вдруг я ослепну ненароком.

Грузчик рассмеялся. Священник не разделил его радости.

— Сделайте хоть что-нибудь полезное, откройте двери, — велел Конти Доновану.

Тот молча прошел к задней части микроавтобуса.

«Ну и наглец», — подумал он.

Хотя ничего иного от нанятого Ватиканом боевика он и не ожидал. Падре претила сама мысль работать с Конти — вором и убийцей. Он чувствовал себя оскверненным, но помнил, как важно было завершить это дело. Столько поставлено на карту! И если ради дела необходимо общаться с такими вот людьми, что ж...

— Ну-ка, отвали, — грозно буркнул Конти.

Оттолкнув грузчика, он подошел к тележке сзади и поднял с нее груз, на мощной руке рельефно взбугрились перевитые жилами мускулы.

В душе Конти все еще не улеглось раздражение, накопившееся на обратном пути. Если захват и вывоз секретного груза из Иерусалима оказались довольно нервной процедурой, то двухдневное путешествие по штормящему Средиземному морю было не лучшим ее продолжением. Точками наивысшего накала стали морская болезнь и конфликт с Дугом Уилкинсоном. После солидной пьянки этот сопливый придурок вытащил Конти на кормовую палубу, чтобы поговорить «по душам» о пуле, попавшей в его правую руку.

— Господи боже, ведь была же здоровая рука! — негодовал Уилкинсон. — Теперь, черт возьми, гангрену подхвачу.

И ты заплатишь мне втройне, понял? И это будет только справедливо, — ревел Дуг, язык его заплетался.

Это было справедливо до того момента, как Конти оглушил его и выкинул за борт. Акулам на радость.

Так что после всего этого идиотизма совсем не хотелось, чтобы какой-то прыщавый грузчик грохнул ящик на землю.

Конти скатил тележку с тротуара и, подрулив к задним дверям микроавтобуса, махнул рукой Доновану, чтобы тот помог поднять груз в машину. Аккуратно разместив в салоне ящик, Конти захлопнул двери и вернул тележку грузчику. Чаевых не дал.

Тем временем Донован забрался на водительское сиденье и завел двигатель, однако у Конти на этот счет были свои планы. Вздохнув, он подошел к окну со стороны водителя и махнул Доновану, веля вылезти из машины.

В недоумении священник выбрался из-за руля.

— Когда здесь я, ваше место — там, — резко сказал итальянец, указав на пассажирское сиденье. — Живо.

Пробираясь сквозь паутину римских улочек на юг, в сторону набережной Марцио, микроавтобус двигался вдоль берега сверкающего под солнцем Тибра. Донован смотрел в окно, пытаясь успокоиться, но мысли его с мучительным постоянством кружили вокруг деревянного ящика в задней части салона — он надеялся и молил Бога о том, чтобы его содержимое оказалось подлинным. Только ученые, к услугам которых решил обратиться Ватикан, в состоянии внести определенность.

Последние три дня священник пристально следил за новостями из Иерусалима. Каждый раз, когда падре слышал о жертвах, ему становилось худо и он покаянно просил у Господа прощения за то, что позволил этому случиться. Ведь Донован пытался предложить более дипломатичные способы добыть реликвию, однако от него просто отмахнулись. От политических манипуляций, на которые он насмотрелся за

свое двенадцатилетнее пребывание в Ватикане, пришел бы в ужас сам Макиавелли.

За пятнадцать минут, прошедших с тех пор, как они отъезжали от Термини, Конти едва проронил пару слов.

«Конечно же, первое впечатление частенько бывает обманчивым», — размышлял Донован, окидывая быстрым взглядом погруженного в себя наемника.

Священник отвернулся к окну. Его взгляд привлек ослепительно белый купол собора Святого Петра, вздымающийся на западном берегу Тибра, словно снежная вершина, — сердце Ватикана, маяк, видимый отовсюду в Риме. В 1929 году фашистский диктатор Бенито Муссолини дал полные права и эксклюзивный суверенитет руководящему органу Ватикана — Святейшему престолу. Так это место стало самой маленькой в мире независимой страной, государством в государстве. Отсюда верховный католический правитель Римский Папа и его доверенные советники, Коллегия кардиналов, управляют душами более миллиарда верующих по всему свету и строят дипломатические отношения Ватикана почти с двумястами странами мира.

Конти пересек мост Сант-Анджело и направил машину вокруг мощных бастионов расположенного на берегу замка Сант-Анджело.

Выехав на Борго Пио, «фиат» приблизился к воротам Святой Анны — одному из двух охраняемых автомобильных проездов в стене пятнадцатиметровой высоты, образующей трехкилометровую ограду вокруг 109 акров комплекса Ватикана. Микроавтобус остановился в хвосте небольшой вереницы автомобилей, ожидающих разрешения на проезд от швейцарских гвардейцев.

— Придурки, вырядили их, как клоунов, — хмыкнул Конти.

Обычной одеждой швейцарских гвардейцев Ватикана были голубые мундиры и черные береты, но именно благодаря своей официальной униформе их прозвали самой красочной

армией в мире: мундир шестнадцатого века в пурпурно-желто-синюю полоску и панталоны в тон ему, красные нарукавные манжеты и белые перчатки.

Что-либо объяснять Конти о значении традиций не имело смысла, и Донован промолчал, наблюдая, как чуть поодаль гвардейцы входили и выходили из своих казарм, расположенных в помещении у ворот. Опасаться было нечего, но, как только охрана махнула, чтоб они подъезжали, сердце его ни с того ни с сего зачастило.

Конти плавно взял с места, собираясь пересечь границу Ватикана. Гвардеец знаком велел ему остановиться, проверил номера машины, затем, обойдя ее, подошел к окну Конти.

— С какой целью следуете? — строго спросил он на итальянском.

Конти ухмыльнулся.

— Если вам так интересно, — жеманно ответил он, — спросите лучше у него. — Конти откинулся на спинку сиденья и указал на священника.

Гвардеец быстро взглянул на отца Донована.

— Все в порядке, он со мной, — кивнул Донован.

— Хорошо, падре, — ответил молодой гвардеец, вновь с подозрением взглянув на Конти. — Доброго вам дня. — Отступив на шаг, он махнул им, разрешая проезд.

— Вот клоуны, — вздохнул Конти. — А этот пацан еще даже не бреется. Они еще более жалкие, чем израильтяне.

Донован поежился. Ему было не по себе от грубости этого человека, и он глубоко сожалел, что кардинал Карло Сантелли — Segretaria di Stato, или Государственный секретарь Ватикана, — доверил этому безжалостному наемнику столь важное задание. Ходили слухи, что кардинал Сантелли являлся вдохновителем многочисленных ватиканских скандалов. Но похоже, никто в папской курии, включая и Сантелли, ничего не знал о Сальваторе Конти, если только это его настоящее имя. Кое-кто полагал, что это вышедший на пенсию оперативник итальянских спецслужб.

Со слов Сантелли, достоверной информацией о Сальваторе Конти были лишь его надежность и имеющий прямое отношение к его миссии двадцатичетырехзначный номер счета в банке на Каймановых островах.

«Один Господь ведает, сколько счетов у такого человека, как Конти», — подумал Донован.

Судя по тем суммам, которые были выделены на услуги ученых, Сантелли явно не скупился на расходы — будь то деньги или человеческие жизни — ради успеха этого проекта.

«Фиат» покатил по мощеной мостовой улочки, идущей позади папского дворца, через небольшой комплекс из приземистых зданий почты, водоприемника и телетрансляционной широкоэвещательной станции. Следуя указаниям Donovan, Конти направил машину в короткий туннель, выходящий на узкую дорожку, что вилась вокруг величественного комплекса Ватиканского музея.

Наемник остановил микроавтобус у служебного входа и немедленно погрузил секретный груз на компактную тележку. Священник проследовал за ним в лифт и далее — на один этаж вниз.

Войдя в лабораторию, Конти припарковал тележку у стены. Отец Донован появился на пороге в тот момент, когда подошли двое ученых.

— Большое спасибо, что дождались, — сказал отец Донован по-английски. — Доктор Джованни Берсеи, доктор Шарлотта Хеннеси. — Он указал рукой на наемника. — А это Сальваторе Конти. — Слишком многое скрывалось за именем этого убийцы, так что Донован решил ограничиться кратким представлением.

Держась на почтительном расстоянии, Конти выпрямился, уперев руки в бока. Глаза его мгновенно прицепились к Шарлотте, блуждая вверх и вниз по ее телу и пытаясь оценить то, что скрыто под лабораторным халатом. Затем он ухмыльнулся:

— Будь моя докторша такой, как вы, я бы раз в неделю ходил на прием.

Шарлотта натянуто улыбнулась и переключила внимание на громоздкий деревянный ящик.

— Это оно и есть? — спросила она Донована.

Явно сбитый с толку грубостью Конти, священник кивнул:

— Да. Думаю, нам следует прямо сейчас открыть ящик. — Он выжидательно посмотрел на Конти.

— Ты, божий человек, вроде не калека, — проворчал тот. — Так что давай помогай. — Он наклонился и подхватил с тележки монтировку.

Деревянный ящик для транспортировки представлял собой прочный четырехфутовый куб с наклейкой «Евростар Италия» на крышке. Конти орудовал с одной стороны крышки, поддевая ее рывками монтировки вверх-вниз, а Донован придерживал, чтобы она не отлетела и не повредила новенькое лабораторное оборудование.

«Как дрожат руки у отца Донована, — подумала Шарлотта, — он словно опасается, что контейнер может оказаться пустым. Да еще, похоже, этот тип, Конти, расстроил его...»

Менее чем через тридцать секунд Конти сорвал крышку. Отец Донован осторожно положил ее на пол.

Коротко глянув на багажную этикетку, Джованни Берсеи сразу же обратил внимание на название порта отправки, напечатанного крупным жирным шрифтом: «ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ БАРИ». Бари — город на восточном побережье, привлекающий туристов тем, что, во-первых, там якобы хранятся мощи святого Николая, а во-вторых, в его морском порту базируются большие океанские яхты состоятельных итальянцев.

Внутренность ящика была покрыта толстыми слоями пузырчатой упаковки.

— Надо снять эти две боковые панели, — велел Конти, показав на одну рядом с собой, а затем на другую, ту, что была ближе к Берсеи.

Берсеи шагнул вперед и потянул панель вверх — она легко скользнула по направляющим и открыла то, что находилось внутри. Шарлотта подошла поближе.

— Не стесняйтесь, срывайте все, — скомандовал Конти обоим ученым, имея в виду толстые слои упаковки.

Как только Шарлотта убрала последний слой полиэтилена, пальцы ее коснулись твердой ровной поверхности голубоватого пластика, холодного и гладкого.

Потирая руки, Донован обвел всех взглядом.

— Ну что ж, давайте отнесем его к рабочей установке, — предложил он Берсеи. — Доктор Хеннеси, не могли бы вы подстелить вот этот резиновый коврик? — Он показал на лист толстой резины, прикрывавший ближайший столик.

— Конечно. — Шарлотта заметила, что Донован явно успокоился.

Она накрыла стол ближайшей рабочей установки листом резины, в то время как Конти подкатил к нему тележку.

Повинуясь знаку Конти, Берсеи опустился на корточки и взялся за углы предмета. Он казался твердым, словно камень.

— Сколько в нем веса?

Глаза Конти встретились с его глазами.

— Тридцать три килограмма. Поднимаем по счету «три». — Наемник дал отсчет, и они подняли груз на руках.

На полпути пальцы Берсеи вдруг скользнули по пластиковой оболочке, и ноша резко накренилась. Шарлотта метнулась на помощь, но Конти успел просунуть руку и удержать груз.

— Так не пойдет, док, — сверкнув глазами на Берсеи, сказал по-итальянски Конти. — Давайте-ка вместе.

Он кивком скомандовал итальянцу продолжать, и они переложили груз на резиновый коврик.

— Если у вас все, — проворчал Конти, — то я пошел. Мне необходимо выпить.

— Да, мистер Конти, дело сделано, — ответил Донован, изо всех сил пытаясь сохранить любезный тон. — Благодарю вас.

Прежде чем уйти, Конти повернулся лицом к священнику, оказавшись спиной к ученым. Он приложил палец к своему левому глазу, затем навел его на отца Донована. Его послание было недвусмысленным: «Помни, я буду следить за тобой». И ушел.

Обернувшись к ученым, Донован почувствовал, как на лице проступили капельки пота.

— Это было самым тяжелым этапом. А теперь давайте снимем пластик.

— Секундочку, — сказал Берсеи. — По-моему, прежде чем разворачивать, надо все это убрать. — Он указал на пустой ящик, оставшийся на тележке, щепки и обрывки упаковки.

— Да... Конечно, — неохотно согласился Донован.

Он столько ждал этого момента...

Через десять минут лаборатория вновь приобрела опрятный вид: тележку с аккуратно сложенной упаковкой выкатили в коридор, пол подмели, пропылесосили и протерли мокрой тряпкой.

Берсеи скрылся в задней комнате. Через несколько секунд он появился со свежим отпаренным халатом в руках и протянул его Доновану:

— Наденьте это.

Халат на Доноване сидел отвратительно.

— А еще вот это. — Шарлотта протянула падре упаковку латексных перчаток. — Терпеть их не могу, но загрязнять образец нельзя.

Оба ученых достали и натянули перчатки, а затем надели стерильные маски и шапочки.

Шарлотта вынула из ящика стола прецизионный нож и передала Доновану.

— На правах хозяина...

Глубоко вздохнув, хранитель ватиканской библиотеки кивнул, взял нож и начал разрезать пластиковую упаковку. Когда он наконец это проделал и раздвинул пластик, его глаза буквально загорелись от изумления.

Отец Патрик Donovan пожирает глазами то, что находится перед ним. Всего несколько недель назад он обнаружил удивительный манускрипт, на древних пергаментных страницах которого была запечатлена хроника происхождения этой изумительной реликвии с подробными рисунками и картами тайного места ее упокоения. Он пытался представить себе, как мог выглядеть этот оссуарий, но увиденное оказалось для него полной неожиданностью. Поразительно!

Джованни Берсеи кружил вокруг ковчега, не сводя с него глаз.

— Перед нами погребальный контейнер-оссуарий. — Голос его приглушала маска.

По рукам Шарлотты побежали мурашки.

— Надеюсь, внутри не Санта-Клаус, — едва слышно пробормотал Берсеи.

— Что? — Шарлотта озадаченно взглянула на него.

— Ничего, ничего.

Купаясь в лучах двух галогеновых ламп, украшенные орнаментом поверхности оссуария будто бы оживали. На фронтальной и задней гранях были изящные розетки и штриховые узоры — но не выбитые на поверхности, а сделанные с помощью вкраплений кусочков мягкого камня. Короткие бо-

ковины остались плоскими, одна без украшений, на другой виднелось незатейливое рельефное изображение дельфина, обвившегося вокруг трезубца.

Этот образ моментально приковал внимание Шарлотты.

— Отец Донован, что означает этот символ? — тихо спросила она.

Все еще пытаюсь успокоиться, Донован пригляделся к изображению, затем покачал головой:

— Я точно не знаю...

Слова его нельзя было назвать абсолютной ложью. Но — и это крайне важно — символ полностью совпадал с подробным описанием оссуария, найденным им в манускрипте.

Доктор Берсеи наклонил голову ниже.

— Какой красивый.

— О да! — согласился Донован.

Искусная инкрустация оссуария завораживала, она далеко превосходила красотой все реликвии Святой земли, которые приходилось исследовать ученому. Работая с мягким известняком с помощью стилуса, резчик изваял шедевр. Не видно было ни трещин, ни изъянов. Декоративная работа с легкостью соперничала с творениями искусных римских скульпторов — лишь одно это делало стоявшую перед ними реликвию уникальной.

Берсеи провел пальцем в перчатке по тонкой щели вдоль края крышки.

— Запечатано. — Он осторожно нажал на заливку. — Скорее всего, воск.

— Да, вижу, — подтвердил Донован.

— Это добрый знак. Велики шансы, что содержимое осталось нетронутым, — добавил Берсеи.

— Давайте откроем его, — предложил Донован. — И тогда детально обсудим анализы, которые вам предстоит провести.

Хеннеси и Берсеи переглянулись. Оба поняли: вот то, что объединит их, на первый взгляд такие разные науки. Вскры-

тие запечатанного погребального ковчега означало только одно.

Труп.

Шарлотта и Берсеи орудовали прецизионными ножами, внимательно глядя на ковчег через защитные очки «Ораскоптик», оборудованные откидными миниатюрными биноклями. Они пытались вскрыть восковую пломбу, которая, несмотря на свою древность, крепко держала крышку оссуария.

— А разве нельзя просто расплавить воск? — поинтересовался Донован.

Берсеи покачал головой:

— Нельзя нагревать камень. Он может треснуть или изменить цвет. Да и воск потечет, испортит содержимое.

Шли минуты, и единственным нарушавшим тишину звуком, кроме глухого гула вентиляции, был звук двух лезвий, осторожно царапающих восковую пломбу оссуария.

Священник наблюдал за учеными, отойдя чуть в сторону. Мысли его беспорядочно металась между удивительными тайнами, которые, как пророчил манускрипт, хранил этот оссуарий, и перестрелкой в Иерусалиме, унесшей столько жизней. Возможно, ему станет чуточку легче лишь тогда, когда он своими глазами увидит содержимое.

Сделав последние надрезы, Берсеи глубоко вздохнул.

— Почти готово. — Итальянец практически лежал поперек стола, доскребая шов задней стенки ковчега.

Шарлотта закончила переднюю стенку и стянула перчатки. Несколько секунд спустя Джованни Берсеи положил нож и сделал то же самое.

— Готовы? — спросил Берсеи Шарлотту и священника. Донован кивнул и подошел к столу.

Двое ученых заняли позицию с разных сторон оссуария. Засунув пальцы под края крышки, они стали равномерно тянуть ее вверх, одновременно слегка расшатывая осторожны-

ми движениями, чтобы расцепить хватку остатков воска. Когда древняя пломба поддалась, раздался легкий хлопок, а за ним шипение вылетающего на свободу газа. Даже сквозь маски они почувствовали едкий запах.

— По-видимому, миазмы, — предположил Берсеи. — Побочный продукт разложения кости.

Все трое обменялись взглядами.

Донован с трудом сглотнул и взволнованным жестом предложил им продолжить.

Джованни и Шарлотта сняли крышку и опустили ее на резиновый коврик.

Подтянув поближе конструкцию, напоминающую большую настольную лампу, Шарлотта повернула ее так, чтобы свет падал прямо в темный провал полости открытого оссуария.

Улыбка отца Патрика Донована была видна даже под хирургической маской, широкая, от уха до уха. Глазам его предстала покоящаяся в ковчеге аккуратно сложенная горстка человеческих останков.

Шарлотта первой протянула руку и провела кончиками пальцев вдоль бедренной кости.

— Форма у них просто удивительная.

Про себя она подумала, что хотела бы, чтоб ее кости выглядели так же хорошо, когда придет ее время. То, что ее вызвали с другого конца света для *этого*, показался сейчас жестокой шуткой. Но в конце концов, единственным ее спасением от страшных прогнозов была работа. И хватит об этом!

Заинтригованный Берсеи резко обернулся к Доновану:

— Чьи это останки?

— Полной уверенности у нас нет... — Хранитель библиотеки старался не смотреть доктору в глаза. — Именно это и явилось причиной вашего приезда: надо помочь установить подлинность и идентичность скелета. Как я говорил недавно, Ватикан не обладает профессиональными ресурсами для анализа такого уникального артефакта. Вот почему вас обоих пригласили. — Руками в перчатках он деликатно коснул-

ся края оссуария и вновь загляделся на останки. — У нас есть причина верить, что эта удивительная реликвия может помочь нам более глубоко понять исторический контекст Библии.

— Каким именно образом? — спросила Шарлотта. Она предпочитала, чтобы с ней говорили прямо.

Взгляд Донована буквально прилип к костям.

— Этого мы не узнаем до тех пор, пока не установим возраст образца, не определим причину смерти методами судебной экспертизы и не попробуем воссоздать внешний вид.

Берсеи замер в нерешительности, чувствуя, что те же чувства обуревают и Шарлотту. Священник что-то недоговаривал.

— Большая часть успеха в изучении памятников древности кроется в знании особенностей их происхождения. Вам известно что-то конкретное об этом оссуарии? Откуда он взялся? Из археологического раскопа?

Донован покачал головой и, наконец подняв на них глаза, выпрямился.

— Нам предоставили кое-какие данные. Вы же понимаете, с такой находкой необходимо обращаться крайне осторожно, поскольку стоимость ее высока.

На лице Шарлотты застыло недоумение. Они заманили сюда двух видных ученых для подтверждения подлинности останков, заставив их подписать документ о неразглашении. Очевидно, Ватикан твердо убежден, что оссуарий и его содержимое подлинны. Иначе ради чего они взвалили на себя такие сложности и расходы?

— Мы проведем всестороннее исследование, — заверил священника Берсеи. — Комплексный лабораторный анализ. Физическую реконструкцию. Все, что полагается. — Он перевел взгляд на Шарлотту.

— А я сделаю радиоуглеродный анализ и составлю обобщенный генетический профиль, — добавила она. — Фантастический экземпляр. Насколько я могу судить по первому впечатлению, вы сделали прекрасное приобретение. Уверена, что результаты будут потрясающие.

— Замечательно! — явно довольный, воскликнул Донован. — Пожалуйста, дайте мне знать, когда будете готовы доложить о полученных результатах. Если это возможно, я хотел бы в течение ближайших нескольких дней представить предварительный доклад.

Ученые переглянулись.

— Договорились, — сказал Берсеи.

Донован снял перчатки, маску и халат.

— Прошу вас держать меня в курсе дела. Связаться со мной можно по интеркому, — он указал на маленькую панель управления у входа, — или позвонить по местному телефону два-один-один-четыре. — Донован взглянул на свои часы, они показывали двенадцать минут седьмого. — О, уже поздно. Давайте считать этот день полноценным рабочим днем, а завтра с утра вы приступите к работе с новыми силами. Скажем, часов в восемь?

Шарлотта и Берсеи кивнули.

— Доктор Хеннеси, вам не довелось осмотреть собор, когда вы приехали? — поинтересовался священник.

— Нет.

— Будучи в Ватикане, в первую очередь надо взглянуть на его сердце и душу. Это ни с чем не сравнимо. Многие говорят — это словно заглянуть на минутку в рай.

— Он прав, — поддакнул Берсеи.

— Хотите посмотреть прямо сейчас?

Глаза Шарлотты загорелись:

— Если у вас найдется для меня время, я с удовольствием.

— Скоро уже закрытие, так что посетителей не должно быть много. Джованни, не составите нам компанию?

— Простите, но я должен вернуться домой, к жене, — застенчиво отказался итальянец. — Она обещала приготовить на обед оссобуко*. — Берсеи наклонился к Шарлотте и прошептал достаточно громко, чтобы Донован услышал: — Вы в хороших руках. Лучшего гида вам не сыскать. Никто не знает Ватикан так, как он.

* Телячьи ножки по-милански.

14

Над западной частью Рима заходило солнце. Нежный ветерок шевелил листву кипарисов. Легко шагая рядом с отцом Донованом, Шарлотта наслаждалась благоуханием сада, казалось впитавшим ароматы всех цветов мира.

— А скажите, доктор Хеннеси, теперь, когда вы увидели мощи, что вы думаете о нашем проекте?

— Признаться, это не совсем то, что я предполагала. — Шарлотта недоговаривала. Человеческие останки показались ей не совсем типичным приобретением Ватиканского музея. А смотритель библиотеки — не вполне подходящей кандидатурой для коллекционера такого рода вещей. — Хотя... я была приятно удивлена, — добавила она. — Предстоит захватывающая работа.

— Для всех нас! — пообещал Донован. Приблизившись к заднему фасаду собора, он с благоговением поднял глаза вверх. — В первом веке нашей эры на месте, где ныне расположен Ватикан, был Циркус Максимус, или Большой цирк. Император Нерон устраивал здесь гонки на колесницах. Ирония судьбы, ведь Нерон известен как самый яркий гонитель ранних христиан.

— Он обвинил их в поджоге Рима в шестьдесят четвертом году. А в шестьдесят седьмом на потеху толпе распял на кресте святого Петра.

— Вы христианка или хороший историк? — На Донована ее слова произвели впечатление.

— Когда-то я была хороша в обеих ипостасях.

— Понимаю. — Отдавая себе отчет в том, что тема щекотливая, священник все же рискнул сказать: — Знаете, у нас в Ирландии люди говорят: «Я верю в солнце, когда оно не светит. Я верю в любовь, когда не чувствую ее в себе, я верю в Бога, даже когда Он безмолвствует». — Донован глянул на Шарлотту и увидел, что она улыбается. К счастью, он, похоже, не обидел ее. — Порой достаточно всего лишь помнить о том, что нам дорого.

Поднявшись по пролету мраморных ступеней, что вели к заднему фасаду собора, Донован подвел Шарлотту к самой большой бронзовой двери, какие ей доводилось видеть. Он достал карточку-ключ и провел по считывающему устройству. Электромеханический замок с характерным щелчком открылся. Священник с заметным усилием отворил массивную дверь и жестом пригласил женщину войти.

— Мы пойдем через этот вход?

— Конечно. Одно из преимуществ гостей папства.

Шарлотта была немного знакома с преимуществами ВИП-персон, однако это оказалось ни с чем не сравнимо. Пройдя под арочным сводом двери, она мгновенно почувствовала, что переносится в иной мир.

Шагнув из-под арки входа, Шарлотта застыла, ошеломленная простором мраморного нефа собора. Она припомнила, как в самолете прочла в путеводителе, что парижский Нотр-Дам мог бы легко поместиться под куполом этой огромной базилики. Но, стоя здесь, она почувствовала, что ее восприятие пространства искажается.

Взгляд Шарлотты мгновенно привлек величественный кессонный купол* Микеланджело. Покрытый мозаичной плиткой, он вздымался над нефом на четыреста пятьдесят футов, и лучи солнца, струясь из западных окон, заливали его неземным светом.

* Кессон — здесь: квадратное, многоугольное и т. п. углубление на потолках, внутренних поверхностях куполов и сводов для улучшения акустики или в декоративных целях.

Медленно взор ее опустился на знаменитый бронзовый Балдахин, стоявший над папским алтарем, прямо под куполом. Четыре витые бронзовые колонны творения гения Возрождения Джованни Лоренцо Бернини поднимались на семьдесят футов, чтобы поддерживать позолоченный барочный свод, простиравшийся еще на двадцать футов вверх.

Даже полы в соборе были выложены мрамором и мозаикой.

— Боже мой! — ахнула Шарлотта.

— Да, впечатляет, — согласился Донован, сложив на груди руки и в который раз восхищаясь великолепием внутреннего убранства. — Я с удовольствием посвятил бы несколько часов тому, чтобы провести для вас экскурсию. Здесь можно увидеть двадцать семь часовен, сорок восемь алтарей и триста девяносто восемь статуй. Но я считаю, что собор есть скорее путешествие духовное и его следует осуществлять наедине с самим собой. — В деревянном киоске у стены он взял карту и путеводитель и вручил их Шарлотте. — Если что-то вас интересует, о подробностях можете справиться в этой книге. Мне пора. Приятно провести время.

Поблагодарив отца Донована, она медленно пошла вдоль бокового придела северной стены базилики.

Как большинство приезжающих сюда паломников, Шарлотта остановилась перед бронзовой статуей святого Петра на массивном мраморном пьедестале. Святого изобразили сидящим на папском троне с нимбом над головой, в левой руке папский ключ, правая воздета в благословляющем жесте. Несколько посетителей стояли в очереди, чтобы подойти и коснуться ноги статуи. Шарлотта заглянула в путеводитель: оказывается, люди верили, что этот ритуал приносит удачу. Она не была суеверной, но уговорила себя, что в ее ситуации может помочь даже такая мелочь.

Менее чем через пять минут она шагнула вперед, глядя вверх, в величественное лицо святого, и протянула левую руку к холодной металлической ступне. И сделала то, чего не делала уже более десяти лет. Она помолилась, прося Господа дать ей сил и указать путь. В точности как говорил Доно-

ван. Возможно, ей надо было всего лишь вспомнить, что когда-то она была верующей.

Веру она едва ли не полностью отвергла одиннадцать лет назад, наблюдая, как ее мать, преданную католичку, медленно пожирал рак желудка. Милость Божья, предположила тогда Шарлотта, не гарантирована праведникам, не важно, сколько молитв вознесено и сколько воскресений смиренно просижено на церковной скамье. После смерти матери Шарлотта не стала ходить в церковь и искать там ответы — она заняла место у окуляров микроскопа, довольствуясь тем, что пороком матери была не вера, а банальное генетическое несовершенство, дефектный генетический код.

Отец Шарлотты, даже пережив потерю любимой жены, по-прежнему посещал мессы каждое воскресенье, по-прежнему воздавал хвалу Всевышнему перед едой и благодарил за подаренный день. *Почему?* — недоумевала Шарлотта. Был момент, когда она задала ему этот самый вопрос. Ответ его был скорым и искренним.

— Чарли. — Отец был единственным, кроме Эвана Олдрича, кто называл ее так. — Я решил не винить Господа в моем несчастье. В жизни столько горя. Но и красоты — тоже. — Произнеся это, как помнила Шарлотта, он улыбнулся, с нежностью глядя на дочь, и чуть коснулся ее лица. — Кто я такой, чтобы подвергать сомнению силу, стоящую за этим чудом? Помни, доченька, вера — это когда ты веришь в то, что жизнь что-то значит, независимо от того, какой тяжкой она может порой казаться.

Возможно, сейчас ей в самом деле хотелось поверить, что ее личное несчастье было предопределено свыше. Однако, несмотря на духовный вердикт отца, Шарлотта так и не решилась рассказать ему о своем недуге, даже сознавая, что ближе его у нее нет никого на свете.

Недостаток религиозной поддержки заставлял ее частенько ощущать духовную пустоту, особенно в последнее время. Верила ли Шарлотта Хённеси в Бога? Не было на свете места, где этот вопрос стоял бы так остро. Может, именно здесь она найдет ответ. Может, приезд в Рим был ее судьбой.

Бесчисленное количество раз склонившись к гротам и нишам, чтобы восхититься очередной усыпальницей, Шарлотта приблизилась к главному входу в базилику, где в отдельной, убранной мрамором и защищенной стеклом часовне красовалась знаменитая скульптура Микеланджело — Пьета. Изваяние было волнующим и пугающе реалистичным: умерший сын на коленях скорбящей Богородицы. Шарлотта долго стояла перед статуей, охваченная чувствами, которые та пробуждала. Страдание, утрата, любовь, надежда...

Почти через сорок минут Шарлотта вернулась к Балдахину и, обходя его вновь, вдруг увидела скульптуру, настолько поразившую ее, что она замерла на месте. Помещенное в декоративный мраморный альков, с массивными колоннадами по бокам, над ней вздымалось творение Бернини — надгробие Папы Александра VII. Опираясь на высокий пьедестал, последний Папа был увековечен в белом мраморе в коленопреклоненной позе. Ниже располагались скульптуры, изображающие Истину, Справедливость, Милосердие и Благоразумие, запечатленные в человеческих образах.

Однако испуганный взгляд Шарлотты мгновенно отшел от этих образов и сосредоточился на центральной фигуре усыпальницы. Выкованный из бронзы невероятных размеров человеческий скелет с крыльями держал в правой руке песочные часы. Ниспадающая вуаль из красного мрамора укрывала его дьявольскую физиономию, повернутую вверх к Папе; скелет глумливо напоминал понтифику о надвигающейся кончине.

Ангел смерти.

Женщине вдруг почудилось, что на базилику пала жуткая тишина, а изваяние стало пробуждаться к жизни, угрожающе нависая над ней в зловещем желании наделить ее тело еще и своей, дьявольской заразой. Шарлотта готова была поклясться, что видит, как сочится песок в часах. На мгновение она перестала дышать и ощутила, как слезы переполняют глаза. Почему это изображение зла оказалось *здесь*? Она чувствовала себя почти оскверненной, будто дьявола поместили сюда специально для нее.

— Жуть, правда? — ворвался в ее мысли чей-то голос.

От удивления Шарлотта раскрыла рот и, повернувшись, увидела фигуру, показавшуюся ей почти такой же зловещей, как скульптура. А *этот* откуда взялся?

— Бернини было восемьдесят, когда он это сотворил, — ухмыльнулся Сальваторе Конти. — Небось, горевал по своим золотым денечкам.

Шарлотта попыталась выдавить улыбку, но ей это не удалось.

— Вы в курсе, что это все построено на средства от продаж индульгенций? — Конти поднял неодобрительный взгляд к куполу. — В пятнадцатом веке у Папы Льва Десятого не хватило денег на строительство, так что ему пришлось черпать средства в основном из продаж католикам билетов на избавления от адových мук. Богачам за прощение Господне приходилось вносить предоплату. Тогда даже появилась поговорка: «Как только монета зазвенит в ящике, душа вылетает из Чистилища»*.

Шарлотта чуть было не сказала: «А сколько индульгенций понадобится *вам*, чтобы купить очищение души?» Конти сильно смахивал на человека, которому требовалась целая пачка индульгенций. Зачем он здесь и какое отношение имеет к оссуарию? Ей вспомнилось, что в лаборатории в его присутствии отец Донован больше напоминал заложника, чем коллегу по работе.

— Как я понимаю, вы не из тех, кто ходит по воскресеньям на проповеди? — съязвила она.

Чуть подавшись к ней и многозначительно понизив голос, он проговорил:

— После всего, что я повидал, в особенности в этих самых стенах, я хочу все же попытать счастья.

Шарлотта сделала попытку понять, что имел в виду Конти, но не смогла ничего прочесть в его глазах. Просить же его объясниться она, разумеется, не собиралась.

* Мартин Лютер, «95 тезисов».

— Вы зашли просто так посмотреть или кого-то высслеживаете?

Ее высказывание застало Конти врасплох.

— Полюбоваться достопримечательностями, — ответил он, отводя взгляд.

— Ну, мне пора. Приятно было увидеться, — солгала Шарлотта.

Повернувшись, чтобы уйти, она почувствовала прикосновение руки к своему плечу. Шарлотта напряглась и, повернувшись, окинула его ледяным взглядом.

Поняв, что просчитался, Конти поднял руки вверх:

— Виноват. Знал ведь, что американки очень чувствительны в отношении к личному пространству.

— Что вам от меня надо? — Она отчетливо выговорила каждое слово.

— Да вот, думал, может, позвольте составить вам компанию на ужин. Думал, вы приехали сюда одна... Кольца-то обручального нет, — добавил он, опуская взгляд на ее руки. — Может, вам пообщаться захочется. Только и всего...

Несколько долгих секунд Шарлотта просто смотрела на него, не в состоянии постичь мысль, на которую он пытается натолкнуть ее здесь, под куполом собора Святого Петра. Вдруг она почувствовала сострадание ко всем женщинам, ранее очарованным этим типом. Он был хорош собой, но и только.

— У меня есть друг, и вечер уже распланирован, тем не менее благодарю вас. — Не зная наверняка, как много ей придется в дальнейшем общаться с Конти, Шарлотта изо всех сил постаралась быть любезной.

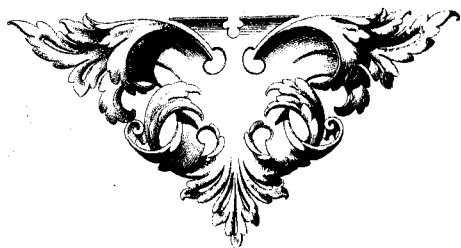
— Ну, значит, как-нибудь в другой раз, — уверенно откликнулся он.

— Всего доброго. — Она повернулась и направилась к выходу.

— Удачно провести время, доктор Хеннеси. *Buona sera**.

* Доброго вечера (*ит.*).

Вторник

Храмовая гора

Поднимавшееся над горизонтом утреннее солнце заливало несмелым темно-синим и фиолетовым светом Масличную гору, когда Разак шел через эспланаду Харам-аш-Шариф в сторону мечети Скалы. Взгляд, как всегда, привлекал ее золотой купол и изящное навершие в форме полумесяца, указывающее в сторону Мекки.

Сколько раз он бывал тут — и все равно это место глубоко волновало его. И казалось, будто и его душевное волнение, и сама история здесь становились кристально чистыми, как утренняя роса.

В седьмом веке Храмовая гора находилась в запустении и на голой эспланаде не было ни одного величественного монумента. Все когда-то построенные здесь архитектурные памятники постоянно уничтожались на протяжении веков. Но в 687 году н. э. — всего лишь через несколько десятилетий после того, как в 638 году мусульманское войско под предводительством халифа Омара захватило Иерусалим, — девятый халиф, Абд аль-Малик, приступил к сооружению мечети Скалы, или Купола Скалы, положив начало возрождению этого святого места и заявив притязания ислама на Святую землю.

На протяжении веков ислам периодически терял свою власть над Храмовой горой, особо болезненным стало владычество крестоносцев в двенадцатом и тринадцатом веках. Но

теперь святыня вновь под контролем ислама, и ВАКФ было поручено усилить и узаконить свою роль. И было это непрусо, особенно из-за возрастающей политической нестабильности, угрожавшей исламскому главенству в этом месте — привилегии, едва не потерянной после Шестидневной войны 1967 года.

Разак попытался представить, что будет, если политическая ситуация изменится на прямо противоположную. Мусульмане довольствуются поклонением у сохранившейся части стены, евреям же достается святая святых этого места; евреи ютятся на оккупированных территориях, а палестинцы осуществляют полный контроль...

Он преодолел пролет ступеней, что вели к стоявшей на возвышении мечети. Перед входом снял легкие туфли-мокасины и прошел в храм. Скрестив руки за спиной, Разак обогнул кроваво-красный ковер восьмиугольной внутренней галереи, поглядывая вверх на искусно сработанный свод купола, опиравшегося на гладкие мраморные колонны. Прямо под куполом, окруженный ограждением, покоился краеугольный камень, или камень основания.

Краеугольный камень обозначал священное место, на котором в библейские времена предназначено было Аврааму принести в жертву своего сына и который, как говорят древние книги, служил изголовьем Иакову, когда ему приснился сон о лестнице в небеса. Согласно еврейским преданиям, прежде здесь стоял Первый храм, воздвигнутый Соломоном, а позже Второй храм, реконструированный и расширенный царем Иродом. Христиане утверждали, что сюда много раз приходил проповедовать Иисус.

Но место это было важным для Разака и его народа по иной причине.

В 621 году архангел Джабраил предстал перед великим пророком Мухаммедом, отдыхавшим в Мекке, явив ему сияющего коня по имени Бурак с телом лошади, лицом человека и крыльями птицы. Отправившись на Бураке в ночной полет, Мухаммед прибыл на Храмовую гору в Иерусалим,

откуда вознесся в чудесном сиянии сквозь семь небес, видел Аллаха и беседовал с Моисеем и великими пророками. Там Аллах дал Мухаммеду пять дневных молитв — ключевое событие его миссии, также известной под названием «мирадж».

Благодаря мираджу Купол Скалы стал третьей важнейшей религиозной святыней ислама, вслед за Меккой — местом рождения Мухаммеда — и Мединой, где в результате тяжелой борьбы и личных жертв он основал исламское движение.

Разак поднял голову и посмотрел на изящную мозаику купола, любуясь вязью арабских надписей, летящих по периметру основания.

Снаружи донеслось эхо усиленного динамиками голоса муэдзина, созывавшего мусульман на молитву. Напротив михраба — маленькой золотой молитвенной ниши в стене мечети, обращенной к Мекке, — Разак опустился на колени, положил руки на бедра и склонился в молитве.

Несколько минут спустя он встал, прошел назад вокруг ограды краеугольного камня и остановился перед лестницей, ведущей в помещение, называемое «колодец душ», где, по преданию, собираются на молитву души умерших. Стоя здесь, он представил себе отца и мать, залитых божественным светом Аллаха и ожидающих Дня суда, чтобы потом попасть в Джанна — сказочный сад, вечный рай Аллаха.

23 сентября 1996 года родители Разака, отдыхая на иорданском берегу Галилейского моря*, были убиты двумя бандитами в масках. Многие тогда полагали, что агенты израильской секретной службы Шин Бет по ошибке избрали отца своей мишенью, подозревая его в связях с палестинскими группировками, но эти слухи позже были опровергнуты. Убийц так и не нашли. Трагическая гибель родителей стала для Разака тяжелой потерей, которая привела к тому, что в поиске ответов он еще глубже ушел в веру. По счастью, образование, полученное на родине и за границей, помогло ему

* Библейское название Тивериадского озера, или озера Кинерет.

не встать на путь политического и религиозного фанатизма — легкая ловушка для тех, кому глубоко запали в душу бесконечные интриги Израиля.

Потом мысли Разака вернулись к крипте, спрятанной глубоко под его ногами, и загадочному похищению, которое вновь принесло кровопролитие в священное место. Прибыв сюда вчера днем, он никак не думал, что в такой серьезной ситуации ему придется работать с англичанином по имени Грэм Бартон.

На выходе Разак обулся и покинул мечеть.

До встречи с Бартоном оставалась еще пара часов, и он не спеша отправился в Мусульманский квартал, где позавтракал и выпил кофе в скромном кафе на Виа Долороса. Там он встретил кое-кого из старых знакомых, поведавших ему обо всем, что произошло со времени его последнего приезда. Естественно, разговор шел в основном о похищении, но Разак сразу же дал понять, что не может комментировать ход расследования.

К девяти утра уже началась жара без малейшего намека на ветерок. Он пересек эспланаду Храмовой горы под обжигающим солнцем и спустился в мечеть Марвани. Когда он пролез через пролом в крипту, Акбар — мусульманин-охранник громадного роста, получивший приказ наблюдать за Бартоном, — подал знак, что все в порядке. Разак кивнул и махнул ему, чтобы тот выбирался назад в мечеть.

Грэм Бартон сидел в углу на корточках и переписывал в блокнот надпись с одного из оссуариев.

— Доброе утро, мистер Бартон, — поздоровался Разак по-английски.

Археолог вскочил на ноги.

— Вы, похоже, славно потрудились. — Разак перевел взгляд на стопочки рисунков, которые Бартон разложил на полу.

— Вроде того, — весело ответил Бартон. — Я пришел пораньше, и Акбар был настолько добр, что позволил мне сделать рывок на старте.

— Что-то удалось обнаружить?

— Это невероятная находка! Крипта принадлежала еврейскому мужчине по имени Иосиф. Он похоронен там. — Бартон показал на крайний в ряду ковчег, такой же простой, как и остальные. — На каждом из этих оссуариев имеются надписи на древнееврейском языке, содержащие имена членов семьи.

— Иосиф... А фамилия? — Разак с невозмутимым видом ожидал продолжения.

Бартон пожал плечами.

— С древними евреями в этом смысле проблема. Они были просто катастрофически небрежны во всем, что касалось имен. Фамилиями они вообще редко пользовались, по крайней мере — для похоронных целей. А еврейское имя Иосиф тогда было довольно распространенным. Вот, смотрите, надписи на каждом оссуарии весьма отчетливы.

Разак пригляделся к ковчегам — гравировка отлично сохранилась на всех девяти.

— Надписи эти рассказывают практически об одном и том же: чьи останки содержит конкретный оссуарий. В тех — четыре его дочери. — Бартон показал на группу ковчегов в начале ряда. — Трое сыновей плюс любимая жена Сара. — Он ткнул пальцем на следующие три, затем еще в один рядом с Иосифом. — Но вот на задней стене крипты есть надпись, сообщающая еще кое-какие детали.

Схватив фонарик, он махнул Разaku, приглашая следовать за ним, направился в скрытый темнотой угол и остановился у стены. Круг света заплесал на камнях.

— Смотрите. — Бартон осветил вмурованную в стену табличку в красивой каменной рамке с орнаментом. — Здесь перечень оссуариев, находившихся в этой усыпальнице.

Мусульманин шагнул ближе.

— Значит, исчезнувший оссуарий должен быть здесь упомянут. — Отсчитав девять строчек, Разак задержал взгляд на глубокой борозде, процарапанной на полированном камне под последней надписью. Несколько долгих мгновений он

в недоумении смотрел на нее. — Я вижу только девять записей.

— Верно. И эти девять — имена, соответствующие оставшимся оссуариям. А вот эта запись, вероятно, идентифицировала десятый. — Он постучал пальцем по каменному шраму.

Разак еще раз критически пригляделся.

— Бесполезно. Ничего не разобрать.

— Согласен. Еще один тупик.

Разак прошелся по усыпальнице, разведя руки в стороны:

— Почему же именно здесь?

— Вы о чем?

— Почему для крипты выбрали именно это место?

«Это он верно подметил», — подумал Бартон.

— Как правило, мы находили крипты за городскими стенами. Но вполне вероятно, это место было выбрано из соображений безопасности. Между прочим... — Археолог помедлил, подбирая слова. — В первом веке крепость Антония, где стоял римский гарнизон, вплотную примыкала к северной стене Храмовой горы. Эспланада, что над нами, была, наверное, очень людным местом. Переходы в галереях тянулись вдоль всего периметра платформы и заворачивали к гарнизону. Римские центурионы патрулировали места скопления народа, всегда готовые подавить любые беспорядки.

Бартон воздержался от объяснения, что в первом столетии главной причиной популярности Храмовой горы был огромный еврейский храм, стоявший на месте Купола Скалы, — факт, который ВАКФ многие годы систематически отвергал, отстаивая свое право на контроль над святым местом. Поскольку ни одна археологическая находка не подтвердила библейского упоминания о храме, позиция ВАКФ осталась сильной.

— А какое отношение к этой гробнице могли иметь римские центурионы?

— Самое прямое. Вспомните, в древние времена не существовало ни банковских ячеек, ни сейфов. Поэтому грабеж являлся простейшим способом разбогатеть. Активы были крайне уязвимы.

— И защитить сокровища можно было только при помощи армии? — Разак внимательно посмотрел на Бартон.

— Вот именно.

— Значит, вполне вероятно, что в десятом оссуарии не было человеческих останков. Могли там быть, например, какие-то драгоценности?

— Не исключено.

— Тем не менее, скорее всего, там содержались останки, — продолжил Разак. — Не могу понять, чего ради преодолевать столько трудностей только для того, чтобы украсть кости.

Бартон почувствовал, что Разак удовлетворен своими умозаключениями и за неимением дальнейших доказательств не собирался с ним спорить.

— Насколько я понял, — заключил Бартон, — у нас нет возможности делать выводы о том, что на самом деле могло храниться в украденном оссуарии. Однако внутри этих оставшихся девяти, — он показал рукой на ковчеги, — мы можем найти какие-то ключи к разгадке. — Он протянул Разaku резиновые перчатки. — Они вам для этого сейчас пригодятся.

Мусульманин посмотрел на него с ужасом.

Ватикан

В восемь утра ученые встретились в лаборатории и сразу направились в подсобную комнату, где Джованни Берсеи проинструктировал Шарлотту Хеннеси, как управляться с тем, что он считал жизненно необходимым оборудованием, — автоматической кофеваркой «Гаджиа», готовившей напиток одним нажатием кнопки.

— Рассказывайте. Как вы вчера сходили в базилику?

Делая большие глаза, Шарлотта вкратце поведала ему о своей экскурсии, в конце сообщив о неприятной встрече с Сальваторе Конти, которая так ее расстроила, что она решила вообще больше никуда не ходить. Поужинав сэндвичем с тунцом в кафетерии дома Святой Марфы, она рано легла спать.

— Не самый восхитительный вечер, — с усмешкой заключила Шарлотта, — но, к счастью, спала я крепко. А как удался оссобуко, что приготовила вам супруга?

— Не слишком. — Берсеи скривился. — Моя Кармела умеет очень многое, но вот хорошей поварихой ее не назовешь. Боюсь, хуже в Италии и не сыщешь.

Шарлотта легонько ударила его по плечу.

— Ужас какой, Джованни. Надеюсь, ей вы этого не говорили?

— С ума я сошел, что ли? Мне моя жена дорога.

Оба рассмеялись.

Берсеи глянул на часы.

— Ну, начинаем?

— Начинаем.

Наполнив чашки и надев халаты, они вернулись в лабораторию и остановились у рабочей установки. Оссуарий с загадочным скелетом внутри покоился на коврике, там, где его оставили вчера.

Берсеи вручил Хеннеси новые латексные перчатки и маску. Для себя он принес такие же.

Шарлотта пристально посмотрела на кости, и ей почудилось, будто сейчас из ковчега вдруг высунется рука с песочными часами.

Надев маску и перчатки, Берсеи достал цифровую камеру «Canon EOS», включил, сделал несколько снимков и отложил ее.

Встав у противоположных сторон рабочей установки, ученые начали по одной вынимать кости, осторожно выкладывая их на резиновый коврик. Постепенно разрозненные останки обретали форму скелета: длинные кости рук и ног, таз и разрозненные фрагменты ребер, сегменты позвоночника и, наконец, изящные и сложные косточки ладоней и стоп.

С превеликой осторожностью Шарлотта достала из оссуария череп. Поддерживая нижнюю челюсть одной рукой и купол черепа другой, она опустила его на коврик, увенчав им полностью собранный скелет.

Берсеи произвел беглый визуальный осмотр.

— Выглядит так, будто все двести шесть костей на месте. — Схватив камеру, он сделал несколько снимков восстановленного скелета.

— Отлично. Теперь попробуем выяснить, как он умер. — Шарлотта не сводила внимательного взгляда с образца.

— Собственно говоря, доктор Хеннеси, мы пока не можем утверждать, что имеем дело с мужчиной, — вежливо возразил Берсеи. — Не исключено, что это женщина.

Шарлотта вскинула голову.

— Согласно. Только сомневаюсь, что женщину удостоили бы такого роскошного ковчега.

Берсеи поднял брови — он не понял, шутит она или нет.

— Не пугайтесь, я не собираюсь агитировать вас за равноправие женщин, — с улыбкой успокоила Шарлотта. — Оставлю эту затею на потом.

— О, будьте великодушны!

Оба ученых сошлись во мнении, что начнут они с судебно-медицинской экспертизы, которая определит возможную причину смерти. После чего последует процедура реконструкции физического облика образца по его скелету. Шарлотта активировала систему записи рабочей установки, чтобы фиксировать протокол анализов. Позже их устные комментарии будут расшифрованы и запротоколированы. Выдвинув ящик стола, она достала две пары очков «Ораскоптик». Протянув одну Берсеи и надев свои, она опустила на глаза телескопические объективы.

Они начали с черепа и склонились над ним, чтобы рассмотреть в мельчайших деталях.

— Сохранился просто замечательно, — проговорил Берсеи, разглядывая его сквозь очки.

Шарлотта произвела замеры черепа и описала конфигурацию:

— Квадратный подбородок, отчетливо выраженные надбровные дуги и точки прикрепления лицевых мышц. Уверена, мы имеем дело с мужчиной.

— Возможно, вы правы. — Берсеи повернул череп. — Швы хоть еще и видны, но почти все сгладились. Взгляните.

Швы в местах сочленений четко очерченных костных пластин напоминали сглаженные зубчатые змейки молний.

В процессе своих исследований Шарлотта уже приобрела общее представление об антропологии. Чем моложе образец, тем более отчетливыми должны быть линии сочленения костей, напоминающие плотный стык двух полотен пилы. Соответственно, чем старше череп, тем менее различимой становится линия сращения костей.

— Это означает, что возраст его — самое малое от двадцати до тридцати, согласны?

— Согласен. — Берсеи повертел в руках череп, внимательно разглядывая его поверхность. — Никаких следов травмы головы не вижу, а вы?

— Тоже нет.

Оба ученых переключили внимание на нижнюю челюсть.

— Изумительной формы зубы, — сказала Шарлотта. — Вот бы мои так сохранились, как у этого парня — все до одного. Я не вижу даже следов периодонтального заболевания. — На секунду она отвлеклась, чтобы подрегулировать настройку бинокля, прибавляя увеличение. — Эмаль цела. Карриозные полости и неравномерный износ отсутствуют.

— Странно.

— Может, он не любил сладкого.

Они перешли к шейному отделу, скрупулезно исследуя ища в нем аномалии.

— Костных шпор не наблюдается, — констатировала Шарлотта. — Как и выступов или окостенений.

— И сращений тоже, — добавил Берсеи. — Как ни странно, позвонки совершенно не выглядят дегенерированными. — Он осторожно повернул последнюю крохотную секцию шейного отдела позвоночника. — Ничего сверхординарного. — Берсеи показал на грудную клетку скелета: — Продолжим.

Почти в то же мгновение брови Шарлотты взметнулись вверх.

— Стоп! Вот это уже интересно.

Проследив взглядом за ее пальцем, Берсеи взглянул на плоские кости грудины и тут же понял, что заметила Шарлотта.

— Серьезная рана?

— Да. — Она изучала расслоение в иссохших хрящах, прикреплявших ребра к груди. — Как вы думаете, это случилось в тот момент, когда грудную клетку отсекали, чтобы поместить в оссуарий?

— Возможно, — осторожно согласился Берсеи и перевел взгляд на плечо. — Взгляните вот сюда.

Она посмотрела, куда он показывал.

— Острый у вас глаз... Плечевая кость и ключица были отделены от лопатки?

— Согласен. Вот только не похоже, что это произошло *post mortem**. Разрывы фиброзные. В местах разделения ткани разрывы, похоже, имели место до ее высыхания. — Он переместил руки назад к груди. — Гляньте здесь. По виду то же самое. Вы можете определить, были ли хрящи вытянуты, растянuty в стороны или порваны? Когда кости готовили к захоронению, должны были пользоваться каким-то острым предметом, чтобы разрубать ткани.

Хеннеси тоже увидела это. Аккуратный поперечный разрез на оборванных сухожилиях.

— Ой, как же это было больно. Как думаете... смещение?*

— Насильственное и очень жестокое смещение. — В голосе Берсеи зазвенело беспокойство.

— Причинившее ему сильную боль.

— Уверен, что так и было. Но разумеется, не это послужило причиной смерти. Посмотрите вон на те ребра, — он указал на ребра, что были ближе к ней, — и на эти.

Когда ученые занялись ребрами, дотошно исследуя каждую поверхность, время как будто застыло.

Шарлотте пришла в голову мысль о том, что работа с чужими костями как нельзя более кстати. Она сосредоточится на насущной задаче, а не на неприятных видениях генетического хаоса, царившего в ее собственном теле в данный конкретный момент.

— Видите то, что вижу я?

— Глубокие борозды? — Берсеи стоял, низко наклонив голову. — Конечно.

* После смерти (*лат.*).

** Имеется в виду смещение костей при переломе.

Некоторые ребра были неповрежденными, но большинство выглядело так, будто на них толстыми гвоздями пытались процарапать длинные зазубренные канавки. Неровные бороздки располагались беспорядочными группами.

— Чем это его так? — ее голос упал до шепота.

— Кажется, я догадываюсь. Видите следы металлических отложений?

— Вижу. Интересно, это произошло *post mortem*? Такое впечатление, будто их обглодало какое-то животное.

— Вынужден не согласиться с вами, — ответил Берсеи. — Обратите внимание, следы только на передних фасциях. Зубы остались бы с обеих сторон, не говоря уж о том, что большинство питающихся падалью хищников сначала утаскивают кость подальше и только потом ее грызут. Да и не оставили бы они нам скелет в таком состоянии.

— Тогда что это, по-вашему? — Шарлотта выпрямилась.

— Попробую объяснить. — Он глянул на нее поверх телескопических линз. — Если кости в таком жутком состоянии, мышцы и кожа, покрывавшие их, выглядели намного хуже... Их наверняка просто искромсали. — Удерживая ее взгляд, ученый глубоко вздохнул и затем проговорил: — По моему, с него содрали кожу.

— То есть его бичевали?

Берсеи медленно кивнул:

— Да. Это отметины хлыста с шипами.

— Бедняга. — Мысль о подобной жестокости потрясла Шарлотту.

— Давайте продолжим. — Берсеи нагнулся и начал осмотр верхних сегментов поясничного отдела позвоночника.

Шарлотта тоже наклонилась и стала поворачивать самый нижний сегмент позвоночника, скрупулезно осматривая каждую косточку, каждый валик межпозвоночных хрящей.

— Здесь как будто все в порядке.

— Согласен. — Берсеи быстро глянул на тесное расположение тазовых костей, по которому можно было определить пол. — И вы были правы в отношении пола. Определенно

мужчина. — Он провел пальцами вдоль контуров костей таза, где должны находиться гениталии. — Седалищная вырезка узкая, преаурикулярная область плоская и без каких-либо впадин.

— Ни один ребенок не выходил из этого лона.

Джованни Берсеи пока был доволен. Определить пол по скелетным костям всегда непросто, поскольку большинство очевидных половых признаков проявляются в мягких тканях, а не в костях. В зависимости от многообразия факторов, начиная с диеты и образа жизни и кончая физическими нагрузками, связанными с родом занятий, женский скелет может легко трансформировать свои мягкие ткани таким образом, чтобы перекроить строение скелета идентично мужскому аналогу. Повышенная мышечная масса станет очевидным стабилизирующим звеном, требующим более толстых костей, чтобы эту массу поддерживать, в особенности в тех областях тела, где расположены связки. И у большинства женских скелетов родовой канал таза едва различим.

— Ну хорошо... едем дальше. Руки или ноги? — спросил Берсеи.

— Сначала руки.

Они переместились вдоль стола и приступили к детальному анализу длинных костей, начав с плечевых и переходя к локтевым и лучевым костям.

Что-то привлекло взгляд Шарлотты, и она придвинулась чуть ближе. На внутренних поверхностях костей, соединяющихся над запястьем, виднелись отчетливые следы повреждений.

— Что это? Их словно пропустили через жернова.

— И с этой стороны тоже. Причем область повреждений расположена только над запястьем, — подтвердил Берсеи. — Видите окисление, похожее на длинные прожилки?

— Да. Вполне возможно, следы металла. Вероятно, железа. — Шарлотта заметила что-то еще. — Постойте. — Она подкрутила окуляры. — В кость въелись волокна. А с вашей стороны?

— Тоже. Надо взять образец на анализ. Очень напоминает дерево.

Шарлотта выдвинула ящик с инструментами, достала пинцет и маленький пластиковый пузырек и начала отделять волокна от кости.

В это время Берсеи уже переходил к ногам скелета и наклонился к столу, чтобы получше разглядеть.

— Что-то заметили? — спросила она, положив на стол пузырек и пинцет.

— Взгляните-ка. — Берсеи поманил ее рукой.

Наведя резкость окуляров на область под голенью, Шарлотта увидела, что парные наборы малых и больших берцовых костей выглядели здоровыми. Но на внешней поверхности каждой стопы имелись пятна глубоких зернистых участков, будто выскобленных из костей. Две косточки левой ступни были сломаны.

— Взгляните на повреждения между второй и третьей плюсневыми костями, — заметил Берсеи. — Они аналогичны тем, что на руках.

— Такие же прожилки ржавого цвета, — добавила Хеннеси. — Определенно следы колотой раны, нанесенной металлическим предметом.

— Судя по переломам второй плюсневой кости левой ступни, это был гвоздь. Смотрите, вот здесь острие вошло в кость и расщепило ее.

Рассматривая ромбовидную отметину в середине трещины, Хеннеси вновь заметила деревянные занозы.

— Глазам своим не верю. Похоже, когда вгоняли гвоздь, с первого раза промахнулись.

От мысли, что один человек может нанести другому такую рану, Шарлотту затошнило. Какой же изверг способен на подобную жестокость?

— И произошло это, по всей вероятности, оттого, что одну ступню прибавали поверх другой, — категорично заявил доктор Берсеи.

Он обнаружил нечто необычное в области колен и переместился вдоль стола, чтобы получше разглядеть.

— Что там?

— Взгляните.

Внимательно приглядевшись к коленному суставу, Шарлотта тут же заметила повреждение.

— Боже мой...

— Разбито вдребезги, — вздохнул Берсеи. — Вы только посмотрите на разрывы хрящей и нитевидные трещины под коленом.

— Ему перебили колени?

— Вне всяких сомнений.

— У вас есть какая-то версия?

Берсеи выпрямился и поднял на лоб окуляры. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Мне абсолютно ясно, что с ним произошло. Этот человек был распят.

Храмовая гора

— Полагаю, вы не думаете, что я собираюсь осквернять останки. — Глубоко оскорбленный Разак скрестил на груди руки и хмуро глядел на Бартон. — Вы совсем совесть потеряли?

— Это крайне важно, Разак. — Бартон вновь протянул ему перчатки.

Разак оттолкнул их с негодованием.

— Я вам запрещаю! — Стены гулким эхом откликнулись на его голос. — Вы обязаны получить на это разрешение ВАКФ.

В проломе показалась голова обеспокоенного Акбара.

Избегая взгляда охранника, Бартон спокойно сказал:

— Мы с вами оба знаем, что это бесполезно. Ради экономии времени мы должны действовать самостоятельно, если хотим найти ответы. Именно для этого мы с вами здесь.

Все еще кипя от возмущения, Разак повернулся к Акбару.

— Все в порядке. — Он махнул охраннику, чтобы тот скрылся. Затем потер виски и повернулся к археологу. — А смысл? В этих ковчегах всего лишь кости.

— Не уверен.

— А если нет, почему ж тогда воры не прихватили и эти? — Разак показал на оссуарии.

— Мы должны удостовериться, использовать все шансы, — стоял на своем Бартон. — В создавшихся условиях

единственные ниточки к разгадке мы можем отыскать только здесь. А отказ от осмотра этих оссуариев станет нашим главным упущением.

Несколько секунд в усыпальнице царила мертвая тишина.

— Ну хорошо, — сдался наконец Разак. — Только по одному. И делать это будете вы сами.

— Понял.

— Храни нас Аллах, — пробормотал Разак. — Приступайте. Делайте, что считаете нужным. — Он отвернулся.

Облегченно вздохнув, Бартон опустился на колени перед первым оссуарием, надпись на котором в переводе с древнееврейского гласила: «Ребекка».

— Только это может занять какое-то время, — предупредил он.

— Ничего, я подожду.

Протянув руки, Бартон крепко ухватился за оба края каменной крышки. Затем поднял глаза на Разака. Мусульманин по-прежнему стоял к нему спиной. Археолог задержал дыхание и осторожно сдвинул крышку.

Спустя два часа после того, как он открыл первый оссуарий, Грэм Бартон складывал на место кости, вынутые из седьмого. Подобно образцам, найденным в шести предыдущих погребальных ковчегах, эти тоже необычайно хорошо сохранились.

Хотя он не обучался судебной антропологии, на своем веку Бартон исследовал достаточное количество костей, чтобы разбираться в основах. Разумеется, имена на каждом оссуарии практически исключали сомнения в половой принадлежности, однако подсказки, которые он углядел на швах черепов, суставах и тазовых костях, привели его к определенным заключениям по поводу возраста скелетов. Четыре женщины помоложе (дочери, как он думал) умерли очень молодыми, в диапазоне от позднего подросткового возраста до чуть старше двадцати. Трое самых молодых мужчин (по той же логи-

ке — сыновей) умерли примерно тогда же. Типично для семей первого столетия: детей много, рожали их одного за другим, дабы обеспечить выживание и преемственность рода.

Пока что Бартон не нашел у их скелетов никаких явных аномалий. И никаких следов травм.

Если допустить, что это родные братья и сестры, рожденные от отца и матери, останки которых находились в восьмом и девятом оссуариях, почему все они ушли из жизни такими молодыми? Даже в первом столетии, когда средняя продолжительность жизни людей, в детстве и юности терпевших тяжелые лишения, была не более тридцати пяти лет, это казалось статистически невероятным. По сути же выходило так, будто все они умерли в один день.

Странно. Бартон встал и потянулся.

— Еще немного потерпите? — Он глянул в другой конец крипты, где лицом к стене в задумчивости сидел мусульманин.

Бартон припомнил, что в какой-то момент он слышал, как Разак монотонно бормотал молитвы.

— Потерплю. Сколько вам еще понадобится?

— Осталось два. Полчасика, не больше, хорошо?

Мусульманин кивнул.

Археолог отвернулся и присел на корточки перед восьмым оссуарием с останками жены Иосифа Сары. Уже набив руку, он ловко сдвинул крышку, перевернул ее и положил на каменный пол так, чтобы использовать в качестве подноса, куда можно будет выкладывать кости.

Из ковчега на него черными провалами глазниц уставился череп, похожий на отвратительный лакированный муляж.

Не вполне сознавая, что конкретно он ищет, Бартон уже начал терять надежду обнаружить что-то особенное в оставшихся ковчегах. Неужели похитители что-то знали и не зря оставили эти оссуарии, как предположил Разак? Нет, содержимое десятого оссуария явно было не таким прозаичным. Мысль о том, что именно знали похитители о содержимом

исчезнувшей реликвии и каким образом им удалось заполучить эту информацию заранее, ставила его в тупик.

Взяв в руки череп, Бартон повернул его, затем направил внутрь луч света, и череп засиял, словно жуткий Джек-с-фонарем*. Сращения костных пластин позволяли предположить, что Сара умерла, когда ей было под сорок. Бартон опустил череп на крышку. Затем одну за другой вытащил кости покрупнее и аккуратно уложил их рядом с ним. Мелкие косточки, ссыпавшиеся на дно оссуария, он доставал пригоршнями. Посветив в опустевший ковчег, археолог внимательно исследовал каждую поверхность в поисках гравировок и убедился, что ничего не проглядел на дне ларца.

Почтительно возвратив кости Сары в ее оссуарий и закрыв крышку, Бартон уже без особого энтузиазма присел на корточки перед девятым оссуарием.

— Ну, Иосиф, хоть ты поговори со мной. — Протянув руки, он потер кончики пальцев на удачу и ухватился за крышку.

К его удивлению, она не поддавалась. Бартон попробовал снова. Тщетно.

— Хм. Странно...

— Что такое? — откликнулся Разак.

— Последний оссуарий чем-то запечатан, что ли... — Бартон провел лучом фонаря вдоль стыка — тот был явно заделан чем-то напоминающим современный серый герметик.

— Может быть, оставить его в покое?

Этот парень что, спятил? Не для того он столько трудился, чтоб сейчас все бросить! Проигнорировав слова Разака, Бартон достал из кармана швейцарский армейский нож, раскрыл среднее лезвие и соскоблил немного вязкого вещества на покрытую перчаткой ладонь. Разглядев соскобы под светом, он определил, что это нечто вроде маслянистого воска. Бартону понадобилось минут пять, чтобы ослабить «пломбу» настолько, что стало возможным освободить крышку. Он сложил нож и убрал его в карман.

* Главный персонаж праздника Хэллоуин.

— Итак... — пробормотал Бартон, вытирая пот с бровей. Крепко ухватившись за края крышки по обеим сторонам, он снял ее и опустил на пол. И едва не задохнулся от смрада, ударившего в нос из глубины ковчега.

Схватив фонарь, он посветил вниз. Длинные кости были сверху, и он приступил к их выемке.

Когда Бартон добрался до черепа, он перевернул его и посветил внутрь. Судя по развитому сращению швов и существенному износу оставшихся вдоль линии челюсти зубов, Иосифу к моменту кончины было далеко за шестьдесят или чуть больше семидесяти. Вынув последнюю косточку, Бартон задержал дыхание и сунул голову в ковчег, светя себе фонарем. На дне он с удивлением увидел небольшую прямоугольную металлическую пластину. Вновь достав нож, он подсунул под нее лезвие и, отделив от дна, обнаружил маленькую нишу, выдолбленную в основании оссуария. В нише лежал небольшой металлический цилиндр длиной не более пятнадцати сантиметров. Бартон улыбнулся.

— Вот ты где, дружище. — И, ухватив цилиндр двумя пальцами, извлек его.

— Что-то нашли? — донесся с дальнего конца усыпальницы голос Разака.

— Нашел, нашел. Взгляните-ка!

Не раздумывая, Разак повернул голову и лишь краешком глаза успел заметить цилиндр, когда взгляд его опустился на горку костей. Он тут же резко отвернулся к стене.

— Заблудшая душа. Да пребудет с ним мир, — пробормотал мусульманин.

— Виноват. Простите, что не предупредил вас.

Вскинув руку вверх, Разак покачал головой.

— Ничего, все в порядке. Что там у вас в руке?

— Ниточка. — Вскочив на ноги, Бартон подошел к шесту с прожектором. — Идите посмотрите.

Поспешно поднявшись, Разак подошел к Бартону и остановился рядом.

Рассмотрев поближе цилиндр, Разак заметил, что у него две, по всей видимости, бронзовые крышки в виде колпачков с обеих сторон.

— Вы хотите открыть его?

— Конечно. — Бартон, не колеблясь, стянул один колпачок, поднес открытый конец к свету и заглянул внутрь: там лежало что-то свернутое в трубочку.

— Ага. Похоже, нам письмо.

Разак нервно поглаживал подбородок, гадая, можно ли в данном случае принять какое-либо другое решение, но возражать не стал. Бартон все-таки специалист.

Подставив ладонь, Бартон постукивал по ней цилиндром, пока свиток не вывалился. Проверив, не осталось ли внутри металлической трубочки еще чего-нибудь, он убрал ее в карман рубашки.

— Пергамент. Причем отлично сохранившийся. — Бартон с великой осторожностью развернул свиток.

Пергамент убористо покрывали письмена, если он не ошибался — на древнегреческом языке. Археолог поднял глаза на Разака.

— Эврика!

Ватикан

Потратив два часа на подробное протоколирование хода экспертизы в специальном журнале — цифровые фотографии, описание процесса, комментарии, — двое экспертов вернулись в тесную подсобку с белыми стенами и теперь потягивали эспresso. Оба молчали, погруженные в свои мысли.

Наконец Берсеи оторвался от раздумий.

— Мне довелось повидать немало человеческих останков всевозможных видов и форм, мумифицированных и просто кости. Некоторые почти полностью истлевшие. — Он помедлил. — Но такое, честное слово, вижу впервые. Впрочем, удивительного здесь мало.

— Отчего же?

— Хотя и считается, что распятие на кресте придумали греки, на самом деле его практиковали римляне как типичный метод казни преступников. Вплоть до четвертого века, когда император Константин запретил его.

— Вы уверены, что перед нами жертва именно распятия, а не какой-то другой пытки?

— Уверен. И скажу вам почему. — Берсеи допил кофе. — Начнем с азов. Прежде всего вам необходимо уяснить, почему римляне распинали преступников. Ясное дело, подобное наказание — крайняя мера, но оно также играло роль предостережения всем жителям Римской империи. Казнь, как

правило, проводилась при большом скоплении народа, приговоренных раздевали донага и пригвождали к крестам вдоль оживленных дорог и в самых людных местах. Такая смерть считалась позорной... Страшно унижительной. В основном такой казни подвергались преступники из нижнего социального сословия либо те, кто совершил преступления против властей. Этот метод был ключевым в римской политике устрашения.

Зеленые глаза Шарлоты сверкнули.

— Выходит, мы имеем дело с преступником?

— Может, и так. — Берсеи пожал плечами.

— Откуда вы все это знаете? — Она с любопытством взглянула на него.

— Понимаю, что это может показаться странным, но несколько лет назад я опубликовал работу по формальному исследованию казни через распятия на кресте. Работу эту субсидировал папский комитет. В ней я провел анализ общепризнанных теорий относительно процесса умерщвления жертвы.

— Не могу не спросить вас... — Шарлотта слегка растерялась, не зная, как ей реагировать. — Зачем?

— Понимаю, понимаю, звучит довольно мерзко. Но распятие применялось веками, оно играет очень важную роль в понимании политики правления эпохи раннего Рима. Я предпочитаю думать об этом как об узкой специализации. — Берсеи смущенно улыбнулся и продолжил: — Прежде чем распять, преступников секли розгами или бичом, делая их более покладистыми, чтобы они покорно двигались к месту казни. В нашем конкретном случае бичевание производилось *flagrum* — ужасным бичом из нескольких ремней с железными шипами.

— И отсюда такие раны на ребрах?

— Si. Судя по глубине борозд, с него буквально живьем содрали кожу. Этот человек испытывал колоссальную боль и обильное кровотечение.

— Господи, как жестоко...

Перед мысленным взором Шарлотты предстал острый как бритва кончик бича, со свистом рассекающий воздух и разрывающий живую плоть.

— Увы, это было только началом. Само по себе распятие было куда страшнее. Существовало несколько способов казни. Преступника прибивали к кресту длинными гвоздями, проходящими сквозь запястья и ступни. Руки привязывали к кресту веревкой, чтобы обеспечить дополнительную поддержку подвешенному вертикально телу. Крестом могло служить и простое дерево, и столб, и два бруса, сбитых крестнакрест, и, наконец, какая-нибудь прочная конструкция в форме заглавной «Т». Полагаю, в случае с нашей жертвой крестом послужил *сгux composita* — составной крест, состоящий из вертикального столба либо ствола дерева, и поперечины, так называемой *patibulum*. На известных нам изображениях распятия жертву прибивали к кресту гвоздями, проходящими сквозь ладони...

Шарлотта уже догадалась о том, что происходило дальше.

— Но мелкие кости и слабые мышцы ладоней были не в состоянии удержать вес тела, не правда ли? Будучи прибито сквозь ладони, тело сорвется с креста. — Она крепко сжала пальцами чашку.

— Вот именно. Поэтому, чтобы удержать тело, в запястье забивались железные гвозди — внушительного размера костыли, примерно сантиметров восемнадцать длиной. Вот сюда, прямо над локтевой и лучевой костями, вместе с широкой деревянной шайбой для предотвращения скольжения. — Берсеи указал на точку сразу над сгибом своего запястья. — При этом повреждали или перерубали срединный нерв, вызывая мучительные боли в руке. Руки мгновенно парализовало. Когда оба запястья были прибиты, *patibulum* (а на нее приходился вес всего тела) грубо вздергивали и крепили к столбу. Невозможно представить, что мог чувствовать несчастный. Жуть...

Перед глазами Шарлотты возникли зловещие видения гвоздей, вбиваемых в тело.

— Это объясняет вывих плеча.

— Это объясняет также характер и масштаб повреждений и следы железа, которые мы обнаружили на запястьях. Чрезмерное давление на кости. Перемалывание. Так происходит, когда тело подвешивают на гвоздях.

Хеннеси со стуком поставила чашку в раковину.

— Кофе в горле застрял...

— Вам нехорошо? — Берсеи положил ладонь ей на руку.

Шарлотта потеряла глаза. Рак костей сейчас не казался ей таким страшным.

— Продолжайте, я в порядке.

— Когда тело оказывалось в вертикальном положении, ступни накладывали одна на другую и прибивали к столбу. Думаю, это было нелегко, поскольку жертва молотила ногами.

— Отсюда, значит, и повреждения на ступне. Он сопротивлялся.

— Да. — Берсеи понизил голос. — Иногда, чтобы предотвратить сопротивление, между ног вставляли *sedile*, или кол. Гвоздь загоняли через... — он помедлил, словно подбирая слова помягче, но решил все же быть точным в формулировке, — ...пенис, таким образом удерживая человека от резких движений на кресте.

На какое-то мгновение Шарлотте показалось, будто она вот-вот потеряет сознание. Каждый раз, когда доктор Берсеи добавлял очередную порцию подробностей, она как будто все больше и больше проваливалась куда-то, словно из нее одну за другой вытягивали собственные кости.

— Боже, как же это бесчеловечно... — прошептала она.

Эти вселяющие ужас познания совершенно не вязались с мягким, интеллигентным обликом Джованни. Шарлотта глубоко вздохнула.

Скрестив на груди руки, Берсеи немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Особенность распятия в том, что ни один из этапов казни не является смертельным для жертвы, — продолжил он. —

Смерть наступает в результате обширной, тотальной травмы. Бичевание, сажание на кол, открытое воздействие стихии... Все эти факторы вносят свой губительный вклад. В зависимости от состояния здоровья жертвы смерть могла наступить спустя несколько дней.

Шарлотта не могла представить себе людей, подвергнутых столь жестокой каре. Так же непостижима была для нее и увлеченность Берсеи, с которой он делился своими знаниями в этой области. Ей претила сама мысль, что людям, наверное, свойственно проявлять любопытство к такого рода вещам.

— И мы уже установили, что этот человек обладал необычайным здоровьем...

— Да, — кивнул Берсеи. — Обнаруженные нами повреждения ребер наводят на предположение о том, что он должен был погибнуть вследствие одного только бичевания. Его кожу и мышечную структуру разодрали в клочья, обнажив внутренние органы. Просто невероятно, где этот человек черпал силы: ведь страдания его были ужасны. Из этого я сделал окончательный вывод.

В ожидании того, что последует дальше, у Шарлотты защемило сердце.

— Если приговоренный не отдавал богу душу достаточно быстро, — продолжил Берсеи, — его кончину ускоряли: несчастному ломали колени железной дубинкой.

Шарлотта сразу же вообразила эту картину, и ее колени задрожали.

— Как у нашего... — проговорила она. С трудом сохраняя выдержку, Шарлотта попробовала сделать вывод о последствиях финальной стадии наказания. — Без поддержки ног нагрузка от веса всего тела падала на грудную клетку. Поэтому грудные хрящи оказались порваны?

— Именно так. Со сдавленными легкими жертва отчаянно боролась за каждый вздох. А в это время та малая часть крови, что у нее оставалась, начинала скапливаться в ногах и нижней части туловища.

— А затем наступала смерть от удушья и остановки сердца, правильно?

— Правильно. Обезвоживание и травмы тоже способствуют ускорению процесса. — Он помедлил и скривил губы. — Жертву держали на кресте несколько дней, до тех пор, пока не наступала смерть. Боль она испытывала невыносимую.

— А потом?

— Труп сбрасывали на землю на съедение стервятникам, собакам и другим хищникам. То, что оставалось после них, сжигалось. Римляне в этом плане были весьма методичны. Последняя стадия усиливала впечатление от казни. Запрет должным образом хоронить преступников — это серьезный удар по всем вероисповеданиям тех времен. Сжигая тела, римляне фактически лишали жертв шанса на возможную загробную жизнь, реинкарнацию или же воскрешение.

— И впрямь высшая мера. — Шарлотта уставилась в пол.

— Да уж. Тело уничтожалось полностью.

— Люди, наверное, до смерти пугались, когда видели все это. Жуть-то какая: идешь по дороге, а вдоль нее столбы с телами распятых. Страшная кара.

— Римская демонстрация силы. Конечно же, это оставляло мощное впечатление... Зато держало в узде поработанных налогоплательщиков.

В подсобке ненадолго воцарилась тишина.

— Кто этот человек, как вы думаете? — наконец спросила Шарлотта.

— Ну, еще пока рано говорить. — Берсеи пожал плечами и покачал головой. — Может, просто один из тысяч, распятых римлянами. Правда, единственное, что находили из останков распятых ранее, это пяточная кость, пробитая сбоку гвоздем. Сам факт, что перед нами отлично и полностью сохранившиеся останки распятого тела, делает находку реликвией невероятной ценности.

— Вот для чего Ватикан пустился во все тяжкие, чтобы заполучить нас сюда.

— Совершенно верно. Очень даже логично. Такие находки называют основополагающими.

— Но ведь мы только сегодня вскрыли оссуарий, а если он был запечатан, каким образом они узнали, что человек из него был распят? Откуда они знали, что им понадобится ваша экспертиза?

Берсеи задумался над ее словами.

— То, что позвали меня, неудивительно. Столько лет проработав в римских катакомбах, я нашел много скелетов, много останков и реликвий, имеющих отношение к погребениям. Ну а что касается вас... Думаю, мне незачем говорить вам, что анализ ДНК при исследовании человеческих останков — мощный инструмент. Но давайте отложим теории, пока не изучим оссуарий до конца. Ведь кости могут поведать нам лишь часть истории.

Ватиканский музей

Через крошечную кладовку в конце коридора, в который выходила дверь лаборатории, проходил пучок кабелей, передающих информацию на жесткий диск компьютера — изображение и звук «реального видео» из лаборатории и смежной с ней подсобки. Нацепив наушники и подключившись к аппаратуре наблюдения, Сальваторе Конти прилежно записывал каждый шаг ученых, как велел ему Государственный секретарь Ватикана кардинал Сантелли.

Два отдельных беспроводных канала также отслеживали все телефонные звонки, входящие и исходящие, из спальни Шарлотты Хеннеси (всего лишь простенькое подключение к главному телефонному серверу Ватикана) и дома Джованни Берсеи. Конти лично побывал в доме ученого накануне вечером. Пока антрополог увлеченно поедал пережаренные его супругой телячьи ножки, Конти встраивал передатчик в распределительную телефонную коробку, расположенную на наружной стене дома, — пригодились навыки электрика, полученные при выполнении предыдущего задания.

Разговор двух ученых показался ему не слишком интересным, в основном он разглядывал очаровательного американского генетика. Эта докторша его сильно зацепила. Обычно таким парням, как он, не нравились женщины подобного типа. Но попробовать никогда не поздно. Что каса-

ется упорства, то тут Сальваторе Конти не было равных. Настойчивость — залог успеха.

Уже в который раз внимательно изучая Хеннеси — ее лицо, губы, волосы, тело, — он решил для себя, что так или иначе, но обязательно распробует эту дамочку. А для этого надо всего лишь немного подождать — пока не завершится дело.

На отдельном компьютере он запустил Интернет и зашел на сайт банка Каймановых островов, где был открыт счет на одно из его вымышленных имен. Введя логин и пароль доступа, он немного подождал и с удовлетворением убедился в том, что Сантелли выполнил свои обязательства.

Сегодня утром он имел предельно откровенную беседу с кардиналом по поводу премиальных в связи с ускоренной доставкой реликвии и дополнительной надбавки за риск ему и его коллегам (за исключением Дуга Уилкинсона). Конти ясно дал понять, что будет «некомфортно» себя чувствовать, если, покидая Ватикан, не убедится в переводе платежей. Удивительно, но кардинал даже не стал спорить, с готовностью согласившись с тем, что такая результативная операция, конечно же, стоит дополнительных издержек.

Деньги перевели через один из банковских филиалов Ватикана за границей без контрольной записи и какого-либо следа для аудиторов — в этом Конти не сомневался. Банк даже не сделал попытки сообщить ему размер суммы, а информация об источнике перевода была сразу же удалена.

В юности Сальваторе Конти был преуспевающим кадетом Военной школы Нунциателла в Неаполе и, окончив ее, отправился исполнять обязательную восьмимесячную воинскую повинность. Прошло немного времени, и его уникальные способности — физические и умственные — привлекли внимание офицеров, чьи похвалы способствовали тому, что молодой солдат перешел на службу в контрразведку Италии. Там он приобрел основные знания и опыт, которые помогли ему стать свободным агентом. Политические убийства, захват заложников, внедрение в террористические ячейки — Конти брался за любую работу, которую ему подбрасывали, и с блес-

ком выполнял ее. Его даже «отдавали взаймы» для участия в совместных операциях, проводимых в Европе и США.

Его решение оставить службу в SISDE*, принятое почти пять лет назад, оказалось верным. Успев за годы работы наладить многочисленные контакты, Конти не испытывал недостатка в работодателях, решивших отомстить заклятым врагам или заполучить новые активы. Расплачивались они всегда наличными и всегда вовремя.

Несмотря на это, он определил для себя небольшую группу клиентов, в перспективе наиболее прибыльных. Среди них числился Ватикан — крошечное государство, считающее себя практически неуязвимым за своими высокими стенами, с изощренной системой безопасности и наемной армией. Конти бесцеремонно явился на встречу с тамошним главным начальником, напомнив этим, что неуязвимых систем безопасности не существует. Нет, встречался он, конечно, не с Папой, это было бы неразумно. Конти выбрал кардинала Сантелли — человека, по его сведениям, являющегося мозговым центром Ватикана.

Он как сейчас помнил выражение физиономии этого старого козла, когда в то утро Сантелли, насвистывая, вошел в свой кабинет и увидел, что за его письменным столом сидит незнакомый человек и раскладывает пасьянс на его компьютере. Конти тогда нарочно оделся во все черное — стандартное облачение для ночных взломщиков.

— Вы кто такой?! — в ужасе взвыл кардинал.

— Ваш личный советник по безопасности! — рявкнул в ответ Конти, поднимаясь, обходя стол и протягивая Сантелли визитную карточку со своим псевдонимом и номером мобильного телефона. — Проходил тут мимо, и захотелось представиться лично, дабы помочь вам исправить кое-какие очевидные недостатки в системе безопасности вашей страны.

* Servizio per le Informazione e la Sicurezza Democratica (um.) — Служба информации и демократических гарантий.

На самом деле проникнуть в Ватикан оказалось совсем не просто. В рюкзаке, небрежно брошенном у стола Сантелли, хранился целый арсенал: тросы с «кошками», снаряжение для спуска по канату, стеклорезы, очки ночного видения, блоки. Конти пришлось взобраться по северному крепостному валу, выстрелить линем с «кошкой» через крышу Ватиканского музея, преодолеть по воздуху расстояние до Апостольского дворца, взломать охранную сигнализацию (при помощи электромагнитного импульсного устройства, которое он прихватил с предыдущего места работы в SISDE), спуститься по веревке к окну кабинета Сантелли, прорезать стекло и открыть шпингалет. Очутившись внутри, он перекусил мортаделлой*, ветчиной и моцареллой в панировке, запил все «Пелегрино чинотто»** и стал дожидаться рассвета.

Сантелли понадобилась минута, а то и две, чтобы успокоиться и уяснить для себя, каким образом кто-то умудрился обойти хитроумные барьеры безопасности Ватикана. Все это время он не сводил глаз с интеркома на своем столе. Конти же, объяснив, что он в состоянии предложить несметное количество услуг «такому могущественному человеку», огласил их подробный перечень, выслушав который кардинал счел необходимым изобразить на лице оскорбленную мину. Однако Конти это не смутило. Еще работая в SISDE, он имел доступ к информации об этом человеке, причастном, например, к печально известному скандалу с банком «Амброзиано», и знал, что кардинал был далеко не новичком во всякого рода грязных делишках.

— Почему вы так уверены, что я не дам команду немедленно арестовать вас? — с нажимом спросил Сантелли.

— Потому, что я приведу в действие заряд пластида, заложённый под зданием, прежде, чем ваша охрана переступит порог этой комнаты.

* Свиная пикантная колбаса.

** Традиционный итальянский цитрусовый прохладительный напиток с травами.

— Блефуете! — Глаза кардинала расширились.

Конти вытянул руку с миниатюрным пультом.

— Папа сейчас у себя наверху, не так ли? Вы в самом деле хотите испытать судьбу?

— Ладно, мистер Конти. Вы меня убедили.

— Вот моя визитка. Доверьтесь мне... в один прекрасный день вам понадобится моя помощь. — Конти обошел стол и подхватил свой объемистый рюкзак. — Буду благодарен, если вы проводите меня к выходу, — добавил он, похлопав по рюкзаку. — Когда я благополучно выйду отсюда, то скажу вам, где спрятан пластид. Договорились?

Родители Конти считали, что основой его достатка были удачные вложения в бизнес недвижимости, но Мария, его тридцатипятилетняя старшая сестра, оказалась не настолько простодушна, и это способствовало прогрессирующей динамике семейных накоплений.

Специфика его работы не предполагала долговременных отношений. И вовсе не потому, что Сальваторе Конти был не создан для них. Однако в следующие несколько лет — никаких постоянных подружек... о жене и детях — забыть. Ведь любой неосторожный поступок с его стороны подрывал саму идею анонимности и создавал слишком много потенциальных осложнений. Пока что женщин, готовых удовлетворить сиюминутные желания Конти, было более чем достаточно. Для этого требовались только деньги. А судя по сумме платежа за его последнюю работу, в ближайшем будущем недостаток в желающих не намечается.

С улыбкой и прищуренными от удовольствия глазами Конти прочитал цифры баланса на своем счете: € 6 500 000.00. После вычетов предстоящих расходов и доли шестерых оставшихся членов команды ему достанется кругленькая сумма в четыре миллиона евро. За несколько дней работы. Неплохо!

И его даже не зацепило. Еще один бонус.

*Шинон, Франция
3 марта 1314 года*

В полутемной и тесной подземной темнице форта дю Кудре лицом к холодной каменной стене сидел обессиленный Жак де Моле и наблюдал, как три громадные крысы дерутся за корку хлеба, которую он им бросил.

Промозглый холод глодал его кости. В спертom воздухе невыносимо воняло экскрементами. Это была не просто тюрьма. Это был сущий ад.

Де Моле уже минуло семьдесят, и его покрытое шрамами тело, когда-то такое крепкое и сильное, стало совсем изможденным. В длинной, цвета слоновой кости, спутанной и засаженной бороде кишели вши.

Долгих двадцать лет он занимал самый видный пост в ордене, пост Великого магистра. И вот она, достойная награда — унижение. Шесть долгих лет он гниет в этой забытой Богом яме, пав жертвой политических интриг молодого амбициозного короля Франции Филиппа IV и вступившего с ним в тайный сговор Римского Папы Климента V.

Каждый прожитый здесь день Жак де Моле возвращался мыслями к тому разговору с Тибо Годеном в крепости Колосси. Прислушайся он тогда к совету этого труса...

Сквозь прутья железной решетки донеслись звуки из коридора: стон тяжелой двери, поворачивающейся на петлях,

звон ключей в связке, приближающиеся шаги. Несколько секунд спустя за решеткой возник закутанный в плащ силуэт. Не поднимая головы, де Моле уже знал, кто это. Крепкий, тяжелый запах одеколона не оставлял сомнений, что к нему наконец пожаловал Папа Климент V собственной персоной. По бокам его стояли два дюжих стражника.

Голос с гнусавым французским выговором разрезал тишину:

— Что-то вы подурнели, Жак. Краше в гроб кладут.

Де Моле поднял взгляд на тучного первосвященника, прикрывавшего нос украшенным вышивкой носовым платочком. Золотые перстни с бриллиантами, включая и папское «кольцо рыбака»* с печатью, унизывали его мягкие, коленные пальцы. Под тяжелой черной накидкой с капюшоном виднелось ниспадающее одеяние священника, золотой нагрудный крест мерцал в отблесках пламени факела. Де Моле заговорил, преодолевая боль в растрескавшихся губах:

— А вы... все хорошеете.

— Ладно-ладно, магистр, не будем переходить на личности.

— Слишком поздно. Это всегда было *только* личным, — напомнил ему де Моле.

Климент опустил руку с платком и улыбнулся:

— О чем вы хотели говорить со мной? Решили наконец сознаться и исповедаться?

Ледяной взгляд де Моле вонзился в Папу, этого наглеца, который был моложе его на двадцать лет.

— Вы знаете, что я не отрекусь от своих братьев и своей чести в угоду вашим интригам.

Четыре года назад де Моле предъявили не менее ста двадцати семи обвинений против ордена, среди которых были и самые нелепые: поклонение дьяволу, сексуальные извращения и разнообразнейшие богохульства в отношении Иисуса

* Атрибут папской власти. На кольце изображен апостол Петр, бросающий рыбацкую сеть с лодки.

са Христа и христианства. А всего два года назад, 22 марта 1312 года, сам Климент издал папскую буллу, озаглавленную «Vox in Excelso», которая формально распускала орден тамплиеров.

— Вы уже захватили наши деньги и земли. — В голосе де Моле звенело презрение к этому человеку. — Вы замучили сотни моих людей, выколачивая ложные признания, сожгли заживо еще пятьдесят четыре рыцаря — все погибшие были благородными людьми, не щадившими свои жизни ради защиты престола Святой церкви.

Климент проигнорировал его упреки.

— Вы же знаете, что, если не прекратите упорствовать, вас убьют инквизиторы... И смерть ваша не обещает быть приятной. Имейте в виду, Жак, вы и ваши люди безнадежно устарили, как и дело, которому вы служите, с честью или без оной. Ваши вояки уже лет двадцать как потеряли контроль над Святой землей и пустили псу под хвост все наши достижения на протяжении двух веков.

Достижения? На мгновение де Моле неудержимо потянуло рвануться к решетке, просунуть руки сквозь прутья и сомкнуть пальцы вокруг шеи понтифика. Но слева и справа от него стояли бдительные охранники, сопровождавшие его на тайную встречу.

— Нам обоим хорошо известно, как велико было нежелание Рима поддержать наши усилия. Мы нуждались в людях, однако их нам не прислали. Противник имел десятикратное превосходство в численности. И тогда, и теперь все решали деньги.

— Дело прошлое... — Папа пренебрежительно махнул рукой. — Не для того же я проделал такой путь, чтоб ворошить старые распри. Кстати, по-вашему, зачем я здесь?

— Чтобы поторговаться.

— Не в вашем положении торговаться, — рассмеялся Климент.

— Вы должны восстановить орден. Не ради меня — ради себя самого.

— Оставьте, Жак, это несерьезно.

Де Моле не отступался, в его взгляде засверкала решимость.

— Когда пала Акра, у нас уже не было времени вернуться в Иерусалим, пришлось бросить столько ценностей. Истинных сокровищ, которые запросто могли попасть в лапы неверных. — Завладеть вниманием Климента можно было только тем, что могло спасти папское государство от нависшего над ним экономического краха.

— Какие же это, интересно, сокровища? — Папа, ухмыляясь, прижался лицом к прутьям решетки. — Голова Иоанна Крестителя? Крест Иисуса? А может, Ковчег Завета?

Де Моле стиснул зубы. Крайняя закрытость ордена тамплиеров и их умение хранить тайну порождали множество домыслов о том, каким образом они нажили несметные богатства, что и послужило причиной той легкости, с которой Папа и король обвинили их во всех грехах и сострепали грязные фальсификации. Но слышать, как эта мерзость срыгается с женственных губ Климента, было просто невыносимо.

— А теперь слушайте меня очень внимательно. Иначе существованию вашей великой церкви грозит опасность.

Папа с недоумением воззрелся на магистра, чуть отстранившись от решетки. Он пытался оценить сказанное узником — человеком, которого, несмотря ни на что, он никогда не считал лжецом:

— Я слушаю.

Желудок де Моле больно сжался, ему самому не верилось, что он вот-вот решится. Но, прождав шесть долгих лет, он пришел к горькому выводу: оставшиеся в живых тамплиеры не протянут еще один год, если только не случится что-то экстраординарное. Терзаемый раскаянием, магистр уговорил себя раскрыть самый оберегаемый секрет ордена — тот самый, что монашеское братство присягнуло держать втайне.

— Существует древняя книга, хранимая орденом тамплиеров более двух веков. Она называется «*Ephemeris Conlusionis*».

— «Тайные хроники»? — нетерпеливо перебил Папа. — Что еще за хроники?

Последующие пятнадцать минут Великий магистр ордена тамплиеров подробно рассказывал поразительную историю об открытии настолько выдающемся, что, будь это правдой, история христианства повисла бы на волоске. Однако подробности и детали казались слишком точными, чтобы не быть подлинными. Папа сосредоточенно внимал словам Жака де Моле, ведь слухи о подобной угрозе бродили среди католической иерархии на протяжении многих лет.

Закончив свой рассказ, Великий магистр замер, ожидая реакции понтифика.

Спустя почти минуту глубоких раздумий Климент наконец заговорил, и тон его был менее уверенным и почти испуганным:

— И вы оставили эту книгу в Иерусалиме?

— У нас не было выбора. Почти весь город уже был захвачен.

На самом деле им и в голову не приходило, что реликвии придется вывозить. Тамплиеры просто хранили и оберегали их. Такова воля Божья.

— Вот так история... — протянул Климент. — Зачем вы рассказали ее мне?

— Затем, что в вашей власти повернуть вспять череду несправедливостей, обрушившуюся на орден. Необходимо растить новое воинство, чтобы вернуть утраченное. Полагаю, вы в состоянии представить себе последствия своего отказа. — по выражению лица Климента де Моле видел, что Папа отлично представляет себе эти последствия.

— Даже если бы я захотел реабилитировать тамплиеров, — озвучил свои мысли Климент, — мне пришлось бы убедить Филиппа сделать то же самое. — Он покачал головой. — Не думаю, что после всего случившегося король пойдет на уступки.

— Вы должны попытаться, — настаивал де Моле. Он понял, что ему удалось нащупать слабое место Климента. Папа

всерьез задумался над его предложением. — Дайте мне слово, что попытаетесь.

Климент полагал, что сегодня он все-таки сломит де Моле и тем самым положит конец всему этому фарсу. Внезапно он почувствовал, что нуждается в упрямом старике больше, чем когда-либо.

— Воля ваша, — наконец сдался он. — Даю вам слово.

— Прежде чем вы уйдете, я хотел бы, чтобы вы письменно подтвердили данное мне слово.

— Этого я сделать не могу.

— Без моей помощи вам не найти ни книги... ни руководства, как ее отыскать, — упорствовал де Моле. — Я ваша единственная надежда.

Понтифик надолго задумался.

— Будь по-вашему. — Он велел одному из стражников привести писца. — Но что, если Филипп откажется?

— Что ж, тогда уже не имеет значения, что уготовила судьба мне или моим людям... Поскольку и вы, и король Филипп, и весь христианский мир будут обречены.

Ватикан

Отец Патрик Донован сидел за массивным дубовым столом в громадной библиотеке Апостольского дворца, попасть в которую можно было, только пройдя через биометрический сканер сетчатки глаза, сложный комплекс лестничных площадок с кодовыми замками и несколько постов швейцарских гвардейцев.

Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum — Секретный архив Ватикана.

Со временем Ватикан расширил и усовершенствовал систему безопасности архива, придя к выводу, что в папском государстве нет больших ценностей, чем его секреты.

Недавно установленные гигантские огнеупорные металлические шкафы, которые тянулись вдоль стен и достигали высокого, расписанного фресками потолка, хранили в застекленных герметичных недрах более 35 000 пергаментов и рукописей. От признанных неканоническими библейских апокрифов, языческой мифологии и истории Христа до трудов еретиков эпохи Возрождения, например Галилея. Секретный архив долгие века являлся депозитарием еретических творений, запрещенных прежними понтификами, а также земельных актов города Ватикана, сертификатов и юридических документов.

Вопреки распространенному мнению Ватикан по-прежнему активно пополнял свой архив. В двадцать первом веке ересь не умерла; атаки на христианский мир сделались более изощренными, и мирские распри продолжали шириться. Ведь не секрет, что многим добиблейским писаниям, сомнительным литературным произведениям, вносящим двусмысленность в чистоту и достоверность Евангелия, по-прежнему удавалось ускользать от контроля Ватикана.

На протяжении всей истории католицизма лишь немногие избранные удостоивались чести хранить секреты Ватикана и поддерживать порядок в этом потрясающем архиве. Донован до сих пор не переставал удивляться своему назначению на эту должность.

Дорога, что привела его из Белфаста в Рим, была долгой.

Сразу по окончании семинарии Донован получил место священника в соборе Крайстчерч в Дублине. Вскоре своим страстным увлечением историей и книгами он заслужил признание как специалист. Два года спустя он стал читать курс библейской истории в Университетском колледже Дублина, снискавший шумный успех. Его легендарные лекции и письменные работы по раннехристианским манускриптам в итоге привлекли внимание выдающегося церковного деятеля, ирландского кардинала Дэниела Майкла Шонесси. Тот поспешил пригласить Донована сопровождать его в поездке в Ватикан, где представил молодого священника кардиналу, осуществлявшему надзор за Ватиканской библиотекой. Вскоре родились совместные проекты, и менее чем три месяца спустя Донован получил приглашение, от которого невозможно было отказаться. Должность хранителя архива Ватикана. Хотя ему тяжело было решиться на то, чтобы оставить в Ирландии престарелых родителей — его единственных родственников, — Донован любезно согласился.

Было это двенадцать лет назад. И конечно же, ему никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день он станет непосредственным участником самого крупного сканда-

ла в истории церкви, начало которому положила всего лишь книга.

Склонившись в задумчивости над пожелтевшими пергаментными страницами последнего приобретения архива, Донован внимательно изучал затянутую в кожаный переплет рукописную книгу «*Ephemeris Conklusio*» — «Тайные хроники». В знак уважения к крови, пролитой за право обладания реликвией, которую сейчас изучали в музее Ватикана, он хотел получить подтверждение того, что оосуарий во всех деталях совпадает с описанным в тексте. Когда его глаза удостоверились в точном сходстве уникального символа с тем, что вырезан на боковой стенке ковчега, священник с облегчением вздохнул и прервал тщательное изучение рисунка.

Вряд ли теперь отцу Доновану удалось бы ясно припомнить, как он шел к этому моменту, какой была вереница шокирующих событий, спровоцированных одним-единственным телефонным звонком, который состоялся в тот дождливый полдень, две недели назад...

В окно кабинета барабанил неожиданный в эту пору ливень, но отец Донован не замечал его, погрузившись в документ восемнадцатого века о происхождение ереси. Зазвонил телефон. Поднявшись со стула, он ответил на четвертый звонок.

— Я говорю с отцом Патриком Донованом, хранителем Секретного архива Ватикана?

В голосе слышался акцент, который Доновану не удалось сразу распознать.

— Кто это?

— Кто я, вам знать необязательно.

— Вот как...

Уже не в первый раз ему под видом потенциального продавца звонили репортеры или взбалмошные ученые, мечтающие получить доступ к какой-нибудь редчайшей книге.

— У меня есть кое-что представляющее для вас интерес.

— А у меня нет времени играть в загадки, — ответил Донован. — Пожалуйста, конкретнее.

Он уж собрался поскорее отделаться от звонившего, решив, что это какая-то уловка. И тут незнакомец произнес два слова:

— «Тайные хроники».

— Что вы сказали?

— По-моему, вы расслышали. У меня есть «Тайные хроники».

— Это книга-легенда. — Голос Донована дрогнул. — Миф.

Мог ли кто-нибудь за стенами архива или тюрьмы Жака де Моле в замке Шинон знать о ее существовании? В ожидании ответа священник начал нервно рассказывать по комнате.

— Эту вашу легенду я в настоящий момент держу в руках.

Донован с трудом поборол волну паники. Всего лишь два года назад такой же вот незнакомец позвонил ему и предложил «Евангелие от Иуды» — древние записи на коптском языке, в которых печально знаменитый ученик Христа рассказывал, как, действуя якобы по тайному указанию самого Иисуса, способствовал его распятию. Ватикан, однако, подверг сомнению подлинность манускрипта, отказавшись от шанса приобрести его, — серьезный просчет, поскольку весьма скоро весь мир прочел этот документ, опубликованный в журнале «Нэйшнл джиографик». Донован был уверен: в Ватикане вряд ли захотят повторить подобную ошибку.

— Если вы на самом деле владеете «Тайными хрониками», скажите, на каком языке они написаны?

— Разумеется, на греческом. Хотите еще деталей?

Он услышал ритмичное постукивание на том конце провода.

— И кто автор книги?

Незнакомец назвал имя, вновь изумив Донована.

— Если я не ошибаюсь, заклятый враг католицизма? — Незнакомый собеседник помедлил. — Но вы, полагаю, разбираетесь в этом куда больше моего...

Небо за окном потемнело еще больше, и дождь усилился.

Донован тотчас решил для себя: лишь в том случае, если позвонивший назовет самую главную ценность, содержащуюся

юся в книге, он сочтет его предложение заслуживающим доверия.

— По легенде, в «Тайных хрониках» есть карта. А что изображено на этой карте, можете сказать? — Сердце его бешено забилося.

— Не люблю, когда ко мне относятся свысока...

Нижняя губа Донована дрожала, пока незнакомец в мельчайших подробностях описывал ему легендарную реликвию.

— Так вы хотите продать книгу? — Во рту у Донована пересохло. — Вы для этого позвонили?

— Ну, все не так просто...

Тут Донована поразила жуткая догадка: а вдруг этот незнакомец замышляет нанести вред церкви — серьезный, а может быть, и фатальный удар? Прежде чем продолжать, разумно было попытаться выяснить его намерения.

— Вы что, пытаетесь шантажировать Ватикан?

— Да я не о деньгах. — Незнакомец хмыкнул. — Ну, скажем, я вознамерился оказать помощь вам и вашим работодателям.

— Ни ваша позиция, ни ваши мотивы не кажутся мне филантропическими. Чего вы хотите?

Ответ последовал уклончивый:

— Как только вы увидите, что я предлагаю, то сразу поймете, чего я хочу. И что вам надо будет сделать... и что вы захотите сделать. Вот *это* и будет платой.

— Ватикану потребуется установить подлинность книги, прежде чем оговаривать какие-либо условия.

— Тогда я позабочусь о доставке, — ответил он.

— Но прежде я хотел бы увидеть образец... скажем, страницу из книги. — Ответа не последовало. — Пришлите страницу факсом, — настаивал Донован.

— На какой номер? — В голосе незнакомца послышалась неуверенность. — Я останусь на этой линии.

Донован дважды продиктовал ему номер личного факса в своем кабинете.

Прошла томительная минута, прежде чем факс проснулся — на втором звонке аппарат включился на прием, и из не-

го поползла страничка. Несколькоими секундами позже отделился лист с сообщением. Донован схватил его и поднес ближе к свету. Когда он закончил читать великолепно сохранившийся подлинный древнегреческий текст документа, от смысла прочитанного у него перехватило дыхание. Весь дрожа, Донован поднес к уху трубку:

— Где вы это нашли?!

— Не имеет значения.

— А почему обратились именно ко мне?

— А потому, что вы, как я подозреваю, единственный человек в Ватикане, кто в состоянии понять колоссальное значение этой книги. Вы же в курсе, что история пыталась отрицать ее существование. Я избрал вас своим гласом к Святейшему престолу.

Последовала долгая пауза.

— Так нужна вам книга или нет?

Вновь пауза.

— Нужна, — наконец выдавил хранитель.

Два дня спустя Донован готовился встретить посланца анонимно звонившего человека в кафе «Греко» на Виа Кондотти, близ Испанской лестницы. Двое швейцарских гвардейцев в штатском устроились за соседним столиком. Курьер появился в обусловленное время и представился только по имени, предложив визитную карточку на случай дальнейших вопросов. Донован провел с ним за столом лишь несколько мгновений. Кто прислал его, установить было невозможно.

Курьер осторожно передал священнику кожаный ранец.

Хотя никаких объяснений не последовало, Донован интуитивно почувствовал, что человек ничего не знал о содержимом ранца. Все совершилось так буднично, что вмешательство охранников не потребовалось: быстрая, бесстрастная сделка — и двое мужчин разошлись каждый своим путем.

Открыв ранец в безопасной тиши своего кабинета, Донован обнаружил там нацарапанную от руки записку на обычной бумаге и вырезку из газеты. Записка гласила: «Ищите реликвии с помощью карты. Торопитесь, пока их не нашли

евреи. Потребуется моя помощь — звоните». Рядом был написан телефонный номер. Позже Сальваторе Конти сказал ему, что это был номер разового использования и что каждая последующая связь с заказчиком осуществлялась через новый телефонный номер или разовый анонимный веб-сайт, отследить которые невозможно. По-видимому, используя эти каналы связи, заказчик согласовывал с Конти способы и сроки доставки взрывчатки и специальных инструментов, необходимых для извлечения оссуария.

Евреи? Озадаченный священник прочитал вырезку из «Иерусалим пост» и понял, что именно стало причиной этой встречи. Запустив руки поглубже в ранец, он нащупал гладкий кожаный переплет «Тайных хроник».

Иерусалим

Миновав Северные ворота Храмовой горы, Бартон обошел толпу людей у Западной стены по узким, вымощенным камнем улочкам, отлого спускавшимся с горы Мориа.

Как ни странно, удалось убедить Разака позволить ему забрать свиток к себе в кабинет, чтобы попытаться перевести текст. Похоже, мусульманину не терпелось получить хоть какие-то ниточки.

Миновав оживленные Мусульманский и Христианский кварталы, Бартон вошел в Еврейский квартал по улице Тифферет Исраэль и свернул налево, к широкой площади Хурвы. При полном безветрии резкий свет полдня еще сильнее резал глаза. Он взглянул на арку Хурвы — центральную точку площади — и полуразрушенную нижнюю часть, оставшуюся от некогда величественной синагоги.

«Хурва, или иначе руины, — очень подходящее название», — подумал Бартон.

Как и сам Иерусалим, синагогу много раз разрушали и восстанавливали из-за бесконечных распрей между мусульманами и евреями. Накануне рождения государства Израиль в 1948 году синагога была взорвана Иорданским легионом — последний удар, оказавшийся для здания смертельным.

Минуло почти шесть десятилетий, а упорная битва продолжается — ожесточенная война за территории и сферы влияния между израильтянами и палестинцами. И сейчас Бартон чувствовал, что его затянуло в самую горячую точку конфликта.

Хотя главный офис Археологического управления при Министерстве культуры Израиля располагался в Тель-Авиве, три недели назад здесь, в помещении Археологического музея Уола, установили аппаратуру временного канала спутниковой связи — совсем недалеко от квартиры, которую снимали возможные участники происшествий на Храмовой горе.

Перед самым зданием стоял припаркованный золотистый «БМВ»-седан с полицейскими номерами. Бартон мысленно застонал и поспешил к входной двери. Там его встретила стажер-ассистент Рейчел Лейбовиц — привлекательная девушка лет двадцати с небольшим, черноволосая, с оливковой кожей и очаровательными голубыми глазами.

— Грэм, — быстро проговорила она. — Там внизу двое в форме, они к вам. Я велела им ждать на улице, но они настаивали и...

— Все хорошо, Рейчел. — Бартон вскинул руку. — Они должны были прийти.

Он вдруг поймал себя на том, что глазеет на ее губы. Может, в Археологическом управлении и пытались сделать ему приятное, назначив такого симпатичного помощника, однако делам его это не помогло ни на йоту.

В свои пятьдесят четыре Грэм Бартон не был уж таким лихим плейбоем, как когда-то в молодости. Но в своем узком кругу он считался легендой, и это как будто компенсировало его не улучшающуюся внешность. И энергичные студенты, такие как, например, Рейчел, были готовы на все, чтобы сблизиться с ним.

— Пожалуйста, никого со мной пока не соединяйте. — Он прошел мимо девушки, улыбнувшись и задержав дыхание, чтобы оградить себя от дурмана ее духов.

Официальных приглашений на сегодня никому не выдавали, но Бартон знал, что, пока он занимается осмотром места преступления, полиция и СБИ будут дышать ему в затылок. Разумеется, они захотят иметь информацию о каждой найденной им крупинке.

Спускаясь в подземную галерею музея, он прошел мимо восстановленных мозаик и ритуальных ванн, обнаруженных при раскопках богатой виллы эпохи Ирода Великого.

Археологическое управление недавно запустило мощную программу по созданию цифрового каталога своей необъятной коллекции — от пергаментных свитков до гончарных изделий, от языческих изваяний до оссуариев, — колоссальной базы данных с историческими сведениями и трехмерными изображениями каждой реликвии. Программные средства, предназначенные для работы в Интернете, предстояло разработать так, чтобы полевые археологи могли иметь возможность расшифровывать древние надписи. Первым запустив подобные программы в Великобритании, Бартон был идеальной кандидатурой на должность главы проекта. Именно здесь он начал программу оцифровки, чтобы постепенно охватить сеть все израильские музеи, заканчивая знаменитым Музеем Израиля.

Направляясь в конец галереи, он прошел в неприметную квадратную комнату, окрашенную в уныло-серый глянec, — его временный кабинет. Здесь и дожидались Бартона двое мужчин, которые вчера уже приходили просить о сотрудничестве в расследовании: комиссар полиции округа Иерусалим генерал Яков Тополь и глава местного отдела СБИ генерал-майор Арий Телексен. Каждый занял по складному металлическому стулу на «гостевой» половине импровизированного рабочего стола.

— Джентльмены. — Бартон кивнул, поставил портфель и уселся напротив офицеров.

Телексену было под шестьдесят, крепыш с физиономией питбуля — тяжелые челюсти и толстые веки. Он сидел, сложив руки на груди, нисколько не пытаясь скрыть отсутствие

двух пальцев на левой руке. Будучи выдающимся агентом-ветераном израильской антитеррористической службы, он сохранял холодную невозмутимость, приличествующую человеку, много повидавшему в этом мире. О высоком положении Телексена свидетельствовали оливкового цвета мундир с генеральскими погонами и черный берет с символикой СБИ. Сабля, перевитая ветвью оливы, рассекала надвое золотую звезду Давида.

— Мы хотели бы узнать предварительные результаты вашего исследования. — Голые стены гулко отразили раскатистый голос Телексена.

Бартон погладил подбородок, собираясь с мыслями, и начал:

— В задней стене мечети Марвани направленным взрывом пробита очень аккуратная брешь. Явно профессиональная работа.

— Это нам известно, — нетерпеливо сказал Телексен, помахав искалеченной рукой. — Какова была цель?

— Получить доступ в потайную крипту.

— Крипту? — Тополь уставился на археолога.

Он был явно моложе Телексена, форма его скорее подошла бы пилоту коммерческого авиалайнера: бирюзовая рубашка с воротничком, соответствующие званию погоны и темносиние брюки. На фуражке эмблема полиции Израиля: две оливковые ветви, окружавшие звезду Давида. Да и внешность вполне обыкновенная: мужчина средних лет, широкий в кости, лицо худое, с глубоко посаженными глазами.

— Крипту, — повторил Бартон, доставая один из сделанных им оттисков. — Вот смотрите. На стене была табличка с именами всех похороненных там.

Оба офицера не сводили глаз с оттиска.

— Что украли? — хрипло спросил Тополь.

— Могу только предположить, но, по-моему, это был погребальный ковчег. Осуарий.

— Погребальный ковчег? — переспросил Телексен.

— Небольшой ларец из камня, вот такой примерно. — Бартон обрисовал в воздухе размеры оссуария. — Вероятно, в нем находились кости скелета человека.

— Я в курсе, как выглядит погребальный ковчег, — буркнул Телексен. — Меня больше интересуют мотивы. Вы хотите сказать, что мы потеряли тринадцать солдат из-за ящика с костями?

Бартон кивнул.

Телексен презрительно фыркнул. Тополь еще раз невозмутимо взглянул на оттиск, указав на иудейские имена:

— Так какой из них унесли?

— Вот этот. Но как видите, тут неразборчиво.

— Вижу, — сказал Тополь, явно пытаюсь скрыть замешательство.

В ночь похищения, когда он лично побывал на месте преступления вместе со своими детективами, ему особенно запомнилось изображение, увиденное там, на стене: высеченный из камня дельфин обвивает трезубец. Такой странный символ не сразу забудешь. Однако на оттиске Бартона дельфин отсутствовал. Вместо него на камне виднелась глубокая борозда. Если это сделали не похитители, тогда кто?

— Так каким, по-вашему, был их мотив?

— Четкого вывода у меня пока нет, — вздохнул Бартон. — Похоже, ими руководил тот, кто в точности знал, что лежит в оссуарии.

— Мотив-шмотив... Да кому нужен ящик с костями?! — перебил Телексен, даже не пытаюсь скрыть свое презрение.

Запустив руку в нагрудный карман пиджака, он вынул пачку «Тайм лайт», вытряхнул оттуда сигарету и, не спрашивая разрешения у хозяина кабинета, щелкнул серебряной зажигалкой «Зиппо».

— Трудно сказать... — ответил Бартон. — Для этого надо узнать, что находилось внутри.

Последовало долгое-долгое молчание. Офицеры переглянулись.

— Версии есть? — медленно и отчетливо выговорил Телексен.

Держа сигарету в пальцах искалеченной руки, он глубоко затянулся и выпустил дым через ноздри.

— Пока нет.

Тополь держался более уравновешенно.

— А есть ли вероятность того, что это был вовсе не погребальный ковчег? Могло ли в усыпальнице находиться что-либо еще?

— Исключено, — уверенно сказал Бартон. — Согласно обычаям, в криптах не оставляли никаких ценностей. Это не Древний Египет, генерал.

— Удалось ли вам обнаружить какую-нибудь улику, позволяющую нам выйти на след злоумышленников? Есть ли в деле палестинский след? — не унимался Телексен.

Казалось, они не способны понять, что в отличие от многих коренных израильтян Бартон в своих суждениях не руководствуется религиозной или политической лояльностью.

— На данный момент ничего конкретного.

— Можно как-нибудь отследить исчезнувший оссуарий? — Телексен терял терпение.

— Наверное, можно. — Бартон спокойно разглядывал обоих, хотя агрессивное поведение и сигаретный дым постепенно истощали его терпение. — Я буду тщательно контролировать рынки древних артефактов. Больше всего шансов, что он вынырнет именно там. — Он запустил руку в портфель за вторым листком бумаги и по столу подтолкнул его к Топлю. — Вот эскиз, как примерно должен выглядеть оссуарий, вместе с его размерами и приблизительным весом. Предлагаю вам распространить это среди своих людей, особенно на блокпостах. А вот рисунки других оссуариев, найденных в крипте.

Тополь взял рисунки.

— Мне кажется, вы упускаете одну очень важную вещь, — поспешил добавить Бартон тихим голосом.

Оба офицера вскинули головы.

— Усыпальница под Храмовой горой подкрепит убежденность сионистов в том, что над ней прежде стоял иудейский

храм. Вероятно, вам следовало бы поделиться этой информацией с премьер-министром.

В данном случае Бартон пытался сыграть на желании каждого израильского еврея — как ортодокса, так и безразличного к вере — ухватиться за надежду, что в один прекрасный день миру явят неопровержимую археологическую находку, подтверждающую исключительное право иудеев на Храмовую гору.

Телексен беспокожно заерзал, металлические ножки его стула царапнули пол.

— Так что не удивляйтесь, если расследование этого дела приведет к намного большим открытиям, — добавил Бартон.

— Что-нибудь еще? — осведомился Тополь.

Археолог подумал о найденном им свитке, лежащем сейчас внутри цилиндра в кармане его брюк.

— На данном этапе это все.

— Едва ли стоит напоминать вам, *что* поставлено на карту, — сурово сказал Телексен. — Мы балансируем на краю крайне неприятной конфронтации с Хамасом и палестинской администрацией. Множество людей с их стороны готовы воспользоваться любым предлогом, чтобы обвинить нас в теракте против ислама.

— Я приложу все усилия, чтобы найти оссуарий, — сказал Бартон.

Телексен сделал последнюю затяжку и сжег сигарету до фильтра.

— Найдете ковчег — сразу же сообщите нам обоим. Вы получите полный доступ ко всем необходимым ресурсам. — Он бросил окурочок на пол и раздавил правой ногой. — И на будущее: к следующей нашей встрече я бы хотел получить нечто большее, чем лекцию по археологии.

Оба офицера поднялись и вышли в галерею.

Звонком дав сигнал Рейчел о том, что гости покинули здание, Бартон быстро закрыл дверь и, волнуясь, вытащил цилиндр. Сняв колпачок, он постучал по цилиндру, чтобы свиток выпал на освобожденную поверхность столешницы. Из

ящичков соседнего стеллажа он достал пару латексных перчаток и пластиковый пакет с застежкой. Потом сел за стол, опустил пониже штангу настольной лампы и натянул перчатки.

Осторожно развернув свиток, археолог уложил его текстом вверх на пластиковом пакете и так же осторожно разгладил пальцами. Буквы были аккуратными и крупными, и лупа Бартону не понадобилась. Однако ему сразу же пришлось убедиться, что без переводчика не обойтись, поскольку в греческом он был не слишком силен.

А насколько ему известно, в Иерусалиме жил только один человек, которого он считал экспертом.

Ватикан

Шарлотта Хеннеси все еще не могла прийти в себя от мысли, что многочисленные травмы, обнаруженные на останках мужчины тридцати лет, обладавшего при жизни отменным здоровьем, были следствием распятия.

Сейчас они с Берсеи намеревались отыскать новые факты, подтверждающие идентификацию субъекта и устанавливающие дату его смерти. Кости необходимо подвергнуть радиоуглеродному анализу, да и сам оссуарий подлежит более тщательному исследованию.

Стоя перед ковчегом, ученые осматривали его известняковый корпус.

— Я обнаружил кое-какую информацию о похожем оссуарии, найденном в Израиле в две тысячи втором году, — сообщил Берсеи. — Из надписей на нем сначала сделали вывод, что там содержались останки Иакова, брата Иисуса. Хотя в подлинности оссуария сомнений не возникло, письма на нем сочли фальсификацией. Хотелось бы просмотреть результаты экспертизы того оссуария, тогда бы я ясно представлял, что нам следует искать тут.

— Почему они решили, что надписи фальшивые? В чем отличие фальшивки от подлинника?

— Иногда это «прыжок веры»*, — ответил Берсеи. — Но как правило, легитимность надписей определяется сохранностью поверхностных наслоений.

— Вы об этом? — Шарлотта указала на тонкий слой тусклого зеленовато-серого налета, равномерно покрывавшего всю поверхность камня.

— Да, смахивает на окисление меди, на патины на металлах. А на камне такой вот след со временем оставляют сырость, седиментация и атмосферные осадки.

— А органическая структура этого налета, или патины, может указать на характер окружающей среды, в которой был найден оссуарий?

— Именно так. — Берсеи нацепил очки для чтения и вгляделся в страничку записей в своем блокноте. — Вчера вечером я просмотрел кое-какие исследования об оссуариях: похоже, их начали использовать, главным образом в Иерусалиме, в первом веке до нашей эры, и длилось это недолго, всего лет сто или двести. — Он поглядел на Шарлотту. — И все же полагаю, что известняк для нашего оссуария, как и для оссуария Иакова, был добыт примерно в одно и то же время в каменоломнях Израиля.

— Ну да, и в этом случае минеральный состав патины должен соответствовать геологическим элементам в этом регионе, — продолжила Шарлотта. — Погодите, Джованни. Тогда выходит, этому оссуарию около двух тысяч лет, правильно?

— Правильно. И судя по тому, что в тот же период часто распинали людей, мы на верном пути.

— Значит, если надписи на камне сфальсифицировать, патина нарушится? — Хеннеси пригляделась к зеленовато-му налету на стенках ковчега.

— Вы опять угадали! — Берсеи улыбнулся.

— А есть способ как-то определить возраст камня?

— Способ есть, да толку мало.

* Согласно датскому философу Сёрену Кьеркегору, термин «прыжок веры» означает предание себя объективной недостоверности и обращение к комфорту догмы (обычно религиозной доктрине) как к пути примирения со своим абсурдным существованием. Камю же рассматривает «прыжок веры» как интеллектуальную лень.

— Почему?

— Нам в принципе не важно, когда сформировался этот известняк. Самому камню, может, уже миллион лет. Куда интереснее знать, когда его добыли в каменоломне. Поверхностный налет и надписи — лучшие критерии оценки возраста оссуария.

— Ясно. А это? — Шарлотта указала на чуть размытый символ: дельфин и трезубец. — Думаете, нам по силам разгадать, что сие означает?

— Уверен, что символ этот языческий, — сказал Берсеи. — Странно, но у меня такое чувство, будто я уже где-то его видел. Ну что ж, давайте для начала выясним, настоящие ли здесь наслоения.

— Вы тогда заканчивайте с оссуарием, а я пока приготовлю образец кости для радиоуглеродного анализа. — Она махнула рукой в сторону стола со скелетом.

— Идет. Кстати, — Берсеи потянулся к своему блокноту и что-то быстро записал. — Вот имя и телефон человека из лаборатории AMS* здесь, в Риме. — Он вырвал листок. — Скажете, что от меня. Что мы вместе работаем на Ватикан и результаты нужны срочно. Он все сделает. И попросите его позвонить сразу же, как только результаты будут готовы. Свидетельство о радиоуглеродном датировании он может прислать позже.

— Антонио Кьярдини? — прочитала Хеннесси.

— Произносится как «Чар-дини». Мой давний друг, к тому же он мне кое-чем обязан.

— О'кей.

— Кстати, насчет языка не беспокойтесь, по-английски он говорит свободно. — Берсеи взглянул на часы: четверть второго. — Пока вы не позвонили, как насчет ланча?

— С радостью. Умираю, хочу есть.

— Сэндвич с тунцом вас не особо вдохновил?

— Ну, это не вполне соответствует моему представлению об итальянской кухне.

* American Medical Services — одна из американских медицинских сетей.

Иерусалим

Грэм Бартон свернул с базара Эль-Даббаха в Христианском квартале и приостановился полюбоваться величественным фасадом храма Гроба Господня*.

Пилигримы-христиане стекались в Иерусалим, чтобы повторить крестный путь, пройденный Иисусом, с четырнадцатью «стояниями», от бичевания до распятия, — так называемые «Страсти Христовы». Путь этот берет начало у францисканского монастыря на Виа Долороса, прямо под северной стеной Храмовой горы, — места, где, как утверждают христиане, Иисус взвалил на себя крест, после того как его подвергли бичеванию и надели на голову терновый венок. Стояния от десятого до четырнадцатого — где Христос был раздет, прибит к кресту, испустил дух и затем был снят с креста — поминались в богослужении в этой церкви.

После всего произошедшего в последние дни в Иерусалиме Бартона не удивило, что сегодня туристов здесь не много. Он направился к главному входу.

Войдя в помещение массивной ротонды с двумя ярусами круговой римской колоннады, Бартон обогнул небольшой мавзолей, украшенный искусным золотым орнаментом. Внутри этого сооружения находилась главная святыня церкви —

* Иерусалимский храм Воскресения Христова, также известный как Храм Гроба Господня, возведен на месте, где был распят, погребен, а затем воскрес Иисус Христос.

мраморная плита, прикрывавшая вход в пещеру, в которой похоронили Христа.

— Грэм, — приветливо окликнули его. — Это вы?

Повернувшись, Бартон оказался лицом к лицу с дородным пожилым священником с длинной белой бородой, одетым в церемониальное одеяние греческой православной церкви: свободная длинная черная ряса и такая же черная высокая камилавка.

— Отец Деметриос! — улыбнулся Бартон.

Коротенькими полными ручками с толстыми пальцами-сардельками священник обнял Бартона и чуть притянул к себе.

— Отлично выглядите, друг мой. Что привело вас в Иерусалим вновь? — Он говорил с сильным греческим акцентом.

Бартон впервые встретился с ним полтора года назад, когда готовил выставку распятий и других реликвий эпохи Крестовых походов в Лондонском музее. Отец Деметриос мило-стиво предоставил музею экспонаты для выставки на трех-месячный срок — в обмен на щедрое пожертвование.

— На этот раз надежда на вашу помощь в переводе старинного документа.

— Для вас — все, что пожелаете, — любезно ответил священник. — Пойдемте.

Шагая рядом с отцом Деметриосом, Бартон обратил внимание, как много здесь служителей церкви. Согласно рас-порядку, установленному когда-то султаном Османской им-перии, греческое духовенство было вынуждено делить этот храм с другими конфессиями христианской церкви: римско-католической, эфиопской, сирийской, армянской и коптской. Каждой выделялись свои приделы и часы для молитв*.

* Церковь францисканцев и Алтарь гвоздей принадлежат католиче-скому ордену Святого Франциска, храм равноапостольной Елены и при-дел «Три Марии» — Армянской апостольской церкви, могила святого Иосифа Аримафейского, алтарь на западной части Кувуклии — Эфиоп-ской (Коптской) церкви. Но главные святыни — Голгофа, Кувуклия, Ка-фоликон, как и общее руководство службами в храме, принадлежат Иеру-салимской православной церкви.

«Это было необдуманное решение и в духовном, и в материальном отношении», — подумал Бартон.

Откуда-то из глубины церкви доносилось негромкое зауспокойное пение.

— Ходят слухи, что вас позвали сюда израильтяне, чтобы помочь в расследовании происшествия на Храмовой горе, — прошептал священник. — Это правда?

— Мне не хотелось бы говорить об этом...

— Я не в обиде. Но если это все-таки правда — будьте осторожны, Грэм.

Священник отвел археолога в православный придел, известный как «пуп земли», или камень мироздания, названный так в честь каменной чаши в его центре. Она обозначала то место, которое древние картографы отметили как рубеж между Востоком и Западом. Еще по прошлому приезду Бартон обратил внимание, что отец Деметриос чувствовал себя комфортно только здесь, на своей территории.

У боковой стены располагался византийский алтарь, украшенный золотым орнаментом, над ним возвышалось массивное золотое распятие: Иисус в натуральную величину с ореолом в виде солнца, по обе стороны две скорбящие Марии, обращенные лицами к Христу. Стеклоянное ограждение у основания алтаря обрамляло скальный пласт — полагали, что здесь был распят Иисус.

Голгофа. Двенадцатое стояние.

Священник перекрестился на алтарь и повернулся к Бартону:

— Показывайте, что принесли, Грэм. — Запустив руку под рясу, он достал очки для чтения.

Бартон вынул из нагрудного кармана пергамент, упакованный в пластиковый пакет с герметичной застежкой, и протянул священнику.

Отец Деметриос погладил пальцами пакет.

— Какой вы молодец — используете последние технологии. Ну-ка, посмотрим, что у вас тут...

Надев очки, он взял документ, поднял его повыше — к свету, излучаемому богато украшенным канделябром, — и

установился в текст. Через несколько секунд лицо его побелело, а нижняя губа отвисла.

— Боже мой...

— Что там?

Священник был явно напуган. Он впился в Бартона взглядом поверх очков.

— Где вы это нашли? — тихо спросил отец Деметриос.

Бартон подумал, стоит ли ему говорить, и ответил:

— Я не могу сказать. Мне очень жаль.

— Понимаю... — По глазам священника было видно, что именно такого ответа он и ожидал.

— Так вы скажете, что там написано?

Отец Деметриос обвел взглядом придел: поблизости прогуливались три католических священника в сутанах францисканцев.

— Давайте спустимся. — Он махнул Бартону, приглашая идти за ним, и проследовал вниз, под неф, по широкой изгибающейся лестнице.

Бартон не вполне понимал, чем древние письмены могли так напугать старика. Они спускались все глубже, пока выложенные камнем стены не сменились совсем древними, вырубленными прямо в холодной земле.

В похожем на пещеру помещении отец Деметриос наконец остановился.

— Вы знаете, что это за место?

— Конечно, — ответил Бартон, обводя взглядом низкий каменный потолок со следами контрольных меток, характерных для разработки месторождений полезных ископаемых. — Древняя каменоломня.

Глаза его быстро пробежались по стене за спиной священника, на которой были высечены сотни равносторонних крестов рыцарей-тамплиеров. Граффити двенадцатого века.

— Это гробница, — поправил его священник, указав на длинные погребальные ниши, расположенные в дальней стене. — Хотя мне известны оговорки, с которыми вы принимаете эту идею.

«Где Елене посчастливилось раскопать крест Христа», — хотел добавить Бартон, но сдержался.

Тот факт, что престарелая мать императора Константина лично выбрала это место — бывший римский храм, где язычники когда-то поклонялись Венере, — почти не оставляло сомнений в его подлинности. Будучи опытным археологом и прекрасно зная о расхождении во взглядах ученых-историков и служителей веры, Грэм не собирался оскорбить священника богохульством.

— Между прочим, прямо над нами еще одна священная гробница, — с серьезным лицом напомнил ему отец Деметриос.

— А зачем вы привели меня сюда? Это имеет отношение к содержанию свитка?

— Это имеет отношение ко всему, — торжественно заявил священник. — Не знаю, где вы нашли это, Грэм. Но если этот документ не отсюда — а я знаю, что он не отсюда, — то хочу предостеречь вас. Будьте очень-очень осторожны. Вы лучше других знаете, как неверно порой истолковываются слова. Если вы пообещаете, что не забудете мое предостережение, я напишу вам перевод.

— Даю вам честное слово.

— Ну хорошо. — Отец Деметриос покачал головой и выпустил тяжкий вздох. — Дайте-ка мне вашу ручку и бумагу.

Ватикан

Каждый раз, когда отец Патрик Донован проходил по широкому коридору Апостольского дворца, ему становилось не по себе. Это были врата, ведущие к престолу Ватикана — материальной вершине иерархии христианского мира. Дворец примыкал к дальнему концу Ватиканского музея, и в нем размещались кабинеты Папы и государственного секретаря, этажом выше располагались роскошные апартаменты Борджиа. Казалось, весь этот огромный, словно вестибюль аэровокзала, комплекс являлся продолжением самого музея с его высоченными, от пола до потолка, фресками, мраморными полами и пышным убранством.

Здесь наиболее наглядно были представлены вооруженные силы Ватикана — невозмутимые швейцарские гвардейцы стояли на постах через равные промежутки, и это только добавляло беспокойства отцу Доновану.

Высокие галереи тянулись вдоль одной стены коридора, окнами выходя на площадь Сан-Пьетро — просторный, эллиптической формы внутренний двор, созданный Бернини,

строительство которого было завершено в 1667 году. Четыре широкие аркады охватывали площадь, словно обрамляя обелиск, привезенный из долины Нила в 38 году нашей эры*. Памятник остро напомнил Доновану о кровопролитии, произошедшем в Иерусалиме всего четыре дня назад.

Большие прямоугольные окна противоположной стены зала были защищены металлическими решетками, не позволяя забыть, что это здание изначально проектировалось как крепость.

По краям смутно вырисовывающейся в конце коридора двойной двери стояли два швейцарских гвардейца в полном облачении — полосатые желто-сине-красные камзолы и такие же панталоны, красные береты и белые перчатки. «Клоуны», как назвал их Конти. Каждый держал в руках оружие шестнадцатого века — алебарду, представлявшую собой длинное копьё, под острым наконечником которого располагалось лезвие топора с крюком. Донован также заметил, что у обоих гвардейцев были «беретты» в кобурах.

В двух метрах от порога он остановился.

— *Buona sera, Padre. Si chiama?** — спросил высокий гвардеец, стоявший справа.

— Отец Патрик Донован, — ответил священник на итальянском. — Я по вызову его преосвященства кардинала Сантелли.

Гвардеец скрылся за дверью кабинета. Несколько неловких секунд, пока отец Донован рассеянно глядел в пол, оставшийся часовой безмолвно стоял по стойке «смирно». Появился первый гвардеец.

* Обелиск, получивший в Средние века название «игла» и датированный I веком до н. э., был привезен в Рим из Египта по приказу Калигулы; позднее Нерон установил его в своем цирке, место которого сейчас занимает собор Святого Петра. В 1586 г. Папа Сикст V распорядился переставить обелиск на площадь.

** Добрый вечер, падре. Ваше имя? (*ит.*)

— Он готов принять вас.

Хранителя архива провели в просторную, отделанную мрамором и деревом приемную, где за отдельным столом сидел личный секретарь Сантелли, молодой отец Джеймс Мартин, его лицо было бледным и замкнутым. Донован приветливо улыбнулся и обменялся с ним любезностями, попытавшись вообразить, как же психологически тяжело, должно быть, отцу Мартину всецело находиться в распоряжении такого человека, как Сантелли.

— Можете пройти, — сказал Мартин, указывая на массивную дубовую дверь.

Открыв дверь, Донован ступил в роскошно убранное помещение, в дальнем конце которого над высокой спинкой кожаного кресла он увидел пурпурную шапочку и знакомую копну густых седых волос.

Государственный секретарь Ватикана сидел лицом к окну, в прямоугольник которого аккуратно вписался собор Святого Петра, и, прижимая плечом трубку телефона к правому уху, жестикулировал тонкими руками. Тут же он развернулся, и взору Донована предстали налитые кровью глаза, кустистые брови и тяжелая челюсть кардинала Антонио Карло Сантелли. Кардинал указал ему на кресло у широкого стола из красного дерева.

Донован тяжело плюхнулся в кресло, когда он устраивался поудобнее, обивка заскрипела.

Будучи кардиналом высшего ранга, Сантелли занимался политическими и дипломатическими проблемами папского престола, эффективно действуя как премьер-министр римской курии, и был подотчетен непосредственно самому Папе. Хотя даже Папа иногда уступал требованиям Сантелли.

О политической ловкости этого человека ходили легенды. Едва назначенный на должность кардинала в начале 1980-х, он твердой рукой вершил политику Ватикана, проведя его темными закоулками скандала с банком «Амброзиано», завершившегося убийством Роберта Кальви, так называемого

«банкира Бога», которого нашли повешенным под мостом Блэкфрайрз в Лондоне*.

Пока кардинал заканчивал разговор, Донован разглядывал святая святых папской политической машины. Широкий стол Сантелли был пуст, за исключением невысокой стопочки кратких рапортов, лежащей строго перпендикулярно краю, и огромных размеров плазменного монитора на лапе-подставке. Скринсейвер был включен — на зеленом экране развевался флаг с надписью «Все, что нам нужно, — это вера». Ярый поклонник информационных технологий, Сантелли являлся главным пропагандистом установки ватиканской оптоволоконной сети.

В углу, на мраморном жертвеннике красовалась копия Микеланджеловой Пьеты. Всю правую стену занимал ручной работы гобелен, изображавший сражение Константина у Милвианского моста. Слева от Донована на фоне стены цвета красного вина висели три картины Рафаэля, оказавшиеся здесь будто бы совершенно случайно.

Взгляд его, завершив круг, вернулся к кардиналу Сантелли.

— Передайте ему, что окончательное решение примет святой отец, — говорил кардинал низким голосом по-итальянски. Сантелли, как всегда, был прямолинеен. — И позвоните мне, когда все закончится.

Он положил трубку.

— Вы пунктуальны, Патрик. — Донован улыбнулся. — Чувствую, что впервые после этого жуткого переполоха в Иерусалиме вы принесли мне хорошие вести. Ну скажите же мне, что все наши усилия стоили такой жертвы.

* Речь идет о связях Ватиканского банка с миланским банком «Амброзиано», обанкротившимся в 1982 г. Итальянский суд установил, что в начале 80-х ВБ владел крупным пакетом акций «Амброзиано», но Ватикан отказывался признавать этот факт. Связи Ватикана с миланским банком и его директором Роберто Кальви стали объектом журналистских и судебных расследований. ВБ подозревали в отмывании денег мафии, а Кальви и вовсе был вынужден скрываться от правосудия.

Донован с трудом заставил себя посмотреть Сантелли в глаза.

— Фактов, способных убедить меня в подлинности оссуария, предостаточно.

— Но полной уверенности у вас нет? — Кардинал скривился.

— Работа еще не окончена. Не все тесты проведены. — Донован почувствовал, как его голос дрогнул. — Но уже имеются неоспоримые данные.

Повисла недолгая пауза.

Затем кардинал перешел к сути дела:

— Но останки внутри есть?

— Как и говорилось в манускрипте, — кивнул Донован.

— Великолепно.

— Его Святейшеству сообщат?

— Я позабочусь об этом, когда придет время. — Не отрывая локтей от подлокотников кресла, Сантелли сложил пальцы обеих рук, словно в молитве. — Когда эти двое ученых представят окончательный отчет?

— Я попросил их подготовиться к пятнице.

— Хорошо. — Кардинал заметил озабоченность Донована. — Не унывайте, отец Донован, — сказал он, разводя руки. — Вы только что помогли вдохнуть новую жизнь в великое дело.

После ланча оба исследователя вернулись отдохнувшими. День выдался ясный и тихий. Берсеи водил Шарлотту в кафе «Сан-Луиджи» на Виа Мочениго, что в паре шагов от входа в Ватиканский музей. Спокойная музыка и приятный интерьер в стиле девятнадцатого века неплохо гармонировали с равиоли с лобстером, которые предложил Берсеи, — качественный скачок по сравнению со вчерашним сэндвичем с тунцом.

Пока Шарлотта договаривалась с лабораторией AMS, Берсеи вновь экипировался для исследований оссуария. Приглушив свет над рабочей установкой, он просканировал все поверхности ковчега ультрафиолетовым зондом. Окуляры «Ораскоптик» сильно увеличивали ключевые зоны — в частности, углубления замысловатой вязи гравировки.

Первое, на что он обратил внимание, — налет на поверхности был стерт во многих местах, особенно вдоль боковых стенок. Под ультрафиолетовым светом виднелись широкие и длинные абразивные отметки, в некоторых местах напоминавшие плетеное волокно. Берсеи предположил, что это следы строп, хотя никаких волокон не осталось. По-видимому, стропы современные, нейлоновые. Он заключил, что это свежие отметки, повредившие осадочные наслоения.

Ничего удивительного. Джованни повидал много реликвий, с которыми неправильно обращались в процессе извле-

чения из земли и транспортировки, но такого рода пренебрежение к старине каждый раз глубоко задевало его. Он читал, что оссуарий Иакова раскололи во время перевозки. По сравнению с этим повреждение их оссуария было незначительным и, вероятно, не обесценит находку.

Установив на столе треногу с цифровой камерой и выставив режим без вспышки, он сделал несколько снимков, потом выключил ультрафиолетовую лампу и усилил освещение рабочей установки.

Затем Берсеи занялся поисками малейших признаков того, что налет был искусственным — нанесенным инструментами вручную, — тщательно осматривая каждую грань и поверхность. На это ушло много времени, но длительное изучение не выявило подозрительных царапин или сколов. Налет равномерным и плотным слоем покрывал известняковые поверхности, включая следы реза на боковых стенках ковчега.

Наконец Берсеи выпрямился, расправил затекшие плечи и, откинув вверх окуляры «Ораскоптик», залюбовался искусной вязью орнамента оссуария. Близилась его серебряная свадьба, и такая вот замысловатая розетка отлично смотрелась бы на каком-нибудь ювелирном украшении. После стольких лет совместной жизни с Кармелой становилось все труднее подобрать ей оригинальный подарок.

Вновь склонившись над оссуарием, он маленьким лезвием сделал соскобы с разных его участков, затем поместил каждый на предметное стекло и замаркировал. Собрав пятнадцать проб, антрополог аккуратно поместил стекла на поднос, отнес к другой рабочей установке, оборудованной электронным микроскопом, и зарядил первый образец.

На мониторе соединенного с микроскопом компьютера появилось сильно увеличенное изображение высушенных минералов и отложений, формировавших налет на поверхности ковчега, на экране оно напоминало цветную капусту светло-бежевого цвета. Берсеи сохранил подробное описание первого образца в базе данных, убрал его и вставил второй. Когда была записана информация о последней пробе, на мо-

ниторе ровными рядами выстроились изображения всех образцов.

Берсеи дал компьютеру команду произвести перекрестную проверку проб. Сравнив химический состав и произведя необходимые вычисления, программа не обнаружила в образцах существенных различий. Если хотя бы в одном месте налет была подделан — например, при помощи мела или кремнезема, разведенных в горячей воде, — это не могло бы не сказаться на изотопном составе проб. Возможно, нашлись бы даже остатки окаменевших микроскопических водорослей, из которых состоит кустарно изготовленный мел.

Как он и предполагал, все образцы имели повышенный процент содержания карбоната кальция наряду со стандартным количеством стронция, железа и магния. Судя по данным Интернета, полученные результаты соответствовали составу поверхностных наслоений на аналогичных артефактах, найденных при раскопках в Израиле.

Берсеи вытащил из микроскопа последний образец.

По его мнению, полученные результаты давали основание утверждать, что гравировки оссуария хронологически предшествовали образованию налета. Было вполне логично заключить, что загадочный языческий символ на боковой стенке оссуария датируется тем же временем, что и содержащиеся там мощи. И если ему удастся точно выяснить, что именно он означает, то это поможет установить личность распятого мужчины.

Искоса наблюдая за действиями Джованни Берсеи, Шарлотта взяла трубку радиотелефона и набрала номер, который он ей дал. Гудки — такие непривычно европейские — казались бесконечными. И в тот момент, когда она решила перезвонить, на том конце сняли трубку.

— Salve*.

На мгновение Шарлотта растерялась, не зная, что сказать. Она ожидала, что ее соединят с коммутатором, или секретарем, или даже голосовой почтой, и поначалу решила, что попала в чью-то квартиру.

— Salve? — В голосе появились настойчивые нотки.

Она взглянула на имя в записке.

— Синьор Антонио Чардини?

— Si.

— С вами говорит доктор Шарлотта Хеннеси. Мне посоветовал обратиться к вам Джованни Берсеи. Простите, я не знала, что это домашний телефон.

— Это мобильный. Все нормально. — Небольшая пауза. — Вы американка?

Он отлично говорил по-английски.

— Да.

— Что я могу сделать для моего старого друга Джованни?

* Привет (*ит.*).

Доктора Берсеи, похоже, любили все.

— Мы с ним здесь, в Риме, работаем над уникальным проектом. Точнее, в Ватикане...

— В Ватикане? — переспросил Чардини.

— Да. Нас попросили провести экспертизу образцов древних костей. И для полной картины исследования нам необходимо установить возраст образцов.

— Образцы костей в Ватикане? — Собеседник Шарлотты повысил голос. — Довольно странное сочетание. Хотя вот под собором Святого Петра есть эти гробницы, где хоронят пап. — Он попытался размышлять вслух.

— Ну да... — Ничего умнее ей не удалось из себя выдать. — Мне очень неловко обременять вас, но доктор Берсеи полагает, что вы могли бы ускорить получение результатов...

— Для Джованни — да. Можно и постараться. А кости... они в хорошем состоянии? Чистые?

— Сохранились просто великолепно.

— Хорошо. В таком случае пришлите, пожалуйста, образец весом как минимум в грамм.

— Договорились. А... если вы не против... там еще деревянные щепки, которые мы тоже хотели бы датировать.

— Древесина — желательно десять миллиграммов, хотя нам в принципе достаточно и одного миллиграмма.

— Десять так десять. Мне надо заполнить какой-нибудь бланк?

— Просто отправьте посылку мне лично от своего имени — этого будет достаточно. Оформление документов я возьму на себя. И укажите, когда бы вы хотели получить сертификат.

— Спасибо вам большое. И еще... понимаю, что я уже и так попросила вас об одолжении, но доктор Берсеи интересовался: не могли бы вы позвонить нам сразу же, как только станут известны результаты?

— А, теперь понятно, почему он заставил позвонить вас, доктор Хеннеси. — Чардини дал волю веселому смеху. —

Я займусь образцами сразу же, как получу. Обычно результатов ждут неделями. Но я приложу все усилия, чтобы получить их через пару часов. Записывайте адрес.

Чардини дважды медленно продиктовал ей улицу и номер дома.

— Спасибо вам. Я отправлю материалы с ватиканским курьером. Образцы будут у вас через пару часов. Чао!

Шарлотта повесила трубку и направилась к рабочей установке.

Вернувшись к осмотру скелета, она остановила выбор на расщепленном фрагменте сломанной плюсневой кости. С помощью щипчиков Шарлотта осторожно отделила маленький кусочек и упаковала его в пластиковый пузырек.

Чтобы определить возраст кости и тем самым возраст скелета, этот образец необходимо сжечь. Выделившийся при этом газ собирают, очищают и сжимают, чтобы определить количество содержащегося в нем углерода-14 — радиоактивного изотопа. В определенном количестве изотоп присутствует во всех живых организмах, и после гибели организма его процентное содержание сокращается примерно вдвое каждые 5730 лет. Хотя сам процесс казался Шарлотте простым, она знала, насколько сложен и дорог комплекс масс-спектрометров, необходимых для проведения этих тестов. Многие музеи и археологические группы предпочитали заказывать экспертизы независимым лабораториям AMS — таким, где работал Чардини.

Шарлотта достала из выдвижного ящика деревянную щепку, найденную во время предварительного обследования.

Уложив два образца в конверт с амортизирующей прокладкой, она приготовила второй с почтовой наклейкой «Ватикан». Глядя на выпуклый папский крест на ярлыке, она мысленно улыбнулась, ощутив себя статистом, а может, и основным действующим лицом в некой детективной истории. Все это казалось таким далеким от ее работы за океаном. Когда она проводила анализ образцов в БМТ, то, по крайней мере, знала их возраст и откуда они родом.

Для тщательного воссоздания физического облика Шарлотте также потребуется сделать анализ ДНК скелета. В ДНК записана информация, определяющая каждый внешний и внутренний признак человека. Как было известно Шарлотте, в ряде случаев ДНК может сохранять свою целостность многие тысячи лет. Ученые убедились в этом, исследуя египетские мумии, возраст которых насчитывал почти 5 000 лет. Исходя из отличного состояния скелета, она была уверена, что качество его ДНК осталось на должном для изучения уровне.

Генетические экспертизы требовали еще более сложного оборудования, чем радиоуглеродный анализ. И Шарлотте было точно известно, что самый быстрый и надежный результат можно получить, если такой тест проведет ее родная компания БМТ под бдительным надзором Эвана Олдрича. БМТ запатентовала новые системы и программное обеспечение для эффективного анализа человеческих геномов с использованием современной техники лазерного сканирования, и она прекрасно знала об этом, поскольку являлась одним из ведущих специалистов своей компании.

Взглянув на часы, Шарлотта взяла трубку и набрала номер телефона в Финиксе. Без четверти пять.

Бог с ней, с восьмичасовой разницей, она знала, что Эван — ранняя пташка и неизменно встает с рассветом. После трех гудков трубку сняли.

— Олдрич.

Он всегда так отвечал на телефонные звонки — сразу переходил к делу; одно из любимых ею качеств Эвана.

— Привет! Римский филиал вас беспокоит.

Олдрич сразу узнал Шарлотту, и в голосе его зазвенели радостные нотки:

— Как там дела в сердце христианства?

— У нас все хорошо. А у вас?

Она машинально коснулась одной из своих сережек, вспомнив, что их подарил ей Олдрич на прошлый день рождения — изумруд, ее камень. Он сказал, что изумруды идеально подходят глазам Шарлотты.

— Все по-старому. Что за спешка там в Ватикане? Тебе поручили выяснить, как сделать Папу бессмертным?

— Ты удивишься. Изучаю древний скелет. Пока что стандартные процедуры судебной медицины, но, в общем, увлекает. Хотелось бы мне, чтоб ты на это посмотрел.

— Надеюсь, дело того стоит.

— Ну, об этом еще рано говорить. Нет, честно, работа очень необычная. И потом, часто ли поступают заказы из Ватикана?

— Согласен... — Он помедлил. — Полагаю, ты позвонила не только затем, чтоб сообщить мне это.

Шарлотта почувствовала, что он намекает на проблемы в их взаимоотношениях после ее поспешного отъезда, если не сказать бегства, в прошлое воскресенье. В тот вечер Эван остался у нее. Полная страсти ночь завершилась утренней дискуссией на тему «о переходе отношений на следующий уровень». Так до сих пор не сказав ему о своем заболевании раком, Шарлотта поторопилась уклониться от разговора — к разочарованию Эвана. В разгар их спора пришел лимузин, и она уехала в самый неподходящий момент. Определиться в отношениях было очень важно, но не сейчас. К счастью, Эвану всегда удавалось отделять работу от личных отношений.

— Образцы костей в отличном состоянии, и я надеюсь с помощью ДНК-картирования произвести впечатление на местных священников, — сказала Шарлотта. — Хочу воссоздать физический облик. Как думаешь, БМТ это заинтересует?

Последовала короткая пауза, ей почудилось, что Олдрич разочарован. Наконец он сказал:

— Думаю, это будет неплохим пиар-ходом.

— Как дела с новым генным сканером?

— Начинаем бета-тестирование. Я потому и на ногах с утра пораньше — решил еще раз проверить результаты.

— И как?

— Знаешь, многообещающе. Отправь мне свой образец — я запущу его. Это будет классный тест.

— У меня здесь скелет в полном комплекте. Какой кусочек тебе прислать?

— Рисковать не стоит, пришли что-нибудь маленькое, например предплюсневую кость. Когда ждать?

— Если мне разрешат отправить сегодня вечером — к утру образец будет у тебя.

— Обещаю сразу же его запустить. Займусь лично.

— Спасибо, Эван.

— Папе от меня привет. Да, Шарлотта...

Она напряглась и подавила вздох.

— Что?

— Просто хотел, чтоб ты знала: я скучаю. И вовсе не по моему лучшему исследователю.

— Мне тоже тебя не хватает. Пока, — улыбнулась она и повесила трубку.

Шарлотта вернулась к рабочей установке, изо всех сил пытаясь побороть внезапно нахлынувшую печаль. Ну почему она не сказала, что не может быть с ним так, как он этого хочет? Глубоко вздохнув, женщина с трудом успокоилась, пообещав себе обо всем рассказать Эвану, когда вернется в Финикс. И тогда они вместе подумают, как жить дальше. Бог свидетель — как же ей не хотелось потерять его!

Итак, за работу.

Шарлотта упаковала предплюсневую косточку в пластиковый пакетик и положила в коробку DHL. Подписывая адрес компании БМТ, она попыталась подавить внезапный приступ ностальгии — до нее вдруг дошло, как же далеко сейчас она от Эвана.

Когда Шарлотта покончила с посылкой, к ней подошел доктор Берсеи и остановился, уперев руки в бока:

— С уверенностью могу сказать, что поверхностный налет — не подделка. Он подлинный. А какие новости у вас?

— Мило пообщалась с сеньором Чардини. — Шарлотте с трудом удалось улыбнуться. — Очаровательный мужчина. Уже завтра у нас будут результаты.

— А что это у вас за упаковка?

— Думаю, второй образец поможет нам составить генетический портрет исследуемого объекта. — Она помахала коробкой Джованни. — Отправлю в Финикс на анализ.

— ДНК?

— Угу.

Берсеи глянул на часы, было уже начало шестого:

— Мы сегодня славно поработали. Мне пора — ждем к ужину старшую дочь.

— Что на этот раз приготовила Кармела?

— Куриную сальтимобокку*. — Он со страдальческим лицом закатил глаза и начал стягивать маску.

Шарлотта громко рассмеялась и почувствовала, как ушла с души тяжесть:

— Надеюсь, на этот раз блюдо удастся.

— Осторожней, а то принесу и скормлю вам то, что недо-едем, — пригрозил Берсеи. — Ну что ж, завтра мы с вами как следует посмотрим, что там внутри оссуария, а затем я попробую расшифровать тот символ. А еще хочу показать вам один приборчик, который будет отличным дополнением к вашему анализу ДНК. Утром увидимся — если, правда, дочка не раскрутит меня на вторую бутылку вина.

— Приятного вам вечера, Джованни. Еще раз спасибо за ланч.

— На здоровье. И попробуйте сегодня выспаться, хорошо? Не хватало, чтоб вы по моей милости заболели.

«Я уже больна», — сказала она про себя, улыбнулась ему и помахала рукой.

— Чао!

Когда за Джованни закрылась дверь, Шарлотта на какое-то мгновение испытала чувство зависти.

Закончив упаковывать образцы, она по интеркому вызвала отца Донована. Тот откликнулся почти сразу же, будто знал, что она еще оставалась в лаборатории.

— Добрый вечер, доктор Хеннеси. Чем могу помочь?

* Тушеный рулет с приправами.

Шарлотта рассказала ему об образцах, и священник заверил, что, если она оставит их в лаборатории, он поручит курьеру забрать оба. Он также пообещал Шарлотте, что посылки будут отправлены вечером DHL, невзирая на высокую цену за доставку через океан.

Уладив рабочие вопросы, отец Донован спросил:

— Вечером отправитесь в Рим?

— Такой замечательный вечер. Хотела пойти прогуляться и где-нибудь поужинать.

— Если вы не прочь немного разориться, могу вам порекомендовать превосходный ресторан.

— Спасибо, с удовольствием воспользуюсь вашим советом. Как говорится, «Если находишься в Риме...»*

* «When in Rome do as the Romans do» — английская пословица, означающая «Если находишься в Риме — живи как римлянин».

Когда Шарлотта через служебный вход вышла из Ватиканского музея, солнце едва наступившего вечера еще дарило ласковое тепло. Подумав, что ее наряд — брюки хаки и блузка — сойдет для предстоящей прогулки, она решила не возвращаться к себе. Кроме того, ей все равно следует придерживаться строгого ватиканского дресс-кода, иначе обратно ее не пустят. Поэтому особого выбора не было.

Она неспешно прогулялась по аллее, которая тянулась между высокой городской Северной стеной и величественным зданием Ватиканского музея, и, миновав пост швейцарских гвардейцев у ворот Святой Анны, покинула территорию папского государства.

Ресторан, рекомендованный отцом Донованом, открывался после семи тридцати. В отличие от Штатов в Италии предпочитали ужинать позднее. Предстояло как-то потратить целый час, и Шарлотта решила, не уходя далеко от ресторана, насладиться красотами Рима — побродить по боковым улочкам и даже отважилась выйти на набережную Тибра.

Некоторое время спустя, следуя указаниям Донована, Шарлотта направилась обратно к импозантному фасаду шестизэтажного отеля «Атланта стар». Она увидела вывеску ресторана «Лез'Этуальс» и тут же интуитивно ощутила, что все-таки одета неподобающим образом. Войдя в фойе, она поднялась в лифте на верхний этаж.

Как только двери разъехались, ее приветствовал метрдотель — элегантно одетый молодой человек лет тридцати со смуглым лицом и густыми черными волосами.

— Signora Hennesey... Buona sera! Come sta? — И тут же перешел на английский: — Отец Донован предупредил меня. Я ждал вас.

— Buona sera, — ответила она, разглядывая зал ресторана.

— Меня зовут Альфонсо. — Он чуть поклонился. — Прошу вас, следуйте за мной, синьора. Вам зарезервирован столик на крыше.

Шарлотту провели через зал ресторана и далее вверх по лестнице, выходящей на террасу, которую украшало целое море ярких цветов. Альфонсо остановился подле маленького столика у перил.

Глядя на очертания вечернего Рима на фоне меркнувшего неба, Шарлотта замерла от восхищения. Отсюда казалось, будто громада собора Святого Петра находилась совсем рядом с восточной стеной Ватиканского музея. Повернув голову, она увидела округлые очертания замка Сант-Анджело. По ту сторону Тибра раскинулся Старый город, в панораме которого выделялся лишь купол Пантеона.

Метрдотель помог Шарлотте сесть за столик, снял с тарелки белую крахмальную салфетку и укрыл ей колени.

— Если вам что-то понадобится, синьора Хеннеси, пожалуйста, тут же обращайтесь.

— Grazie**.

Неслышно возник сомелье и вручил ей пугающих размеров карту вин в кожаном переплете.

Шарлотта вдруг поняла, что за весь этот день, полный трудов, открытий и переживаний, у нее не было ни минутки, чтобы хоть как-то оценить свое положение. Ей вдруг показалось, что она чувствует себя одинокой. Или не показалось? Все ведь сложилось отлично, не так ли? Она пристально вгляделась в даль, за реку — о лучшем она и мечтать не могла.

* Синьора Хеннеси... Добрый вечер! Как поживаете? (ит.)

** Спасибо (ит.).

Однако Шарлотта понимала, что все вовсе не так замечательно.

Вернулся сомелье, замер у ее плеча, и Шарлотта заказала полбутылки «Брунелло ди Монтальчино». Врачи не рекомендовали ей употреблять алкоголь, но в этот вечер она не собиралась лишать себя удовольствий.

С улицы на террасу долетал стрекот мотороллеров.

Вернулся сомелье и затеял презентацию принесенного вина: показал этикетку, затем открыл бутылку и заставил Шарлотту понюхать. Наконец он налил немного в бокал и попросил ее попробовать. Она взболтнула вино, скорее чтобы покрасоваться, зная, что лекарства, которые она сейчас принимает, придадут вину легкое металлическое послевкусие вне зависимости от выдержки и урожая.

Когда сомелье ушел, ее мысли потекли своим ходом, вновь вернувшись к Эвану Олдричу. Шарлотта напомнила себе, что было бы безответственно принимать на себя любые долгосрочные обязательства. Хотя врачи сказали ей, что медицина не стоит на месте, постоянно изобретая что-то новое. И в скором времени ответы, возможно, будут найдены. Вот только когда?

А дети? В свои тридцать два Шарлотта уже начала ощущать беспокойство, что не сможет стать матерью. В связи с предстоящим обследованием и, как результат, более агрессивным лечением, включающим, возможно, инъекции «бортезомиба», который чреват врожденными дефектами внутриутробного развития младенцев, ее беспокойство только усиливалось. Она сознавала, что материнство могло стать для нее недостижимой мечтой.

Женщина неторопливым взглядом обвела соседние столики. Счастливые парочки, весело смеющееся семейство справа от нее. Может, они и не счастливы вовсе. Внешность, как правило, обманчива — это она знает по себе лучше, чем кто-либо другой. Странно, но эти рассуждения навели ее на мысли о Сальваторе Конти и отце Доноване. Что они за люди? Каким образом ящик с костями свел их вместе?

Она подумала об образце кости, что отправила Чардини. В процессе радиоуглеродного анализа его сожгут, чтобы определить возраст. Уничтожат.

— Синьора сделал свой выбор? — подал голос Альфонсо.

— Хорошо, что подошли. Мне нужна ваша помощь.

Несмотря на то что название ресторана было французским, в его меню преобладали блюда итальянской кухни. После нескольких вопросов о предпочтениях в еде Альфонсо порекомендовал ей «Сорренто шалателли» — «превосходная домашняя паста с лобстером и крабами под сливочным соусом из морепродуктов “Альфредо”». Пальчики оближете!»

Едва попробовав пасту, она поняла, что на правильном пути. Шарлотта была преданной фанаткой программы Рейчел Рэй «30 минут о еде» на нью-йоркском телеканале «Фуд нет-урок».

«Жаль, что сейчас рядом со мной нет этой жизнерадостной ведущей, наполовину итальянки, чтобы вместе насладиться такой вкуснятиной, — подумала она. — Наконец-то нашлось то, что разбудило мои оглушенные лекарствами вкусовые рецепторы».

Радуюсь пасте и вину в окружении нежно благоухающих цветов и поглядывая с высоты на город, практически сформировавший западную культуру, Шарлотта мысленно перенеслась в иной мир. Покончив с ужином, она целый час просто сидела и блаженствовала. Умиротворенная. Счастливая.

Когда принесли счет на изрядную сумму, она уверенно расплатилась корпоративной кредиткой «Америкэн экспресс» — возмещение морального ущерба, нанесенного вчерашним сэндвичем с тунцом.

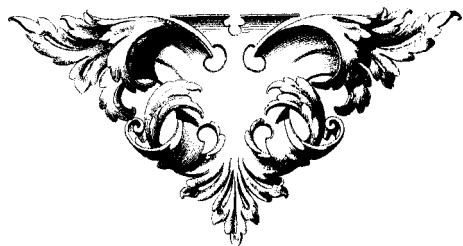
Выйдя из отеля, Шарлотта не спеша направилась по Виа Вителлески к суровой громаде замка Сант-Анджело. Когда она стала его обходить, ее взору открылся Тибр. Перейдя оживленную набережную Кастелло, Шарлотта пошла по мосту Сант-Анджело, пятью изящными арками изогнувшемуся над рекой.

Рим вправе гордиться богатейшей историей и культурой. Даже этот мост — настоящий шедевр, и далеко не последнюю

роль во всем этом сыграл Ватикан. Полюбовавшись мраморными ангелами Бернини, выстроившимися вдоль моста, Шарлотта вдруг остановила взгляд на том, который бережно держал в руках огромное распятие. Еще вчера она, не задумываясь, прошла мимо. Но теперь она уже никогда не сможет смотреть на крест так, как прежде. Такой привычный, прозаический предмет теперь казался Шарлотте просто ужасным. И оттого, что распятия попадались на глаза буквально повсюду, стоило лишь приглядеться, ей становилось просто не по себе.

Разглядывая достопримечательности великого города, Шарлотте не удалось заметить лишь одного: держась на безопасном расстоянии за ее спиной, из тени у стены замка за ней наблюдал Сальваторе Конти.

Среда

Иерусалим

Потягивая кахву, Разак сидел на веранде своей квартиры в Мусульманском квартале, откуда открывался вид на Храмовую гору и площадь Западной стены. С восходом солнца туда стали стягиваться митингующие, и сейчас он наблюдал, как новые толпы людей буквально со всего света выстраиваются в шеренгу перед полицейскими кордонами.

Телевизор Разака, на минимальной громкости работающий на канале «Аль-Джазира», создавал негромкий звуковой фон. Обстановка в Иерусалиме была напряженной, а в палестинских поселениях Газы и того хуже — группы молодых людей уже организовывали там беспорядки, провоцируя полицию и забрасывая ее камнями. Все израильские блокпосты, как и главные въезды в Старый Иерусалим, были усилены бронетехникой. СБИ удвоила численность пограничных патрулей.

Люди требовали ответов — им нужен был виновник. Израиль в срочном порядке усиливал оборону, готовясь к очередной конфронтации. Хамас, соответственно, распространял заявления, порочащие правительство еврейского государства.

Разак попытался сосредоточиться на разработке плана по смягчению напряженности хотя бы на время. Борьба за выживаемость. Порой проблемы, сосредоточенные в сердце

Иерусалима, на тридцати пяти акрах Святой земли, казались вечными и неискоренимыми.

Его размышления прервал сигнал мобильного телефона.

— Простите за беспокойство. Это Грэм Бартон.

Разаку потребовались пару секунд, чтобы вспомнить, что он сам дал археологу свою визитку.

— Слушаю вас.

— Я хотел сообщить вам, что перевод текста готов.

— И о чем там речь?

— О, это удивительно! — живо откликнулся Бартон. — Но не тема для телефонного разговора. Не могли бы мы с вами встретиться?

— Конечно. — Разак вряд ли сумел бы устоять перед заразительным оптимизмом археолога. — Когда?

— Скажем, примерно в полдень в «Абу Шукри» на Эль-Вад? Вы знаете, где это?

Разак взглянул на часы:

— Да, я там бывал. Увидимся в полдень.

«Может, именно этого шанса я ждал?» — подумал Разак.

Ватикан

Шарлотта Хеннеси повернулась, чтобы взглянуть на цифровое табло будильника — красные пульсирующие линии показывали ровно 7 утра. Сквозь тонкие шторы ослепительно сияло солнце, и она вновь откинулась на подушку. Хотя Шарлотта неплохо выпалась на удобной неширокой кровати, ей отчего-то подумалось, что последним постояльцем здесь был, наверное, кардинал.

Над головой на стене висело распятие — женщина оставила на нем взгляд, и тут же против воли перед глазами явилось видение молотков, забивающих огромные гвозди в живую плоть.

«Привыкай», — велела себе Шарлотта.

Неохотно выбравшись из постели, она пошлепала к дорожной сумке и, достав бутылку «мотрина»*, пожалела, что пила вчера вино. Из маленького холодильника Шарлотта вынула бутылку «мельфалана», с хлопком открыла пробку, встряхнула одну крохотную таблетку и запила ее водой. Далее последовала пригоршня витаминных добавок, противодействующих ущербу, который могли нанести лекарства ее иммунной системе.

Почистив зубы, Шарлотта приняла душ и оделась. Пояс, в котором были спрятаны ее наличность и паспорт, она на-

* Нестероидный противовоспалительный препарат.

дела под блузку (в соответствии со строгой рекомендацией путеводителя из-за печально известной славы римских карманников). Опустив мобильный телефон в карман, она направилась к двери.

Войдя в лабораторию, Шарлотта увидела, что Джованни уже погружен в работу: склонившись над металлическим системным блоком компьютера, он возился с кабелями какого-то прибора.

Берсеи поднял голову и улыбнулся:

— Ага, вот сегодня у вас отдохнувший вид.

— Никак не наверстать, но уже немного получается. —

Шарлотта скосила глаза на аппарат. — Что это?

Он поманил ее рукой.

— Вам понравится. Лазерный сканер для 3D-дизайна.

Компактный прямоугольный блок со стеклянной дверцей и пустым внутренним отсеком-камерой возвышался фута на три от пола. Элементы управления располагались на боковой стенке.

— Смахивает на мини-бар, — критически разглядывая прибор, заметила Шарлотта.

— Такое мне в голову не приходило. — Окинув сканер беглым взглядом, Джованни засмеялся. — Пакетиков с орешками внутри нет. Может, чашечку кофе? А я тем временем покажу вам, как с ним управляться, — предложил он, подключая USB-кабель от прибора к своему ноутбуку.

Шарлотта за пять минут переоделась и вернулась, готовясь приступить к работе.

— Этой штуковиной мы просканируем каждую косточку и с помощью программы обработки изображений воссоздадим скелет, — объяснил Берсеи. — Затем программа CAD анализирует кости и соответствующие точки их соединения, просчитывает количество мышечной массы, которую поддерживала каждая косточка, и попытается воссоздать внешность этого загадочного человека уже во плоти. Я проделаю первый этап, вы можете продолжить.

Берсеи потянулся за черепом, бережно взял его одной рукой за зубастую нижнюю челюсть, другой — за купол и поместил в камеру сканера.

— «Просто поставь в мини-бар»...

Шарлотта громко рассмеялась. Берсеи, улыбаясь, перешел к своему ноутбуку:

— ...и кликни на «COMINCIARE SCANSIONE»*...

— А что, вся программа на итальянском?

Берсеи поднял глаза и удивился, заметив ее слегка встревоженное выражение лица.

— Упс... Недодумал. Сейчас переключу на английский. — Работая мышкой, он через несколько секунд изменил настройки программы. — Прошу прощения. Итак, мы остановились на «кликните “Начать сканирование”» — вот так...

Сканер загудел, а лазеры внутри камеры сформировали координатную сетку вокруг черепа, детализируя каждую особенность. Менее чем через минуту тщательно оцифрованная репродукция черепа в серо-белом изображении появилась на экране ноутбука.

— Ну вот. Трехмерная копия. Мы можем манипулировать ею, как нам захочется. — Антрополог провел пальцем по сенсорной панели ноутбука, и череп развернулся в обеих плоскостях, подчиняясь команде. — Теперь сохраняем изображение, и программа выкинет меню и попросит замаркировать кость. — Берсеи открыл перечень меток, прокрутил его, нашел «Череп с нижней челюстью» и кликнул по ней. — Теперь нажмем «Продолжить сканирование». Хотите попробовать? — Он открыл дверцу сканера и достал череп. — Надевайте перчатки и маску и берите кость.

Шарлотта бросила стаканчик из-под кофе в мусорную корзину, натянула перчатки и надела маску.

Она взяла сегмент позвоночника скелета и поместила его в камеру сканера. Кликнув на кнопку SCAN, она принялась наблюдать за пляской лазерных лучей. Мелькнули непро-

* Начать сканирование (ит.).

шенные мысли о компьютерной томографии и лучевой терапии, но Шарлотта отогнала их.

— Джованни, как Кармела — справилась с сальтимобоккой?

— Ну, если честно, все получилось не так уж плохо, — ответил он удивленно. — Вот только дочери все же удалось уболтать меня на вторую бутылочку вина. О мать божья... — добавил он, взявшись за голову.

Через минуту формирование изображения закончилось. Шарлотта с помощью сенсорной панели ноутбука покрутила изображение; Берсеи из-за плеча наблюдал за ее действиями. Она сохранила снимок как «Позвонок поясничный». Затем кликнула «Сканировать дальше».

— *Perfetto**. Скажите, когда закончите, хорошо? Я покажу, как собрать все «сканы» в единое целое. — Берсеи удалился в подсобку.

Шарлотта приступила к сканированию другого спинного позвонка. Минуту спустя Берсеи вернулся с двумя эспрессо.

— Пора заправиться итальянским реактивным топливом.

— Вы — мой спаситель!

— Будут проблемы — не стесняйтесь, зовите на помощь.

Остановившись у рабочей установки, Берсеи заглянул в оссуарий, чтобы исследовать толстый слой пыли приблизительно полдюйма толщиной, покрывавший его дно. Пыль надо извлечь и провести ее анализ с помощью микроскопа, а затем лабораторного спектрометра. Специальной ложечкой антрополог начал выгребать пыль на прямоугольное стеклянное блюдо, накрытое ситом, чтобы отсечь мелкие фрагменты костей, упавшие на дно оссуария. Он полагал, что найдет частицы высушенной плоти и осыпавшейся каменной пыли, а может, и ничтожное количество органических материалов, например цветов или масел, традиционно использовавшихся в древнееврейских погребальных ритуалах.

Чего он вовсе не предполагал найти, так это маленький круглый предмет, который попал в ложечку при втором греб-

* Безукоризненно, прекрасно (*ит.*).

ке. Пальцами в перчатках Берсеи взял его, осторожно стряхнул пыль мягкой кисточкой и тогда разглядел, что структура двух его окислившихся поверхностей была рукотворной. Штампованный металл.

Монета.

Взяв с подноса для инструментов более жесткую кисть, антрополог кивком головы подозвал Шарлотту.

— Что там у вас?

— Взгляните.— Положив монету на ладонь, Берсеи вытянул руку.

Шарлотта прищурила зеленые глаза, рассматривая трофей.

— Монета? Отличная находка, Джованни!

— Согласен. Она здорово облегчит нам работу. Как правило, монеты, которые находят вместе с останками, чрезвычайно полезны в плане определения возраста.

Он передал ей монету, повернулся к компьютеру и ввел в строку поиска: «Римские монеты LIZ».

Шарлотта внимательно разглядывала находку. Диаметр немногим более дюйма. На аверсе был символ, напоминающий вопросительный знак в зеркальном отражении, обрамленный написанными по кругу буквами. На реверсе просматривались три заглавные буквы LIZ, помещенные в центр грубоватого изображения растения, напоминающего изогнутую, покрытую листьями ветвь.

— Так... — прошептал Берсеи.

Антрополог был явно поражен. Человек, принадлежащий к поколению, которое строчило дипломные работы на пишущей машинке, он не устал изумляться эффективности прикладной науки и Интернета, в частности, в исследовательской области. Он щелкнул по наиболее подходящей ссылке и попал на сайт онлайн-торговца монетами «Форум древние монеты».

— Что вы нашли?

Просмотрев список выложенных для продажи древних монет, Берсеи нашел изображение монеты, идентичной той, что была зажата в пальцах Шарлотты.

— Хотя наша и в лучшем состоянии, осмелюсь утверждать, что эта — та самая. — Берсеи увеличил изображение лицевой и тыльной сторон монеты, являвшихся безукоризненными копиями их находки. — Хм, любопытно. Здесь написано, что она была выпущена Понтием Пилатом.

Склонившись поближе к монитору, чтобы лучше разглядеть изображение, Шарлотта ошеломленно переспросила:

— Тем самым Понтием Пилатом? Библейским?

— Тем самым, — кивнул Джованни. — Он ведь существовал на самом деле. — Негромким голосом антрополог прочитал с экрана текст, сопровождавший изображение. — Вот, пишут, что Пилат за время своего десятилетнего пребывания в должности, начавшегося в двадцать шестом году новой эры, выпустил три монеты. Все были бронзовыми *prutah**, отчеканенными в Кесарии в двадцать девятом, тридцатом и тридцать первом годах новой эры.

— Значит, эти римские цифры L-I-Z говорят нам об определенной дате? — Ей смутно припомнилось, что «L» означает пятьдесят, а «I» — единицу. Про «Z» вспомнить не удалось.

— Формально это греческие цифры — числительные. В те времена эллинская культура все еще оказывала существенное влияние на повседневную жизнь Иудеи. Да, они на самом деле обозначают дату выпуска, — объяснил Берсеи. — Вот только эта монета была изготовлена за сотни лет до того, как появился наш современный григорианский календарь. В первом веке римляне вели летоисчисление, исходя из периодов правления императоров. Видите эту круговую надпись на древнегреческом?

Шарлотта попробовала произнести вслух:

— «ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ»... М-м-м...

— Это означает «Император Тиберий».

— Откуда вы знаете? — Она обратила внимание, что Берсеи не смотрел в этот момент на экран.

* Прута (*иерит*) — древняя мелкая монета.

— Я довольно бегло читаю на древнегреческом. В ранней Римской империи этот язык был общепринятым.

— Ну вы даете...

Антрополог ухмыльнулся.

— Итак. Правление Тиберия началось в четырнадцатом году нашей эры. Буква «L» — просто сокращение слова «год». «I» значит десять, «Z» — семь: складываем и получаем семнадцать. Значит, монетку эту отчеканили на семнадцатом году правления Тиберия.

Немного смутившись, Шарлотта отсчитала годы.

— То есть в тридцать первом году от Рождества Христова?

— Вообще-то греки опускали ноль. Избавлю вас от мук подсчетов — правильная дата будет тридцатый год нашей эры.

— А что означает другой символ — как перевернутый просительный знак?

— Здесь говорится, что это *lituus* — спираль, символизирующая скипетр, который в качестве символа власти держал авгур.

— Авгур?

— Жрец. Приравнивался к оракулу и назначался Римом. Авгур поднимал спираль-жезл, чтобы вызывать богов, когда изрекал предсказания о войне или о каком-нибудь политическом деянии.

Когда разговор заходил о предсказаниях, Шарлотте прежде всего приходили в голову образы докторов в белых халатах, пытающихся истолковать лабораторные анализы. Она вновь тщательно осмотрела монету:

— Что, помимо Библии, вам известно о Понтии Пилате?

— Довольно много. Он был скверным типом, — усмехнулся Берсеи.

— В каком смысле?

Джованни рассказал ей, что знал. Император Тиберий не желал отдавать правление прибрежной Иудеей в руки иудейского царя, так как римские войска должны были иметь возможность без помех, оперативно перемещаться на юг — к

Египту. Вдобавок через Иудею проходили главные торговые пути. Тиберий практически отстранил от власти сыновей царя Ирода и посадил своего наместника Пилата, оскорблявшего религиозные верования и обычаи местного населения, а также беспощадно подавлявшего массовые выступления мятежных иудеев. В одном документально подтвержденном источнике сообщается: когда стало известно о том, что Пилат изъяс храмовые деньги для строительства акведука и толпы возмущенных кражей мирных жителей собрались у его иерусалимской резиденции, он подослал в толпу переодетых в гражданское платье солдат. По сигналу Пилата солдаты достали оружие и вырезали сотни людей.

- И это лишь один пример, — закончил рассказ Берсеи.
- Мерзость.

— Пилат по большей части жил на севере, в городе Кесария, в роскошном дворце с видом на Средиземное море — у вас в Штатах это называется «пляжным домом». Я бывал там... Красивое место. Именно в Кесарии под его непосредственным наблюдением были отчеканены эти монеты.

Вновь взглянув на экран монитора, Шарлотта обратила внимание на удивительно низкую цену, предложенную за реликвию Пилата:

— Двадцать два доллара? Как может монета возрастом почти в две тысячи лет стоить так дешево?

— Каков спрос, таково и предложение, — ответил Берсеи. — Не такая уж это и редкость. В свое время, кстати, это был эквивалент вашего американского пенни*.

Шарлотта изогнула бровь: пенни?

— А как, по-вашему, эта монета попала в оссуарий?

— Очень просто. В древнееврейском погребальном ритуале веки усопшего прикрывали монетками. Веки должны были оставаться сомкнутыми, служа защитой душе до тех пор, пока сохранялась плоть. Когда ткани истлевали, монеты проваливались в череп.

* Монета достоинством в 1 цент.

— Хм-м.

Пошарив в оссуарии, Берсеи выудил что-то из пыли и протянул на ладони вторую монету.

— Два глаза — две монеты. — Он рассмотрел находку с обеих сторон. — Полное совпадение.

Несколько мгновений Шарлотта обдумывала новую информацию.

— Получается, что кости похоронены в тот же год, правильно?

— Необязательно. Но скорее всего, так и было.

Глубоко задумавшись, она оглянулась и посмотрела на скелет, затем перевела взгляд на монету:

— Понтий Пилат и тело распятого. А не кажется ли вам...

В тот же миг Берсеи поднял руку, поняв, что она собирается сказать.

— Давайте не будем забегать вперед, — попросил он. — Как я уже говорил, римляне распяли сотни людей. И к тому же я добропорядочный католик, — добавил он с улыбкой.

Не найдя ни капли сомнения в строгом взгляде Берсеи, Шарлотта почувствовала, что антрополог прежде всего хочет получить самую полную и объективную информацию.

— Вы закончили сканирование скелета?

— Да, все готово.

— Отлично. — Поднявшись, Берсеи подхватил из принтера лист с распечаткой интернет-статьи. — Сейчас покажу вам, как это все скомпоновать. — Он указал на скелет, выложенный на столе рабочей установки. — И вот тогда-то мы узнаем, каков был из себя этот парень.

Храмовая гора

Ровно в двенадцать Разак подошел к деревянному столу, стоявшему перед крохотным кафе, за ним сидел Грэм Бартон, прихлебывая черный кофе и читая «Иерусалим пост». Завидев Разака, англичанин свернул газету и поднялся, чтобы поздороваться.

— Доброе утро, Грэм. — Разак застенчиво улыбнулся.

Бартон протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

— Ассалам алейкум, — поздоровался Бартон на приличном арабском.

— Ва алейкум ассалам, — ответил Разак, приятно удивленный. — Нам с вами следует над этим поработать, но для начала не так уж плохо для неверного.

— Благодарю вас. Присаживайтесь, пожалуйста. — Археолог указал на стул с противоположной стороны стола.

— Вы выбрали отличное место для встречи.

— Думал, вам понравится.

Бартон сознательно выбрал это популярное маленькое кафе в Мусульманском квартале, поскольку в последнее время до него доходили слухи, что владельцы магазинов еврейской национальности не очень-то любезны с покупателями-мусульманами: еще одно негативное последствие нашумевшей кражи.

Не успел Разак сесть, как к нему подошел молодой официант-палестинец, болезненно худой, с признаками редкой породы на подбородке.

- Вы есть будете, Грэм?
- Да, если вы не торопитесь.
- Что вы предпочитаете?
- Давайте на ваш вкус.

Разак повернулся к официанту и на одном дыхании отбарабанил названия нескольких блюд. Знаменитый хумус с черными бобами и жареными кедровыми орешками, лаваш («горячий, пожалуйста», — уточнил он), фалафель, две порции шаурмы, под конец Разак попросил чайник зеленого чая с мятой. «И две чашки», — добавил он намеренно по-английски, чтобы Бартон не чувствовал себя неловко.

Нацарапав заказ в блокноте и прочитав вслух, официант скрылся в кухне.

— Ну, рассказывайте, что нашли.

Лицо Бартона просияло.

— Нечто просто невероятное. — Он потянулся к карману рубашки и, заметно волнуясь, вытащил оттуда сложенный листок бумаги. — Смотрите. — Археолог развернул листок и положил его на стол перед Разак. — Сверху фотокопия оригинального текста, внизу — распечатка на английском. Будьте добры, прочтите сами, пожалуйста.

Разак немного полюбовался вязью рукописного текста древнего свитка. Затем взглянул на страничку перевода.

«Исполнив волю Господа, я, Иосиф Аримафейский, и моя возлюбленная семья ожидаем здесь славного дня, когда наш павший Мессия вернется, чтобы истребовать свидетельство Божье из-под алтаря Авраама и восстановить священную Скинию».

— Кто этот Иосиф? — По лицу Разака было заметно, что он в замешательстве.

Вернулся официант с дымящимся чайником чая, и, пока он разливал его в две чашки, Разак прикрывал документ рукой.

Бартон дождался ухода официанта и заговорил:

— Иосифом звали человека, чей скелет находится в девятом оссуарии. Иудейское имя Иосиф на английском звучит как Джозеф. — Он дал Разaku несколько мгновений, чтоб тот воспринял услышанное, и продолжил: — Вы слышали когда-нибудь об Иосифе из Аримафеи?

Разак покачал головой.

— Неудивительно. Это библейский персонаж, жил в первом веке, и в Новом Завете о нем упоминается довольно скупо.

Разак отпил глоточек чая, на лице его появилось беспокойство.

— А что о нем говорится в Писании?

— Прежде всего должен вам сказать, что об Иосифе нам известно только из легенд. — Бартон говорил торопливо, но понизив голос, чтобы его слышал только собеседник. — Считается, что он был преуспевающим купцом, снабжавшим металлами как иудейскую знать, так и римских чиновников: и тем и другим он поставлял бронзу, олово и медь для производства оружия и чеканки монет.

— Полезный человек.

— Да. — Бартон терпеливо продолжил: — В Евангелиях от Марка и Луки утверждается, что Иосиф был влиятельным членом Синедриона — высшего государственного совета и высшего судебного института в древней Иудее, состоявшего из семидесяти одного члена. В Евангелиях также выдвигается предположение, что Иосиф был тайным последователем знаменитого иудея по имени Иешуа, в высшей степени харизматической личности.

Мусульманин никак не отреагировал на произнесенное имя, однако Бартон продолжал выжидательно смотреть на собеседника.

— Вы полагаете, я обязан знать этого Иешуа?

— О, несомненно, — убежденно проговорил Бартон. — В некоторых еврейских переводах оно звучит как Иешуа, а в подлинниках Евангелий на греческом — Иесос. — Он чув-

ствовал, как растет нетерпение Разака. — Ну а уж арабское звучание его имени вам конечно же известно... Иса.

— Иисус? — Разак широко распахнул глаза.

— И хотя имя Иешуа, или Иисус, было вторым по популярности тогда, в первом веке, не думаю, что Иисус, о котором идет речь, нуждается в каких-либо представлениях.

Разак поерзал на стуле.

— После смерти Иисуса Иосиф, по легенде, отправился в Галлию — современную Францию. Сопровождаемый учениками, Лазарем, Марией Магдалиной, Филиппом, он проповедовал учение Иисуса. Предположительно в шестьдесят третьем году нашей эры он даже побывал в Англии, в Глстонбери, где обзавелся землей и построил первый в Англии мужской монастырь.

Сделав глоток чая, Разак поднял брови.

— Продолжайте.

— В Средние века Иосиф становится культовым героем, и монархи разных стран стали выдумывать наследственные связи с ним, дабы разделить его известность и славу. Именно в те времена всплывает еще одна легенда, согласно которой Иосиф обладал терновым венцом Иисуса и чашей, из которой тот пил на Тайной вечере. — Бартон чуть помедлил, позволяя Разaku переварить подробности. — Кое-кто верил, что в эту чашу Иосиф собрал кровь распятого тела Иисуса. — Англичанин заметил, как Разак поджал губы, услышав «распятого тела». — Чаша, более известная как Священный Грааль, обладала исцеляющей силой и гарантировала ее обладателю бессмертие.

— Это все сказки, — констатировал Разак. — Вы же не собираетесь утверждать, будто воры были убеждены в том, что в украденном ими оссуарии находился Святой Грааль?

Скривив губы, Бартон взмахнул рукой, словно отгоняя его предположение.

— Кое-кто наверняка так и полагает, но я бы не стал цепляться за эту идею. Я решил провести еще кое-какие ис-

следования, связанные с Иосифом Аримафейским, используя доступные источники. — Он показал Разаку книгу.

Разак перевел взгляд на экземпляр Нового Завета в руке англичанина.

— Те же сказки... — цинично обронил он.

Зная, что Новый Завет будет темой щекотливой, Бартон предвидел подобную реакцию. В любой дискуссии об Иисусе приходилось отдавать себе отчет, что мусульмане чтили его как одного из длинной череды пророков, наряду с Авраамом, Моисеем и последним рабом Аллаха Мухаммедом. Ни при каких обстоятельствах ислам не позволял считать человека либо пророка равным Богу. Именно это являлось столпом исламской веры: мусульмане объявляли христианское понятие Троицы безусловным богохульством, тем самым создавая непреодолимую пропасть между двумя религиями. И сама Библия рассматривалась мусульманами как искаженное толкование жизни Иисуса.

Проигнорировав подколку, Бартон продолжил:

— Из двадцати семи книг Нового Завета авторы четырех дают подробное историческое описание проповедника Иисуса: Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Каждый упоминает Иосифа из Аримафеи. — Бартон раскрыл Библию на страничке, заложившей закладкой, изо всех сил стараясь унять дрожь в пальцах. То, что он намеревался высказать, было просто невероятным. Он еще ближе склонился над столом. — Все четыре источника сообщают об одном и том же, поэтому я просто прочту вам отрывок из Матфея, глава двадцать семь, стих пятьдесят семь и далее.

И медленно прочел:

— «Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса. Он пришел к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело. И, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею. И положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился».

Бартон поднял глаза от страницы.

— Вот это предложение я прочту еще раз: «И, взяв тело, Иосиф обвинил его чистою плащаницею. И положил его в новом своем гробе, который высек он в скале».

Разак раскрыл от удивления рот.

— Но вы же не думаете, что... — Неожиданно у стола вырос официант, и Разак оборвал себя на полуслове, дожидаясь, когда юноша поставит тарелки и удалится. Глубоко вздохнув, он продолжил: — Кажется, я понимаю, куда вы клоните, Грэм. Уверю вас, это очень опасная версия. — Он отщипнул хлеба и положил на него немного ароматного хумуса.

— Выслушайте меня, прошу вас, — мягко настаивал Бартон. — Мы должны хотя бы принять во внимание предположение о том, что воры твердо верили: в похищенном оссуарии находятся останки Иисуса. А в найденном нами свитке содержится прямая ссылка на Мессию. Уж слишком все очевидно и точно.

Объясняя это Разаку, Бартон сам начал осознавать всю серьезность предостережения отца Деметриоса. Слова, начертанные в свитке, могли стать потенциальной угрозой традиционным службам в честь таинственного покровителя Христа, потому что катакомбы под храмом Гроба Господня, как полагали, принадлежали Иосифу.

— Советую есть хлеб, пока он горячий. — Разак пристально посмотрел на археолога.

— Вы поймите, я не утверждаю, что сам верю в это. — Бартон отщипнул хлеба и добавил ложечкой себе в тарелку немного хумуса. — Я только лишь озвучиваю предполагаемый мотив грабителей. Если мы имеем дело с фанатиком, убежденным, что это правда, значит, похищенный оссуарий в самом деле является реликвией.

Разак медленно прожевал и сказал:

— Убежден, что вы в состоянии меня понять. Я не могу вот так просто принять известие о том, что в пропавшем оссуарии находились останки Иисуса. Знайте, мистер Бартон, в

отличие от заблудших людей, написавших эту книгу, — он указал на Библию, — Коран приводит точные слова Аллаха, произнесенные устами его посланника, великого пророка Мухаммеда, да пребудет с ним мир. И он рассказал мусульманам правду. Иисус избежал креста. Аллах защитил его от тех, кто стремился причинить ему вред. Он не умер ужасной смертью. Аллах забрал его и вознес на небеса. — Разак воздел брови. — И учтите также, что реакция людей, перед которыми я ответствен, будет куда резче моей. Они и слушать не захотят подобных версий. — Он макнул кусочек хлеба в хумус и положил в рот. — Впрочем, разве христиане не утверждают, что Иисус восстал из мертвых и вознесся на небо? Разве не этому событию посвящен праздник Пасхи?

— Совершенно верно, — ответил Бартон.

Продолжая жевать, Разак насмешливо взглянул на него. Бартон ухмыльнулся.

— В Библии много о чем говорится, — согласился он. — Но первые Евангелия появились десятилетия спустя после проповеднической деятельности Иисуса, после длительного периода устных преданий. Думаю, нет нужды говорить вам, как может повлиять на целостность религии то, что мы сегодня прочитали. Поскольку ученики и последователи Христа сами были евреями, они опирались на поучительные толкования Писания, так называемые «мидраши», которые, скажу откровенно, по большей части сосредотачивались на его смысле и понимании — частенько в ущерб исторической достоверности. И еще подчеркну: древние толкования воскресения Иисуса имели больше отношения к духовной трансформации, чем к физической.

— Не понимаю, как люди верят этим сказкам. — Разак покачал головой.

— Видите ли, — осторожно возразил Бартон, — необходимо учитывать, что Евангелия предназначались для новообращенных язычников. Людей, прежде веровавших в богов, смерть которых была трагичной, а воскресение — славным. Жизнь, смерть и затем возрождение были очень близкими,

общими темами для языческих богов, включая Осириса, Адониса и Митру. Раннехристианские лидеры, в особенности Павел из Тарса*, знали, что Иисус должен подпадать под это мерило. Он проповедовал эту новую религию в условиях серьезной конкуренции. Мы не можем игнорировать сообщение о том, что Павел приукрашивал историю. К тому же считается, что из двадцати семи книг Нового Завета автором четырнадцати является он лично. Согласитесь, обстоятельство весомое. И для нас будет благоразумным представить эти рассказы в правильном историческом и *человеческом* контексте.

— Да, за словом вы в карман не полезете, Грэм. — Разак одобрительно посмотрел на него. — Ваша жена, наверное, обожает вас, — сказал он с едва уловимым сарказмом и указал на золотое обручальное кольцо на правой руке археолога.

— Вот уж кто в нашей семье мастер заговаривать зубы, так это Дженни. Она адвокат.

— Ах вот как. — Брови Разака взмыли вверх. — Профессиональный спорщик. Не хотел бы я стать свидетелем ваших прений.

— К счастью, в семье они редкость.

По правде говоря, за порогом суда Дженни меньше всего напоминала говорливого адвоката. В последнее время, оставаясь вдвоем, они все больше молчали, не находя общих тем.

— У вас есть дети?

— Сын Джон, двадцать один год. Симпатичный парень, количество серого вещества у него в голове в два раза больше, чем у обоих родителей, вместе взятых. Учится в Кембридже, в моей альма-матер. А еще у нас дочурка Жозефина, ей двадцать пять. Живет в Штатах, в Бостоне. Как и мама, адвокат. А вы? Жена, дети?

Разак смущенно улыбнулся и покачал головой:

— К сожалению, Аллах пока еще не подарил мне подходящей супруги.

* Апостол Павел.

Бартону почудилось, будто он уловил что-то во взгляде мусульманина. Боль?

— Может, дело не в воле Аллаха, а в вашей строптивости? — спросил англичанин.

Разак сделал вид, что обиделся, но затем рассмеялся.

— Знаете, возможно, вы и правы.

Когда они покончили с едой, Разак вновь вернулся к переводу.

— А вот конец предложения... О чем здесь речь? — Он прочел вслух: — «...вернется, чтобы истребовать свидетельство Божье из-под алтаря Авраама и восстановить священную Скинию».

Бартон надеялся избежать обсуждения этой части текста.

— Э-э... — Он помедлил. — Алтарь Авраама... скорее всего, речь идет о горе Мория.

— Там, где пророку Аврааму было велено принести в жертву Исаила, сына Агари, — без всякого выражения проговорил Разак.

— Да. — Бартон решил не обращать внимания на трактовку.

Хотя в Пятикнижии ясно сказано, что Авраам должен был принести в жертву Исаака, сына своей жены Сары, мусульмане прослеживали свою родословную от Исаила: сына, которого по желанию Сары родила от Авраама рабыня Агарь*. Это был еще один пример того, как две религии отчаянно пытаются бороться за «право собственности» на самого почитаемого патриарха Старого Завета — человека, которому приписывают монотеистическую веру и полное повиновение одному истинному Богу.

«В конечном счете, ведь именно в этом и суть самого слова “ислам”, — подумал Бартон. — Повиновение воле Аллаха**».

— А вот это «свидетельство Божье», — добавил Разак. — Звучит так, будто речь идет о некоем физическом предмете, находящемся «под алтарем Авраама». Не понимаю.

* Сара была бездетна.

** С арабского — буквально: предание себя Богу.

Бартон вдруг ощутил мурашки на правой руке.

— Я сам все пытаюсь понять, о чем речь, — солгал он. — Для этого мне нужно навести еще кое-какие справки.

Скептически глянув на него, Разак кивнул.

— Надеюсь, вы расскажете мне, если узнаете что-то новое.

— Разумеется.

— А каковы наши ближайшие планы?

Бартон задумался. Странно, но его мысли по-прежнему возвращались к отцу Деметриосу — к посещению нижнего склепа храма Гроба Господня, по преданию принадлежавшего Иосифу Аримафейскому, и к потайной усыпальнице под Храмовой горой: в ней недоставало некоторых особенностей, типичных для склепов первого столетия.

— Думаю, нам следует вернуться в крипту. Хочу проверить, не упустил ли я чего. Когда, по-вашему, мы сможем туда отправиться?

— Давайте отложим до завтрашнего утра, — предложил Разак. — Нынче утром у меня состоялся очень интересный разговор по телефону со старым другом из Газы, узнавшим, что я участвую в расследовании. Он сказал, у него есть кое-какая информация, которая может нам помочь.

— Какого рода информация?

— По правде говоря, еще не знаю. Он не стал уточнять по телефону.

— Значит, что-то существенное.

— Очень надеюсь. Вот к нему-то я и собирался съездить сегодня днем. Если вы не очень заняты, может, составите мне компанию?

— С радостью. Когда именно?

— Мне надо кое-где поприсутствовать... Это ненадолго. — Разак взглянул часы. — Не могли бы вы подойти часам к двум к стоянке за Яффскими воротами?

— Договорились.

Разак полез в карман брюк и достал бумажник.

— Прошу вас, Разак,— запротестовал англичанин.— Позвольте мне. Вы торопитесь, а я еще посижу.

— Благодарю, Грэм. Вы очень щедры.

На скамейке напротив кафе «Эль-Вад» молодой человек незапоминающейся внешности читал газету и наслаждался чашкой кофе и отличной погодой. Время от времени он украдкой поглядывал на археолога и мусульманского уполномоченного. Крохотные микрофончики у него в ушах, подключенные к портативному записывающему устройству, передавали их занимательный диалог на пост наблюдения иерусалимского отделения СБИ.

Ватикан

Включив полноэкранное отображение, Джованни Берсеи прокрутил мозаику пиктограмм отсканированных образцов, периодически останавливаясь, чтобы увеличить и подробно изучить какую-либо кость.

— Великолепно, Шарлотта. Похоже, и ребра у вас получились как надо, а это не просто. Теперь осталось только попросить компьютер собрать скелет. — Он кликнул по меню.

Из-за его спины Шарлотта Хеннеси наблюдала, как на экране появилось маленькое окошко:

**ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ, ПОКА ВАШ ОБРАЗЕЦ
ОБРАБАТЫВАЕТСЯ**

25% завершено...

43% завершено...

71% завершено...

Берсеи обернулся к ней:

— Пока ни одной ошибки. Неплохо для первой попытки.

98% завершено...

100% завершено...

Через двадцать секунд на экране появилось трехмерное изображение скелета. Программа тщательно исследовала

каждую косточку, чтобы воссоздать состояние суставов и хрящевых соединений и выдать точное изображение структуры скелета в полном сборе. На нем даже отобразился подробно детализированный ужасный след, результат распятия: борозды на ребрах и повреждения запястий, лодыжек и коленей.

— А тело мы увидим?

Берсеи вытянул руки, словно в попытке замедлить ход набирающей скорость машины:

— Тише едешь — дальше будешь.

— Извините. Переборщила с кофе.

— Мы, итальянцы, не очень любим торопить события, — пошутил антрополог. — Способствует долголетию.

Шарлотта внутренне съежилась от страха.

Берсеи вновь взялся за мышку.

— А сейчас мы попросим компьютер распределить по скелету мышечную массу. Программа обмерит каждую косточку и определит точки присоединения связок.

Шарлотте был известен лишь основной принцип.

— Крупные мускулы создают больше напряжения на костях, к которым они крепятся, требуя более сильных связок и больше точек присоединения? — уточнила она.

— Именно так. Можно назвать это реверсивной технологией. При условии, что программа не в состоянии вычислить каждую аномалию мягкой ткани, зато может определить структурные аномалии скелета. И если определит, то либо покажет нам их, либо выдаст сообщение об ошибке. И все же давайте наростим немного мышц на наш скелет. — Он переключил внимание на экран.

Вновь появилось окошко индикатора, указывающее степень выполнения задачи:

ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ, ПОКА ВАШ ОБРАЗЕЦ ОБРАБАТЫВАЕТСЯ

77% завершено...

100% завершено...

Экран обновился.

На этот раз программа окутала скелет волокнистой тканью мышечной массы. Картинка отвратительная, но анатомически корректная — лишенное кожи мужское тело, мышцы, изобилующие разнообразными оттенками красного, и неприятного иссиня-белого цвета связки. Мужчина был великолепно сложен.

Шарлотта подалась ближе к монитору.

— Он в отличной форме, — констатировала она.

— Тогда не было «Макдоналдсов», — обронил Берсеи, работая мышкой.

— И осособуко тоже.

Оба рассмеялись.

Угомонившись, Джованни вновь обратил внимание на экран.

— Ну ладно, давайте-ка прикроем его кожей. — Он кликнул на нужную опцию.

Почти в то же мгновение картинка на экране не переменилась, явив трехмерное изображение тела, напоминающего мраморную скульптуру Бернини с «мягкой» плотью*, на котором отсутствовал лишь волосяной покров, включая брови. Глаза предстали глянцевыми, бесцветными полусферами.

Шарлотта застыла от удивления. С этого момента исследование вступило в совершенно иную область, безымянный, безликий субъект обретал жутковатые, как будто живые черты. Отвоевав у смерти эти древние мощи, они словно вдыхали в них жизнь.

— А вот теперь заполнить белые пятна нам поможет ваш анализ ДНК, — продолжил объяснение Берсеи. — Введем в программу генетические данные, и она воссоздаст все: от глаз и цвета кожи до густоты волос, ногтей рук, волос на теле и так далее. Также мы сможем довольно точно прикинуть со-

* Уже ранние скульптуры Бернини свидетельствуют о его исключительном даровании: стремясь сделать любимый свой материал мрамор, податливым, как воск, мастер добивается иллюзии подвижности пластических форм.

держание жира в теле. На этот момент данные нашего подопечного таковы. По-моему, впечатляет. — Он указал на правый нижний угол экрана.

Там появились статистические данные, в том числе включавшие такую строчку:

РОСТ (ДЮЙМЫ/САНТИМЕТРЫ): 73,850/187,579

— Для тех лет просто великан, — заметил Берсеи. — Странно. Если этот человек умер в начале первого столетия, он действительно был заметной фигурой.

— Ведь люди тогда были мельче, так?

— Существует устойчивое мнение, что все дело в неправильном питании. Но я бы не особо доверял этой версии. Многие считают, что на самом деле питались они значительно лучше. Но даже по современным стандартам этот человек заставил бы прохожих оглядываться на него. Данные вашей генетической экспертизы помогут пролить свет на его облик.

— Давайте поколдуем над лицом.

Берсеи нажатой кнопкой мыши перетащил очерченную белым контуром рамку вокруг изображения и кликнул по ней, давая команду увеличить.

Экран заполнила призрачная форма, черты уже просматривались, но были еще чуть приглушенными — длинный, чуть загибающийся книзу нос, полные губы и решительный подбородок, отчетливая линия челюсти, прямые брови и широко раскрытые глаза.

Берсеи довольно улыбнулся.

— Программа отлично поработала. На сегодня — лучший результат воссоздания облика. И посмотрите, какой красавчик.

Шарлотта была просто зачарована призраком на экране:

— Интересно, насколько этот образ точен.

— Я пользовался этой программой, когда работал над воссозданием личностей на основе подобных останков при расследовании убийств, — доверительно сообщил Берсеи. — И уве-

ряю вас, когда под конец производилось сравнение с известной внешностью жертвы, результаты были очень похожими.

Неожиданно проснулся интерком. Отец Донован, извинившись за вмешательство, сообщил о том, что синьору Хеннеси просят к телефону.

— Это, наверное, данные радиоуглеродного анализа, — сказал Берсеи. — Давайте вы поговорите, а я пока поработаю с оссуарием.

— Так и сделаем. — Шарлотта направилась к телефону. Берсеи вернулся к своей рабочей установке.

Когда он убрал слой мельчайшей пыли с днища оссуария, что-то привлекло его внимание.

Едва заметные линии.

Схватив тонкую кисть, антрополог нагнулся поближе, старательно выметая пыль из бороздок, пока не обозначился прямоугольный контур.

Сменив кисть на маленькое лезвие, Берсеи провел им по периметру прямоугольника, осторожно поддевая края того, что напоминало металлическую пластину. Под снятой пластиной оказалась полость, в темноте которой смутно виднелись контуры трех длинных предметов конической формы.

Джованни решил, что это ему чудится, и подправил освещение. Сунув руку в оссуарий, он осторожно ощупал полость. Его пальцы, затянутые в латекс, ощутили холод металла, когда он вытаскивал один из предметов. Он оказался на удивление тяжелым, сантиметров восемнадцать в длину, угольно-черным с выпуклым тупым концом, сужавшимся и переходящим в стержень с коваными краями.

Гвоздь.

Уложив гвоздь на поднос, Джованни уставился на него, не веря своим глазам.

Следом он вытащил два оставшихся на дне оссуария гвоздя и выложил их в ряд с первым. Еще три предмета, которые помогут установить личность этого человека. В карьере Берсеи было много моментов, которые подогревали его страсть к открытиям. Однако сегодняшние находки — просто за гранью возможного.

— Боже мой, — выдохнул он, откидываясь на спинку кресла.

Вдругом конце лаборатории Шарлотта только что повесила трубку.

— Вы только посмотрите, что я нашел! — окликнул ее Берсеи, не сводя глаз с подноса.

Шарлотта подошла к рабочей установке. По выражению побледневшего лица Берсеи она поняла, что оссуарий поделился с ними еще одним секретом.

Ни слова не говоря, антрополог указал на поднос.

Взгляду ее предстали три металлических предмета, лежавшие на блестящей стальной поверхности.

— Гвозди для шпал? — Она взглянула на острия гвоздей, и жуткая процедура распятия представилась ей еще более реальной и страшной.

Берсеи нарушил затянувшееся молчание.

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно этими гвоздями был распят этот человек... кто бы он ни был.

— Где вы их нашли?

— Там. — Он указал подбородком на оссуарий.

Шарлотта застыла над оссуарием, напряженно вглядываясь в пустое чрево известнякового ковчега.

— Под слоем пыли.

Внезапно ее взгляд выхватил неясный контур в глубине оссуария. Он напоминал второй тайник, выбитый внутри ковчега.

— Постойте-ка, — резко воскликнула она, развернув штатив лампы над оссуарием и осветив его полость. — А вы, кажется, кое-что проглядели. Смотрите. Похоже на... — в резком свете ей удалось как следует рассмотреть увиденное, — ...цилиндр?

Иерусалим

Разак нашел Фаруха в маленькой комнате на верхнем этаже здания школы, переоборудованной ВАКФ во временный офис. Фарух только что закончил говорить по телефону.

Хранитель не дал Разаку и рта раскрыть.

— Тополь говорит, что за последние несколько дней импортных грузов, схожих по описанию с оссуарием, не обнаружено. — Он побарабанил пальцами по столу. — В общем, хорошего мало.

Разак сел. Фарух выглядел так, будто не спал несколько дней; лицо его было повернуто к вошедшему под таким углом, что идеально вписывалось в раму окна, обрамлявшую вид на Купол Скалы.

— И Хамас, и власти Палестины подтвердили, — продолжал Фарух, — что вертолет, на котором похитители скрылись с Харам аш-Шариф, однозначно был израильским. Когда я выложил это Телексену, он заявил, что вертолет угнали с авиабазы Сдэ-Дов, под Тель-Авивом. Модель «Сикорски УН-60 блэк хоук».

Если память не подводила Разака, то в конце девяностых Израиль закупил у американцев несколько штурмовых вертолетов.

— Похоже, ВВС Израиля делит аэродром Сдэ-Дов с коммерческими перевозчиками, — добавил Фарух.

— Тогда неудивительно, что постороннему не составило труда попасть на базу.

— Не будем торопиться с выводами, — резко сказал Фарух. — Вполне вероятно, что вертолет и не был угнан.

Разаку не понравилось, что терпение и объективность суждений Фаруха, похоже, пошли на убыль. Он сменил тактику:

— По крайней мере, они наконец-то в этом признались. К своему стыду.

— Разумеется, оговорившись, что это была трагическая случайность.

— Вы не поинтересовались у Телексена, почему нас сразу не поставили в известность?

— Первым делом спросил.

— И что он сказал?

— Его беспокоило, что информация просочится в прессу. — Фарух скрестил на груди руки.

Разак вынужден был согласиться с таким доводом: помнясь палестинцы ролями с израильтянами, они тоже сделали бы все возможное, чтобы скрыть любую информацию, которая могла бы положить начало враждебному противодействию. Все это казалось странной, никогда не прекращающейся игрой.

— Но сами-то вы не считаете, что похищение спланировано израильтянами, не так ли?

— Еще рано что-то «считать». Но я, безусловно, подозреваю их в этом.

— Но как же тогда погибшие израильские солдаты? — Разак покачал головой. Это не вязалось с тем, что говорил Бартон. С какой стати евреям интересоваться мнимыми реликвиями фальшивого Мессии или сомнительной легендой о Святом Граале? — Ради чего?

— Ради чего? Ради того, чтобы разрушить мир, — они жаждут только этого.

Иного ответа Разак от представителя Хамаса и не ждал.

— Так что вы решили предпринять?

— Пока ничего. Дождемся более полной информации. — Фарух сплел пальцы рук и прижал к губам. — Расскажите,

чем там занимается этот английский археолог... как его, Бартон?

Момент был совершенно неподходящий для того, чтобы подпитывать возрастающую тревогу расстроенного пожилого человека. В сложившихся обстоятельствах в дикие теории археолога пока никого посвящать не следовало.

— Он попросил разрешения еще раз осмотреть помещение. Говорит, будто что-то упустил.

Пытаясь скрыть заинтересованность, хранитель спокойно спросил:

— Что же именно?

— Как выясню, сразу дам вам знать. — Разак поднялся, собираясь уходить. — Да, кстати, не могли бы вы одолжить мне свою машину? У меня сегодня встреча с человеком, у которого, возможно, есть полезная информация.

— Конечно. — Фарух выдвинул ящик стола и передал Разaku ключи от своего «Мерседеса S500». — Как раз только что помыл. Куда поедете?

— В Газу, — спокойно ответил Разак.

— Понятно. — Взгляд Фаруха сделался каменным, он едва не попросил ключи обратно. — Вы в курсе, что там сейчас творится?

— Я осторожно, — заверил его Разак. — Со мной поедет Бартон. Все будет в порядке.

Явно недовольный, Фарух кивнул.

— Прошу вас, Разак, не забывайте, что мы пытаемся раскрыть преступление. Террористический акт. А не снимаем документальный фильм. И не прозевайте, если Бартон нападет на след.

— Да-да, конечно.

Когда Разак ушел, Фарух некоторое время посидел в тишине, бездумно глядя в окно на покрытый листовым золотом Купол Скалы — сооружение, само по себе определявшее право ислама на Палестину.

Обе стороны не могли договориться даже о едином названии этого места. Для евреев это была Храмовая гора. Для мусульман — Харам аш-Шариф.

Все в Иерусалиме имеет по меньшей мере два имени, даже сам город — Аль-Кудс.

Как могло такое маленькое государство перекроить весь Ближний Восток и разжечь джихад — военное противостояние Крестовым походам? Конфликт, который длится веками. И веками же не прекращаются споры. Для Фаруха религиозные убеждения давно перестали быть основанием для борьбы — дело обстояло куда серьезней.

Он возвратился мыслями к своему фронтовому прошлому. В 1967 году, когда разразилась Шестидневная война, он служил в армии. Тогда арабские страны — Египет, Сирия и Иордания — сформировали объединенный фронт с целью раз и навсегда сбросить израильтян в море. Но недооценили смертоносную авиацию израильских ВВС, оснащенных закупленными в США самолетами, которые нанесли превентивные удары по египетским аэродромам еще до начала наступления. Последствия конфликта были для палестинцев ужасающими. Израилу удалось отвоевать контроль над Голанскими высотами, Западным берегом Иордана и Синайским полуостровом. Но даже после такого страшного конфликта Храмовая гора оставалась под контролем ислама. Даже до зубов вооруженные израильтяне понимали, что боевая операция по захвату святого места чревата резкой эскалацией конфликта.

В 1973 году Фаруху пришлось еще раз вступить в борьбу за свой народ, когда объединенные силы Египта и Сирии попытались захватить оккупированные территории, проведя внезапные атаки на Синае и Голанских высотах во время самого святого еврейского праздника Йом Киппура, или Дня искупления. Две недели арабские войска с боями продвигались в глубь территории региона и едва не добились разгрома израильтян. Однако благодаря вмешательству ООН боевые действия были прекращены.

Фарух положил руку на грудь и помассировал старый шрам — пуля израильского пехотинца едва не унесла тогда его жизнь.

Крупных конфликтов не было уже более тридцати лет, однако палестинские интифады* возникали довольно часто. Израиль ужесточил контроль над территорией, заявив эксклюзивные права на применение вооруженных сил. То, что Израиль обладал ядерным оружием, давно уже являлось секретом полишинеля, в то время как протестующие на улицах палестинцы прибегали в основном к швырянию камней.

Но появление экстремистских вооруженных группировок, таких как «Хамас» и «Исламский джихад», трансформировало конфликт в психологическую атаку, имеющую целью лишить израильтян мира и покоя. Прогремевшие на весь мир акты смертников стали новым голосом палестинской свободы. И все равно, как их называют, террористами или мучениками, — то, что они хотят сказать миру, ясно без слов: израильтяне всего лишь гости на этой земле.

В Израиле никогда не будет мира, и такие, как Фарух, мужчины, которые сражались на фронте за независимость, знали почему. Отказаться от борьбы для Палестины означало принять правоту западной идеологии. Скоро палестинцы поднимутся и отвоеют свои территории, как когда-то Салах ад-Дин, в двенадцатом веке изгнавший крестоносцев из пределов Святой земли.

Наибольшее кровопролитие происходило обычно тогда, когда израильтяне совались на Храмовую гору. Археологические раскопки, начатые израильтянами и палестинцами в 1996 году, закончились многочисленными жертвами. В 2000 году Ариэль Шарон попытался вновь заявить права Израиля на контроль над территорией, и несколько сотен солдат СБИ заняли эспланаду. И вновь палестинцы восприняли эту акцию как нападение на ислам, и вновь пролилось много крови.

Хотя Фарух давно уже не держал в руках оружия, на своем новом «фронте» он оставался солдатом. Храмовая гора — самая ценная частица региона — являлась археологической

* Интифада — восстание палестинцев против Израиля.

ценностью, «капсулой времени» мировой религии и политики. И не важно, насколько изощренным стало оружие израильтян, — пока он живет и дышит, они никогда не получают этой земли. Он скорее умрет прежде, чем настанет этот день.

Взяв трубку телефона, Фарух позвонил в отдел новостей палестинского телевидения города Газы. Этот канал, владельцем и управляющим которого была администрация Палестины, активно выражал крайнее недовольство израильской оккупацией. Его сообщения вызывали бурный отклик в правых израильских кругах, в конце концов его директор был найден убитым выстрелами с близкого расстояния в голову и грудь. Подозрение пало на Моссад.

Звонок Фаруха был перенаправлен его тайному агенту — молодому амбициозному мусульманину по имени Альфар. Фарух сообщил подробную информацию о вертолете, тем самым начинив взрывчаткой самую спорную информационную бомбу, когда-либо готовящуюся взорваться в сети СМИ.

Фарух повесил трубку.

Через эспланаду Харам аш-Шариф донесся усиленный динамиками призыв муэдзина. Время полуденной молитвы.

Хранитель опустился на колени, повернул лицо к Мекке и приступил к чтению Корана.

Ватикан

Встав так, чтобы получше видеть находку Шарлотты, Берсеи определил, что предмет, скрывавшийся в нише на самом дне оссуария, напоминал металлическую пробирку.

Двое ученых с некоторой тревогой переглянулись. Белые полоски масок закрывали их лица до самых глаз.

— С меня на сегодня хватит, тем более вы заслужили. Доставайте. — Джованни кивнул на оссуарий.

Шарлотта наклонилась поближе, ощущение было такое, будто ее рука опускается в черную дыру. Пальцы сомкнулись вокруг холодного металла. Медленно, с превеликой осторожностью, она вытащила руку из оссуария.

Перевернув ладонь и распрямив пальцы, она покатила потускневший от времени цилиндр по обтянутой латексом ладони — резкий контраст старого и нового материала. Оба конца трубки были закрыты круглыми металлическими колпачками. Надписей никаких.

— Похоже, контейнер... — Шарлотта по очереди осмотрела каждый конец цилиндра и подняла взгляд на Берсеи, ожидая пояснений, но антрополог просто утратил дар речи. — Джованни, может, вы откроете?

Берсеи только махнул рукой.

Шарлотта покрутила цилиндр в пальцах. Металл напоминал тот, из которого были отчеканены монеты. Бронза?

— Ладно. Итак...

Шарлотта держала цилиндр над подносом. Стиснув зубы, она взялась пальцами за колпачок и цилиндр и равномерно крутанула в противоположных направлениях. Сначала он не поддавался. Но мгновением позже негромкий треск поведал о том, что восковая печать сломана.

Колпачок повернулся.

Ученые переглянулись, словно два заговорщика. Поднеся цилиндр ближе к свету лампы, Шарлотта рассмотрела внутри что-то свернутое в трубку.

— Ну что там? — Голос Берсеи был хриплым от напряжения.

— Как будто свиток.

Он сжал пальцы в кулак и прижал к подбородку.

— А теперь предельно осторожно, — громко сказал антрополог. — Он может оказаться очень хрупким.

«Сначала монеты, теперь вот это, — с замиранием сердца подумал Берсеи. — Что же это творится...»

Шарлотта тихонько постучала по закрытому основанию цилиндра, и из него показался свиток, он на мгновение застрял и вдруг выскользнул, с негромким глухим звуком приземлившись на поднос. Шарлотта и Джованни замерли.

— Черт! Я не думала, что он так легко выскочит.

Берсеи протянул руку и указательным пальцем осторожно покатал свиток взад и вперед, пытаясь определить, не поврежден ли он.

— Цел, — тяжело выдохнул антрополог. — И похоже, отлично сохранился.

— Это пергамент?

Берсеи пригляделся повнимательнее.

— Да, скорее всего, телячья кожа.

— Вам случалось находить древние документы?

— Лично мне нет, — признался он.

— А просто развернуть его мы не можем?

— Не стоит торопиться. На первый взгляд он сохранился прекрасно, но есть вероятность, что он очень хрупок. Необ-

ходимо следовать строгой процедуре, чтобы исключить любой риск повреждения. — Джованни все пытался представить, какую тайну мог хранить документ. — А вам не кажется, что вокруг нас просто аномальное средоточие необыкновенных находок? — Его лицо помрачнело.

— Может, и так... Но у меня для вас на самом деле интересные новости.

— Результаты радиоуглеродного анализа?

— Той косточки, что я отправила Чардини, — кивнула она.

— Что он выяснил? — Берсеи напряженно уставился на нее.

— Готовы? На ногах крепко стоите? Образец настолько хорош, что с вероятностью девяносто восемь и семь десятых процента кости датируются периодом между пятым и семьдесят первым годами нашей эры.

В глазах Берсеи вновь появилась и начала расти неуверенность. Тот самый период... Просто невероятно... Левой рукой он потер спину у основания шеи — начиналась судорога. Это от стресса.

— Вот это новости...

— А деревянная щепка, между прочим, от орехового дерева, характерного для флоры израильского региона. Процент вероятности возраста составляет восемьдесят девять и семь десятых процента для периода между восемнадцатым и тридцать четвертым годами нашей эры.

Глаза Берсеи непроизвольно метнулись к скелету, словно тот вдруг ожил.

— Когда вы рассчитываете получить результаты генетического анализа?

— Возможно, завтра.

Он посмотрел вниз, на свиток из телячьей кожи и проговорил:

— Хорошо. А сейчас давайте все это задокументируем.

Шарлотта принесла цифровую камеру, включила ее и приступила к съемке внутренней части оссуария.

Погрузившись в размышления, Берсеи осознал: во всей этой истории что-то не так. Недаром отец Донован пригласил самых видных научных экспертов. Священник знал больше, чем дозволено знать ему. После того как Шарлотта отсняла неразвернутый свиток, Берсеи осторожно вернул его в металлическую капсулу и завинтил колпачок.

Блокпост Эрец, Израиль

Разак вел машину по хайвэю № 4 к границе Газы. Через час езды на юго-запад от Иерусалима пышная зелень преобразенной израильтянами пустыни стала чахнуть, уступая место скучному безжизненному ландшафту.

— Вам когда-нибудь приходилось бывать по ту сторону? — Бартон показал глазами на ограждение из стальной проволоки, которое тянулось на пятьдесят один километр вдоль границы, отрезавшей крохотную полоску земли от южного побережья Израйля.

— Только однажды, — печально ответил Разак. Продолжать он не стал.

Бартон вдруг почувствовал горечь во рту. Созная, что станет одним из горстки европейцев на крохотной территории, населенной в основном палестинцами, он предпочел бы услышать от Разака более обнадеживающий ответ, особенно в свете того, что с недавних пор «западники» стали главными объектами похищений исламских боевиков, таких, например, как Бригады мучеников Аль-Аксы.

Впереди километра на три дорога была забита транспортом: такси, легковушки и микроавтобусы ожидали досмотра на КПП «Эрец»*. Множество машин стояло у обочин —

* Пограничный переход «Эрец» — единственный проход, связывающий территорию сектора Газы с внешним миром.

перегрелись моторы. Укрыться было негде, и солнце нещадно изливало зной на беспомощных автовладельцев.

Даже сквозь закрытые окна в охлажденный кондиционером салон «мерседеса» доносился плач детей и просачивалась удушливая вонь выхлопных газов.

— А кто этот ваш связной, к которому мы едем? — спросил Бартон.

— Мой старинный школьный приятель. Человек, который разделяет со мной многие мои тревоги о судьбе Ближнего Востока, — объяснил Разак. — Если не возражаете, я хотел бы попросить вас позволить мне вести разговор.

— Пожалуйста.

Они почти два часа добирались до широкого металлического навеса, напоминающего ангар без дверей, который служил укрытием от солнца для солдат пограничного патруля СБИ. Вдоль дороги тянулись бетонные баррикады и проволочные заграждения. По обе стороны проезда на позициях стояли танки и бронемшины.

Разак повернулся к Бартону:

— Письмо израильской полиции у вас с собой?

— Конечно.

— Отлично. Полагаю, оно нам понадобится.

Разак пытался не обращать внимания на арабского таксиста, которого допрашивала группа солдат СБИ на встречной обочине. Пара немецких овчарок обнюхивала машину в поисках взрывчатки. Он припомнил, что, по слухам, израильтяне с особым подозрением относились к одиноким водителям, следующим из сектора Газы, многие из них оказывались террористами-смертниками.

Наконец солдаты СБИ в полном боевом снаряжении, даже не опуская дула винтовок, махнули Разаку, приказывая следовать вперед. Направленные вниз видеокамеры наблюдения, установленные на стальных балках крыши, ослепительно сверкали объективами. Тощий молодой израильский солдат шагнул вперед.

— Откройте багажник и предъявите документы, — командовал он на плохом арабском, успев, однако, мимоходом полюбоваться плавными обводами «мерседеса».

Разак нажал кнопку открывания багажника и протянул солдату их паспорт.

Двое солдат двинулись вдоль бортов автомобиля, осмотрели при помощи зеркал подвеску, заглянули в салон и остановились у багажника.

Проверявший документы постовой чуть пригнулся, взглянул на Бартона и покачал головой.

— Понятно, нездешний. — Скривившись, он перевел взгляд на Разака и сказал: — Вы, должно быть, с ума сошли, ехать сюда, особенно сейчас. На такой тачке. С ним. — Лицо солдата приняло непроницаемое выражение, когда он вновь обратился к Бартону: — С какой целью следуете?

Багажник с силой захлопнули, и англичанин подскочил от неожиданности.

Предъявив письмо Бартона, Разак пояснил, что полиция Израиля уполномочила их вести расследование происшествия на Храмовой горе. Постового это удовлетворило.

— Проезжайте, только будьте осторожны, — предупредил он. — За этим КПП вы предоставлены самим себе.

Разак серьезно кивнул и тронулся с места. Испустив долгий вздох облегчения, он медленно проехал под сторожевой башней, осторожно маневрируя меж бетонных блоков второй линии заграждения.

Через пятнадцать минут езды на юг по главной магистрали региона на горизонте показались невыразительные очертания города Газа. Концентрация зданий постепенно росла — Разак внимательно вел машину по многолюдным улицам деловой части города, где все еще попадались руины разбомбленных домов — напоминания о частых ракетных атаках Израиля.

Долгое время оба молчали, словно впитывая мрачное уныние окружающего.

— Жуть... — наконец обронил Бартон.

— Более миллиона людей втиснуты буквально на пятак земли. — Голос Разака был мрачен. — Страшная антисанитария, политическая нестабильность, разрушенная экономика...

— Идеальный рецепт для создания беспорядков.

Припарковав машину у поребрика, Разак заплатил сорок израильских шекелей палестинскому мальчугану с круглым лицом, чтобы тот приглядел за машиной. Улицы были переполнены. В знойном, безжизненном воздухе висел смрад нечистот.

Выйдя из машины, Бартон старался не встречаться глазами с любопытными прохожими-палестинцами.

— Мы договорились увидеться с ним вон там, — сказал Разак, быстро показав глазами на крохотное уличное кафе на углу шумной улицы, расположенное в тени огромной мечети с дерзко вонзившимся в синее небо минаретом. — Пойдемте.

Агент-палестинец, крепкого сложения, с приветливым лицом, обрамленным бородой, уже сидел за столиком, попивая мятный чай из прозрачного стеклянного стакана. Он окликнул Разака.

Тот с улыбкой ответил на приветствие благословением и рукопожатием, затем представил мужчину Бартону, назвав лишь его имя — Тахим.

Бартон тоже улыбнулся и протянул руку. Он отметил, что на агенте был аккуратно выглаженный полотняный костюм, резко контрастировавший с одеждой большинства палестинцев, носивших традиционные исламские наряды. Многие женщины были даже в паранджах, укрывавших их с головы до пят.

Улыбка Тахима заметно увяла, когда он огляделся по сторонам, прежде чем в ответ пожать руку Бартону.

— Присаживайтесь, прошу вас.

— Не возражаешь, если мы будем говорить по-английски? — спросил Разак.

Скользнув строгим взглядом по лицу Бартона, Тахим помедлил, но все же сказал:

— Конечно, я не против.

— Тогда рассказывай, мой друг. Как тут дела?

Покачив головой, Тахим закатил глаза.

— Думаете, уход израильтян решил все проблемы? Со всем наоборот. Парламент переполнен фундаменталистами, мечтающими официально объявить войну Израилю. Фонды, предоставленные ООН и Западом, иссякли. Ко всем бедам теперь еще этот инцидент в Иерусалиме... — Взгляд его устремился куда-то вдаль.

— Знаю, сейчас очень нелегко.

— Это просто счастье, что моя семья не со мной, — добавил Тахим. — А как у тебя дела? Так же хороши, как твоя машина? — Он кивнул головой в сторону улицы, где метрах в тридцати мальчишка отгонял зевак от «мерседеса».

— Все хорошо, — усмехнулся Разак.

— Рад слышать. — Тахим подозвал официанта и велел принести еще два чая.

— Полагаю, — Разак понизил голос, — ты догадываешься, как я встревожился, узнав, что ты в курсе похищения.

Тахим вновь посмотрел на Бартона.

— Не волнуйся, — успокоил его Разак. — Грэм не израильтянин. Он хочет помочь нам.

Тахим дождался, пока официант поставил перед Разакom и Бартоном стаканы и удалился, и продолжил:

— Ты, наверное, уже знаешь про вертолет?

— Знаю, — ответил Разак. — Израильтяне ищут его.

— Тогда ты *не знаешь!* — Тахим откровенно удивился.

Разак смутился, его лицо вытянулось.

— Его уже нашли, — продолжил Тахим.

— Что?

Потягивая чай, Бартон с молчаливым изумлением слушал их диалог, пытаясь не обращать внимания на пулевые отверстия, аккуратным рядком тянущиеся по шлакобетонному фасаду кафе.

— Я слышал, три дня назад в нескольких километрах от берега одному палестинскому рыбаку кое-что попало в сети. А именно — обломки вертолета. Подушки сидений, спасательные жилеты... и голова мертвого пилота в шлеме израильских ВВС.

Шокированный, Разак был не в состоянии вымолвить ни слова. Наконец он спросил:

— Как же так случилось, что никто об этом не знает?

«Как минимум, “Аль-Джазира” должна была предпринять попытку обнародовать новость, не важно, правдива она или нет», — подумал он.

Тахим осмотрелся вокруг, прежде чем ответить:

— Ходят слухи, что Шин Бет убила рыбака прежде, чем тот дал интервью прессе. Но до того он успел поделиться новостью со своим братом — моим хорошим другом, имя которого по известным причинам я называть не буду.

— Но отчего вертолет разлетелся на куски?

— В ночь похищения люди слышали, как вертолет пролетел прямо над крышами, и видели, как он удалился в сторону моря. Несколько минут спустя кое-кто даже заметил что-то похожее на взрыв над горизонтом.

Разак внезапно остро ощутил свою беспомощность и понял: рассказ Тахима оправдал его опасения, что следы и осуария, и вертолета давно остыли. Он обменялся тревожным взглядом с Бартоном.

— Это еще не все, — продолжил Тахим. — Как известно, когда израильцы ушли из Газы, они уступили Палестинской администрации контроль над южной границей с Египтом. С тех пор оружие и боеприпасы буквально наводнили Газу. Большая их часть была переправлена за кордон.

Разак выглядел совершенно сбитым с толку.

— Но ведь пограничные сооружения оборудованы сенсорами и электрическими зарядами, детонирующими взрывчатку. — Он знал, что эти меры запугивания оказались серьезным препятствием для проникновения террористов-смертников на территорию Израиля.

— Позволь, я тебе объясню.

Бартон заметил, что Тахим основательно вспотел.

— Незадолго до кражи в Иерусалиме вертолет летел вдоль ограждения. — Показав на восток, палестинец провел пальцем по воздуху. — Обычное дело. Некоторые, однако, утверждают, что на несколько минут он завис. Прямо над оградой... носом в сторону Газы. Если подумать, весьма смелые действия для израильского вертолета, в тот момент представлявшего собой отличную мишень для гранатомета. — Голос его охрип, и он отпил глоток чая. Прочистив горло, Тахим продолжил: — В общем, мне рассказали, что с земли на борт вертолета подняли какой-то груз.

В глазах Разака заметалась тревога. Ну конечно! Единственный способ обойти блокпосты — обойти их все разом!

Тахим подался ближе к слушателям:

— А еще мне сказали, что некий человек в Иерусалиме координировал всю эту операцию.

— Но...

Прежде чем слова сорвались с языка Разака, лицо Тахи-ма вдруг как бы лопнуло, извергнув кровь и клочья плоти на стену, и в то же мгновение раздался звук, как будто что-то отрикошетило от стены. Не раздумывая, Разак стремительно бросился на землю, успев попутно стянуть со стула Бартона, в то время как безжизненное тело Тахи-ма качнулось вперед и с глухим стуком упало на стол.

Редкие прохожие закричали и бросились наутек.

— Господи! — завопил Бартон, дрожа от страха. — Что это было?!

Бесшумный выстрел был предельно точным и не оставляющим сомнения.

— Снайпер, — прошептал Разак.

Вторая пуля вонзилась в толстую деревянную столешницу, пройдя над самой головой Разака. Он и Бартон разом вздрогнули. Третья выбила осколок из каменной мостовой, едва не задев руку мусульманина.

— Надо убираться отсюда как можно скорее. — Разак резко повернул голову и посмотрел в сторону машины. — Придется бегом.

Бартон тяжело дышал, с подбородка капал пот.

— Хорошо, — кивнул он.

Разак с трудом извлек из кармана ключи.

— Сейчас разделимся, встретимся у машины. Пригнитесь и давайте отсюда быстро, а потом ныряйте в толпу. — Он показал в сторону тротуара, где большинство прохожих еще не осознали, что возникла стрельба. — Я рвану в другую сторону, это наш единственный шанс. Вперед!

Оба выскочили из-под стола, устремившись в разных направлениях. Когда Разак бросился через улицу, его чуть не сбил полуразвалившийся «форд-хэтчбек».

Бартон бежал, изо всех сил стараясь не налететь на прохожих, и мучился угрызениями совести — ведь по его милости они находились на линии огня снайпера. Нутром ощущая на себе зрачок прицела, Бартон с удивлением осознал, что добрался до «мерседеса» и не услышал очередного выстрела. Краешком глаза он увидел, как Разак быстро движется сквозь толпу людей, переходящих улицу.

Фары «мерседеса» мигнули — Разак издали снял машину с сигнализации.

Бартон протянул руку и схватился за ручку дверцы. Нырнув в салон, он повернул голову и увидел мальчишку-палестинца, словно камердинер придерживавшего открытую водительскую дверь. Через мгновение из транспортного потока вынырнул Разак, ловко шмыгнул в машину и вставил ключ в замок зажигания. Дверь захлопнулась. Разак махнул рукой парнишке, чтоб тот убирался, и тут пуля снайпера клюнула мальчика прямо в висок, повалив тело на тротуар.

Только сейчас до прохожих дошло, что происходит, и началась паника: люди бросились врассыпную.

Рванув рычаг переключения передач, Разак ударом вдавил в пол педаль акселератора.

Выстрелов не последовало.

Едва дыша и сотрясаясь от выброса адреналина в кровь, они обменялись взглядами.

— Что это было? — наконец выдавил Бартон, руки его тряслись.

Окинув спутника взглядом, Разак не нашел что сказать. В следующую минуту он полностью сосредоточился на движении по узким улочкам, держа курс через город к главной магистрали.

И тут вдруг заднюю часть «мерседеса» резко кинуло вправо одновременно с оглушающим скрежетом металла и звоном стекла. Обоих беглецов швырнуло в сторону, едва не выбросив с сидений.

Каким-то образом Разaku удалось удержать управление машиной после того, как ее занесло на поребрик, а потом бросило обратно на мостовую. Он обернулся и успел заметить, что «фиат-седан» последней модели с помятым передом, вылетевший с перекрестка, разворачивается после удара с явным намерением продолжить преследование. Рядом с водителем в машине находился еще один человек, лица обоих скрывали маски. Увидев, что пассажир высунулся из окна, целясь в них из «АК-47», Разак крикнул:

— Ложись!

Бартон съехал вниз по сиденью и сел на корточки под бардачком, и именно в это мгновение очередь разнесла заднее и ветровое стекла «мерседеса», осыпав англичанина осколками. Две пули вонзились в консоль аудиосистемы, брызнувшую снопом электрических искр.

Пригнув голову ниже, Разак проскочил еще два перекрестка, прежде чем вписался в широкий поворот выезда на магистраль по пути на север. В быстрой последовательности прогремели новые очереди, и Разак почувствовал, как пули, пробив обшивку со стороны водителя, едва не вонзились ему под мышку — их приняла на себя боковина сиденья.

Распахнувшаяся перед ними дорога была пуста. Разак до предела вдавил педаль газа. Двигатель «мерседеса» натужно взревел, и водителя вмяло в спинку сиденья. Каким-то чудом задняя часть машины выдержала столкновение, хотя

руль ощутимо тянуло влево и заметно трясло. Мусульманин коротко глянул вниз на Бартона, вид у которого, разумеется, был не геройский.

— Живы?

— Они еще у нас на хвосте?

Разак посмотрел в зеркало заднего вида.

— Да. Но скорее всего, мы оторвемся.

Сзади вновь донеслись выстрелы — пули с отрывистым чмоканьем ударили в багажник.

Проносясь мимо бетонных заграждений брошенных блокпостов, Разак то и дело поглядывал на машину преследователей. Как он и предвидел, «фиат» быстро отставал, из-под скрученной решетки его радиатора валил серый дым.

Облегченно вздохнув, Разак попытался выровнять дыхание. Мысли его на мгновение перенеслись к Фаруху, ему явно придется не по душе состояние возвращенного «мерседеса».

В полукилометре от границы Разак увидел в зеркало, что машина преследователей резко затормозила. Длинной вереницы ожидающих проверки автомобилей не было, а преследователи рассчитывали на нее как на последнюю возможность для точного выстрела.

— Можете выбирать, — сказал он Бартону.

Сбавив скорость, Разак провел машину сквозь заграждения под башней наблюдательного пункта. Затормозив у навеса охраны, он дождался, пока солдаты махнули ему, командуя проезжать. Разглядев, в каком состоянии автомобиль, они осторожно, с винтовками наперевес окружили «мерседес» и приказали пассажирам не двигаться.

Затем вперед вышел тот же молодой поставой, что пропустил их в Газу. Скривившись, он закинул винтовку на плечо и упер руки в бедра, внимательно разглядывая корпус «мерседеса». Затем опустил на корточки подле двери Разака с выбитым стеклом и насмешливо изрек:

— Хорошо покатались. Надеюсь, вам понравилось.

Ватикан

Ровно в пять вечера в лабораторию вошел отец Донован.

— Что-то вы опять заработались, — с приветливой улыбкой проговорил он.

— Хотим доказать, что Ватикан не зря тратит свои деньги, — ответил Берсеи.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? Не требуется ли вам что-то еще для работы?

Ученые переглянулись.

— Нет, — ответила Шарлотта. — Лаборатория прекрасно оборудована.

— Вот и замечательно. — Донован перевел любопытный взгляд на скелет, а затем — на открытый оссуарий.

— Не хотите послушать краткий отчет о наших находках на данном этапе? — спросил Берсеи.

— О, конечно, — заметно оживился священник.

Последующие пятнадцать минут ученые рассказывали ему о результатах судебной экспертизы и радиоуглеродного анализа и показывали новые находки, скрывавшиеся в потайном отделении оссуария. Берсеи держался бесстрастно, стараясь излагать лишь бесспорные факты, и Шарлотта последовала его примеру.

Судя по гамме чувств, проявленной священником, — от неподдельного удивления и заинтригованности до сдержанной

заинтересованности рассказом о следах распятия на скелете, — Шарлотта заключила, что он, возможно, находился в неведении относительно предполагаемого содержимого оссуария. Она обратила внимание на то, что бронзовый цилиндр как будто беспокоил падре больше, чем все остальное, — неотступная тревога сквозила в его озадаченном пристальном взгляде, обращенном к этой находке.

— И вот еще что, отец Донован, — добавил Берсеи. — Это самое выдающееся археологическое открытие в моей практике. Не знаю, какую сумму выложил Ватикан, чтобы получить все это, но заверяю вас: вы обладаете бесценной реликвией.

Внимательно наблюдая за выражением лица священника, Шарлотта заметила, что тот доволен и, мало того, испытывает облегчение.

— Наверняка мое начальство будет радо услышать это, — сказал священник, вновь переводя взгляд на скелет. — Не хочу торопить события, но, как вы считаете, сможете ли вы представить официальный отчет о ваших открытиях в пятницу?

Берсеи посмотрел на Шарлотту — согласна ли она. Шарлотта утвердительно кивнула. Переключив внимание на Донована, он сказал:

— Нам надо будет подготовиться, но к пятнице мы управимся.

— Вот и хорошо, — подытожил Донован.

— Если у вас все, падре, — сказал Берсеи, — то я, пожалуй, пойду. Не хотел бы заставлять жену ждать.

— Что вы, что вы, не стоит из-за меня задерживаться, — заволновался священник. — Я очень благодарен вам за то, что вы держите меня в курсе.

Берсеи удалился в подсобку, чтобы переодеться.

— Примерный семьянин, — шепнула Шарлотта Доновану. — Его жене просто повезло.

— О да, — согласно кивнул тот. — У доктора Берсеи очень добрая... мягкая душа. Он столько лет нам помогал... — Отец

Донован чуть помедлил и добавил: — А скажите, доктор Хеннеси, вам приходилось бывать в Риме прежде?

— Нет. И, если честно, у меня пока не было времени даже сходить на тот берег.

— Позвольте порекомендовать вам маршрут для экскурсии?

— Да, прошу вас. — Она искренне обрадовалась гостеприимству священника.

Ведя замкнутый образ жизни, Донован с удовольствием направил свою нерастратченную энергию на то, чтобы услужить одинокой путешественнице.

— Если у вас нет планов на вечер, я настоятельно рекомендую вам «Прогулку по ночному городу», — с жаром предложил он. — Начинается экскурсия от пьяццы Навона, прямо напротив моста Сант-Анджело, в шесть тридцать. Продолжительность три часа. Экскурсоводы просто фантастические, они устроят для вас великолепный обзор всех достопримечательностей Старого города. — Священник бросил взгляд на часы. — Если пойдете туда прямо сейчас, то успеете вовремя.

— Звучит заманчиво.

— Обычно такие туры заказываются за два дня, — пояснил Донован. — Особенно в это время года. Но если мое предложение заинтересовало вас, я могу позвонить, чтобы вам резервировали билетик.

— Вы очень добры, — улыбнулась Шарлотта.

В этот момент из подсобки показался Берсеи.

— Доктор Хеннеси, отец Донован, доброго вам вечера, — попрощался он, отвесив каждому легкий поклон. Затем повернулся к Шарлотте и сказал: — Увидимся завтра утром, в то же время. Смотрите не загуляйте.

Рим

Перейдя мост Сант-Анджело, Шарлотта дошла до конца Виа Дзанарделли и несколько раз повернула, прежде чем выйти на просторную площадь Навона, похожую на чуть вытянутый овальный гоночный трек. Направляясь к большому фонтану в стиле итальянского барокко, расположившемуся в самом центре площади, — он носил название «фонтан Четырех Рек», — она увидела, что группа людей уже собирается вокруг долговязого итальянца с ламинированным «бэйджиком», скорее всего экскурсовода. Подойдя к ним, Шарлотта встала немного в сторонке, терпеливо дожидаясь своей очереди и любуясь высоченным обелиском фонтана и четырьмя мраморными скульптурами гигантов работы Бернини, олицетворяющими четыре великие реки: Ганг, Дунай, Нил и Рио-де-ла-Плата*.

Немного погодя гид направился к ней, уткнувшись в список предполагаемых участников экскурсии. Оторвав взгляд от бумаги, он лучезарно улыбнулся женщине, очарованный ее изумительными глазами.

— А, должно быть, вы доктор Шарлотта Хеннеси, — сказал он по-английски почти без акцента, поставив галочку напротив надписи от руки в самом низу своего списка.

* Название устья двух сливающихся рек Южной Америки — Параны и Уругвая.

— Да, это я, — ответила она, рассматривая гида.

Обаятельная улыбка и мягкий взгляд темных глаз, молодое и симпатичное лицо, черные волосы густые и длинные, но безупречно уложенные.

— Меня зовут Марко, — представился он. — Отец Donovan замолвил за вас словечко. Очень приятно, что вы присоединились к нам в этот вечер.

— Спасибо, что включили меня в список в авральном порядке.

— Лишнего билетика не найдется? — Резкий голос с сильным итальянским акцентом раздался из-за левого плеча Марко.

Шарлотта и гид одновременно повернулись. Ее улыбка угасла, как только она увидела ухмыляющегося Сальваторе Конти.

Марко, похоже, задело, что его прервали.

— Ваше имя? — сухо спросил он.

— Да какая разница, — резко ответил Конти. — Почем билеты?

Оценивающе оглядев его, экскурсовод показал на свой список и отрывисто проговорил:

— Простите. Свободных мест нет. Если хотите, оставьте мне свои координаты, я постараюсь включить вас в субботнюю экскурсию.

Конти возбужденно развел руками, как бы охватывая ширь площади, а потом указал на «бэйджик» с именем гида.

— Бросьте, Марко, не похоже, чтоб тут не поместилась еще одна душа. Такой простор, да, Шарлотта? — Подняв бровь, он выжидающе уставился на женщину.

Удивленная его бесцеремонностью, Шарлотта отвернулась и не ответила.

Конти потянулся за бумажником.

— Так сколько?

Покачивая головой, Марко скрестил за спиной руки, не выпуская планшетки со списком. Он видел, что гостье Ватика-

на неприятен этот мужчина. Она даже избегает смотреть ему в глаза.

— Не я придумал эти правила, синьор, — терпеливо объяснил он ему на итальянском. — Свяжитесь, пожалуйста, с нашим агентством и расскажите о ваших пожеланиях. А сейчас не время и не место для споров.

Уперев язык в щеку и скорчив рожу, Конти ткнул пальцем в грудь Марко и ответил тоже по-итальянски:

— Слышь, экскурсовод, к соотечественникам надо относиться с большим уважением. Неудивительно, что тебе приходится зарабатывать на жизнь, шатаясь по улицам и рассказывая басни туристам. Ну а у меня для тебя есть своя сказочка. — Он приблизил лицо к его глазам. — Смотри, время позднее, на улицах Рима порой небезопасно. Никогда не знаешь, с кем столкнешься в темном переулке. — Конти наслаждался замешательством гида. — Я не золотой слиток прошу, слышишь, урод, а всего лишь билет.

Шарлотта не поняла ни слова из сказанного Конти, но заметила на лице Марко растущее беспокойство.

Конти перевел взгляд на нее.

— Просто я думал, может, вам захочется компании... — сказал он, изображая из себя страдальца. — Приятного вечера, доктор Хеннеси.

С этими словами наемник сделал два шага назад, развернулся и зашагал через площадь.

— Простите, ради бога, — смущенно пробормотала Шарлотта.

Марко пару раз нервно сглотнул, чтобы обрести дар речи:

— Ваш друг?

— Мы едва знакомы, — быстро ответила она. — И спасибо вам, что не уступили. Иначе вечер для меня был бы безнадежно испорчен.

— Ну что ж. — Гид, приходя в себя, причесал пятерней свою гриву. — Пойдемте?

Пока Марко официально представлялся группе и вкратце рассказывал о маршруте экскурсии, Шарлотта оглядела

площадь в поисках Конти и, не обнаружив его, вздохнула с облегчением. Кто же он на самом деле? Какое отношение этот жуткий человек может иметь к Ватикану?

Шарлотте потребовалось не менее часа, чтобы забыть о неприятной встрече на пьянице Навона. Но, слушая непринужденное повествование Марко, она мало-помалу окуналась в невероятную историю Рима. Он увлек группу в удивительное путешествие по знаменитому римскому Пантеону, строительство которого было завершено в 125 году н. э. императором Адрианом. Там Шарлотта залюбовалась необъятным сводом купола, конструкция которого, казалось, держится вопреки законам физики, и долго смотрела, как таяли солнечные лучи, проливаясь сквозь широкое круглое окно в его центре.

Затем они отправились к пересечению трех дорог — *tre vie* — полюбоваться огромным барочным фонтаном Никола Сальви с его тритонами, верхом на морских коньках охраняющими колесницу-раковину Нептуна. Потом миновали площадь Испании, от которой вверх по крутому склону поднимались 138 ступеней к двум колокольням-близнецам, расположенным по обе стороны от церкви Троицы-на-Горе.

Несколькими кварталами далее пред ними во всей красе брешианского мрамора предстал Иль Витториано*, архитектурный памятник, несомненно привлекающий взгляд (хотя большинство римлян вряд ли выразились бы столь сдержанно). Он напоминал колоссальный свадебный торт, втиснутый в самый центр Старого Рима. В 1925 году его сооружение завершили и назвали в честь Виктора-Эммануила II — первого короля объединенной Италии.

К тому времени, как экскурсанты поднялись к полуразрушенным аркам и колоннам форума на Капитолийском холме — единственной возвышенности, оставшейся от леген-

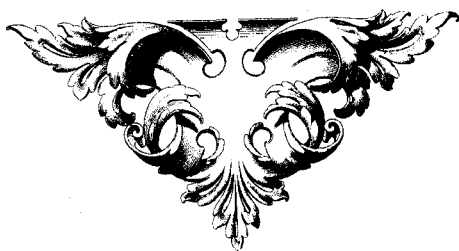
* Сооружение, называемое «Витториано» (жители Рима именуют его «пишущей машинкой» или «свадебным тортом»), располагается на площади Венеции. Оно было спроектировано Д. Саккони как символ отечества, в честь объединенной Италии.

дарных Семи холмов, — солнце стало скатываться за горизонт, а молодой месяц наливался силой. В эти мгновения Шарлотта Хеннеси почувствовала, что совсем потерялась в тенях древней империи.

Когда группа перешла от Старого Рима к Колизею, весь город уже купался в ярких огнях, словно надев новую личину. Обходя снаружи огромный, высотой в сорок восемь метров, амфитеатр с тремя ярусами галерей из белого известняка, Шарлотта готова была поклясться, что слышит звон мечей гладиаторов и львиный рык.

Но уже в следующее мгновение воображение обернулось вызывающей озноб реальностью — она поймала на себе быстрый взгляд современного гладиатора, отступившего в густую тень. Как бы ни хотелось верить, что ей это померещилось, сомнений не было. Опять Сальваторе Конти!

Четверг

Храмовая гора

Бартон пришел к усыпальнице в начале десятого утра. Подоровавшись с Акбаром, он пробрался сквозь пролом и очутился внутри. Разак уже был там. Мусульманин, в аккурат-но выглаженных слаксах и белой рубашке с воротником, стоял, скрестив на груди руки и глубоко погрузившись в свои мысли. Не зная Бартон Разака, он был бы готов поклясться, что тот собирается примириться с этим местом.

— Жарковато сегодня.

— Да.

Бартон отряхнул брюки от пыли и поинтересовался:

— Рискну спросить, какова была реакция Фаруха, когда он увидел свою машину?

— Он не обрадовался, — поморщился Разак.

Это еще мягко сказано. Вчера вечером Фарух устроил ему настоящий разнос, когда увидел, что его великолепный «мерседес» подлежит серьезному ремонту. «Зачем только я отпустил тебя! Вопиющая безответственность! Ты что, не знал, куда едешь, Разак? Чего ради тебя туда понесло?» — Разак почувствовал себя нашкодившим подростком. — «Хорошо еще, он застрахован, а страховку, поверь мне, добыть очень нелегко, если ты палестинец».

— Вы рассказали ему о том, что мы узнали?

Разак покачал головой, прижал палец к губам, кивнув в сторону Акбара, и за рукав потянул Бартона к дальней стене усыпальницы.

— Думаю, он еще не готов это услышать, — прошептал он. В эту ночь Разак почти не спал, размышляя, кто же мог подослать снайпера. Единственное, что приходило в голову: Шин Бет подчищает хвосты. В этом случае весьма велика вероятность того, что они с Бартоном могут разделить судьбу Тахима, если не поторопятся найти ответы. — Помните наш уговор: мы никому не должны рассказывать ни о том, что слышали вчера, ни о том, что с нами случилось. Поскольку неизвестно, каковы будут последствия.

Бартон кивнул. Разак отпустил его рукав и сменил тему.

— Так зачем мы с вами опять здесь?

Археолог собрался с мыслями.

— Вчера я уже говорил, что посидел и хорошенько подумал над «концептом» этой усыпальницы. И кое-какие факты у меня просто не стыкуются. — Бартон вышел в центр помещения, взгляд его заскользил по стенам. — У меня из головы не выходит Иосиф Аримафейский, его положение в обществе, власть и деньги. И беспокоит меня то, что в его склепе я не нахожу многих признаков, которые, по идее, должен был найти в усыпальнице богатой семьи.

— Например?

— Прежде всего, изысканности. Здесь нет ничего, что говорило бы о знатности или богатстве. Простая крипта из камня — ни орнамента на стенах, ни пилястров, ни фресок, ни мозаик... Ни-че-го.

Разак склонил голову, подавляя нетерпение. Для мусульманина в том, что говорил археолог, не было ничего удивительного.

— Может, Иосиф был человеком скромным?

— Может быть. Но помните, я рассказывал вам, что тело на двенадцать месяцев оставляли разлагаться, прежде чем клали в оссуарий?

— Такое не забудешь, — кивнул Разак. — Но при чем здесь это?

— Поверьте мне, очень даже при чем. В древних иудейских склепах всегда отыщется по меньшей мере одна маленькая ниша, называемая локулус, — короткий такой тупичок метра два глубиной, куда и помещали тело. — Бартон вспомнил гробницу, которую показал ему отец Деметриос в скале под храмом Гроба Господня.

Разак тоже оглядел стены.

— Не вижу такого.

— Вот! — Бартон воздел палец к небу. — Потому-то мне и непонятен «концепт» этой гробницы. Для закладки и содержания десяти оссуариев нужно сделать много ходок сюда и отсюда. По самому скромному подсчету, требуется одно посещение, чтобы оставить здесь тело усопшего члена семьи, второе — для проведения священных обрядов тахары и, наконец, последнее — чтобы переложить очищенные от греха кости в оссуарий. Получается как минимум три визита на одно тело.

— Согласен.

— Когда я на днях обследовал эти останки, — Бартон показал на оссуарии, — у меня сложилось впечатление, будто вся семья умерла в один день.

— Почему вы так решили? — Разак выгнул бровь.

— Я, конечно же, не эксперт в области судебно-медицинской антропологии. Но кости скелетов выглядят как групповое фото из семейного альбома. — Он перевел взгляд на ряд из девяти оссуариев. — Разница в возрасте соответствует вполне нормальному развитию: старый отец, мать чуть помоложе и дети, ни один из которых не был старше тридцати лет. По идее, члены большой семьи должны уходить из жизни, так сказать, по более случайной схеме, и по крайней мере, некоторые из детей доживают до преклонных лет.

— Да, странно.

— Не то слово. — Бартон обвел взглядом помещение. — А вход вы здесь видите?

Разак тоже внимательно огляделся: всюду, кроме одной стены, плотная земля.

— Похоже, единственным входом и выходом был проем, который закрывала кирпичная стена. — Он показал на брешь от взрыва.

— Вот-вот. А теперь взгляните сюда. — Направившись мимо пролома, он жестом велел Разаку следовать за ним. — Видите? — Бартон развел руки в стороны, демонстрируя толщину стены. — Почти полметра. Теперь смотрите: почему эти кирпичи, — он похлопал ладонью по кирпичам со своей стороны стены, — одного сорта с этими? — Он шлепнул по стене со стороны мечети. Затем Бартон вытянул руку в сторону похожей на пещеру комнаты со сводчатым потолком, и Разак проследил за его рукой взглядом. — И из такого же кирпича выложено все помещение. Совпадение? Боюсь, что нет.

До Разака начало доходить.

— Погодите-ка. — Немного наклонившись, он подошел ближе и тщательно осмотрел дыру в стене по внутреннему периметру. — Вы хотите сказать, что обе стороны стены были возведены одновременно?

— Вот именно. Дабы скрыть крипту от *этого помещения*, — он указал в сторону мечети Марвани, — на начальном этапе строительства мечети. Посмотрите на проход, который вел в усыпальницу до того, как была возведена стена. — Археолог отошел назад и развел руками, чтобы подчеркнуть ширину выбитого в коренной породе входа, позже заделанного кирпичами.

Разак взглянул на англичанина, пытаясь понять, что тот хочет ему втолковать. Вновь повернувшись к пролому, он осмотрел пространство, которое заполняла кирпичная стена. Бесспорно, оно было широким, но не более чем в два раза шире стандартного дверного проема.

— И что, по-вашему, это означает?

— А означает это, причем весьма определенно, что наши воры здесь не первые незваные гости. Я считаю, что помещение это изначально не планировалось как усыпальница.

Мусульманин непонимающе уставился на него.

— Это был подвал, специально построенный как тайное убежище, — пояснил Бартон. — Может, его строительство имеет какое-то отношение к Соломоновым конюшням. Но я, кажется, знаю, кто приложил к этому руку.

Мысленным взором он увидел наскальные надписи на стене над плотной фигурой отца Деметриоса — образ, который помог ему сформулировать свою новую теорию.

Разак напряженно размышлял над словами Бартона, припоминая все то, что ему было известно об истории этого места. Первым в голову приходило упоминание о том, что за несколько веков до строительства на этом месте мечети Марвани здесь располагались конюшни. А конюшни предположительно были построены... Внезапно его лицо расслабилось.

— Тамплиеры?

Бартон улыбнулся и многозначительно покачал головой.

— Совершенно верно! Это, конечно, смелое предположение, но большинство археологов именно им приписывают строительство Соломоновых конюшен. Насколько хорошо вы знакомы с историей тамплиеров?

Не опасаясь быть втянутым в долгий исторический экскурс, Разак поведал ему то, что знал из внушительного объема прочитанного на эту тему.

«В конце концов, — подумал он, — чтобы постичь суть современного противостояния Востока и Запада, надо всего лишь раскрыть книгу по истории».

Орден бедных рыцарей Христа и храма Соломона был основан в 1118 году нашей эры, после 1-го Крестового похода. Целью военно-монашеского ордена тамплиеров, или храмовников, было защищать Иерусалимское королевство от соседних мусульманских орд, а также обеспечивать безопасный путь для христианских паломников из Европы. Храмовники славились бесстрашием и фанатичностью, не щадя себя, они сражались все, как один, проливая кровь во имя Иисуса Христа. Тамплиеры держали под своим контролем Храмовую гору до тех пор, пока в двенадцатом веке не пали в страшной резне, устроенной войсками Салах ад-Дина после битвы при

Хаттине*. Они даже разместили свою штаб-квартиру в мечети Купол Скалы, дав ей латинское название *Templum Domini* — храм Господа.

Бартона приятно удивил уровень познаний Разака, и он сказал ему об этом. Не многие евреи или даже христиане в состоянии продемонстрировать такое хорошее понимание ключевых моментов истории.

— Эти оссуарии были привезены сюда откуда-то из другого места, где изначально проводилась процедура погребальных обрядов. Если придерживаться версии о том, что это просто подвал, — продолжил Бартон, — напрашивается предположение, что рыцари-тамплиеры соорудили его для тайного и безопасного хранения оссуариев.

— Или сокровищ, — живо подхватил Разак, всплеснув руками. — Давайте не будем забывать и о такой вероятности. — Его не слишком привлекла идея археолога увязать похищение с останками почитаемого пророка. — Известно ведь, что они обладали сказочным богатством, не правда ли? Награбленным в домах и мечетях мусульман, полученным в качестве взяток от представителей власти...

— Верно, тамплиеры скопили огромное богатство в основном за счет побежденных врагов. Папство даже позволило им взимать налоги и собирать десятину. Со временем они превратились в банкиров. Тамплиеры были средневековым аналогом... скажем, «Америкэн экспресс». Видите ли, прежде чем отправляться в поход к Святой земле, европейские паломники клали деньги на депозит в «местном филиале» ордена тамплиеров, где взамен получали зашифрованный депозитный вексель. По прибытии сюда, в Иерусалим, они обменивали вексель на местную наличность.

— Тогда почему вы уверены, что в этом подвале они не хранили награбленное добро?

— Наверняка этого никто не знает, — сказал Бартон. — Но мне кажется крайне маловероятным, что они так замуруют

* 4 июля 1187 г. в битве у Хаттина Салах ад-Дин нанес сокрушительное поражение объединенной христианской армии, все войско было практически уничтожено.

вали свои капиталы, зная, что те могут понадобиться им для текущих целей.

— Да, в плане ликвидности нелогично, — улыбнулся Разак. — Зато логично, если речь идет не о краткосрочных капиталах.

— Сдаюсь! — с усмешкой согласился Бартон. — Однако гравировки на дальней стене не дают нам никакого ключа к разгадке: просто имена тех, чьи останки покоятся в этих ковчегах. — Он неторопливо подошел к оссуариям и напряженно вгляделся в них, словно ища ответа. — Если их привезли сюда, чтобы замуровать, где тогда их нашли изначально? — негромко пробормотал археолог, озвучивая свои мысли.

— Не могу понять, — развел руками Разак, — как получилось, что под таким оживленным местом обнаружился подвал-тайник?

— Я много над этим размышлял и должен сказать, что здесь все очень интересно. — Бартон внимательно посмотрел на Разака. — В первом веке здание Синедриона — высшего государственного совета и высшего судебного института иудеев — располагалось прямо над Соломоновыми конюшнями. И в те времена гора под ним, по слухам, была вся изрыта тайными подземными ходами.

«Многие из которых вели в самое сердце храма», — добавил он про себя.

— Так вот. Будучи членом Синедриона, Иосиф имел доступ к тем ходам, что вели к подземным помещениям. Это позволяло ему соорудить тайник в атмосфере полной секретности.

— Вы об Иосифе Аримафейском. Если я правильно понимаю, так называлось место, откуда он был родом, — Аримафея?

— Об этом говорится в Библии, — кивнул Бартон.

— Тогда изначально захоронение должно быть на родине Иосифа, там, где жила его семья?

— Может, и так, — без особого энтузиазма проговорил Бартон. И тут же задумался: могла ли существовать настоящая гробница под храмом Гроба Господня? Это не казалось

ему возможным, поскольку задолго до прихода крестоносцев храм здесь уже стоял. — Проблема в том, что никто не знает, о какой Аримафее идет речь. Некоторые считают, что это город на холме в древней Иудее. Но это всего лишь предположение.

— Допустим, ваша гипотеза верна, как же тогда воры отыскали это место? — Вспомнив жуткое, разорванное выстрелом лицо Тахима, Разак вдруг почувствовал острую необходимость увязать это с чем-то, что могло бы помочь завершить их расследование.

Бартон глубоко вздохнул и в задумчивости запустил пятерню в волосы.

— Единственное, что приходит в голову: вор обладал неким документом. Информация об этой усыпальнице была подробно изложена в древнем тексте, с детальным описанием входа... думаю, даже с его размерами.

— Но кто мог обладать таким документом?

— Как вам сказать... Бывает, подобные древние свитки либо книги лежат прямо на виду, не переведенные, в запасниках музеев, лежат десятилетиями... Может, какой-нибудь христианин-фанатик, работающий в музее, — неуверенно добавил он.

И следом подумал, не слишком ли это предположение пригнуто за уши.

Выражение лица Разака сделалось скептическим.

— А с рынков античных древностей сведений об оссуарии не поступало?

— Сегодня утром опять проверял новые поступления — ничего.

Внезапно пол под их ногами задрожал, следом донесся отдаленный раскатистый гул. Охваченные тревогой, Разак и Бартон инстинктивно выбросили руки в поисках опоры.

Затем все стихло — так же внезапно. И хотя это очень напоминало слабый подземный толчок, оба мгновенно поняли: на самом деле произошло нечто иное.

Ватикан

Утро в лаборатории началось с того, что отец Донован связался с ними по интеркому и сообщил Шарлотте: ей звонят из Штатов.

— Бегите, бегите, — поторопил ее Берсеи.

Шарлотта направилась к телефону, на ходу стягивая маску.

— Шарлотта Хеннеси на проводе.

— Это я, Эван.

При звуке его голоса, доносящегося из крошечного динамика, у нее дрогнуло сердце.

— Привет, Эван. Который там у тебя час?

— Да еще очень рано, а может, очень поздно — в зависимости от того, как на это посмотреть. Главное, я закончил сканирование твоего образца.

Она почувствовала какое-то напряжение в голосе Эвана. В динамике было слышно, как он шуршит бумагами.

— погоди секундочку, — сказала Шарлотта. — У меня включена «громкая связь», сейчас возьму трубку. — Сдернув перчатки, она схватила трубку. — Все, говори.

Олдрич тут же выпалил:

— Я начал с построения схемы кариотипа*, чтобы получить предварительное представление о хромосомах объекта. И вот тут-то я и заметил нечто очень странное...

* Кариотип — совокупность особенностей числа и формы хромосом организма.

— Что именно? Какие-то нарушения?

— Да, Шарлотта. Результат получился: сорок восемь ХУ.

В спектральном кариотипе плотные нити ДНК, называемые хромосомами, помечены флуоресцентными маркерами и разбиты по цвету на пары, чтобы можно было заметить генетические отклонения. Поскольку человек наследует по двадцать три хромосомы от каждого родителя, включая одну половую хромосому (от матери он всегда получает X-хромосому, а от отца — X или Y), типичный результат должен быть 46 (XX) для женщин и 46 (XY) для мужчин.

Сорок восемь хромосом?! Хеннеси большим и указательным пальцами покрутила сережку в ухе, пытаясь осознать услышанное. Хорошей новостью было то, что пол оказался определенно мужским. Это совпадало с результатами судебной экспертизы. Но откуда взялась дополнительная пара неполовых хромосом, или аутосом? Подобные отклонения, как правило, говорят о серьезных наследственных заболеваниях. Например, так называемый синдром Дауна возникает, когда появляется лишняя хромосома из двадцать первой пары.

— Значит, анеуплодия?* — шепотом спросила Шарлотта.

— Да. В данном случае мы имеем дело с геномной мутацией.

— Какого типа?

Она говорила негромко, чтобы не привлекать внимания Берсеи. Поглядывая на него, Шарлотта видела, что он ничего не замечает, с головой уйдя в результаты сканирования останков.

— Пока не могу сказать. Надо будет подстроить генный сканер на исследование совпадающих участков. Никак не ожидал с ходу получить такие результаты, но это не займет много времени. Мне удалось вытянуть основной набор элементов генотипа. Я отправил тебе его по электронной почте.

— Здорово. У меня будет отличный задел на старте.

* Анеуплодия — отсутствие отдельных хромосом или их избыточное количество в геноме.

— По-твоему, сколько ты еще пробудешь в Риме?

— Понятия не имею. На мой взгляд, большая часть работы сделана. За мной, конечно, еще презентация. Думаю, не несколько дней. Ну, может, еще пару деньков мне захочется побродить по Риму. Тут такая красотища!

— А Ватикан полностью проинформировал тебя о твоей работе?

— Да, но нас просили соблюдать строгую конфиденциальность. Даже пришлось подписать письмо о неразглашении. Так что, извини, о работе даже говорить не имею права.

— Да ладно, Чарли, мне необязательно знать. Наверное, если кому можно доверять, так это Ватикану. Просто не хочу, чтобы БМТ ввязывалось в какое-нибудь темное дело.

«Что он такого накопал, что так занервничал?» — подумала Шарлотта.

— Еще один вопрос. Ты случайно не прогнал генотип по нашей базе данных, чтобы определить этническую принадлежность?

На том конце провода повисло недолгое молчание.

— Ну, вообще-то да...

— Вот как. — Ее удивило, что он не сказал сразу. — И что?

— Еще одна странность во всей этой истории. Я не нашел ничего.

— В смысле?

Это было более чем странно. Хотя девяносто пять процентов генетического материала являются едиными для всего человечества, около пяти процентов генома приходится на отличия, определяющие пол и расовую принадлежность.

— Совпадений нет.

— Но это невозможно. Ты подключал базу генофонда Ближнего Востока?

— Да.

Оссуарий был одной из составных частей еврейских погребальных обрядов. Вероятно, ей следует быть более точной.

— А как насчет иудейского генофонда?

— Уже проверил. То же самое.

Может ли такое быть? Это противоречит всему, что знают генетики.

— А может это каким-то образом быть связано с той аномалией, что ты обнаружил?

— Думаю, да. Как только еще что-нибудь найду — сразу дам тебе знать. Еще вопросы?

Шарлотта нерешительно помедлила, отвернувшись к стене и наконец прошептала:

— Я соскучилась. И очень сожалею, что уехала, оставив тебя в таком настроении. Просто я... Знаешь, я очень хочу с тобой поговорить, когда вернусь. Я должна тебе кое-что рассказать.

— Хорошо, — не сразу ответил Эван.

— До скорого. Не забывай меня.

— Тебя невозможно забыть.

— Всего хорошего, Эван.

Как только она положила трубку, рядом с ней возник Берсеи.

— У вас все в порядке?

— Как будто да, — с улыбкой сказала Шарлотта. — Получила из лаборатории результаты анализа ДНК.

— Ну и?

— Теперь у нас есть недостающая информация.

Из-за плеча Шарлотты Берсеи наблюдал, как она запустила Интернет и вошла в свой почтовый ящик. Через несколько секунд она открыла файл Олдрича — густо заполненную символами электронную таблицу.

— Вот, пожалуйста. — Шарлотта уступила место Берсеи.

Он прокрутил таблицу вниз, изучая результаты.

— Ну и как вам?

— Потрясающие детали. Хоть вводи все эти данные прямо в программу.

Шарлотта про себя улыбнулась: «Спасибо, Эван!»

Берсеи запустил программу обработки изображений и нашел файл с результатами сканирования скелета и воссозданной плотью. Призрачная мраморная статуя ожидала последних прикосновений ваятеля — генетической «косметики».

— Начнем с простейшего: компьютер выдаст нам цвет волос, но, разумеется, не прическу, — пояснил антрополог, пока файлы данных форматировались для ввода в программу.

Мутация, обнаруженная Олдричем, подтолкнула Шарлотту к размышлениям над пространным перечнем возможных заболеваний. Поскольку наиболее сильному воздействию подверглись мягкие ткани тела, а непосредственно кости затронуты не были — в отличие от того, что происходило в ее собственном организме, — ей сложно было представить результат. Острое желание увидеть завершенную картину внезапно полностью затмило дурные предчувствия.

Берсеи ввел генетические данные и дал команду обновить профиль.

Несколько тягостных секунд ничего не происходило.

Затем на экране появилось уточненное изображение внешнего облика человека, воссозданного из останков.

Это было совсем не то, что ожидали ученые.

Иерусалим

Когда у Ария Телексена запищал мобильник, он уже знал причину звонка. Он стоял у широкого окна с зеркальным стеклом в своем кабинете, на восьмом этаже штаб-квартиры СБИ, расположенной в деловой части Иерусалима. Отсюда открывался панорамный вид на город. Взгляд его серых глаз был прикован к столбу густого черного дыма — словно дыхание дьявола, он, клубясь и расширяясь, поднимался с улицы в нескольких кварталах от резиденции СБИ.

— Буду через пять минут, — мрачно ответил в трубку Телексен.

Только вчера вечером до него докатилась первая волна новостей о том, что похитители Храмовой горы угнали израильский вертолет. С чувством возрастающей тревоги Телексен осознал: только что Палестина нанесла ответный удар.

Он обладал странной способностью — еще до прибытия в пострадавший район предвидеть последствия бомбежки. Вот и сейчас предчувствия подсказывали ему, что жертв сегодня будет много.

Телексен торопливо сбежал вниз к гаражу и запрыгнул на водительское сиденье своего золотистого «БМВ». Запустив двигатель, он установил на крыше машины синюю полицейскую мигалку. Выехал из гаража, с силой вдавил акселератор и помчался по улице Гилель.

Когда он подъезжал к Главной синагоге, перед его глазами предстало до боли знакомое зрелище хаоса, царящее на улице Короля Георга: охваченные паникой толпы, оттесняемые полицией и солдатами СБИ; место происшествия, уже обнесенное деревянными барьерами; караван «неотложек», высадивший десант аварийных бригад медиков, которые спешили на помощь тем, кто выжил.

Телексен повел машину через толпу, солдат СБИ махнул ему, указывая вперед, и он, чуть проехав, припарковался на безопасном расстоянии. Когда он открыл дверь, в ноздри ударил запах горелого мяса.

Даже с расстояния пятидесяти метров Телексен разглядел окровавленные фрагменты плоти и костей под стенами зданий, примыкающих к эпицентру, они отдаленно напоминали влажные конфетти. Взрывная волна оголила ветви деревьев, а шрапнель рассыпала по стенам рубцы, похожие на отметины оспы. Уцелевших окон почти не было.

На первый взгляд разрушения строений минимальные. По сравнению с терактами, свидетелем которых доводилось быть Телексену, нынешний можно назвать незначительным. Однако глубоко в душе Арий понимал: вслед за этим последует череда других, если они в скором времени не найдут средство погасить растущее недовольство происшествием на Храмовой горе.

Один из следователей узнал его и представился. Это был мужчина лет пятидесяти с копной седых волос.

— Детектив Аарон Шомберг. — Он не смог удержаться от любопытного взгляда на трехпалую руку Телексена.

— Что вам удалось выяснить, детектив Шомберг? — Телексен закурил «Тайм лайт».

— Свидетели утверждают, что женщина арабской внешности, в штатском платье, вбежала в толпу выходящих из синагоги и подорвала себя.

Телексен направился к эпицентру взрыва, рядом с ним шагал Шомберг. Санитары складывали в мешок части тела и человеческие останки, слишком мелкие для носилок, скорее всего, то, что осталось от террористки.

— Сколько убитых? — Телексен выдохнул дым через нос.

— На данный момент одиннадцать, плюс человек пятьдесят ранено.

Еще одна глубокая затычка.

— Никто не видел, как она подходила?

— Заряды были под одеждой. Все произошло слишком быстро.

С сожалением вспомнив о временах, когда террористов было намного проще обнаружить, Телексен повернулся к Шомбергу:

— Что она сказала?

— Простите? — в замешательстве переспросил детектив.

— Жертвенная смерть не бывает без преамбулы. — Держа сигарету тремя пальцами левой руки, он наставил ее зажженный конец на Шомберга, желая подчеркнуть сказанное. — Мученики не расстаются с жизнью молча. Может, кто-то все же слышал, что она сказала, перед тем как подорвать себя?

Шомберг перелистал свой блокнот.

— Что-то вроде «Аллах покарает всех, кто угрожает ему».

— На арабском или на английском?

— На английском.

Они дошли до места, где, по словам свидетеля, подорвалась террористка, — в считанных метрах от входа в синагогу. На первый взгляд выбор объекта для теракта мог показаться довольно странным, поскольку подрыв заряда более эффективен в закрытых помещениях, например в автобусах или кафе. Однако, исследовав поврежденный фасад здания, которое больше походило на банк, чем на храм, Телексен понял, что выбор оказался верным. Он обратил внимание, что жертвы, разбросанные по ступеням, находились в своеобразном «загоне»: каменная стена за их спинами увеличила силу взрыва. Получилось так, что если несчастные избежали смертоносной шрапнели, то взрывная волна все равно сделала свое страшное дело, разорвав их внутренние органы и раскрошив кости.

Зазвонил мобильный телефон Телексена. Бросив взгляд на дисплей, он понял, что звонит Тополь, и щелчком выстрелил окурок на тротуар.

— Да?

— Паршиво? — В голосе полицейского была тревога.

— Видали и похуже. Но тем больше причин как можно быстрее покончить с этим делом. Когда вы можете подъехать?

— Да я уже в паре кварталов.

— Поторопитесь.

Дав отбой, Телексен подумал: «Сколько же всего еще случится, прежде чем они раскроют виновников похищения на Храмовой горе».

Внимание его отвлекло прибытие микроавтобусов прессы. Палестинское телевидение всегда доставляло много хлопот. Сейчас необходимо было замаскировать ненависть и досаду. Обстановка накалялась.

Тринадцать израильских солдат и два пилота вертолета убиты в пятницу. Сегодня — гибель ни в чем не повинных израильских горожан.

«И ради чего?» — спрашивал он себя.

Английский археолог, едва ли не лучший в этой области специалист, уверяет, что дело в реликвии. Телексен знал, что древние реликвии стоили бешеных денег — в особенности те, что родом из Святой земли. Трудно представить, на что способны решиться те, кто вознамерится продать их. Но угонять вертолеты? Убивать солдат? Может ли быть цена оссуария столь высока? Он видел десятки таких в галереях музеев Израиля, и было не похоже, чтобы их крепко охраняли. Что такое особенное находилось в том оссуарии? Бессмыслица какая-то...

Лучшие люди его разведслужбы продолжали настаивать на том, что столь тщательно спланированный разбой способен осуществить только инсайдер — свой, хорошо осведомленный человек, находящийся в Иерусалиме. Телексен понимал, что они имеют в виду. Тайно пронести в Иерусалим оружие равносильно умению ходить по воде. Для этого надо

перехитрить блокпосты, металлодетекторы и мириады других внутренних препон. На такое способны единицы.

Давно не секрет, что вертолет является классным тактическим оружием. Может, его угнали для того, чтобы выставить на посмешище систему безопасности Израиля? К счастью, его агентам удалось опередить палестинцев и прессу и скрыть истинную судьбу «блэк хоука». Но поскольку многие в городе отнюдь не горели желанием сотрудничать с израильской разведкой, Телексен был глубоко встревожен тем фактом, что похитителям удалось так быстро достичь нейтральных вод. Если реликвию вывезли морем...

Что-то упругое под его левой ногой прервало размышления, и Телексен посмотрел вниз. Подняв ногу, он понял, что стоял на человеческом ухе, и, нахмурившись, отошел в сторону.

Где же выход? Телексен надеялся услышать ответы от Бартона, но того, похоже, интересовали только собственные идиотские теории относительно истории Древнего мира. Арий подозревал, что этот археолог станет еще одной головной болью.

Затем Телексену вдруг пришла в голову некая мысль. Он был уверен, что и Тополь одобрит ее. Бартон станет тем, кто ответит за все.

Ватикан

Оба ученых с изумлением смотрели на экран монитора.

Программа обследовала отсканированный скелет «в сборе» для воссоздания мышечной массы и добавления бесцветного кожного покрова. И вот сейчас эти новые компоненты трансформировали похожее на статую изображение в законченный трехмерный «призрак» человека.

Берсеи, пораженный полученным результатом, прикрыл рот ладонью.

— И какова, по-вашему, его расовая принадлежность?

Шарлотта пожала плечами. Очень может быть, что Олдрич был прав.

— Мне вообще кажется, что таковая у него отсутствует. — Ей самой показались невероятными вырвавшиеся у нее слова.

Кожа объекта казалась пугающе живой, сочетая темную и светлую пигментации, четко обрисовывая мускулы и подчеркивая особенности фигуры.

Джованни навел курсор на лицо и увеличил масштаб.

Лицо, несомненно, было мужским, но отчего-то наводило на мысль о гермафродите. Большие глаза с гипнотизирующими аквамариновыми радужками под красиво очерченными бровями немного сужались, поднимаясь к уголкам. Длинный нос чуть расширялся над полными, шоколадного цвета губами. Темно-коричневые пряди формировали густую линию волос, выдававшуюся на висках двумя острыми мысками. Растительность на лице, вдоль угловатой линии челюстей — того же цвета и густоты.

— Довольно симпатичный экземпляр, — с холодным равнодушием изрек Берсеи.

— Я бы даже сказала, что он само совершенство, — добавила Шарлотта. — Не в смысле, мужчина-модель или кинозвезда... Вот только он, по-моему... Мне кажется, он ни на кого не похож.

Напряженно вглядываясь в экран, она пыталась найти в его облике что-нибудь аномальное, однако ничто в изображении не указывало на генетический дефект, если не считать таковым совершенство исследуемого.

«Что же в действительности означала найденная Олдричем геномная мутация? — думала она. — Мог ли быть неверным прототип, заложенный в сканер? Могла ли программа обработки изображений неверно истолковать данные?»

Берсеи недоуменно pokrutil головой.

— Если собрать все типичные расовые характеристики человечества и заправить их в блендер, получится, наверное, именно такой результат. — С напряженным лицом он вытянул руку в сторону компьютера, все еще потрясенный увиденным. — Просто диву даюсь, как один человек может сочетать в своем организме столько черт...

— Что теперь?

Берсеи выглядел измученным, словно это изображение причиняло ему физические страдания.

— Даже не знаю... — Оторвав взгляд от монитора, он поднял на Шарлотту усталые глаза. — Мы провели полную судебную экспертизу, — он начал загибать пальцы, — датирование по углероду, завершили создание внешнего облика по генотипу. Единственным важным моментом остается барельеф на оссуарии.

— Ну, если хотите заняться им, — предложила Шарлотта, — я могу начать готовить нашу презентацию для отца Донована. Соберу все данные, фотографии и сяду писать отчет. И наверное, завтра мы уже сможем доложить ему о находках на данный момент. Может, он что-нибудь посоветует.

— Хороший план. Кто знает, вдруг тот символ сможет нам что-нибудь поведать об этом парне.

Берсеи вернулся к своей рабочей установке и включил цифровую камеру. Тихонько напевая себе под нос, он сделал несколько крупных планов рельефного рисунка на оссуарии и загрузил их в компьютер.

Восторгаясь искусством резчика, Джованни провел пальцем по выпуклой поверхности барельефа на боку оссуария.

С самого начала этот рисунок не давал ему покоя. Оссуарии использовались только евреями в древней Иудее. Антрополог же помнил, что изображения и дельфина, и трезубца, главным образом языческих символов, находили в ранних римских культах. Это противоречило предполагаемому месту происхождения реликвии.

Берсеи запустил Интернет и начал с простейшего поиска на слово «трезубец». Почти мгновенно вывалилась тьма ссылок. Он принялся кликать по наиболее подходящим.

Само слово «трезубец» обладало множеством значений. Индусы называли его «тришул», или «священная троица»*.

* Так называемая индуистская троица — триада, объединяющая вединое целое трех главных богов индуистского пантеона (Брахму-Создателя, Вишну-Хранителя и Шиву-Разрушителя).

На Среднем Востоке его ассоциировали с молнией. Его alter ego — вилы — позже пришли в христианское искусство как символ дьявола. Своеобразная попытка дискредитации языческих изображений.

Сам по себе дельфин был почти так же загадочен. В древние времена смывленных млекопитающих почитали за то, что они спасали жизни потерпевших кораблекрушение моряков. Римляне также использовали изображения дельфинов, как символ путешествия через море смерти, к Благословенным островам. Еще дельфин напрямую ассоциировался с богами Эросом, Афродитой и Аполлоном.

Однако выгравированный на оссуарии объединенный символ, конечно же, имел особое значение. Вот только какое?

Берсеи стал искать еще ссылки, которые могли бы объяснить смысл изображения: дельфин, обвивающий трезубец.

Дельфин и трезубец появились предположительно в греческой мифологии, оба олицетворяли силу Посейдона, бога морей. Его трезубец был даром одноглазых титанов, циклопов. Когда бог гневался, он бил трезубцем об океанское дно, волнуя океан и вызывая штормы. Способный превращаться в других существ, Посейдон часто представал перед людьми в образе дельфина. Позже римляне переименовали греческого бога морей в Нептуна.

Берсеи не покидала уверенность, что еще немного — и он отыщет нечто важное.

Поразительная информация пришла к нему, когда он отправился по ссылке о древних монетах, отчеканенных Помпеем, римским полководцем первой половины I века до н. э. На лицевой стороне серебряной монеты имелось рельефное изображение увенчанной лавровым венком головы Помпея. Слева и справа от нее — по дельфину и трезубцу, но не слитно, а бок о бок друг с другом. И Берсеи вспомнил, что на заре своей карьеры Помпей вторгся в Иерусалим.

Он склонился ближе к монитору. После осады Иерусалима в 64 году до н. э. Помпей отдал приказ о распятии тысяч иудейских зилотов. Для этого понадобилось столько крестов, что пришлось вырубить все до единого дерева на склонах гор, окружавших Иерусалим.

Распятие. Иерусалим.

Может ли здесь быть связь? Связь оссуария с пресловутым римским полководцем?

Поразмышляв над этим, Берсеи не успокоился. Его по-прежнему не оставляло смутное чувство, что где-то ему уже встречался этот символ, и необъяснимо твердая уверенность: это связано с Римом.

Он вновь окунулся в поиски.

Варьируя фразы, например «дельфин вокруг трезубца», Джованни наконец отыскал ссылку с полным совпадением. Щелкнув по ней, он был поражен, когда экран заполнило изображение символа с оссуария.

Лицо антрополога осветилось улыбкой.

— Во-от, это уже кое-что... — промурлыкал он.

Прокрутив статью вниз, он прочитал сопровождавший изображение текст.

Слова ударили его, словно камень. Ошеломленный, он еще раз перечитал.

— Шарлотта! — окликнул Берсеи. — Вы должны увидеть это! — Он откинулся на спинку стула, изумленно качая головой.

Пару секунд спустя она стояла рядом. С осунувшимся лицом итальянец показал на экран монитора.

— Что это?

— Объяснение, что значит барельеф на оссуарии, — тихо проговорил Берсеи, вновь кивая на монитор.

Глядя на его изменившееся лицо, она улыбнулась и сказала:

— Я так понимаю, вы нашли ответ.

— Ну да... — пробормотал Берсеи, потирая глаза.

Склонившись поближе к монитору, Шарлотта стала читать вслух:

— «Принятое ранними христианами, переплетение дельфина и трезубца является изображением... — Она запнулась.

Неожиданно стал слышен низкий гул вытяжной вентиляции.

— ...распятия Христа». — Голос ее дрогнул, и слова словно повисли в воздухе.

Лишь через мгновение Шарлотта осознала смысл.

— Боже мой... — Желудок ее больно сжался, и она отвернулась от экрана.

— Как же я раньше-то... — измученным голосом пробормотал Берсеи. — Дельфин уносит души в загробный мир. Трезубец означает Пресвятую Троицу.

— Не может быть. Это ошибка. — Она посмотрела на Джованни сверху вниз.

— Но я уверен, что поверхностный налет на оссуарии подлинный, — возразил Берсеи. — В каждой точке. Стойкий по всей поверхности, включая слой, покрывающий этот барельеф. Вдобавок я установил единственно возможное место происхождения минеральных веществ — Израиль. И следы на костях подтверждают это. Бичевание. Распятие. У нас имеются даже гвозди и деревянные щепки, — особо подчеркнул он и поднял вверх руки, будто сдаваясь. — Какие же еще нужны доказательства?

Шарлотта почувствовала, что совершенно неспособна мыслить и рассуждать логически.

— Но если это и вправду тело... Иисуса Христа, — ей больно было выговаривать эти слова, — вы подумайте хорошенько: насколько тогда все серьезно. — Шарлотте вспомнилось распятие над кроватью. — Нет, это невозможно. Всем известна история распятия. Библия дотошно, по минутам распишивает ее, а наши находки противоречат Библии. Противоречий слишком много. — Она стремительно подошла к рабочей установке.

— Что вы делаете? — подскочил со стула Берсеи.

— Вот. Убедитесь сами. — Она дрожащим пальцем ткнула в надбровную дугу черепа скелета. — Следы от колючек есть?

Он посмотрел на Шарлотту и перевел взгляд на череп. Джованни знал, что она имела в виду. Терновый венец. Тщательно разглядывая череп, он не смог обнаружить даже мельчайших царапин.

— Но ведь совсем необязательно, что колючки могли поранить саму кость, а?

Обойдя рабочую установку, Шарлотта встала у ног скелета.

— Ну хорошо, а здесь? Сломанные колени? — Она указала на них. — Что-то не припоминаю, чтоб об этом упоминалось в Библии. И разве его прикончили не копьем?

Сейчас Шарлотта как будто пыталась вновь обрести потерянную веру и очень нуждалась в том, чтобы поверить во что-то более значительное, чем она сама, а Берсеи — почему-то именно он — вновь опровергал ее. Хуже всего было то, что он делал это с помощью науки.

— Послушайте, я понимаю, о чем вы говорите. — Антрополог развел руками. — Но я всего лишь в полном недоумении — так же как и вы.

Шарлотта напряженно вглядывалась в его лицо:

— Джованни, вы ведь на самом деле не думаете, что это останки Иисуса Христа, правда?

Берсеи провел пятерней по волосам и вздохнул.

— Имеет право на существование и вероятность того, что этот символ выбит здесь просто в честь Христа, — предположил он. — Человек этот, — он показал на скелет, — вполне возможно, ранний христианин и, не исключено, стал жертвой, мучеником. Похоронившие его люди таким образом отдали дань Христу... — Он пожал плечами. — К тому же на оссуарии нет даже конкретного имени. Но вы видели его фенотип. Он совсем не такой, какой мы привыкли видеть у других людей. И я, должен признаться, считаю этот факт бесспорным.

— Но это всего лишь символ, — не сдавалась Шарлотта. — Почему вы так уверены?

Берсеи был поражен, с каким жаром она защищалась. Как бы ему хотелось иметь такую уверенность.

— Пойдемте со мной!

— Куда мы? — крикнула она в спину Берсеи, направляясь за ним в коридор.

Не останавливаясь, Джованни обернулся к ней.

— Потерпите немножко. Сейчас все узнаете.

Финикс

Эван Олдрич пробирался мимо столов, заставленных приборами, к стеклянной выгородке у дальней стены главной научной лаборатории БМТ.

Оказавшись внутри, он закрыл дверь, достал из кармана халата запечатанный стеклянный пузырек и положил его рядом с мощным микроскопом. Сканер, разместившийся на соседнем столе, обтекаемыми формами напоминал фотокопировальный аппарат. Олдрич натянул латексные перчатки.

В дверь коротко постучали, затем она открылась.

— Доброе утро, Эван. Чем занимаешься?

Олдрич обернулся — в приоткрытую дверь заглядывала Лидия Кэмпбелл, старший лаборант. Рука Олдрича рефлексивно дернулась, чтобы прикрыть пузырек.

— Надо посмотреть кое-какие образцы.

— Те, с которыми ты работал вчера? — Она опустила взгляд на ладонь, закрывшую пузырек. — Я думала, ты все закончил.

— Ну да, просто хотел еще разок кое-что проверить.

— Если понадобится, ты знаешь, где меня найти. Может, кофейку?

Эван с улыбкой помотал головой, и Лидия скрылась за дверью.

Через час он вернул пузырек — на этот раз наполненный чистой иммунной сывороткой — в карман халата. Горя же-

ланием срочно рассказать Шарлотте о своем открытии, Олдрич потянулся к телефону... и убрал руку. Такие вещи надо сообщать с глазу на глаз. Эта слишком важная, можно даже сказать, снотсшибательная информация не предназначена для передачи по телефону или по электронной почте. Он вспомнил, как Шарлотта говорила, что ей придется задержаться в Риме на пару дней. Однако он не мог ждать так долго.

Выйдя из лаборатории, Олдрич сразу направился в свой кабинет и сел к компьютеру. Запустив Интернет, он зашел на сайт «Континентальных авиалиний» и забронировал себе билет первого класса на ближайший рейс в Рим.

Иерусалим

Фарух в состоянии крайнего возбуждения повесил трубку, руки его тряслись. То, что звонок этот поступил лишь несколько часов спустя после утреннего взрыва в Главной синагоге, — не простое совпадение.

Позвонивший ему человек был отголоском далекого прошлого — темного прошлого, все еще преследовавшего Фаруха бессонными ночами. Последний раз он услышал этот незабываемый баритон где-то после шести вечера 11 ноября 1995 года. Именно в этот день Шин Бет — самое засекреченное и беспощадное подразделение израильской разведки — похитило его на боковой улочке Газы, затащив в фургон. Ему связали руки и ноги и натянули на голову мешок.

Как только фургон сорвался с места, начался допрос — его вел человек, занимавший вторую по значению должность в силовой структуре СБИ. В те годы перед контрразведчиками поставили практически невыполнимую задачу: выследить Инженера, палестинского повстанца по имени Яхья Айяш, который в середине девяностых при поддержке вооруженных групп вербовал террористов-смертников для проведения серии нападений на жителей Израиля. Израильтяне все плотнее сжимали кольцо благодаря оперативно добытой агентурной информации. Одним из главных подозреваемых числился Фарух, которого обвиняли в связях с главным сторонником Инженера — Хамасом.

К тому времени, когда его выкинули из машины на безлюдном пустыре недалеко от израильской границы, у Фаруха были сломаны три ребра, четыре пальца, прожжена сигаретами грудь и выбито семь зубов.

Из разбитого рта текла кровь, но Фарух улыбался: он не проронил ни слова, не выдал местонахождение Инженера. Израильтянам никогда не удастся сломить его!

И еще он с удовольствием думал о том, что кровь на его лице принадлежала не только ему. Даже связанный, с мешком на голове, он исхитрился укусить руку Телексена, впился зубами в презренную израильскую плоть и сжимал их все сильнее и сильнее, пока не перекусил сухожилия, пока не захрустели кости. Израильтянин выл как пес.

Вскоре после того, как Инженера все-таки убили в его конспиративной квартире, с помощью заряженного взрывчаткой мобильного телефона, Арий Телексен получил повышение, звание тат-алуфа — генерал-майора. С тех пор Фаруху довелось видеть его всего пару раз, в основном в выпусках новостей — всегда легко узнаваемого по руке, которую хранитель искалечил ему в ту давнюю ночь в Газе.

И вот сейчас Телексену хватило наглости позвонить ему с просьбой, как поначалу показалось, об услуге. Однако после пространного объяснения стало ясно, что в этой услуге крайне заинтересован и сам Фарух.

— Акбар, — крикнул Фарух, выглянув в коридор и с трудом пытаясь успокоиться.

Через мгновение у порога вырос гигант телохранитель. Фарух окинул его цепким взглядом.

— Ты сильный парень. Мне понадобится твоя помощь.

Ватикан

Двое ученых поднялись на лифте на один этаж, двери раскрылись в главную галерею, располагавшуюся над лабораторией, — галерею Пио.

Когда они вышли из лифта, Берсеи тихим голосом сказал ей:

— Дело в том, Шарлотта, что на протяжении трех столетий после смерти Иисуса у ранних христиан было не принято изображать его портрет в буквальном смысле этого слова. Для этой цели они использовали другие знакомые им художественные образы.

— Откуда вы это знаете?

— Этому есть археологические доказательства. Более того, одно доказательство мы с вами увидим здесь. — Он показал глазами на коллекцию предметов искусства, выставленную в галерее. — Я вам сейчас кое-что покажу.

Шагая рядом с Джованни, Шарлотта рассматривала мраморные барельефы на христианские темы, украшавшие стены, словно массивный каменный орнамент.

— Вы что-нибудь знаете об этой коллекции? — Берсеи указал на них рукой.

Она покачала головой.

— Они датируются началом четвертого века, — объяснил антрополог, — тем периодом, когда император Диоклетиан

развязал кампанию травли последователей Христа: сжигание церквей и убийства христиан, не желавших отречься от своей веры. Это были годы, когда ранние христиане тайно собирались в катакомбах на окраинах Рима, чтобы помолиться среди мертвых мучеников и святых, что покоились там, некоторые в украшенных орнаментом гробах. — Он указал на один такой, что стоял на массивном пьедестале.

— Саркофаг, — вспомнила Шарлотта, любуясь искусной работой древнего мастера.

— Да. «Двоюродный брат» еврейского оссуария, который мы с вами исследуем. Многие ранние христиане были новообращенными иудеями, и они, несомненно, развивали то, что должно было впоследствии стать христианскими погребальными ритуалами.

Они остановились напротив мраморной статуи высотой около трех футов.

— Ну вот, пришли. — Берсеи повернулся к ней. — Как вы думаете, кто это?

Перед ней было изваяние молодого человека с длинными вьющимися волосами, одетого в тунику. На плечах у него лежал агнец, ноги которого он придерживал обеими руками. На боку у юноши висела сума с лирой.

— Похож на пастушка.

— Тепло. На самом деле его зовут «Добрый пастырь». Нашли в катакомбах. Именно таким ранние христиане изображали Иисуса.

Шарлотта еще раз внимательно оглядела статую.

— Вы меня разыгрываете. — Облик пастыря был мальчишеский, с правильными чертами лица, но никак не библейский: изваяние выполнено скорее в традициях греко-римской скульптуры.

— Вовсе нет. Забавно, не правда ли? Но не стоит забывать, что в этом облике мифология смешивалась с историей жизни Иисуса. И портретное сходство не являлось целью. Это была попытка воплотить идеал, который олицетворял Иисус, — защитник, пастырь. В этом изображении Христа присут-

ствуют также черты Орфея, греческого полубога, символа искусств и песнопений. Наверное, оттого, что небесная музыка Орфея способна была укротить и успокоить даже самого свирепого зверя. — Он указал на лиру в сумке на боку пастуха. — А слова Иисуса могли умиротворить души грешников.

— Прямо как дельфин и трезубец, олицетворяющие спасение души и божественность. — Шарлотта поняла, зачем Берсеи привел ее сюда.

— Точно так.

— Но тогда почему? Почему они не поклонялись иконам или распятию?

«Ведь распятия происходили повсюду, — подумала она. — Особенно в этих местах. Трудно представить католицизм без его страшного креста».

— Во-первых, чтобы скрыть от римлян свое истинное вероисповедание. Это было разумно в годы постоянных преследований. Во-вторых, ранние христиане не знали иконографии. И между прочим, апостолы Петр и Павел такие вещи запрещали. Вот почему не существует изображений распятий тех времен. И не существовало до появления Константина.

— Опять он.

— Опять. Он прародитель современной веры. Константин изменил все каноны. Когда в четвертом веке он пришел к власти, распятия-казни прекратились, и даже катакомбы были заброшены. Это ведь в годы его правления Иисус сделался настоящим культовым героем — божественным созданием. Появились распятия как символы веры, выросли большие соборы, и стали официально собираться материалы для Библии. Образно говоря, вера вышла из подполья, становясь национальным достоянием.

— Удивительно, но на уроках истории нам не рассказывали о Константине, а ведь я училась в католической школе! И я совсем ничего о нем не знаю.

Берсеи глубоко вздохнул, расслабил плечи и принялся рассказывать.

— В триста двенадцатом году нашей эры Римская империя была поделена между двумя правителями — Константином на западе и его родственником Максенцием на востоке. Максенций, правивший в Северной Италии, объявил Константину войну. Тот, сформировав армию из представителей группы людей, известной как христиане, с боями прошел через Северную Италию, несколько километров не дойдя до Рима, до единственной переправы через Тибр... Милвианского моста. Когда поползли слухи, что армия Максенция по численности в десять раз превосходит армию Константина, дух христианского войска довольно быстро пошел на убыль. На рассвете перед финальным броском на Рим Константину было явлено видение. Высоко в небе над головой он заметил удивительный знак, по форме напоминающий крест, — как бы наложившиеся Х и Р, греческие «хи» и «ро», являвшиеся первыми двумя буквами имени Христос. Он тут же поднял свое войско и объявил, что их спаситель, Иисус Христос, сказал ему: «В этом знаке побеждай». Константин отдал приказ украсить этим символом все щиты, и его воины вновь обрели мужество. В тот день две армии сошлись в кровопролитной битве, и Константин вышел из нее победителем.

— И эту победу его армия приписала вмешательству Христа?

— Да, — кивнул Берсеи. — И, отдавая долг своим воинам, а возможно даже, вдохновленный их страстной верой, Константин впоследствии поднял христианскую религию на национальный уровень. Можно, конечно, отметить и то, что «единый бог», почитаемый христианами, удачно сочетается с позицией Константина как единого императора Рима. Однако необходимо было успокоить массы язычников по всей стране, еще не принявших новую религию. Император Аврелий в третьем веке сделал одной из официальных религий империи культ солнца, и Константин хитро вплетал в раннее христианство многочисленные языческие понятия.

— Какие, например?

— Начнем с простейших. — Берсеи сцепил пальцы, обводя взглядом галерею. — Вот, например, нимб, солнечный ореол. Как на наших монетках от Понтия Пилата, Константин отчеканил монеты в триста пятнадцатом году, лет за десять до того, как он обрел власть над всей империей. Но на монетах Константина можно видеть бога солнца с нимбом, в длинной мантии, невероятно схожего с изображениями Иисуса в более поздней иконографии.

— Интересно.

— А еще Константин мудро совместил празднование рождения Христа с языческим праздником — днем зимнего солнцестояния и рождения бога солнца, который отмечался двадцать пятого декабря. Думаю, вы не удивитесь, узнав, что еженедельный христианский праздник, когда-то отмечавшийся в субботу — еврейский Шаббат, — был перенесен на другой день недели.

— Воскресенье*.

Берсеи кивнул.

— Да, во времена Константина этот день был известен как *dies Solis***.— Джованни помрачнел. — А затем в эпоху Константина появляется нечто более основательное. Акцент на физическом, а не на духовном воскресении Иисуса.

— Поясните, пожалуйста.

— В ранних греческих евангелиях высказывались предположения о том, что тело Христа не воскресло, но трансформировалось.

— А по Библии Иисус вышел из гробницы и явился перед своими учениками. — Все годы, проведенные в католической школе, ей вдалбливали это в голову.

— Разумеется. Иисус исчез из гробницы, — с готовностью согласился Берсеи. Затем на его лице появилась хитрая улыбка. — Но ни в одном Евангелии не говорится, как именно. Согласно евангельским свидетельствам, следовавшим за рас-

* По-английски — Sunday; sun — солнце, day — день.

** День солнца (лат.).

сказом о пустой могиле, получается так, что Иисус также обладал способностью проходить сквозь стены и материализоваться буквально из ниоткуда. Если вы припомните Священное Писание, многие из тех, кому он являлся, даже не узнавали его. Это совсем не похоже на свойства, характерные для возвращенного к жизни физического тела.

— Почему же тогда церковь подчеркивает именно его физическую смерть и физическое воскресение?

— Поведаю вам о своем предположении. — Берсеи улыбнулся. — Египет, а в особенности Александрия, был очень влиятельным культурным центром Римской империи. Там поклонялись Осирису — богу загробного мира, зверски убитому своим братом, богом Сетом, разрубившим его на куски. Жена Осириса, богиня жизни Исида, собрала части его тела и поместила в гробницу, совершив ритуалы, в результате которых он через три дня восстал живой и невредимый.

— Очень напоминает пасхальную историю, — согласилась Шарлотта. — Вы полагаете, что тексты Евангелий были изменены?

Неподалеку от них остановилась пожилая пара, с любопытством поглядывая на двух людей в белых лабораторных халатах. Берсеи встал поближе к Шарлотте.

— По большей части тексты сохранились нетронутыми, но вполне возможно, что ключевым моментам дано иное толкование. А может, это просто совпадение. — Он пожал плечами. — Так или иначе, факт в том, что в четвертом веке христианство по всей империи практиковалось со всевозможными разночтениями. Циркулировали сотни манускриптов, какие-то из них подлинные, многие же — приукрашенные вымысленными деталями.

— Значит, все противоречивые писания отправлялись на свалку, — сделала вывод Шарлотта.

— Верно. Но вины Константина в этом не было, — вступился за императора Берсеи. — Константин пытался объединить империю. Распри церкви только мешали его замыслам.

— Логично, — согласилась Шарлотта.

Ей показалось, что на самом деле Джованни восхищается Константином.

— В общем, отсюда все и пошло. Церковь теснее переплелась с империей, слившись с нею в своеобразном симбиозе. Распятia исчезли с обочин дорог, зато огромное распятие поднялось над алтарем, и римская власть, опирающаяся на страх, начало которого положило правление мечом, получила новое развитие — правление с помощью угрозы проклятия грешникам. И почти все это — по милости одного блистательного римского императора, который придал новый вид лицу западной цивилизации.

Шарлотта вздохнула и покачала головой.

— Мне почудилось или вы как-то говорили, что являетесь добрым католиком?

— Говорил, — кивнул Джованни.

— Даже несмотря на то, что в курсе всего этого?

— *Потому*, что я в курсе всего этого. Вы должны понять: если то, на что мы с вами любовались там, внизу, является телом Христа, это не противоречит подлинным Евангелиям. Но порождает большую проблему для церкви, позволившей себе некоторые вольности в трактовке Священного Писания.

— Это так, — с готовностью согласилась Шарлотта. — Но что, по-вашему, подумают христиане, если наше открытие предадут гласности?

— Подумают то, что захотят подумать. Так же как вы и я. Доказательство выдающееся, но противоречивое. Верующие будут продолжать верить, как они это делали до сих пор, несмотря на все иные версии или ереси. Не поймите меня неправильно, это, конечно же, породит колоссальную дилемму для христианства. И настоящий шквал в СМИ, когда за новость ухватится пресса.

— А есть вероятность того, что это фальшивка?

Берсеи вздохнул.

— Если фальшивка, то высочайшего класса. Но кто ж знает...

Иерусалим

К тому времени, как Грэм Бартон вернулся в квартиру, которую он снимал на втором этаже роскошного многоэтажного здания, расположенного на улице Жаботинского в современном районе Иерусалима, было уже половина девятого вечера. После всего случившегося днем он мечтал о полном бокале «Каберне совиньон», звонке супруге — доложить, что он в порядке, — и хорошем сне.

Из-за взрыва у Главной синагоги весь день сегодня на-смарку. После подтверждения информации о случившемся Разак сразу же уехал в ВАКФ за инструкциями о дальнейших действиях. Большинство жителей Иерусалима провело день у экранов телевизоров в ожидании свежих подробностей. Бартон же проторчал остаток дня в музее Уола, разбираясь с делами, отложенными на потом. Ему потребовались все его дипломатические способности, чтобы отказать Рейчел, которая пригласила Грэма присоединиться к ней и ее другу и немного выпить. Хотя, по правде говоря, он бы с удовольствием отвлекся и расслабился.

Теперь же, видя, как город охватывает волна насилия, Грэм Бартон чувствовал, что обязан найти подлинные ответы, которые могли бы помочь спасти положение. Однако после их с Разаком трагического приключения в Газе он задавался вопросом: может, израильтяне знают больше, чем го-

ворят? А еще не давала покоя мысль о том, что, возможно, наемные убийцы продолжают поиски его и Разака.

«На кого они работают?» — гадал Бартон.

Все дело в том, что пока еще он не принес существенной пользы расследованию, — по крайней мере, не узнал ничего такого, о чем следовало бы поставить в известность власти. Как и обещал, археолог сделал запросы по своим международным каналам на рынках древностей. Однако ничего подозрительного пока не выяснил.

Телексен и Тополь вот-вот должны связаться с ним и начать на него давить.

Вставив ключ в замочную скважину входной двери, Бартон краешком глаза заметил три фигуры, поднимающиеся по лестнице. Он отклонился назад, чтобы рассмотреть их лучше. В этот момент из-за угла вышел Тополь с двумя крепкими офицерами в форме, тяжелыми шагами приблизился к нему и небрежно кивнул:

— Добрый вечер, мистер Бартон.

Англичанина охватило недоброе предчувствие. Полицейский нанес визит раньше, чем он ожидал, да еще прямо на квартиру. Ничего хорошего это не сулило. Взгляд Бартоня невольно скользнул по пистолетам в кобурах. Приезжего из Великобритании такое количество выставленного напоказ оружия слегка нервировало.

— И вам доброго вечера, генерал.

— Хорошо, что застали вас. — Немигающий взгляд темных глаз Тополя был тяжелым. — Не зря, значит, приехали.

С бешено колотящимся сердцем Бартон спросил:

— А зачем вы приехали?

— Может, поговорим внутри? — Тополь показал на дверь.

Бартон нерешительно шагнул за порог и включил свет, полицейские последовали за ним.

В квартире, закрепленной за ним Археологическим управлением в качестве части его солидного гонорара, имелась просторная гостиная. Бартон провел гостей туда и предложил им сесть. Сел один Тополь, двое его сопровождающих застыли по обе стороны двери, на манер стоек для книжных полок.

Тополь сразу приступил к делу:

— Меня попросили произвести обыск в вашей квартире, и я хотел бы, чтоб вы помогли мне в этом.

Измученный Бартон в первое мгновение не нашелся что ответить.

— Что? Но зачем это вам?..

— На вашем месте я бы сейчас не задавал этот вопрос. Надлежащее разрешение у меня есть. — Достав какой-то официального вида документ, он протянул его Бартону. — Можете почитать, а мы пока приступим.

Документ был, конечно же, на иврите. Между тем Тополь кивнул своим подчиненным, и те скрылись в другой комнате.

— Вы не могли бы показать мне содержимое ваших карманов?

— Да что же это такое? Меня что, арестовывают?

Бартон никак не ожидал, что звонок жене обернется просьбой о защите его правовых интересов. Он понятия не имел о своих гражданских правах в этой стране. Может, следует заявить протест?

— Нет, мы с вами пока только беседуем, — объяснил Тополь. — Но если вы почувствуете, что в участке вам будет комфортнее, можем поехать туда прямо сейчас.

Бартон кивнул.

— Я получил чрезвычайно тревожный звонок из ВАКФ.

— Вот как?

— Карманы, пожалуйста, — напомнил Тополь, показав на стол.

Бартон понял, что так или иначе он своего добьется. Пытаясь сохранять спокойствие, он начал выгружать на стол содержимое карманов: бумажник, паспорт гражданина Великобритании, ключи от помещений в музее, автобусные билеты.

— По-моему, кое-чего не хватает, — упорствовал Тополь.

Доносящиеся с другой половины квартиры звуки свидетельствовали об усердной деятельности офицеров: открывали ящики, передвигали мебель... Все говорило о том, что от строгой инспекции Тополя не укроется ничто.

С превеликой осторожностью Бартон запустил руку в нагрудный карман и достал бронзовый цилиндр, абсолютно уверенный, что тот распахнет любопытство полицейского. За ним наконец последовали запаянный в пластик пергамент и сложенный лист с переводом. Выложив все это на стол, Бартон попытался прочесть выражение лица Тополя.

Выгнув брови, израильтянин чуть склонил голову набок, когда увидел необычный текст пергамента, напомнив при этом озадаченного пса, но решил оставить это на потом.

— С самого начала этого расследования у меня были подозрения, что в организации похищения принимал участие хорошо осведомленный человек, инсайдер. Глава ВАКФ выражал те же опасения. А после того как я сегодня услышал его слова, я пришел к выводу, что склонен согласиться с его высказываниями.

Тополь вспомнил свой ночной разговор с Телексоном: они быстро приняли решение, которое должно будет предотвратить дальнейшее кровопролитие.

— Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. — Плечи Бартона поникли.

— Для осуществления похищения потребовалась изощреннейшая операция по переброске оружия и взрывчатки, — усмехнулся полицейский. — Не говоря уж о «рабочей силе». Такое возможно только при поддержке некоего высокопоставленного лица. Лица, имеющего доступ к перевозке грузов. К тому же прекрасно разбирающегося во всех тонкостях истории Храмовой горы. И отлично знающего, что за сокровища были замурованы в том подземелье. ВАКФ полагает, что этот «некто» — вы.

— Вы шутите... — Бартон почувствовал, что задыхается. — Понимаю, эти взрывы обострили необходимость проведения срочных и конкретных акций, но ваши слова...

— Израильский вертолет и два пилота все еще не найдены... — Тополь рубанул воздух рукой.

Бартон заметил, что он опустил глаза, когда произносил это. Мог он знать о встрече в Газе? О рыбаке и обнаруженных обломках «блэк хоука»?

— Источники указывают, что пилоты, возможно, участвовали в похищении... скажем, способствовали его осуществлению, — уточнил Тополь. — Возможно, кто-то с этой стороны вышел на них, вступил в контакт, нашел стимул.

— Я не имею к этому никакого отношения, и вы это знаете. — Бартон старался держаться твердо.

— Мне сообщили, — сказал Тополь с каменным выражением лица, — что вы сделали себе имя, добывая редкие памятки старины для клиентов в Европе.

— Для музеев, — уточнил археолог.

— Довольно прибыльная работенка. Разве не так?

Бартон не собирался продолжать эту дискуссию, по крайней мере, без присутствия адвоката.

— Учитывая характер вашей работы на Археологическое управление, вам также предоставили полный доступ в Старый город. Вы ввозили и вывозили оборудование, какое вам заблагорассудится... много раз и без всякой проверки.

— Да каким образом я мог провезти взрывчатку в Старый город? — Голос Грэма Бартона обрел уверенность. — Повсюду стоят детекторы.

— Да очень просто. Наши химики провели анализ остатков пластиковой взрывчатки. В ней, похоже, не содержался диметил-динитробутан, на наличие которого срабатывают детекторы. — Видите ли, мистер Бартон... это взрывчатое вещество — армейского образца. И не исключено, что доставили его вам наши исчезнувшие пилоты.

Один из полицейских ворвался в комнату, мгновенно разрядив повисшее напряжение. В руке он держал некий предмет в большом пластиковом футляре.

Обеспокоенно глянув на его ношу, Бартон смутился. Что там еще, черт возьми?

Не вставая, Тополь раскрыл футляр и громко прочитал название модели на черном корпусе двигателя:

— «Flex BNI 822 VR». Ага, производитель европейский. — Тополь провел пальцем вдоль длинного полого барабана, вставленного в патрон: край его был острым как бритва. — Керновая дрель. Из вашего набора инструментов?

Вскоре после похищения, когда группа криминалистов Тополя производила предварительный осмотр места взрыва, была найдена брошенная на полу дрель. Без отпечатков пальцев. В то утро Тополь позаботился, чтобы информацию об этом изъяли из всех документов.

Лицо археолога побледнело.

— Я вижу этот предмет впервые в жизни, — вяло проговорил он.

Голоса доносились до него смутно, все происходило как при замедленной съемке. Может, ему это снится?

— А что это у вас здесь? — Тополь потянулся и схватил со стола пергамент, с любопытством разглядывая его. — Старинный документ, а? — Он развернул листок бумаги с ксерокопией и переводом. — Я не знаток Библии, мистер Бартон, но сдаётся мне, что речь тут о погребальной камере, спрятанной под горой Мориа. И если не ошибаюсь, Иосиф из Аримафеи имеет какое-то отношение к Иисусу Христу? Не он ли главный герой легенд о Священном Граале — бесценной реликвии верующих?

Сарказм в голосе Тополя лишь вновь подтвердил подозрение о том, что полицейский уже откуда-то знает о свитке. На лбу Бартона проступил пот. Стены стали как будто бы сдвигаться.

— Вам предоставили доступ к месту преступления, вы же взамен умышленно испортили ключевую улику — соскоблили надписи на стенах и изъяли оставшиеся оссуарии.

— Что? — ахнул Бартон. — Вы совсем спятили?

— Вы прекрасно меня слышали. ВАКФ утверждает, что оставшиеся девять оссуариев загадочным образом исчезли. Все сводится к тому, что вор по-прежнему среди нас.

Внезапное исчезновение оссуариев было ужасной новостью, но что-то в обвинении майора было еще более страшным.

— «Соскоблили надписи на стенах»? Как это понимать?

Тополь был готов к вопросу. Он достал из кармана пиджака фотографию и протянул Бартону:

— Полюбуйтесь. Снимок сделан моей бригадой криминалистов за день до вашего появления.

Потрясенный Бартон разглядел на снимке каменную табличку, прикрепленную к стене усыпальницы. На ней видны были девять имен... и отчетливый барельеф дельфина, обвившего трезубец. Он видел этот символ раньше и хорошо знал его происхождение. Смысл его потряс Бартона до глубины души. Но сейчас размышлять об этом он не мог — надо было спасать себя.

— Вот уж не думал, что, соглашаясь на этот проект, пострадаю от ложного обвинения.

Тополь проигнорировал его комментарий. Вернулся второй офицер, и генерал отдал приказ арестовать Бартона.

*Париж, Франция
18 марта 1314 года*

Жак де Моле со связанными за спиной руками поднимался по ступеням деревянного эшафота, сооруженного перед собором Нотр-Дам. Глядя вверх на то, что прежде казалось выдающимся шедевром архитектуры, Великий магистр видел лишь каменный скелет громадного демона: гигантские ребра-аркбутаны, парные шпильи рогов, огненно-красная розетка окна — огромный глаз. Он слышал, как плещутся о берег острова Сите воды Сены, отсекая его от Парижа, словно раковую опухоль.

Глядя вниз, на ступени перед входом в собор, де Моле пристально рассматривал рассеявшееся там папское прелатство, пытаясь отыскать мерзкое лицо Климента. Получив отказ от короля Филиппа в прошении восстановить орден тамплиеров, проклятый предатель, забыв о приличиях, явился на казнь. В самом центре уселись три кардинала — руководить церемонией и исполнять роль палачей.

На импровизированное судилище собралась большая толпа жаждающих своими глазами увидеть, как падший герой готовится встретить свой трагичный конец. Де Моле чувствовал себя одиноким фигляр на этой зловещей сцене до того момента, как на деревянные ступени вытолкнули еще троих высокопоставленных членов братства тамплиеров, подвели и поставили бок о бок с ним.

Жак де Моле с гордостью оглядел их: Жоффруа де Шарне, Гуго де Перо и Жоффруа де Гонвиль — благородные рыцари, достойно служившие ордену. К несчастью, они тоже находились во Франции семь лет назад, когда король Филипп отдал приказ своим войскам провести тайную облаву на тамплиеров.

Несколько минут спустя начался фарс — посыпались пыльные выступления злоязычных священников, разжигавших страсти толпы смесью фальшивых свидетельств и ложных обвинений в адрес рыцарей-тамплиеров. Особое внимание уделялось рассказам о содомитском грехе и сатанизме, поскольку такие фальсификации прекрасно действовали на простолюдинов. Затем, пока Великий магистр с изумлением внимал этому наглому вранью, священник зачитал толпе документ, в котором по пунктам перечислялись обвинения, в которых он, де Моле, сознался, — а ведь ничего подобного он прежде в глаза не видел.

Ложь горячими углями жгла слух де Моле, но он сохранял независимый и дерзкий вид, время от времени поднимая глаза на каменных горгулий, злобно глядящих вниз с фасада Нотр-Дам.

На толпу резко пала тишина. Поднялся один из кардиналов, указал на де Моле и завопил:

— А ты, исполненный порока де Моле, возглавлявший нечестивый орден, что скажешь ты на обвинения, предъявленные здесь? Заявишь ли ты открыто, раз и навсегда, о своей вине, подтвердив тем самым, что перечисленные признания являются твоей исповедью, и перед лицом Господа вернешь себе честь свою?

Де Моле с любопытством взирал на кардинала, поражаясь тому, что прежде служил таким людям. Сколько тамплиеров пало во имя Христа в Святой земле! Ему хотелось крикнуть, что ложь, которую эти самодовольные ублюдки плодят столетиями, низводит величие этой жертвы. Да только никто и никогда не поверит тем невероятным истинам, что познал он, как не поверит и в существование удивитель-

ных реликвий под храмом Соломона в Иерусалиме, подтверждающим эти истины. Без доказательств он просто-напросто еще больше запятнает свою репутацию и только сыграет на руку мучителям. Де Моле утешал себя сознанием того, что когда-нибудь правда откроется...

«И да будут прокляты все отрицавшие ее», — мысленно добавил он.

Магистр понимал: эти люди вознамерились уничтожить его. Произойдет ли это сегодня, на эшафоте или спустя годы медленного гниения в темнице, он, жертва злодейской интриги короля Франции, был обречен.

Великий магистр заглянул в глаза трех своих рыцарей и у всех под легкой вуалью страха увидел решимость. Их братство будет жить до последнего вздоха.

Прочистив горло, де Моле вновь перевел взгляд на кардинала.

— Истина лишь в том, что жизнь мою должны забрать те, кому я так преданно служил. В том, что все сказанное здесь является ложью, а правдой — лишь то, что исходит из уст моих. Пред Господом и всеми свидетелями сей несправедливости, — он обвел взглядом толпу, — я признаю себя виновным в великом грехе. Однако не в том, который сфабриковали мои обвинители. — Де Моле вновь обратил взгляд на кардинала. — Виновен я лишь в позоре и бесчестье, в том, что под пытками и угрозами смерти признавал себя виновным в злодеяниях, кои предписывают ордену тамплиеров. Я заявляю, что благородные мужи, служившие церкви в деле защиты христианства, несправедливо оговорены. И посему считаю ниже своего достоинства бесчестить своих братьев, сея очередную ложь.

Измученный дерзким опровержением, кардинал несколько долгих секунд безмолвствовал, прежде чем заявить:

— Огласив это данное под присягой признание, ты не оставляешь мне иного выбора, как требовать исполнения указа короля Филиппа: предать тебя огню!

Де Моле едва заметно улыбнулся. Вот наконец и финал.

Затем кардинал обратился к трем другим тамплиерам и огласил приговор. Всем — пожизненное заключение. Де Моле был шокирован, когда Гуго де Перо и Жоффруа де Гонвиль сознались во всех обвинениях.

Затем наступила очередь отвечать Жоффруа де Шарне.

Словно встрепенувшись от сна, де Шарне оскалил зубы и закричал:

— Я отвергаю все предъявленные обвинения! Бог свидетель, эта ложь на руку лишь надменному Папе и безнравственному королю. Единственный праведник сейчас здесь перед вами — это Жак де Моле. В битвах я всегда шел за ним, за ним и отправлюсь к Всевышнему!

— Ну, так будь по-твоему! — Кардинал задохнулся от гнева.

Жака де Моле и Жоффруа де Шарне перевезли на лодке на расположенный рядом Еврейский остров — здесь уже были сожжены заживо десятки тамплиеров.

Солнце садилось, и Париж окутывался тьмой.

Когда двух узников вели к столбам, черным от сгоревшей плоти, де Моле обернулся к брату-тамплиеру. За годы заточения и мук де Шарне превратился в тень того крепкого воина, которого он знал в Святой земле, но держался на удивление мужественно.

— Помните, что оставили мы в Иерусалиме, — наказал ему де Моле. — Ваша служба и жертва будут справедливо оценены Им. И день Его суда придет совсем скоро, Жоффруа. Вы совершили самый благородный поступок, на который только способен мужчина. Вы послужили Господу. Без сожалений оставьте это сокрушенное тело и не думайте о прошлом. Сегодня вечером ваша душа обретет свободу.

— Благослови вас Господь, Жак, — ответил де Шарне. — Я всегда считал своей честью служить тому же делу, что и вы.

Когда солдаты подтащили де Моле к столбу, он обратился к ним:

— Я уже неопасен вам, развяжите мне руки, чтобы я смог помолиться перед смертью.

С неохотой стражники перерезали веревки на запястьях старика, но притянули его туловище к столбу тяжелыми цепями. Наваленные вокруг де Моле дрова были из свежесрубленного дерева, а ветви с зелеными листьями: по особому распоряжению короля Филиппа еретика полагалось принять смерть на медленном огне.

Оглянувшись через плечо, де Моле в последний раз поблагодарил де Шарне, прикованного к столбу за его спиной. Как только занялся погребальный костер, заговорили колокола Нотр-Дама.

Жар пополз вверх по ногам магистра. Затем языки пламени стали поджаривать снизу его тело. Потом огонь усилился, тело магистра покрылась красными пузырями, а ноги почернели. Когда терпеть стало невозможно, де Моле испустил мучительный крик — языки пламени лизали уже верх бедер. Он едва слышал крики де Шарне. Соединив руки, магистр воздел их к небу и завопил:

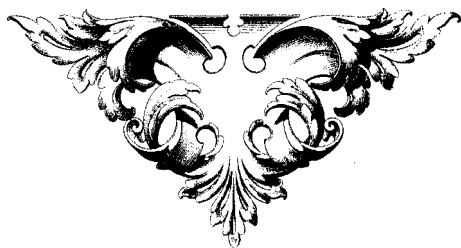
— Да падут муки мои на тех, кто несправедливо осудил нас! Господь отомстит за нас и свергнет этих людей в преисподнюю!*

Огонь пожирал тело, но Жак де Моле чувствовал, как крепнет его дух.

Великого магистра тамплиеров поглотила тьма, а его плотские останки обратились в ослепительный факел на фоне ночного неба.

* Во время казни Жак де Моле проклял Папу Климента V и короля Филиппа Красивого и предрек им скорую смерть. Считается, что пророчество Жака де Моле сбылось, а его проклятие легло на весь королевский род, Папа Римский действительно умер через 33 дня, а Филипп Красивый — менее чем через год после казни.

Пятница

Рим

В халате и босиком Джованни Берсеи открыл входную дверь старого городского дома, окнами выходящего на парк виллы Боргезе с идеальными цветочными клумбами, и поднял со ступени доставленную утренней развозкой «Иль мессаджеро». Солнце лишь слегка подсвечивало густую синеву над соседними домами, и фонари, выстроившиеся вдоль улицы, все еще роняли на мостовые теплый желтый свет. Это было его самое любимое время суток.

Повернувшись, чтобы зайти обратно в дом, Берсеи помедлил, глядя на железные перила, выскочившие из крепления в стене фасада и свободно болтающиеся. Кармела уже три недели пилит его, чтобы он их закрепил. Прикрыв за собой дверь, Берсеи сразу прошел на кухню.

Кофейник, как всегда выставленный по таймеру, уже вскипел. Он налил себе кофе и устроился за столом, наслаждаясь тишиной. Обхватив обеими руками тяжелую фарфоровую чашку, Джованни не спеша потягивал черный кофе, смакуя густой аромат напитка. Разве есть в мире эликсир прекраснее большой чашки отличного кофе?

В эту ночь спалось ему плохо, в голове вертелись мысли об оссуарии, скелете и потрясающем символе, обнаруженном вместе с останками. Ему было совестно, он чувствовал себя уязвимым при одной мысли о том, что прикоснулся к физи-

ческим останкам Иисуса Христа, и искал объяснения этим ощущениям. Берсеи был настоящим католиком — верующим в самую яркую историю, когда-либо сложенную человечеством. Он ходил в церковь каждое воскресенье и часто молился. И вот сегодня утром в Ватикане, уже очень скоро, его попросят обосновать свои выводы. Но как, как объяснить то, чему он стал свидетелем в эти дни?

Берсеи поскреб серую щетину на подбородке, нацепил очки для чтения и взялся просматривать первую страницу утренней газеты. Заголовок внизу страницы гласил: «Мусульмане и евреи в ярости от на шумевшего происшествия на Храмовой горе». Он пропустил заметку и пролистал газету до раздела комиксов. Затем, спохватившись, вернулся к первой странице.

Статьи, раздувающие сенсации из незначительных политических проблем на Святой земле, были делом обычным, но Берсеи обратил внимание, что в последние несколько дней такие заголовки неизменно присутствовали в газетах. Наверное, разговор с Шарлоттой о древней Иудее, Понтии Пилате и распятиях заставил его отнестись к прессе более внимательно. На сопровождавшем статью фото израильские солдаты и полиция пытались сдержать разъяренную толпу протестующих у знаменитой Стены Плача — западной стены Храмовой горы.

Он стал читать статью.

«Вследствие акта вандализма в пятницу на Храмовой горе Иерусалима исламские чиновники оказывают давление на израильское правительство с целью выявить подробности таинственного взрыва, который причинил серьезный ущерб памятнику старины. Местные иудеи требуют ответа: почему тринадцать израильских солдат Министерства обороны были убиты во время перестрелки, последовавшей вскоре после взрыва. К настоящему времени власти только подтвердили, что для транспортировки нападавших с места происшествия использовался израильский военный вертолет...»

— Плохо дело... — пробормотал Берсеи.

«...Многие критикуют израильские власти за игнорирование слухов о том, что к инциденту имеют отношение религиозные артефакты, похищенные с места происшествия».

— Религиозные артефакты?!

— Что ты сказал, милый? — На пороге появилась Кармела, натягивающая халат поверх шелковой пижамы.

Она наклонилась поцеловать его в макушку, а затем прошла к шкафу за чашкой, шаркая по плиткам пола розовыми, с меховой опушкой тапочками.

— Да так, ничего... Просто читаю об этих беспорядках в Израиле.

— Они там никогда не успокоятся, — проговорила жена, наливая кофе в свою любимую чашку в форме головы мультяшного слоника с изогнутым хоботом-ручкой. — Пока друг друга не перебьют.

— Похоже на то, — согласился он.

Взглянув на Кармелу без макияжа, со взъерошенными волосами, Берсеи про себя улыбнулся. Столько лет вместе...

Он вновь сосредоточился на газете. Далее в статье говорилось о том, что стремления к официальному и более продолжительному договору о мире между израильянами и палестинцами вновь отложены в долгий ящик.

— Вечером придешь не поздно?

— Надеюсь, — обронил Берсеи, поглощенный статьей.

Кармела потянула газету вниз, чтобы привлечь его внимание:

— Честно говоря, я надеялась, что, может быть, ты сводишь меня в это новое бистро... Клаудио и Анна-Мария мне его весь вечер нахваливали.

— Конечно, милая. Это было бы замечательно. Может, закажешь столик на восемь?

— А еще перила... найдется у тебя минутка до нашего ухода?

— Посмотрим, — с улыбкой ответил Берсеи.

— Пойду приму душ. — Допив кофе, Кармела вышла.

Берсеи вернулся к статье. Сам того не замечая, он принялся читать вслух.

— «Как сообщают, подозреваемый — мужчина европейской наружности, около ста восьмидесяти сантиметров ростом и весом примерно девяносто килограммов. Власти утверждают, что он находится в стране под вымышленным именем Дэниел Марроне, и будут благодарны за любую информацию о его местонахождении».

Внезапно все вокруг как будто замерло. Джованни глубоко вздохнул и в изнеможении откинулся на спинку стула.

Напрашивалось единственное объяснение: к происходящему в Израиле имеет отношение Ватикан. Но это было невозможно. Или нет?

Берсеи попытался выстроить хронологию событий последних нескольких дней. Согласно сводкам новостей, похищение в Иерусалиме имело место в прошлую пятницу. То есть неделю назад. Почти сразу же в Ватикан прибыли и он, и Шарлотта. Она прилетела в Рим в субботу днем, он — в понедельник утром, незадолго до возвращения отца Донована и Сальваторе Конти с загадочным деревянным ящиком.

Ну конечно! Вспомнив об отпечатках волокон плетеной ткани на поверхностных наслоениях объекта, ученый отбросил свои предположения о небрежной выемке оссуария. Теперь он подозревал, что выемка проводилась наспех. Похищение?

Он вспомнил выражение лица Донована, когда тот открыл ящик: беспокойство... и что-то еще промелькнуло в его глазах. Наклейка грузоотправителя «Евростар» на ящике всплыла в его мозгу. Порт Бари — там нашел последнее пристанище святой Николай. Горячая точка для туристов на восточном, Адриатическом, побережье Италии, с прямыми морскими путями в Средиземноморье и... Израиль. Бари расположен в 500 километрах от Рима — меньше пяти часов поездом, подсчитал Берсеи. Но от Израиля — не менее двух тысяч километров.

Для такого рейса нужно сверхскоростное судно. Но со скоростью в двадцать узлов — чуть больше тридцати семи километров в час — можно дойти за пару суток. По скромным подсчетам, двое с половиной суток в море и оставшиеся полсутки — на перевозку по Италии, время транспортировки вполне укладывается в необходимый интервал.

Берсеи вернулся к колонке новостей. Тринадцать израильских солдат убито. Опытные похитители не оставили следствию каких-либо существенных зацепок.

Неужели за такой операцией стоит Ватикан? А как же израильский вертолет? Никак не вяжется. Да и как отец Донован — лицо духовное! — может участвовать во всем этом?

Что же до Сальваторе Конти... Берсеи взглянул на фоторобот, и в душу стал заползать страх.

А что, если такой вариант: Ватикан купил оссуарий у того, кто его похитил и непреднамеренно стал участником преступления? Даже в этом случае у Ватикана появятся большие проблемы, он может быть втянут в эту грязь как невольный соучастник. Ясно одно: так или иначе, ценные предметы старины, хранящиеся в запасниках Ватикана, имеют сомнительных поставщиков.

Ученый напряженно размышлял, как ему теперь поступить. Может, посоветоваться с Шарлоттой? Или обратиться к властям?

«Нет, без твердых доказательств нелепые обвинения выдвигать нельзя», — сказал он себе.

Положив газету, Джованни подошел к телефону и попросил оператора соединить его с местной подстанцией для звонка карабинерам — военной полиции Италии, патрулирующей улицы Рима с автоматами, словно город находился на военном положении. Молодой мужской голос на том конце ответил, и Джованни попросил к телефону местного детектива. После нескольких кратких уточнений молодой человек сообщил Джованни, что ему следует переговорить с детективом Армандо Перарди, который будет на рабочем месте не ранее девяти тридцати.

— Могу я оставить ему голосовое сообщение? — спросил по-итальянски Джованни.

На линии раздался щелчок, на несколько секунд все стихло, затем прозвучало мрачное приветствие детектива Перарди. Джованни дождался звукового сигнала, продиктовал сообщение с просьбой встретиться сегодня утром и поговорить о возможном римском следе похищения в Иерусалиме. Также он оставил номер своего мобильного телефона. О Ватикане он решил пока не упоминать — это может только осложнить дело, поскольку Ватикан является суверенным государством. Повесив трубку, Берсеи поспешил наверх одеваться. Он должен торопиться.

Припарковав свою «веспу» на служебной автостоянке за Ватиканским музеем, Джованни быстро прошел через служебный вход галереи Пио.

Когда двери лифта разъехались в коридоре подвального этажа, Берсеи окатила волна паники. Но он очень надеялся, что никому не придет в голову заявиться сюда в такую рань: на часах было семь тридцать две.

Ему очень надо побыть одному. Он не мог втягивать в это Шарлотту. Что, если он ошибается?

Когда он вышел из лифта, коридор будто ожил — Джованни почувствовал себя Ионой в чреве кита. Быстрым шагом он добрался до двери лаборатории и открыл ее «магниткой». Оглянувшись и убедившись, что коридор пуст, Берсеи нырнул в помещение и направился прямо к рабочей установке.

Гвозди и монеты оставались там же, на подносе. Рядом с ними лежала последняя загадка оссуария — цилиндр со свитком. Было в этом цилиндре нечто особенное, что не давало покоя ученому. Если его предчувствия верны, другой возможности прочесть пергамент у него не будет. И что-то подсказывало ему: ключевую разгадку происхождения реликвии он найдет в тексте.

Тщательное исследование оссуария и останков зародили в душе Джованни небольшие сомнения в том, что происхожде-

ние ковчега — Израиль. Хотя камень и состав поверхностного налета были характерны для этого региона. Он бросил взгляд на скелет, разложенный на столе, — кости тоже подтверждали место происхождения останков. В первом веке казни распятием широко применялись в Иудее. В который раз внимательно осматривая оссуарий, Джованни провел пальцами по барельефу с раннехристианским символом Иисуса — вот что обрушило последнюю стену его сомнений.

Все эти убийственные факты указывали прямо на Ватикан. Берсеи сам себя наказал, сразу не разглядев связь. Но это казалось настолько нереальным...

Ученый взял с подноса цилиндр и снял колпачок. Затем вытряхнул свиток. Когда он бережно разворачивал телячью кожу, сердце его бешено колотилось. Окинув быстрым взглядом помещение, Джованни готов был поклясться, что чувствует на себе чей-то взгляд.

Наболевшие вопросы не оставляли его. Как могло такое глобальное открытие столько лет оставаться в тайне? Если кости действительно принадлежат Иисусу — или даже одному из его современников, — почему об этом не сохранилось ни одного исторического свидетельства или документа? И вне зависимости от того, кем был этот человек, как получилось, что Ватикан раскрыл эту тайну только теперь, две тысячи лет спустя?

Ладно, сейчас — к неотложным делам.

Берсеи осторожно разглаживал свиток, испытывая бурю противоречивых чувств. Он не сомневался, что древний документ подарит последнюю разгадку, а возможно, и подтвердит, либо отвергнет, идентификацию мертвеца.

По внешнему виду ученый с первого взгляда определил, что свиток сохранился просто идеально. О чем в нем говорится? Вариантов — бесчисленное множество. Последняя воля и завещание усопшего? Последняя молитва, скрытая от тех, кто хоронил тело? А может, приговор, по которому этого человека распяли.

Когда он разворачивал свиток, пальцы дрожали.

Текст был аккуратно написан чем-то вроде чернил. Приглядевшись внимательно, Берсеи увидел, что языком письма был койне* — диалект, который иногда трактуется как «греческий Нового Завета» и неофициальный лингва-франка** Римской империи вплоть до четвертого столетия.

Напрашивался первый вывод о том, что автор был хорошо образован и, возможно, он римлянин.

Под текстом размещался подробный рисунок, показавшийся ученому до странности знакомым.

Пока Берсеи читал древнее послание — открытое и лаконичное, — невероятное внутреннее напряжение понемногу спадало, и несколько мгновений он даже спокойно посидел в тишине.

Антрополог вновь сосредоточился на рисунке, ему определенно казалось, будто он уже видел его. Думай, думай!

Вспомнил! Лицо его тут же побледнело. Ну конечно!

Он точно видел раньше и рисунок, и место, которое на нем изображено, — это же всего в нескольких километрах отсюда, на окраине Рима, глубоко под землей. В то же мгновение Джованни понял, что должен немедленно отправиться туда, поскольку здесь он сделал все возможное.

Протиснувшись к стоявшему в углу ксероксу, он положил свиток на стекло, закрыл крышку и сделал копию. Затем убрал свиток в цилиндр и вернул его на место, рядом с останками. Копию сложил и спрятал в карман.

Теперь, когда он сосредоточился на сборе улик для обвинения Ватикана, Берсеи вновь охватила паранойя по поводу собственной безопасности. Но ему необходима была информация, которую можно предоставить карабинерам для расследования.

* Общегреческий язык, сложившийся в IV в. до н. э. и во 2-й половине 1-го тысячелетия н. э. распавшийся на ряд диалектов, которые легли в основу современных диалектов греческого языка.

** Язык межэтнического общения, часто с ограниченной сферой употребления.

Действуя как будто в лихорадке, Берсеи с ноутбука подключился к главному компьютерному терминалу и стал копировать файлы на свой жесткий диск: полное описание скелета, фотографии оссуария и всего найденного в нем, результаты радиоуглеродного анализа — все, что там было.

Он вновь глянул на часы — 7.46. Время таяло.

Когда закончилось копирование последнего файла, Берсеи сложил ноутбук и убрал его в сумку. Выносить отсюда еще что-то было бы слишком подозрительно.

— Привет, Джованни! — окликнул его знакомый голос.

Берсеи повернулся. Шарлотта. Он даже не слышал, как она вошла.

Проходя мимо, Шарлотта заметила, что Джованни явно не в себе.

— У вас все хорошо?

Он не знал, что ответить, потом пробормотал:

— Вы сегодня рано...

— Просто не спалось. Куда-то собрались?

«Он ужасно нервничает», — подумала она.

— Надо кое с кем встретиться.

— Вот как... — Шарлотта бросила взгляд на часы. — А к собранию вернетесь?

— Даже не знаю... — Берсеи поднялся и перебросил ремень сумки через плечо. — Тут возникла одна проблема.

— Более серьезная, чем наша презентация? — Он упорно прятал глаза. — Что случилось, Джованни? Скажите же!

Цепким взглядом Берсеи обвел стены — словно услышал голоса.

— Не здесь, — наконец проговорил он. — Давайте выйдем, я все объясню.

Антрополог открыл дверь в коридор и высунул голову. Никого. Он сделал Шарлотте знак рукой — следуйте за ним.

Они тихонько вышли из лаборатории, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сальваторе Конти неподвижно сидел на своем наблюдательном посту, пока шаги не затихли в коридоре. Затем схватил с консоли телефон.

Сантелли ответил после второго гудка, и Конти по его вялому голосу догадался, что разбудил старика.

— У нас тут проблема.

Кардинал ждал этого. Прочистив горло, он спросил:

— Они поняли?

— Только Берсеи. И в этот момент он топает на выход с копиями всех материалов — к карабинерам собрался.

— Крайне прискорбно. — Небольшая пауза, за ней вздох. — Впрочем, вы знаете, что надлежит сделать.

Берсеи не проронил ни слова, пока они благополучно не оказались за пределами музея. Он направился напрямик к припаркованной «веспе», и Шарлотта едва успевала за ним.

— Похоже, Ватикан втянули в дурную историю, — понизив голос, сказал он ей. — С этим оссуарием что-то нечисто.

— О чем вы?

— Слишком много надо объяснять, а времени нет, и потом, я даже не уверен, не ошибся ли я во всем этом. — Уложив сумку с ноутбуком в багажник мотороллера, Берсеи надел шлем.

— В чем *этом*? — Он начинал пугать Шарлотту.

— Знаете, для вас лучше, если я не буду вам ничего говорить. Только доверьтесь мне. Здесь вам ничего не угрожает, не волнуйтесь.

— Джованни, прошу вас...

Оседлав «веспу», он вставил ключ зажигания и завел двигатель. Она крепко ухватила его за руку.

— Так. Вы никуда не поедете, — громко объявила Шарлотта, — пока не объясните мне, о чем речь.

Тяжело вздохнув, Берсеи поднял на нее измученный взгляд:

— Я считаю, что оссуарий был украден. Не исключено, что это имеет отношение к похищению в Иерусалиме, в ре-

зультате которого погибло много народу. И мне необходимо поговорить об этом с одним человеком.

Несколько мгновений она молчала.

— Вы уверены? Мне это кажется просто невыносимым.

— Да не уверен я... Потому-то и стараюсь оградить вас от этого. И помню, что мы подписали договор о неразглашении. Если ошибаюсь, то пострадаю я один, и вас в это впускать не хочу.

— Я могу чем-то помочь?

Берсеи показалось, что за тонированным стеклом двери музея промелькнуло лицо, и он вздрогнул.

— Можете. Держитесь так, будто нашего разговора не было. Наверное, я просто ошибся и все обойдется. — Он перевел глаза на ее руку. — Пожалуйста, отпустите меня.

— Будьте осторожны. — Шарлотта разжала пальцы.

— Буду.

Она провожала Джованни взглядом до тех пор, пока он не повернул за угол здания.

Когда створки дверей лифта разъехались в стороны, Шарлотта нерешительно помедлила, прежде чем выйти в коридор подвала. Скрестив на груди руки, она двинулась вперед, ежась от внезапно охватившего ее озноба.

Ну разумеется, Ватикан не имеет никакого отношения к похищению, пыталась успокоить она себя. И тут же возражала: а что может быть общего у церковников с этим головорезом Сальваторе Контти? Вот уж кто явно склонен к насилию — это просто в глаза бросается. Ну а если Джованни прав? Что тогда?

Пройдя половину коридора, Шарлотта заметила, что одна из цельнометаллических дверей чуть приоткрыта. Утром этого не было, она хорошо помнила. До настоящего момента все до одной двери здесь были закрыты и, скорее всего, заперты. Может, здесь кроме них есть кто-то еще?

Зантригованная, она подошла к двери и постучала:

— Есть кто живой?

Тишина.

Шарлотта вновь постучала. Молчание.

Она протянула левую руку, толкнула дверь, и та легко отворилась, провернувшись на хорошо смазанных петлях.

От увиденного Шарлотта оторопела.

Шагнув в крохотную комнатку с пустыми стеллажами, она остановилась напротив очень специфической «рабочей установки»: ряд мониторов, компьютер, несколько пар наушников. Глаза ее проследили за пучком кабелей, который отходил от компьютера, тянулся вверх по стене и исчезал в черном отверстии в потолке, откуда убрали одну панель.

Вся система находилась в спящем режиме. Скринсейвер гонял слайд-шоу обнаженных женщин в разнообразных порнографических позах. Очаровательно!

Шарлотта уселась на стул перед аппаратурой и попыталась представить, для чего все это здесь. Монтировали оборудование явно в спешке, поскольку комната скорее напоминала кладовку, а не кабинет.

Она не удержалась: протянула руку и нажала клавишу на клавиатуре.

Мониторы мигнули и загудели. Скринсейвер исчез, и компьютер вышел из спячки.

Через пару секунд операционная система активировала то, что являлось последней запущенной программой. Лишь несколько мгновений потребовалось Шарлотте, чтобы сопоставить знакомые изображения от разных камер. На одном экранчике горничная мыла маленькую комнату. Сердце Шарлотты екнуло, когда она увидела свой собственный багаж — красная прямоугольная сумка и в тон ей складной саквояж для платьев рядом с кроватью. Горничная перешла в ванную, картинка, транслируемая в реальном времени, появилась во втором окне программы. Знакомый набор туалетных принадлежностей, выстроившихся в ряд на полочке над раковиной, замыкала пухлая банка с витаминами.

— Конти, — яростно прошипела Шарлотта. — Чертов извращенец!

Она внимательно ознакомилась с картинками с других скрытых камер, передающих изображения из лаборатории и подсобки, — в реальном времени, со счетчиками даты и времени в углу экрана. Все это время он подглядывал и подслушивал!

И тогда Шарлотта поняла, что Джованни не ошибся.

В это время в Секретном архиве отец Донован поместил рукописные «Тайные хроники» рядом с запечатанным в пластик документом с инвентарным номером D 217 — «Шинонский свиток»* и закрыл дверцу. Послышался тихий свист, вакуумный насос откачал воздух из герметичного шкафа.

Тайны... В их окружении Донован чувствовал себя как дома. Оттого, наверное, что с детства любил книги и уединение.

«Может, этот архив и есть своеобразное отражение моей души», — подумал он.

Многие из тех, кто избрал для себя стезю католического священника, объясняют это решение своего рода повелением свыше или даже особой близостью к Господу. Донован же обратился к церкви по более серьезной причине — чтобы выжить.

Детство и юность он провел в Белфасте в беспокойные шестидесятые и семидесятые, когда в Северной Ирландии вражда между католиками-националистами, добивавшимися независимости от Британии, и юнионистами-протестантами, лояльными к короне, достигла наивысшего накала. В 1969 году на глазах Донована его дом вместе с десятком других сгорел дотла, подожженный толпой бунтующих про-

* Документ, датированный августом 1308 г., является записью судебного процесса над тамплиерами.

тестантов. В его памяти отчетливо хранились воспоминания об ответных регулярных акциях — только в 1972 году произошло 1300 взрывов, унесших жизни сотен мирных жителей.

В пятнадцатилетнем возрасте его вместе с друзьями заманили в уличную банду, которая выполняла задания ИРА* и действовала как глаза и уши движения. В тот памятный день ему велели подложить сверток к витрине протестантского магазина. Ему не сказали, что в свертке находилась бомба. К счастью, в результате последовавшего позже взрыва, полностью уничтожившего здание, никто не погиб. Патрик же чудом избежал ареста.

Но судьбоносным стал для него вечер семнадцатилетия, когда жизнь Донована переменилась навсегда. Он пил пиво в местном пабе с двумя своими лучшими друзьями, Шином и Майклом. Потом завязалась перебранка с группой подвыпивших протестантов. Час спустя Донован с друзьями отправились домой, но протестанты — их было пятеро — увязались за ними, продолжая громко выкрикивать угрозы. Вскоре завязалась драка.

Донован, не новичок в уличных драках, оказался, однако, слишком хрупким и не настолько ловким, чтобы противостоять двум набросившимся на него парням. Один из них сбил его на землю и держал, а второй стал наносить удары, словно намереваясь забить врага до смерти.

Та ярость, что вскипела в его душе при виде тлеющих углей на месте собственного дома, со временем не забылась. И сейчас Донован отреагировал чисто инстинктивно: он извернулся, раскрыл складной нож и со всей силы вонзил его в живот того, кто не давал ему подняться. Парень свалился на тротуар, в ужасе пытаясь сдержать поток крови, хлынувшей из живота. Увидев яростную решимость в глазах Донована, второй отступил.

* Ирландская революционная армия — террористическая организация, действующая в Северной Ирландии.

Потрясенный Донован повернулся, взглянул на Шина и увидел, что тот, весь в крови, оскалив зубы, стоит над человеком, которого за миг до этого ударил ножом. Остальные протестанты стояли не шелохнувшись, пока католики улепетывали прочь.

Он помнил ужас, объявивший его на следующий день, когда в прессе и теленовостях появилось сообщение о местном жителе-протестанте, который скончался от ножевого ранения. И хотя было неизвестно, ранение какого из двух протестантов оказалось смертельным, Донован быстро примирился с фактом, что ему необходимо покинуть Белфаст, прежде чем следующей жертвой станет он сам.

Семинария стала его мирной гаванью, обезопасив от улицы и обещая надежду на прощение Господа за страшные проступки. Хотя не проходило и дня, чтобы глазам Патрика не являлось видение обгаренных кровью рук.

Несмотря на такое прошлое, Донован был прилежным студентом, и уединение священничества вновь разожгло его страсть к чтению. Он обрел в душе гармонию, всерьез увлекшись историей и скульптурой. Видя, как он всего себя отдает учению, епархия Дублина спонсировала его обучение в университете. Донован думал, что, возможно, именно эта одержимость книгами спасла его.

Теперь же книга грозила разрушить все, что было для него свято. Над самой церковью, спасшей его, нависла серьезная угроза.

Несколько долгих секунд отец Донован смотрел сквозь стекло на «Тайные хроники» — всеми забытый манускрипт, который положил начало важнейшим событиям, приведшим к похищению в Иерусалиме. Даже не верилось, что лишь двумя неделями ранее он предъявил это невероятное открытие государственному секретарю Ватикана. Он так ясно помнил свою встречу с Сантелли, будто перед его мысленным взором крутили фильм.

— Не берусь утверждать, что часто получаю срочные просьбы об аудиенции из архива Ватикана. — Кардинал выжидательно поглядел на него.

Сидя напротив, отец Донован с силой сжал пальцами кожаный ранец.

— Простите за спешку, ваше преосвященство. Но надеюсь, услышав, с чем я пришел, вы согласитесь, что причина, по которой я здесь, требует вашего незамедлительного рассмотрения... и оправдывает мое решение не вмешивать кардинала Джанкоме.

Винченцо Джанкоме был начальником Донована и старшим хранителем Секретного архива Ватикана. Он также был человеком, который положил под сукно пылкую просьбу Донована приобрести «Евангелие от Иуды». Так что после долгих размышлений Донован принял нестандартное решение не включать Джанкоме в круг посвященных — отважный шаг, способный привести к обратным результатам и могущий стоить ему карьеры. Но Донован был уверен: то, что он собирался рассказать, имеет прямое отношение к государственной безопасности, а не к документам из запасников. Более того, загадочный незнакомец выбрал для этой цели именно Донована, и времени для промедления и бюрократических проволочек не оставалось.

— Так в чем дело? — со скучающим видом спросил Сантелли.

Отец Донован нерешительно помолчал, не зная, с чего начать.

— Помните, несколько лет назад в Секретном архиве нашли «Шинонский список»?

— Секретный указ Климента об отклонении обвинений против рыцарей ордена тамплиеров?

— Верно. Я принес вам и другие документы, подробно описывающие тайное совещание Климента Пятого и Жака де Моле, магистра ордена. — Донован с усилием сглотнул. — В сообщении Папы упоминается манускрипт под названием

«Тайные хроники», предположительно содержащий информацию о спрятанных реликвиях тамплиеров...

— Попытка возродить орден тамплиеров, — перебил Сантелли. — Причем довольно неуклюжая.

— Однако, думаю, вы согласитесь, что переговоры Климента с де Моле о восстановлении репутации тамплиеров после приказа о роспуске их ордена имели принципиальное значение.

— Обычный блеф. Никакой книги у Жака де Моле не нашли.

— Разумеется. — Донован запустил руку в ранец и вытащил оттуда книгу. — Поскольку он не обладал ею.

— Что это там у вас? — Сантелли вытянул шею и поерзал в кресле.

— Это «Тайные хроники».

Кардинал опешил. Ему всегда страстно хотелось, чтобы именно эта история оказалась чистым вымыслом, поскольку ни одна из самых мрачных тайн Ватикана не могла сравниться с *этой*. Он тешил себя надеждой, что библиотекарь ошибся, однако уверенность во взгляде Донована подтверждала его худшие опасения.

— Вы что же, думаете...

— Да, — твердо ответил Донован. — Позвольте мне объяснить.

Он подробно изложил историю семилетнего заключения Жака де Моле, его тайной беседы с Климентом, судилища в Париже перед собором Нотр-Дам и казни на Еврейском острове.

— Случилось так, что предсмертное проклятие магистра сработало. Папа Климент Пятый скончался месяц спустя в страшных мучениях, многие полагают, что от дизентерии. Через семь месяцев на охоте при странных обстоятельствах погиб король Филипп Четвертый. Свидетели объясняют его смерть затяжной болезнью, вследствие которой он умер очень быстро. Многие считают, что таким страшным образом тамплиеры совершили свою месть.

— Яд? — Сантелли был явно напуган.

— Может, и так. — Донован пожал плечами. — Тем временем мусульмане полностью возвратили себе Святую землю. В дальнейшем европейским государствам и церкви не удалось организовать правильное субсидирование Крестовых походов, имевших целью ее отвоевать. Документы Папы Климента и «Шинонский список» пылились в Секретном архиве, поскольку совет кардиналов сосредоточился на двухлетней борьбе за восстановление пошатнувшейся репутации папства. Актуальность «Тайных хроник», вот этого манускрипта, что я сейчас держу в руках, постепенно ослабевала, книга превращалась в легенду, — продолжал Донован. — До тех пор, пока на этой неделе мне не позвонили.

Он вкратце рассказал сначала о телефонном разговоре с неизвестным, а затем о своей встрече с курьером в «Кафе Греко».

Сантелли сосредоточенно внимал, прикрыв рукой рот. Закончив, Донован выжидательно посмотрел на кардинала.

— Вы прочли ее?

Донован кивнул. Как хранитель архива, он был полиглотом — блестяще знал арамейский и без труда читал на греческом и латыни.

— О чем она?

— О вещах крайне тревожных. Вне сомнений, это произведение не является творением тамплиеров *per se**. Это дневник, написанный Иосифом из Аримафеи.

— Патрик, я не понимаю...

— На этих страницах приводятся хроники событий, относящихся исключительно к пастырству Христа. Записи свидетельств чудес, таких, например, как исцеление парализованных и прокаженных. Его наставления, уроки, путешествия с учениками — здесь полный отчет. Я внимательно просмотрел текст и должен сказать: произведение добротное.

* По сути (лат.).

Библейские историки издавна ведут теоретический спор о том, что на синоптические* Евангелия от Матфея, Марка и Луки оказал влияние один источник, поскольку все трое рассказывают о деяниях Иисуса в сходной последовательности эпизодов и похожим стилем. Каждое из синоптических Евангелий, предположительно датированных периодом между 60 и 100 гг. н. э., носит имя реального последователя Христа, хотя истинные авторы на самом деле неизвестны.

Сантелли чувствовал, что отец Донован крайне встревожен.

— Но это еще далеко не все, — предостерег его Донован. — Книга описывает события, которые привели к аресту и казни Иисуса. И вновь большая часть повествования Иосифа соответствует синоптическим Евангелиям... правда, с небольшими расхождениями. По Иосифу Аримафейскому, он лично тайком договорился с Понтием Пилатом о снятии тела с креста — в обмен на изрядную сумму.

— Взятка?

— Да. Вероятно, прибавка к скудным субсидиям Рима. — Донован глубоко вздохнул. — Согласно Новому Завету, тело Иисуса поместили для захоронения в семейном склепе Иосифа.

— Прежде чем вы продолжите, я должен задать вопрос. Эта реликвия тамплиеров... книга... Это подлинник?

— Возраст пергамента, кожи и чернил установлен. Оригинал, бесспорно, относится к первому веку. Однако книга — не та реликвия, на которую намекал Жак де Моле. В ней лишь рассказывается о том, как отыскать настоящее сокровище, о котором он упоминал.

Сантелли не сводил с него напряженного взгляда.

— Иосиф Аримафейский ярко и подробно описывает ритуал погребения Иисуса. Как тело обмывали, натирали ароматическими маслами и заворачивали в холст, а холст затем сшивали. Глаза прикрыли монетами. — Голос Донована по-

* Особенно близкие по содержанию и языку.

низился на октаву. — В книге утверждается, что тело оставили в усыпальнице Иосифа... на двенадцать месяцев.

— На год? — ахнул Сантелли. — Патрик, а это, случайное, не очередной гностический* манускрипт?

В прошлом Донован часто информировал кардинала о многочисленных доbibлейских писаниях, совершенно иначе представлявших Иисуса: то были попытки древних правителей обратить язычников в христианскую веру. Многие такие истории грешили несусветными преувеличениями и изобиловали философскими истолкованиями учения Христа.

— Как утверждает Иосиф — человек, которому доверили погребение Иисуса, — физического воскресения не было никогда. Выходит... — Донован не имел представления, как можно смягчить то, что должно сейчас прозвучать. Он посмотрел прямо в глаза кардиналу. — Выходит, Христос умер как простой смертный.

Сантелли не в первый раз слышал этот аргумент.

— Ну, все это мы уже проходили... Утверждения о том, что ранние христиане воспринимали воскресение как процесс духовный, а не физический. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Эти «Тайные хроники» не что иное, как полное противоречие Священному Писанию. Рад, что вы обнаружили их. Мы должны быть уверены, что они не попадут не в те руки. Совершенно ни к чему, чтобы какой-нибудь враг церкви поднял трезвон в прессе.

— Боюсь, это еще не все.

Сантелли безмолвно наблюдал, как Донован запустил руку в свой ранец, достал скрученный желтый свиток и выложил его на стол.

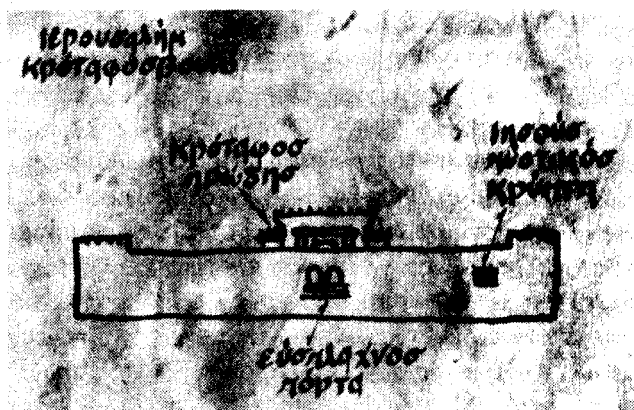
Кардинал наклонился вперед:

— А это что?

— Чертеж к книге — своеобразная карта.

— На чертеж не похоже совершенно. — Сантелли скрипнул. — Скорее детские каракули.

* От греч. *gnostikos* — знающий. Религиозно-философское направление, существовавшее в первые века христианства, представляющее собой смесь христианских религиозных догматов с греческой идеалистической философией и восточными религиями.

Донован был согласен с тем, что плоскостной рисунок выглядел весьма упрощенно. Но трехмерных изображений не существовало до периода Возрождения, и он не собирался толковать это Сантелли.

— Несмотря на отсутствие подробностей, вы можете заметить здесь несколько важных деталей. — Донован показал на длинное основание прямоугольника. — Это Храмовая гора в Иерусалиме. — Следом он показал на верхнюю часть рисунка. — Это Иудейский храм, построенный Иродом Великим и позднее уничтоженный римлянами в семидесятом году нашей эры. Как вы знаете, на этом месте сейчас мечеть Купол Скалы.

— Храмовая гора? — остро глянул на него Сантелли.

— Да, — кивнул Донован. — Такой она представлялась Иосифу Аримафейскому в тридцатом году от Рождества Христа.

Донован пояснил, что на рисунках Иосифа с великой тщательностью был изображен храм — таким, каким он выглядел в ту пору: прямоугольные внутренние дворы и священная Скиния. Складские помещения для масла и дерева; водоемы для освящения жертвоприношений и погребальные костры для сжигания священных животных во время еврейской Пасхи. Он рассказал, что Иосиф даже отметил на рисунке священный порог, который запрещено было переступать язычникам, — обнесенный оградой внешний пери-

метр. Затем следовало описание крепости римлян, примыкавшей к Храмовой горе, — именно здесь Иисус предстал перед Понтием Пилатом.

— Но самое главное здесь вот это. — Donovan показал на небольшой покрашенный квадрат, который Иосиф поместил внутри платформы. — Это обозначение расположения крипты Иисуса. В текст Иосиф включил точные размеры — расстояния от усыпальницы до внешних стен Храмовой горы.

Сантелли вновь прикрыл рот рукой. Несколько секунд он сидел неподвижно. За окном угрожающе набухавшие черные тучи наконец осуществили свою угрозу и разразились дождем.

— Получив «Тайные хроники», — продолжил Donovan, — я детально изучил это место. И окончательно убедился, что потайной склеп все еще там. Я верю, что крестоносцы — рыцари-тамплиеры — вполне могли обнаружить его и впоследствии оберегать.

— Почему вы так уверены?

Donovan потянулся через стол, осторожно перевернул древние страницы и остановился на группе набросков.

— Вот почему.

Кардинал даже не понял, что перед ним каталог некой коллекции: настолько грубо были выполнены все рисунки.

— Все это отдельные предметы, — пояснил Donovan, — реликвии, которые Иосиф Аримафейский захоронил в усыпальнице. Кости, монеты и гвозди. Плюс, конечно, сам оссуарий. Именно об этих предметах упоминал Жак де Моле.

Сантелли сидел как громом пораженный. Медленно-медленно взгляд его переместился на изображение обернувшегося вокруг трезубца дельфина.

— Это символ... Что он означает?

— Этот символ и придает мне уверенность в том, что реликвии все еще в целостности и сохранности. — Donovan объяснил его смысл.

Сантелли молча перекрестился.

— Если бы эти реликвии были когда-то обнаружены, то вне всяких сомнений, об этом остались бы сведения. И со-

ответственно, мы с вами не вели бы сейчас этот разговор. — Донован вытащил из своего ранца еще один документ. — Взгляните, пожалуйста, на материал, опубликованный недавно в «Иерусалим пост», который наш загадочный благодетель передал вместе с книгой.

Сантелли выхватил у него из рук газету и прочел вслух заголовки статьи:

— «Еврейские и мусульманские археологи получили разрешение на производство раскопок под Храмовой горой».

Донован выдержал паузу, дав Сантелли время прочитать и осмыслить текст, потом заговорил вновь:

— Поскольку израильские условия мирного соглашения не позволяют вести раскопки в районе Храмовой горы, последними копавшими здесь археологами были рыцари-тамплиеры. Но в тысяча девятьсот девяносто шестом году мусульманский фонд, осуществляющий надзор за территорией, получил разрешение на расчистку от завалов обширного помещения: прежде там размещались конюшни тамплиеров, а с двенадцатого века оно было обрушено. Курьер, доставивший эту книгу, был арабом. В связи с этим я твердо уверен, что «Тайные хроники» нашли мусульмане, когда производили раскопки.

— Но чего ради они ждали до сих пор?

— Честно говоря, меня тоже терзали подозрения, — признался Донован. — Зато теперь я, кажется, знаю ответ на ваш вопрос. — Из ранца он вытянул уже современный рисунок, сделанный им самим. Последний экспонат презентации. — Когда расчистка была закончена, мусульмане соорудили на том месте мечеть Марвани. Вот аэроснимок Храмовой горы такой, какова она сейчас. Пользуясь замерами Иосифа, я вычислил точное местонахождение усыпальницы.

На схеме Донован перевел древнеримские меры длины, gradii, в нынешний метрический эквивалент; один gradus* равнялся примерно трем четвертям метра.

* Шаг (лат.).

— Я отметил красным цветом территорию, в настоящее время занимаемую мечетью Марвани, которая располагается примерно на восемнадцать метров ниже поверхности эспланады. — Формой подземная мечеть напоминала набор прямоугольников разного размера.

Сантелли наконец ухватил суть намека Донована.

— Бог мой, это же совсем рядом с потайным захоронением.

— Вплотную к задней стене мечети. Мусульманские и израильские археологи всегда подозревали о существовании потайных помещений под Храмовой горой. Для их поиска они будут проводить сканирование.

— И найдут... — На Сантелли не было лица.

— Пропустить это место невозможно, — решительно подтвердил Донован. — Если реликвии, описанные в «Тайных хрониках», существуют на самом деле, не исключено, что физические останки Христа будут обнаружены буквально через несколько недель. Вот почему я пришел к вам сегодня. Пришел спросить вас... можем ли мы что-то сделать?

— Полагаю, все предельно ясно, Патрик, — возбужденно заговорил Сантелли. — Мы должны достать эти реликвии изпод Храмовой горы. Жизни более двух миллиардов христиан неразрывно связаны с Евангелиями Иисуса Христа. Разрушить их веру — значит подорвать общественный порядок. Мы берем на себя огромную ответственность. Это не просто вопрос теологии.

— Но дипломатических путей заполучить останки не существует, — напомнил кардиналу Донован. — Политическая ситуация в Израиле слишком сложна.

— А разве кто-то говорит о дипломатии? — Сантелли потянулся к интеркому на своем столе. — Отец Мартин, найдите в моей телефонной книге номер Сальваторе Конти. И пожалуйста, срочно вызовите его ко мне.

Свернув с запруженной машинами Виа Номентана в ворота парка виллы Торлония, Джованни Берсеи медленно поехал по узкой велосипедной дорожке, мотор «веспы» мягко урчал.

Здесь, под раскидистыми ветвями английских садов, облюбованных велосипедистами и бегунами, лежали лабиринты еврейских склепов, сформировавших более девяти километров самых старых катакомб Рима — древних кладбищ, которые, по тогдашним римским законам, выносились далеко за городские стены. И где-то там, как твердо верил Джованни, в подземном царстве, таилась частичка древней тайны, связанной с Иисусом Христом.

Глянув вверх, на обветрившееся неоклассическое здание, сделавшее это место знаменитым, — роскошную виллу, когда-то принадлежавшую Бенито Муссолини, — он повернул к группе приземистых строений, примыкавших к заднему двору виллы. Когда раскопки 1918 года случайно вскрыли первые погребальные камеры, здесь располагались конюшни.

Перед входом в катакомбы виллы Торлония Берсеи заглушил двигатель «веспы», слез и поставил мотороллер на подножку. Открыв багажник, он достал сумку с ноутбуком и мощный фонарь, а на их место положил шлем.

До девяти часов оставалось десять минут. Скорее всего, еще закрыто.

Берсеи на всякий случай толкнул дверь. Она отворилась.

Внутри пустого фойе за столом сидел пожилой экскурсовод и читал роман Клайва Касслера. На обложке было изображено большое судно, попавшее в гигантский водоворот. Старик поднял на антрополога глубоко посаженные, мутноватые глаза и прищурился сквозь толстые бифокальные стекла очков. Улыбка появилась на его лице — таком же старом и противоречивом, как история виллы Муссолини.

— Ah, Signore Bersei. — Он отложил книгу и развел руки в стороны. — Come sta?

— Bene, grazie, Mario. E lei?

— С каждым днем все лучше, — хрипло похвастался старик на итальянском. — Давненько не появлялись.

— Да уж... Зато вот сегодня мне повезло, что вы ~~ре~~нная пташка. Думал, придется торчать под дверью.

— Начальство требует, чтоб я приходил к восьми, вдруг, мол, кому взбредет в голову поработать. Говорят, собираются сократить сроки реставрации.

Главное управление археологии Рима по-прежнему не допускало туристов в еврейские катакомбы в связи с продолжающимися интенсивными работами по консервации — проект, растянувшийся более чем на десятилетие. В укромных местах лабиринтов подземных гробниц существовала угроза скопления ядовитых газов, и это оттягивало срок окончания работ.

— Вижу, вы не на шутку увлеклись. — Берсеи указал на книгу.

— Наверстываю упущенное. Так и не знаю, когда мы открываемся. Поэтому заполняю вакуум активности чтением. — Берсеи рассмеялся. — А вас что привело сюда?

Старик поднялся и сунул дрожащие руки в карманы, он был невероятно худым, и годы, не пощадив, заметно согнули его спину.

Со времени прошлого визита Берсеи прошло много времени. Если точно, два года. Это было одно из примерно шестидесяти римских кладбищ, которые он исследовал по заказу папской комиссии.

— Результаты последнего радиоуглеродного анализа вынуждают меня пересмотреть некоторые мои первоначальные предположения. Просто хотел бы еще разок взглянуть на некоторые гипогей*.

Это была необычная история. Всего лишь несколько месяцев назад группа археологов произвела углеродный анализ вкраплений фрагментов древесного угля и древесины в штукатурку одной из погребальных камер. Анализ установил дату захоронения: 50 год до н. э., почти за сто лет до появления самых первых христианских городских катакомб. Значение такого открытия было чрезвычайным, поскольку подтверждалась ранее существовавшие теории о еврейском влиянии на христианские похоронные ритуалы. Но самым поразительным было то, что в элементы иудейского орнамента частенько вплетались символы, имеющие прямое отношение к раннехристианскому движению. Эти смутные воспоминания и привели сюда Берсеи.

— О, вы сегодня с фонариком.

— Всегда готов. — Антрополог гордо поднял над собой фонарь. — Пропуск оставить?

Берсеи вытащил бумажник, распахнул его, чтобы достать ламинированную карточку, гарантировавшую ему полный доступ в большинство исторических памятников города. Не всем академикам было дозволено такое.

Марио отмахнулся.

— Я отмечу вас. — Он показал на пюпитр сбоку от стола.

— Внизу есть кто-нибудь?

— Нет, все в вашем распоряжении.

* Нурогейос (греч.) — подземный, в античных сооружениях подземное помещение, подземелье.

Отчего-то Берсеи это не понравилось. Он беспокойно улыбнулся. Экскурсовод протянул ему листок бумаги:

— Держите карту с изменениями.

Берсеи взглянул на переработанный и дополненный план туннелей и переходов. Теперь становилось еще более очевидно, что на протяжении веков катакомбы прирастали бессистемно. Сложная схема подземелья скорее напоминала сеть трещин на расколовшейся керамической плитке. Или паутину.

— Да я ненадолго. Можно пока оставить это у вас? — Он протянул Марио сумку с ноутбуком.

— Ради бога. Я поставлю за стол.

Передав сумку, Берсеи пересек фойе и включил фонарь, направив его на каменные ступени, уходящие в крошечную темноту.

Спустившись вниз, Джованни поборол охватившую его дрожь и чуть подождал, чтобы легкие приспособились к холодному и сырому воздуху, это усложняло реставрационные работы. Просто поразительно, каким образом столько фресок и гравировок сохранилось здесь, в суровой среде, полностью уничтожившей тела погребенных, когда-то наполнявшие тысячи ниш. Лишь считанные косточки были обнаружены во время раскопок этих гробниц, в большинстве своем разграбленных мародерами, которые наживались на том, что продавали их как мощи святых и мучеников.

«Какая ирония судьбы, — подумал Берсеи, — ведь место это намеренно создавалось как лабиринт, дабы избежать грабежа. Вот и вся защита для тел, которым предстояло воскрешение. Придет Судный день — и сколько будет разочарованных душ...»

Он направил луч в узкий проход — шириной едва ли в метр и высотой менее трех, — и свет рассеялся в нескольких метрах впереди. Почти две тысячи лет назад Fassores — гильдия землекопов — вручную пробила этот лабиринт гробниц в мягкой вулканической породе, или туфе, на котором стоял Рим. Погребальные ячейки, или локули, тянулись по стенам сле-

ва и справа. В древние времена тела заворачивали в саваны и укладывали в эти ниши разлагаться для экскарнации — ритуала освобождения от плоти, от всего мирского. Теперь ниши были пусты.

Подземные галереи прокладывали слоями — с тремя уровнями схожих туннелей. К счастью, камера, которую он хотел осмотреть, находилась в верхней галерее катакомб.

«Некрополь, — подумал Берсеи. — Город мертвых».

Он прикрыл нос от запаха плесени, надеясь, что не встретит «хозяев» этих мест. С напряжением сглотнув, Джованни двинулся вперед.

— *Desidera qualcosa?** — Марио во второй раз отложил книгу и внимательно посмотрел на крепко сбитого мужчину, стоявшего перед его столом. Незнакомец, похоже, был поглощен своими мыслями. Марио решил попробовать на английском. — Чем могу помочь?

Раздосадованный сухим тоном старика, Конти вновь не ответил. Идя сюда следом за Берсеи, он недоумевал, какого черта ученый свернул в этот парк. Сейчас же, прочитав табличку над столом экскурсовода, он силился понять ее смысл. Еврейские катакомбы? Взгляд его переключался на другой дверной проем, открывавший проход к неосвященной лестнице.

«Какой-нибудь служебный выход, — подумал он. — Не плохо».

— Света нет, что ли? — поинтересовался Конти на итальянском.

— Чтобы спуститься туда, нужен фонарик, — ответил старик.

«И это неплохо», — подумал Конти.

— Но катакомбы закрыты для посещения, — продолжил экскурсовод, криво улыбнувшись. — Если у вас нет специального пропуска, я буду вынужден просить вас удалиться.

* Желаете чего-нибудь? (ит.)

Тожe мне, шишка на ровном месте! Конти пропустил мимо ушей это заявление, впившись взглядом в листок на пюпитре. Регистрация посетителей. А в списке только одно имя — то, которое ему нужно. И похоже, здесь кругом ни души. Все оказалось куда проще, чем он предполагал. Запустив руку в карман куртки, Конти осторожно извлек маленький шприц.

Пока незнакомец в три шага огибал стол, в сознании Марио Бенедетти успела промелькнуть догадка, что он в опасности. Загнанный в угол, старик замер.

— Какая жалость... — пробормотал Конти.

Он выбросил правую руку, ухватив экскурсовода за загривок, а его левая рука описала в воздухе стремительную дугу и вонзила иглу в шейную мышцу, мгновенно введя туда концентрат тубарина — лекарства, применяемого в хирургии сердца для того, чтобы парализовать сердечные ткани. Не зная, когда может пригодиться тубарин, Конти всегда имел при себе смертельную дозу.

Старик повалился на пол, и Конти резко отшатнулся в сторону.

Токсины мгновенно наполнили артерии Марио Бенедетти, и он стал царапать грудь налившимися свинцом пальцами. Лицо его исказила судорога, когда сердце, споткнувшись, заклинило, как перегоревший двигатель. По всему телу пробежала дрожь, затем оно замерло.

Сальваторе Конти всегда изумлялся действенности этого метода. Кто бы ни нашел старика, он наверняка решит, что бедолага скончался от сердечного приступа. Стандартное вскрытие выдаст аналогичное заключение.

Сработано чисто. Комар носа не подточит.

Конти задвинул засов входной двери, убрал в карман пустой шприц и, тщательно обыскав ящички стола, нашел фонарик экскурсовода. Увидев стоящий в сторонке ноутбук Берсеи, он решил, что прихватит его на обратном пути. Затем наклонился к трупу и выдернул из его кармана связку ключей.

Конти достал из-под куртки 9-миллиметровый «глок». Лучше, конечно, постараться обойтись без стрельбы. Следы оставлять нежелательно — лишние осложнения ему совершенно ни к чему.

С включенным фонарем Конти шагнул в темноту и захлопнул за собой дверь, замок за его спиной издал громкий чавкающий звук.

В течение пятнадцати минут Джованни Берсеи все дальше углублялся в катакомбы виллы Торлония, делая короткие остановки, чтобы свериться с картой. Он промерз до костей, от тишины звенело в ушах. С каждым поворотом он погружался в вековое наследие смерти. Ему подумалось, что условия для работы не самые блестящие.

Без схемы двигаться по этому лабиринту туннелей было невозможно. Столько проходов — многие оканчивались просто тупиками, — один похож на другой, а под землей чувство направления исчезало напрочь. Берсеи не страдал клаустрофобией, и ему много раз приходилось бывать в подземных захоронениях куда более унылых, чем это. Но никогда он не оставался в одиночестве... в гигантской могиле.

Судя по карте, находится он примерно в полукилометре от входа. До места осталось совсем немного.

Впереди левая стена переходила в широкую арку — вход в погребальную камеру, называющуюся кубикулум*. Прежде чем войти, Берсеи остановился и вновь сверился с картой, дабы убедиться, что не напутал. Убрав карту в карман, он глубоко вздохнул и шагнул вперед.

Проведя лучом по стенам, он осмотрел просторное квадратное помещение, вырубленное из ноздреватого туфа. Здесь не было локулей — рабочее пространство прежде занимали тела, которые выкладывали тут для подготовки к погребению.

* Cubiculum (лат.) — спальня, опочивальня.

нию. В углу стояла пара амфор, в них, вероятно, прежде хранили ароматические масла и пряности.

Пол был выложен витиеватым орнаментом из плиток, стены оштукатурены и украшены скорее в иудейском стиле — прежде всего менорами* и красочными изображениями Второго храма и Ковчега Завета.

Выйдя в центр помещения, Берсеи запрокинул голову и нацелился фонарем вверх. Если память ему не изменяет, то, что он больше всего хотел увидеть, находится здесь. В тот самый миг, когда взгляд его нашел изумительную фреску, покрывавшую высокий свод, у него перехватило дыхание.

Быстро выключив фонарик, Сальваторе Конти напряженно прислушивался в отдаленные звуки, доносящиеся из каменного лабиринта. Он прекрасно чувствовал себя в темноте, и тот факт, что вот уже второй раз за неделю он оказывался в гробнице, никак не сказывался на его решимости.

Абсолютно не подозревая о своем преследователе, антрополог не делал никаких усилий, чтобы как-то приглушить шаркающие звуки своих шагов. И редкие остановки для того, чтобы заглянуть в карту, только усложняли его положение.

Конти был уже близко. Очень близко.

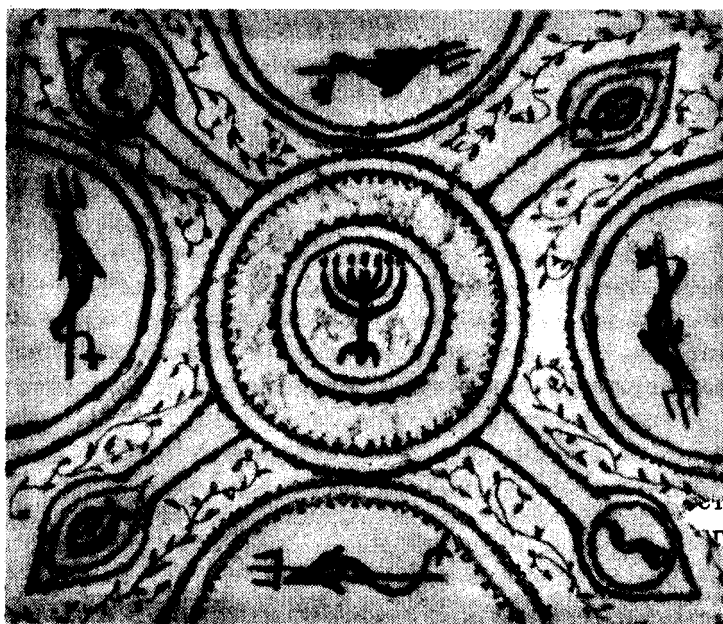
Он осторожно высунул голову из-за угла. Из арочного входа футах в сорока впереди по узкому туннелю струился зыбкий свет.

Заведя руку за спину, Конти заткнул «глок» за ремень. Не включая фонарика, он тихо снял куртку и ботинки и сложил все у стены вместе с фонариком. Минотавр продолжает преследование.

Взгляд Джованни Берсеи был прикован к парящим над ним образам.

В центре располагалась менора, вписанная в концентрические окружности, напоминающие солнечные лучи, — все

* Менора — храмовый семисвечник.

это вместе находилось в центре огромного креста, увитого виноградными лозами.

Концы креста венчались округлыми формами, а в каждой из них были нарисованы другие символы. Шофар, церемониальный рог, возвещавший о приходе еврейского Нового года*; этроги — по форме напоминающие лимоны, используемые иудеями для ритуала празднования Суккот**, — эти изображения вызывали невольное восхищение.

Между перекладинами креста находились четыре полукруга, которые — Берсеи готов был поклясться! — намеренно расположили как секторы компаса. Каждый содержал

* Шофар — древний духовой музыкальный инструмент, бараний рог, в который трубят во время синагогального богослужения на Рош ха-Шана (еврейский Новый год) и Йом-киппур (Судный день, или День искупления).

** Суккот (древнеевр. «кущи») — семидневный праздник, начинающийся в 15-й день месяца тишрей, в память о кущах, в которых жили израильтяне в пустыне после исхода из Египта.

символ, выгравированный на стенке оссуария: дельфина, обвившегося вокруг трезубца. Раннехристианское изображение Иисуса Христа — дельфин, переносивший души в загробную жизнь, соседствовал с физическим олицетворением Троицы.

Охваченный дрожью, Берсеи зажал фонарь под мышкой и потянулся в нагрудный карман за ксерокопией свитка.

— Боже мой, — пробормотал он.

То же самое изображение — репродукция потолочной фрески — было под текстом на греческом языке, написанном почти два тысячелетия назад Иосифом Аримафейским. Именно этот рисунок привел его сюда. Насколько знал Берсеи, фреска была единственной в своем роде.

Но это невозможно!

Подобное переплетение иудейских и христианских мотивов изумляло само по себе, однако то, что Иосиф был как-то связан с этим местом, казалось уму непостижимо. Луч фонаря Берсеи скользнул по стене и остановился на фреске Ковчега Завета. Несомненно, между изображениями существует связь. Об этом открыто говорится в послании Иосифа, копия которого сейчас у него в руках. Но что общего у Иосифа и Иисуса было со священной Скинией и Ковчегом Завета? Гипотезы просто потрясали воображение.

Переключив внимание на проход в дальней стене кубикулума, Джованни перешел в другую камеру. Если древние строители придерживались стандартного дизайна усыпальниц, то комната для погребальных приготовлений должна примыкать к погребальной камере или ячейке. Следовательно, вполне логично будет предположить, что останки членов семьи, владевшей кубикулумом, должны были находиться в ячейках.

Берсеи весь горел от возбуждения. Неужели он отыскал усыпальницу Иосифа из Аримафеи?

Он двинулся в глубь камеры. Как он и ожидал, в стенах обнаружили аккуратно высеченные ячейки.

Поразительно!

Луч скользил по стене — Берсеи считал ниши.

Десять.

Девять из них были совсем скромными, лишенными самых немудреных каменных украшений. Но одна ячейка в задней стене выделялась из всех. Большинство антропологов сразу же высказали бы догадку, что здесь погребен глава семьи. Но, изучив вблизи ossuaries Иисуса, Берсеи мгновенно обратил внимание на замысловатые розетки и штрихованные узоры рамки, окаймлявшей именно эту нишу: просматривалась рука того же резчика по камню, что украшал ossuaries.

Охваченный благоговейным страхом и раскрыв рот, Берсеи шагнул вперед. Воображение сорвалось в полет — он направил луч прямо в нишу, достаточно большую, чтобы там поместилось расprostертое тело. Конечно, пусто. Тут же луч выхватил символ, вырезанный в верхнем углу рамки. Дельфин, обвившийся вокруг презубца.

Вот это да!

Неужели Иосиф Аримафейский на самом деле доставил тело Иисуса после распятия в Рим? Если так, то зачем? Берсеи попытался привести мысли в порядок и направить их на осмысление этой потрясающей гипотезы. Может, чтобы спрятать? Но разве близ Голгофы в Иерусалиме не нашлось свободной гробницы? Может, здесь кроется объяснение тому, почему во всех Евангелиях рассказывается о пустой гробнице?

Это и вправду казалось лишенным смысла. Если семья Иосифа жила в римском иудейском гетто, то самым разумным было бы спрятать тело Христа здесь, вдали от бдительного ока Синедриона и Понтия Пилата. И особенно при необходимости соблюдения традиционных погребальных ритуалов, подразумевающих помещение тела в ячейку на целый год.

— Доктор Берсеи. — Мертвую тишину взорвал резкий голос.

В испуге Берсеи подскочил и резко обернулся, выставив перед собой фонарь. Подспудно ожидая увидеть зловещий призрак, жаждущий наказать его за вторжение в усыпальни-

цу, он тем не менее испугался еще больше, когда луч выхватил из мрака мощную фигуру Конти. Он появился, не издав ни малейшего звука, и был одет во все черное, словно материализовался из стены гробницы.

— Не надо, а? — щурясь, показал на фонарь Конти.

С бешено колотящимся в ребра сердцем Берсеи опустил луч к полу. Он заметил, что Конти без обуви. И на первый взгляд без оружия.

— Как вы сюда попали? — К своему ужасу, ответ он уже знал.

— А вы что здесь ищете, доктор? — Конти проигнорировал вопрос.

Берсеи не ответил.

Конти подошел к антропологу и выхватил у него из руки ксерокопию.

— Провожу исследование. Только и всего. — Кляня себя за вырвавшуюся ложь, Берсеи отступил на шаг и прижался спиной к стене гробницы.

— За идиота меня держите? Я в курсе, что вы перекачали файлы из лабораторного компьютера. Их вы тоже собираетесь передать детективу Перарди?

Берсеи лишился дара речи. Откуда Конти знает о Перарди? Он ведь звонил из дома. Внезапная слабость охватила его. Неужели Ватикан прослушивает его телефон?

— Воровать нехорошо. А воровать у Ватикана... это же просто не по-христиански. Вы меня удивляете, доктор Берсеи. Но вы же умный человек... Я вам сейчас кое-что объясню. — Конти повернулся и шагнул к центру гробницы, намеренно выставив напоказ заткнутый за пояс «глок». — Ну-ка, идите сюда, посветите мне. — Он направился к центру кубикулума.

На непослушных ногах Джованни Берсеи побрел в первую комнату и направил свет вверх, к своду потолка. Рука его дрожала — дрожал и луч фонаря.

Конти несколько секунд рассматривал замысловатый рисунок фрески, а затем сравнил его с изображением на листке.

— Вот ты что накопал, значит, — одобрительно сказал он. — Молодцом. Кто бы мог подумать, что ящик родом отсюда? Иосиф-то, похоже, толковый был мужик.

Берсеи нахмурился.

— А ты, похоже, решил, что он притащил сюда тело Иисуса, — продолжил Конти, — перед тем как загрузить кости в ящик и отправить их назад в эту песочницу в Святой земле. Вот уж не думал, что библиотекарь или папские дружки так дальновидны.

Берсеи опешил от прямоты Конти и его беспардонного пренебрежения ко всему, о чем шла речь. Более того, он пришел в ужас оттого, что Конти только что подтвердил его подозрения. Ватикан в курсе похищения, Ватикан был напрямую вовлечен в это, а Сальваторе Конти каким-то образом способствовал Ватикану. Вор-профессионал. Бесшумный лазутчик и преследователь.

«Тринадцать погибших израильтян, — мелькнуло в голове Джованни. — Что значила еще одна человеческая жизнь для такого, как Конти? Особенно в масштабах этой грязной игры».

Тут же мысли перескочили к жене и трем дочерям. Во рту у него пересохло.

С невозмутимым спокойствием Конти свернул листок и убрал в карман брюк. И так же спокойно потянулся за спину за «глоком».

Сообразив, что сейчас произойдет, Берсеи отреагировал инстинктивно и расколотил фонарь о каменную стену за спиной. Резкий металлический лязг, хруст разбитого стекла — и кубикulum накрыла черная тьма.

Мгновением позже Конти нажал на спуск, пламя выстрела разрежало темноту достаточно далеко, чтобы успеть заметить: ученый уже удирал прочь на четвереньках. Конти выдержал короткую паузу, чтобы оценить расстояние по звуку его движений, прежде чем второй раз выстрелить, — еще одна вспышка с последовавшим за ней опасно близким рикошетом, который едва не оторвал Конти ухо. Хотя в его на-

мерение входило всего лишь напугать ученого, а не пристрелить его, целиться следовало более тщательно.

— Черт! — рявкнул Конти. — Как же меня достала эта игра!

Игрой, разумеется, считалась жалкая попытка любой жертвы спастись от такого бывалого охотника, как Конти. Он вновь прислушался, надеясь, что Берсеи направится к выходу из катакомб. Но, к его удивлению, наклон пола и звуки шагов свидетельствовали об обратном: антрополог ретировался в противоположном направлении, в глубь лабиринта.

Прежде чем начать преследование, Конти ощупью пробрался на несколько метров назад, чтобы подобрать фонарик и ботинки. Обувшись, он включил фонарь и устремился по узкому туннелю, желтый луч света раскачивался в такт движению его руки.

Джованни Берсеи получил фору на старте, но, не имея перед глазами карты катакомб, насыщенных туннелями, которые тянулись на сотни метров и порой обрывались тупиками, вдруг запаниковал. Необходимо было взять себя в руки, прежде всего вспомнить карту... или еще что-то... Он отогнал эту мысль прочь.

Прорубленные в скале коридоры разносили предательское эхо его шагов.

Было что-то сверхъестественное в этом стремительном бегстве сквозь черную темень, сбивающее с толку и дезориентирующее. Взгляду не за что было зацепиться, и Берсеи вытянул вперед руку, словно в попытке занести мяч за линию гола в американском футболе*, не переставая молиться о том, чтобы не врезаться лицом в стену. На его беду, по мере того как он все дальше углублялся в катакомбы, дышать становилось труднее: воздух неприятно отдавал резкими запахами мокрой земли и химикатов, которые он не мог толком распо-

* В американском футболе команде засчитывается шесть очков, когда мяч или игрок с мячом пересекает линию гола противника.

знать. Скорее всего, ядовитыми газами — самой серьезной природной опасностью катакомб.

Правым плечом Берсеи ударился о стену, его развернуло на ходу, и он едва не упал. На мгновение остановившись, чтобы удержать равновесие, Джованни возобновил движение, чуть отклоняясь от стены. Хватая ртом воздух и задыхаясь, выбросил руки вправо и ощупал стены в поисках прохода, моля Бога: только бы не тупик! Ничего — только пустые ниши локулей. Мелькнула мысль: а может, спрятаться в одну из них? Нет, учащенное дыхание непременно выдаст его. Он развернулся на сто восемьдесят градусов и сделал шаг к другой стене. Снова камень.

«Господи Боже, помоги мне!»

Пробираясь ощупью вдоль стены, Берсеи свернул направо, и тут под руками его оказалась пустота. Проход не обрывался тупиком, он лишь делал резкий поворот влево.

Стоило Берсеи свернуть за угол, как он готов был поклясться, что заметил отдаленный свет, напоминавший одиночную звезду в ночном небе. И тут же услышал равномерный топот ног бегущего Конти — с каждой секундой он становился все громче.

Берсеи опрометью кинулся в темноту, положившись только на веру, что вновь не врежется в стену. Через несколько секунд ноги его вдруг зацепили что-то на полу, и он со всего маху полетел на какие-то банки из-под краски, ударившись головой о металлический ящик.

Глаза полоснуло ослепляющим светом, и острая боль расколола череп. Берсеи яростно выругался, решив, что вспышка света — результат ушиба головы. Однако, открыв глаза, он понял, что смотрит прямо на включенную лампу рабочего освещения. Проморгавшись, он разглядел, что находится в той части туннеля, где все еще проводились реставрационные работы. Инструменты, кисти и банки были разбросаны по всему проходу. Толстый кабель обвил лодыжки, и, падая, Берсеи включил освещение. Он отбросил в сторону банки, вскочил на ноги, едва обратив внимание на великолепные фрески, которые восстанавливали реставраторы.

Шаги за спиной участились — они были совсем близко.

Ящик с инструментами, в который он врезался, лежал раскрытым, а сверху торчала ручка плотницкого молотка. Берсеи схватил его и побежал.

Конти свернул за угол — отсюда в туннель струился загадочный свет. У него начала немного кружиться голова, не от бега, а от раздражающе едкого воздуха, наполнявшего легкие. Сбавив ход, чтобы пробраться через наваленные на пол инструменты, он ударил по светильнику и расколотил его.

Проход впереди разбегался в трех направлениях. Устремившись в средний коридор, он помедлил, пытаясь справиться с одышкой, и прислушался.

Конти направил луч фонаря вперед, перед собой. Там, похоже, тупик. Затем повернул направо и направил фонарь вдоль этого коридора, плавно изгибавшегося и исчезающего в темноте. Левый туннель так же плавно поворачивал.

Он вновь прислушался. Тишина. Наконец он решился и сделал выбор.

Иерусалим

Грэм Бартон сидел в тесной камере полицейского участка Сиона, уперев мрачный взгляд в тяжелую железную дверь. Выходит, его арестовали как организатора похищения на Храмовой горе. Глубоко в душе зрела уверенность, что против него ополчились не просто так — возможно, нашлась подходящая политическая причина.

Этим утром израильская полиция наконец разрешила ему позвонить супруге. Учитывая семичасовую разницу во времени, Дженни была очень взволнована, когда ее вырвали из крепкого сна. Она сразу и безоговорочно поверила в невиновность мужа.

— Грэм, успокойся, я знаю, ты никогда не пойдешь на такое. — Заверив его, что немедленно начнет действовать, Дженни сказала на прощание: — Люблю тебя, родной мой. Я здесь поборюсь за тебя.

Бартон едва не прослезился, сейчас, когда все казалось беспросветным и зыбким, он обрел нечто более ценное, чем свобода.

Дверь открылась, и на пороге возникла знакомая фигура. Разак!

Явно расстроенный, мусульманин сел верхом на единственный свободный стул; дверь за ним заперли снаружи.

— Какая неприятность, Грэм. — Он не скрывал разочарования.

Разак всегда хорошо разбирался в людях. И хотя полиция представила достаточно серьезные доказательства вины археолога, он не мог избавиться от ощущения, что англичанина подставили.

— Это заговор, — настаивал Бартон. — Я не имею никакого отношения к краже. И вам больше, чем кому бы то ни было, это известно.

— Вы пришли мне по душе, Грэм. И человек вы, наверное, хороший, но, поверьте, я просто не знаю, что думать. Они сказали, что обнаружили в вашей квартире очень серьезную улику. Такую мог оставить только похититель.

— Этот перфоратор кто-то подбросил! — запротестовал Бартон. — И вы знаете так же хорошо, как я, что свиток был в том оссуарии. — Во взгляде мусульманина он заметил тень недоверия. — Ради всего святого, Разак! Вы должны сказать им, что свиток был в оссуарии.

Разак развел руками.

— В тот момент я стоял к вам спиной, — напомнил он.

Он все же сомневался: а вдруг Бартон намеренно устроил этот фарс с открыванием оставшихся оссуариев, чтобы как-то оправдать находку свитка. Но зачем, с какой целью? Прославиться? Дискредитировать право мусульман на Храмовую гору, уводя расследование в область территориальных споров? Или чтобы взвалить вину на фанатиков-христиан?

— Ну да... понял, — упавшим голосом проговорил археолог. — Вы с ними заодно.

— А что там с остальными оссуариями?

Бартон взвился.

— Да как может человек с моей комплекцией унести девять оссуариев весом тридцать пять кило каждый на глазах у ВАКФ и полиции?! Это ж не спичечные коробки, которые можно спрятать в кармане! — Он саркастически усмехнулся. — Вы разве не видели, что в эти дни творится в городе?

Всюду понатыканы системы наблюдения. Да нужно-то всего лишь отмотать назад пленку записи видеонаблюдения, и они увидят, что я там шагу без вас не ступил.

Разак молчал, глядя в пол.

— Но даже если б я умудрился украсть их — где бы я их хранил? В своей квартире? Там они уже искали. Далее вы выдвинете предположение, что это я стер надпись с настенной таблички, потому что увидел ее первым, до вас, так?

— О чем это вы? — Мусульманин вскинул лицо.

— О десятой строке на табличке. Помните, там затерто? Теперь Разак понял, о чем речь.

— Помню.

— Накануне вечером майор Тополь показал мне фотографию, сделанную *до того*, как я приступил к работе. На фотографии — символ, который изначально был там.

— И что это был за символ? — Разаку не понравилась эта новость.

У Бартон не было настроения пускаться в очередной исторический экскурс.

— Языческий. Дельфин, обвивший трезубец. — Разак вопросительно поднял брови, пытаясь осмыслить услышанное. — Раннехристианское изображение Иисуса, символизирующее распятие и воскресение.

Разак растерялся. Если сказанное правда, то это существенно укрепляет предположение Бартон о владельце усыпальницы и содержимом похищенного оссуария. Он покачал головой.

— Я уже не знаю, чему верить...

— Вы должны мне помочь, Разак. Вы единственный, кто знает правду.

— Правда — редкий товар в этой части света. — Мусульманин отвел глаза. — Даже если б она существовала, сомневаюсь, что я распознал бы ее.

Он вдруг остро почувствовал, что в ответе за этого англичанина. Интуиция Бартон относительно хищения оказалась практически безупречной, ему удавалось постигнуть то, что

другим было не под силу. И вот сейчас он ждал предъявления обвинений. Разaku много раз приходилось наблюдать подобную тактику израильских властей в действии. Но неужели именно Бартон стал подходящим козлом отпущения для израильтян? Такой вариант создавал проблему совершенно иного плана.

— У меня есть хоть какая надежда?

— Ну, надежда всегда есть. — Разак развел руками.

В душе, однако, он был уверен, что выпутаться Бартону будет невероятно трудно.

— Вы ведь не собираетесь добиваться отмены расследования?

— Вы должны понять нашу позицию, — вздохнул Разак и засомневался: понимает ли он ее сам.

— Какую именно?

— Мир. Стабильность. Вы же в курсе того, что произошло вчера, — сказал он, имея в виду взрыв. — Если что-то не изменится, то все это будет только началом. Слухи о вашем аресте уже начинают разжигать ажиотаж. Вновь начались споры. Людям надо найти виноватого — причем не еврея и не мусульманина.

— Очень удобно. — Археолог понял, что этот разговор бесполезен.

— По сути, главная проблема тут — политическая. — Разак наклонился вперед. — Понимаю, насколько это ужасно. Но если нет вины, то нет и решения. Обвини человека, и пострададет один человек. Обвини страну, и окажется, что проблемы только начинаются.

— Вот, значит, каким образом вы решили положить этому конец?

— Конца этому не будет никогда. — Разак поднялся на ноги и постучал в дверь камеры. Уже на пороге он задержался и обернулся к Бартону. — Я должен как следует обо всем подумать, Грэм. И обещаю: я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Однако я не могу свидетельствовать о тех вещах, в достоверности которых у меня нет уверенности.

И знаю, вы поймете меня и с уважением отнесетесь к моим чувствам.

С тяжелым сердцем он вышел из камеры.

Когда несколько минут назад Разак открывал дверь полицейского участка, тротуары были пустынные. Но сейчас, когда он вышел на резкий солнечный свет, глазам его представила совершенно иная картина.

Более десятка репортеров ожидали у входа, и, судя по их бурной реакции на появление Разака, поджидали они именно его. С камерами на плечах, держа, словно шпаги, в вытянутых руках микрофоны, представители массмедиа злобным роем устремились к нему.

— Мистер аль-Тахини! — привлек его внимание первый вырвавшийся вперед.

Разак замер, сознавая, что конфронтация сейчас неизбежна и в каком-то смысле необходима. В конце концов, он ведь представляет здесь ВАКФ.

— Слушаю вас.

— Это правда, что полиция арестовала человека, на чьей совести похищение на Храмовой горе?

Будто повинувшись неслышному приказу, медиасемейство разом умолкло, с тревожным нетерпением ожидая ответа.

Разак прочистил горло:

— Полной ясности пока нет. Полиция перепроверяет факты.

Другой репортер выкрикнул:

— А вы сами — разве вы не работали с этим человеком? С английским археологом Грэмом Бартоном?

— Это так. Мне поручили участвовать в расследовании, как и мистеру Бартону, чье участие мы посчитали чрезвычайно важным для понимания мотивов похитителей.

Первый репортер вновь вступил в бой:

— А что вы чувствуете сейчас, когда именно он стал главным подозреваемым в организации похищения?

«Осторожно, — скомандовал себе Разак. — Смотри не навреди Бартону еще больше. И своим мусульманским и палестинским доверителям тоже».

— Конечно, я обеспокоен необходимостью прийти к определенному решению, однако уверен, что на многие вопросы еще предстоит найти ответы, прежде чем кто-либо решится предъявить обвинения этому человеку. — Разак сердито взглянул на репортера. — А сейчас прошу меня извинить, — закончил он и стал проталкиваться через толпу.

Рим

Свернувшись калачиком в нише, расположенной высоко над полом в стене туннеля, Джованни Берсеи маленькими глотками втягивал воздух, отчаянно пытаясь успокоиться и надеясь, что Конти ошибочно выберет другой туннель и отправится по нему в глубь катакомб. А уж если совсем повезет — убийца отравится ядовитыми испарениями и потеряет сознание.

«Вот только бы не отключиться первому, — подумал Берсеи. Он с силой сжал ручку плотницкого молотка. — С молотком против пистолета?»

Тянулись минуты. Сгущалась тишина.

Еще немного — и он решил было выбираться в туннель. Однако тут же отпрянул и вжался в камень. Слабый отсвет вдруг поплыл по неровной стене напротив его ниши. Конти!

Безуспешно обыскав два туннеля, Конти вернулся к тому месту, где Берсеи споткнулся о кабель и упал. Он внимательно огляделся: все осталось на своих местах. Нет, назад его жертва не проходила — невозможно в таком захламленном месте, да еще в темноте, не оставить после себя беспорядка.

Двинувшись по третьему проходу, Конти ощутил едва заметное дуновение. Воздух здесь казался менее вонючим. Возможно, где-то поблизости располагалась вентиляционная шахта.

Его начинала забавлять сама мысль о том, что Берсеи мог его перехитрить. Однако ненадолго; единственная дверь, ведущая отсюда, была заперта.

Медленно продвигаясь по туннелю, Конти заметил впереди слабенький свет. Выход наружу?

Его охватила паника. Скорее всего, вентиляционная шахта, однако достаточно широкая, чтобы через нее можно было выбраться. Конти рванулся вперед.

Не успел он пройти и десяти метров, как на высоте его роста от стены отделилось что-то темное и устремилось к нему так быстро, что наемник не успел среагировать. Тяжелый удар пришелся в правый висок: Конти рухнул навзничь, глухо стукнувшись головой о пол туннеля.

Фонарик покатился в сторону, но «глок» остался в стиснутых пальцах — сработал инстинкт.

Оглушенный Конти едва разглядел скрюченную фигуру, выползающую из стены, словно оживший труп. Спрыгнув на пол, Берсеи кинулся к фонарику.

В глазах все плыло и двоилось, но Конти успел заметить, как что-то, вращаясь в воздухе, летит к нему. Последовал сильный удар в грудь. Молоток? Подняв «глок», он нажал на спуск не целясь — просто чтобы не дать Берсеи нанести второй удар.

В тот миг, когда Конти попытался собраться с силами, туннель погрузился во тьму.

Берсеи бежал к источнику света, благодаря Бога за то, что Конти промахнулся. С ужасом думая, что проход может оказаться тупиком, он сосредоточился на ярком конусе солнечного света в конце туннеля, дарившего ему надежду на спасение. Вот и ветерок в лицо стал ощутимее. Ну а вдруг, вдруг он вырвется из этого жуткого места живым?

Однако буквально в паре метров от шахты Берсеи, поскользнувшись, остановился у самого края зияющего в полу провала — именно здесь солнечный свет проливался в широкую, с рваными краями яму. Берсеи уставился вниз, в пропасть с каменным дном глубиной в четыре-пять этажей.

Нижние галереи! Внизу располагались еще три уровня, припомнил он. Наверное, реставраторы открыли вентиляционную шахту, чтобы ускорить отток инертных подземных газов.

Боже, помоги мне!

Он перевел взгляд на источник света. Шахта слишком широка — вскарабкаться невозможно. Хуже того, высоко вверху выход преграждала массивная железная решетка. Отчаяние тисками сдавило сердце Берсеи.

Внезапно за спиной он услышал легкий шум.

Берсеи обернулся, как раз чтобы успеть увидеть, как тело Конти летит к нему, будто реактивный снаряд. Босые ноги убийцы вонзились прямо в грудь, от страшного удара Джованни перелетел через провал и врезался спиной в стену за ним.

Фонарь, кувыркаясь в воздухе, полетел в шахту и разбился о камни где-то далеко внизу.

Долю секунды Берсеи висел в воздухе, будто прилипнув к скале и упираясь ногами в узкий карниз между стеной и провалом. Но удар о стену был настолько силен, что удержаться не удалось, и тело качнуло вперед. Инстинктивно Джованни оттолкнулся от стены, швырнув тело на другую сторону шахты. Пальцы судорожно сжались и заскользили по краю провала. Зацепиться было не за что.

Мелькнувшие перед глазами острые зубья камней — последнее, что видел Берсеи, прежде чем удариться о дно шахты.

Конти подошел к провалу и заглянул вниз. На скалистом дне, изогнувшись в неестественной позе, лежал Берсеи, из разбитой головы вытекала кровь, кости торчали наружу сквозь кожу.

Наемник улыбнулся. «Чистое» убийство, а ведь объявят несчастным случаем. Пройдут дни или даже недели, прежде чем тело обнаружат. Здесь никто не обратит внимания на смрад разлагающейся плоти. В конце концов, именно для этого катакомбы и предназначены.

Возвращаясь по туннелям, Конти подобрал свою обувь, пистолет и куртку. Ему даже удалось найти пули и стреля-

ные гильзы от «глока». Он всегда строго придерживался правила: никогда не оставлять «подарков» для баллистиков. Вот почему на дело в Иерусалиме он брал «ХМ8». А эти слизняки наверняка до сих пор гоняют своих следователей, чтобы те выяснили, каким образом опытные образцы стрелкового оружия, место которым в каком-нибудь армейском бункере США, оказались в руках неизвестных наемников.

Конти отпер дверь и вышел в фойе. Вернув ключи в карман уже окоченевшего гида, он взял сумку с ноутбуком, отодвинул засов, вышел наружу и прикрыл за собой дверь. Чуть постояв, чтобы глаза привыкли к яркому солнечному свету, Конти подкатил мотороллер Берсеи к взятому напрокат белому микроавтобусу «фиат». Распахнув задние двери, он поднял его и упрятал в багажное отделение. Сев за руль, он кинул быстрый взгляд в зеркало. Шишка размером с грецкий орех багровела на правом виске. К счастью, Берсеи немного не рассчитал удар, иначе бы он просто отключился.

С учетом всех обстоятельств, это была неплохая работа.

Ватикан

Без десяти десять в лабораторию вошел отец Патрик Донован, выглядел он так, будто не спал несколько дней. На боку у него висел кожаный ранец.

— Доброе утро, доктор Хеннеси.

Шарлотта, сидевшая рядом с оссуарием, подняла глаза и кивнула.

Донован оглядел лабораторию, ища взглядом антрополога.

— А доктор Берсеи здесь?

— Я хотела позвонить вам, предупредить. Он еще не пришел.

Врать она не умела и не любила. Но сейчас, ради Джованни, Шарлотта неожиданно для себя изо всех сил постаралась, чтобы ее слова выглядели убедительно.

— Очень странно. — Священнику сразу же пришло в голову, что Конти замыслил что-то недоброе. Когда Донован вошел в коридор, он заметил, что комнатка для наблюдения не заперта и пуста. Похоже, Конти пришлось в спешке покинуть ее. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— Я понимаю, о чем вы. Опаздывать — это на него не похоже.

— Особенно на серьезное мероприятие, — добавил Донован. — Я очень надеялся увидеть его сегодня на презентации. Вы одна справитесь?

— Конечно, — ответила Шарлотта, внутренне содрогаясь. Как же она осилит все одна? Что, если Берсеи прав? И ей угрожает опасность здесь, в Ватикане? Единственным утешением было инстинктивное ощущение, что этот священник защитит ее. В людях Шарлотта ошибалась редко.

Донован взглянул часы.

— Вот теперь нам точно пора. Очень не хотелось бы опаздывать.

Заставив себя улыбнуться, Шарлотта забросила сумку с ноутбуком на плечо, взяла в руки объемистый портфель с материалами презентации и вслед за Донованом вышла в коридор:

— Куда мы направляемся?

— В кабинет государственного секретаря Ватикана, кардинала Антонио Карло Сантелли.

Поравнявшись с центральным коридором Апостольского дворца, Донован украдкой бросил взгляд на шагавшую рядом Шарлотту. Он заметил в ее глазах тот же благоговейный трепет, что испытал когда-то сам, придя сюда впервые.

— Производит впечатление, да?

— Ода. — Она попыталась успокоить расшалившиеся нервы, разглядывая двух вооруженных с ног до головы швейцарских гвардейцев, стоявших вдоль коридора. — Просто дух захватывает.

— А этажом выше живет Папа. — Священник показал рукой на высокий потолок.

У охраняемого входа в кабинет кардинала Сантелли Донован и Шарлотта без проволочек получили дозволение следовать дальше и в сопровождении гвардейца направились в приемную, где, приветствуя их, из-за стола поднялся отец Мартин.

Донована не слишком взволновало решение кардинала устроить встречу здесь. Чем руководствовался Сантелли? Желанием продемонстрировать, что будет поставлено на карту, если доктор Хеннеси на самом деле о чем-то догадывается?

— Рад тебя видеть, Джеймс. — Донован пожал руку молодому священнику, стараясь не обращать внимания на темные круги у него под глазами.

Он представил Шарлотту, затем попросил связаться по селектору с лабораторией и узнать, не пришел ли доктор Берсеи.

Мартин обошел стол, чтобы выполнить просьбу. Гудки длились секунд двадцать — ответа не последовало. Он покачал головой:

— Извините, но никто не берет трубку.

Донован повернулся к Шарлотте.

— Увы, придется вам в одиночку... — извиняющимся тоном проговорил он.

Неожиданно проснулся интерком на столе у Мартина.

— Джеймс, — раздался из крохотного динамика хриплый голос. — Я просил вас принести отчет еще десять минут назад. Какого черта вы тянете?

Молодой священник закатил глаза и натянуто улыбнулся.

— Секундочку, прошу меня извинить. — Он наклонился над столом и нажал кнопку интеркома: — Он у меня с собой, ваше преосвященство. Извините за задержку. Да, прибыли отец Донован и доктор Хеннеси.

— Ну так чего вы ждете? Впустите их!

Нервно схватив папку со стола, отец Мартин повел гостей в кабинет Сантелли.

Кардинал сидел за столом и заканчивал разговор по телефону. Он кивнул вошедшим и протянул руку к Мартину, требуя папку. Как только священник передал ее, Сантелли отмахнулся от него, как от москита, небрежным жестом указав на дверь.

— Он весь ваш, — шепнул Мартин Доновану, ретируясь в приемную.

Глядя на внушительную фигуру восседавшего за столом Сантелли, Шарлотта внезапно подумала, что была слишком поглощена мыслями о Джованни и жуткой шпионской камерке Конти и не удосужилась обсудить с Донованом требования этикета. Завершив разговор, кардинал поднялся: высокий, суровый, лицо приятное и в то же время строгое. Когда Сантелли обходил массивный письменный стол, Шарлотта,

взглянув ему в лицо, готова была поклясться, что кардинал недавно бросил пить, хотя при этом он, несомненно, производил впечатление человека властного и очень сильного.

— Доброе утро, отец Донован. — Кардинал вытянул правую руку и сложил пальцы, будто сжимая рукоять невидимой трости.

— Ваше преосвященство. — Донован сделал шаг вперед и чуть склонился, чтобы поцеловать священное кольцо кардинала, скрывая отвращение к высокомерному жесту. — Ваше преосвященство Антонио Карло Сантелли, позвольте представить вас доктору Шарлотте Хеннеси, известному генетику из Финикса, штат Аризона.

— А, да, — широко улыбнулся Сантелли. — Я много слышал о вас, доктор Хеннеси.

Очевидно, на лице Шарлотты, когда она подошла поздороваться, промелькнула тень паники, и кардинал просто протянул ей руку. Она с облегчением пожала широченную лапу Сантелли, ощутив мускусный запах его одеколона.

— Встреча с вами — большая честь для меня, ваше преосвященство.

— Благодарю вас, моя дорогая. Вы очень добры. — На мгновение смущенный красотой Шарлоты, он не сразу отпустил ее руку. — Пойдемте присядем. — Плавнo обхватив ладонью ее плечo, кардинал указал на круглый стол переговоров из красного дерева в другом конце кабинета.

Сантелли шагал в ногу с Шарлоттой, не отрывая руки от ее плеча, Донован следовал за ними. Он всегда изумлялся преображениям Сантелли, умудрявшегося, когда это было необходимо, прямо-таки излучать очарование. Волк в овечьей шкуре.

— Я с нетерпением ожидал возможности обсудить с вами тот невероятный проект, над которым вы трудитесь, — с воодушевлением проговорил кардинал. — Отец Донован уже поведал мне о стольких поразительных находках!

Когда все устроились в кожаных креслах, Донован вкратце изложил суть проекта, чтобы ввести кардинала в курс ис-

следования реликвии, предоставленной ученым. Затем извинился за доктора Берсеи, который не смог прибыть на встречу по объективным причинам личного плана.

— Надеюсь, ничего серьезного? — обеспокоенно спросил кардинал.

— Уверен, с ним все в порядке. — Хранитель архива на это очень надеялся.

— Что ж, тогда слово вам, доктор Хеннеси.

Шарлотта вручила Сантелли аккуратно переплетенный отчет, а Доновану передала вторую копию. Раскрыв ноутбук, она подождала, пока тот запустится.

— Нашей первоочередной задачей был патолого-анатомический анализ скелета... — начала она, отринув волнение и полностью сосредоточившись на научной стороне дела.

Шаг за шагом она показала обоим представителем Ватикана слайд-шоу четких, увеличенных цветных фотографий, зафиксировавших отклонения от нормы, обнаруженные у скелета: рассечения, раздробленные колени, поврежденные запястья и ступни.

— На основе всего того, что вы видите, мы оба, доктор Берсеи и я, пришли к заключению, что причиной смерти представленной особи мужского пола, погребенной в оссуарии, — надо отметить, что во всех иных отношениях он обладал отменным здоровьем, но скончался в возрасте чуть более тридцати лет, — явилась... казнь.

Сантелли удалось изобразить на лице удивление.

— Казнь?

Шарлотта взглянула на Донована: он казался таким же озадаченным, но кивком предложил ей продолжить. Вновь переведя взгляд на кардинала, она быстро уточнила:

— Он был распят.

Слова повисли в воздухе, возникла долгая пауза.

Сантелли подался вперед, положил оба локтя на стол и выдержал взгляд генетика.

— Понятно...

— И данные судебной экспертизы со всей очевидностью подтверждают это, — добавила Шарлотта. — Более того, в по-

тайном отделении внутри оссуария мы нашли вот эти предметы.

Сияясь унять дрожь в руках, она достала из сумки три пластиковых пакета. Кладя первый на стол, женщина постаралась, чтобы гвозди не звякнули о полированную поверхность. Далее последовал пакет с двумя монетами. В третьем был металлический цилиндр.

Сантелли и Донован внимательно осмотрели каждую находку.

Наибольшее внимание привлекли гвозди, однако тут потребовалось краткое объяснение. Обоим мужчинам, вероятно, пришла в голову та же мысль, что и Шарлотте, когда она впервые увидела их. Что чувствует человек, когда в него вколачивают гвоздь?

Шарлотта подробно разъяснила значение монет. К ее удивлению, и Сантелли, и Донован до сих пор воздерживались от вопросов. Или они уже обо всем знали? Этот ублюдок Конти держал их в курсе всех открытий? Пытаясь отбросить подозрения, Шарлотта сообщила им, что в цилиндре содержался свиток, который еще подлежит изучению. Именно этот предмет на некоторое время привлек внимание отца Донована.

— Мы подвергли радиоуглеродному анализу образцы костей и древесных щепков. — Шарлотта передала священникам две копии сертификатов, присланных Чардини. — Как видите, оба образца датируются началом первого столетия. Дерево, как выяснилось, является редким видом грецкого ореха, характерным для флоры древней Иудеи. В оссуарии были также обнаружены и другие частички органики: цветы, являвшиеся атрибутом погребальной церемонии, и лен. То и другое, опять же, характерно для Иудеи. — Она вывела на экран новые изображения и справочные данные.

— Откуда взялся лен, доктор Хеннеси? — спросил Донован.

— Скорее всего, остатки льняных лент и савана, которыми оборачивали тело, готовя его к погребальной церемонии. — Шарлотта помедлила. — Доктор Берсеи провел мик-

роскопический анализ поверхностного налета, или патины, оссуария... — она продемонстрировала изображения каменной поверхности с различными степенями увеличения, — ...и выяснил, что биологический состав однороден по всей поверхности объекта. Вдобавок содержание минеральных веществ патины соответствует аналогичным реликвиям, найденным в пещерах во всех частях данного региона. И самое главное, ни единого признака ручных манипуляций обнаружено не было.

— Простите, а что означает ваше последнее замечание? — поинтересовался Сантелли.

— Всего лишь то, что патина — не подделка, то есть она нерукотворна и не создана при помощи современных химических препаратов. А из этого следует, что оссуарий и его гравировки подлинны.

«Да вы наверняка уже в курсе», — подумала Шарлотта.

Она вывела на экран трехмерные изображения скелета и развернула ноутбук дисплеем к слушателям.

— Отсканировав скелет, мы определили мышечную массу образца. — Шарлотта поработала мышкой, и на мониторе появилась кроваво-красная мускулатура. Она выдержала паузу, дав обоим время рассмотреть изображение, затем добавила к нему монохромную «кожу». — Проанализировав генетическую информацию, считанную нами из образца ДНК, мы воссоздали внешность этого мужчины на момент его смерти. И вот что получилось.

Она легонько стукнула пальцем по кнопке мышки, и экран обновился. Возникли пигментированная кожа, ожившие глаза, густые темные волосы.

Оба мужчины в изумлении замерли.

— Это просто... невероятно, — пробормотал Сантелли.

До настоящего времени ни кардинал, ни священник так и не подали виду, что им уже известно многое об идентификации скелета или о происхождении оссуария. Пока они изучали изображение, Шарлотта внимательно рассматривала лица обоих. Могли ли эти двое церковников быть участниками похищения, в котором погибли люди?

— И наконец, доктору Берсеи удалось расшифровать смысл символа, выгравированного на боковой стенке оссуария. — Шарлотта была уверена, что и следующее доказательство вызовет не меньшую реакцию. Она показала снимок, крупным планом изображавший дельфина, обвившегося вокруг трезубца, и объяснила значение каждого отдельно взятого символа. — А соединенные вместе, оба эти изображения в первом столетии символизировали образ... Иисуса Христа.

Сантелли и Донован обменялись тревожными взглядами. «Миссия окончена», — подумала Шарлотта.

В кабинете воцарилась тишина.

Кардинал Сантелли первым разрядил неловкое молчание:

— Вы хотите сказать, доктор Хеннеси, будто уверены в том, что это останки Иисуса Христа?

Хотя Шарлотте подсознательно нравилось, когда люди выражались прямо, она никак не ожидала, что этот момент дастся ей с таким трудом. Напряженно сглотнув, она почувствовала, как ее охватила лихорадочная дрожь: бороться или бежать? И с трудом подавила в себе желание бросить взгляд в сторону открытой двери.

Как хорошо, что утром, перед выходом из дома Святой Марфы Шарлотта целый час посвятила чтению книги, которая была у нее под рукой. Точнее, в ящичке прикроватной тумбочки. Если в результате отчета возникает хотя бы отдаленная вероятность того, что эти мощи являются останками Иисуса Христа, разумно решение — перечитать соответствующие отрывки из Нового Завета.

— На первый взгляд, — начала она, — доказательства очевидны. Однако имеются некоторые несоответствия и расхождения с библейскими источниками. Например, нам не удалось обнаружить ни единого подтверждения того, что наконечник копья пронзил грудную клетку, как об этом упоминается в Библии. Кроме того, этому человеку перебили колени. — Шарлотта продолжила возражения подробным рассказом о том, как римляне ускоряли наступление смерти при помощи железной дубинки.

Внимание отца Донована мгновенно переключилось на другое, как только он подумал о предполагаемых несоответствиях. Он понял, что Шарлотта ссылается на «Евангелие от Иоанна», главу девятнадцатую, в котором утверждается, что римский центурион пронзил бок Иисуса копьем, дабы, избавив того от мучений, ускорить кончину.

«Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней. Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода»*.

Каждый раз Донована заставляло задумываться то, что два стиха из этой главы — тридцать шестой и тридцать седьмой — фактически давали краткое пояснение к последнему несообразному заявлению:

«Ибо сие произошло, да сбудется Писание: “кость Его да не сокрушится”. Также и в другом [месте] Писание говорит: “воззрят на Того, Которого пронзили”».

Интересно, что ни одно из синоптических Евангелий — от Матфея, Марка или Луки — не упоминает об этом событии. Донован мог только предполагать, что в «Евангелие от Иоанна» эта запись была включена с целью убедить иудеев в том, что Иисус являлся подлинным Мессией, предсказанным в Старом Завете: «Да сбудется Писание». Он не сомневался: скелет, лежащий сейчас в Ватиканском музее, и в самом деле является безмолвным свидетелем того, что Понтий Пилат и римляне расправились с Иисусом точно так же, как с любым другим преступником, несущим угрозу общественному порядку. Они безжалостно уничтожили его, а когда выяснилось, что он умирает недостаточно быстро, разбили ему колени, чтобы ускорить наступление смерти.

Шарлотта между тем продолжала выдвигать аргументы.

* Иоан. 19:32–34.

— Я уверена, вы намного лучше меня знаете, что говорит Библия о том, чем занимался Иисус до своего пастырства.

— Работал плотником с самого детства, — подхватил Донован.

Фактически Библия никогда явно не указывала на род занятий Христа. Предположение, что Иисус был плотником, базировалось лишь на «Евангелии от Матфея», где он именовался сыном плотника. Предполагалось, что он был вовлечен в семейное ремесло, хотя приведенное Матфеем греческое слово *tektonov*, что в свободной трактовке переводится как плотник, скорее означало человека, занимавшегося ручным трудом, то есть возможен диапазон от строителя-поденщика до крестьянина.

Шарлотта кивнула.

— Годы тяжелого ручного труда должны были оставить заметные следы на суставах пальцев и запястьях, где кость и примыкающие ткани утолщаются, чтобы приспособиться к увеличенным нагрузкам. Суставы должны были сохранить следы преждевременного износа, по крайней мере на одной руке. — Она вывела на экран увеличенные снимки обеих ладоней. — Однако явные изменения в строении рук этого мужчины отсутствуют.

— Как интересно! — Доновану почти удалось изобразить искреннее возбуждение.

— Но что более важно, — она указала на монитор, — его генетическая «сборка» совсем не такая, какую можно было бы ожидать от уроженца древней Иудеи. Я тщательно проверила нуклеотидную последовательность ДНК, и она не соответствует ни одному зарегистрированному на Ближнем Востоке генотипу, характерному для евреев или арабов. Но Библия утверждает, что Иисус Христос происходит из древнего иудейского рода. Как вам известно, в «Евангелии от Матфея» прослеживается родословная Иисуса — сорок два поколения, — причем все в роду были иудеями. Начиная с Авраама. Данная кровная линия, по идее, должна быть чисто иудейской. Однако ДНК этого мужчины не имеет соответствующих последовательностей.

Теперь оба, Сантелли и Донован, выглядели ошеломленными.

— Я так понимаю, доктор Хеннеси, вы хотите убедить нас, что вы не верите в то, что это останки Иисуса? — Сантелли склонил голову набок.

Их глаза встретились.

На мгновение Шарлотта мысленно вернулась к разговору с Берсеи — он тогда сказал, что, возможно, из-за этих святынь погибли люди. Бегающий взгляд кардинала убеждал Шарлотту, что Джованни, скорее всего, не ошибся в своих подозрениях.

— На основании представленных здесь материалов я полагаю заявление о том, что найденные останки принадлежат Иисусу Христу, чересчур смелым. Современные научные методы порождают слишком много вопросов. Эти останки не исключают вполне реальной вероятности того, что мы столкнулись с некой фальсификацией, датированной первым веком нашей эры.

— Вот и хорошо... — проговорил вдруг Донован.

— Почему? — Шарлотта метнула на него озадаченный взгляд.

Раскрыв свой ранец, Донован достал «Тайные хроники».

— Позвольте мне объяснить...

Осторожно выложив древний, издававший виды манускрипт на полированную поверхность столешницы из красного дерева, отец Донован повернулся к Шарлотте.

— Вы, конечно, знаете, что Ватикан чрезвычайно заинтересовало происхождение оссуария? — Кардинал Сантелли откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Шарлотта с любопытством разглядывала книгу. — На это имелась серьезная причина. Ни одна душа, за исключением узкого круга высших руководителей Церкви, не знает то, что я собираюсь вам сообщить.

Взглянув на позу кардинала, Шарлотта сильно засомневалась в правдивости этих слов.

— Слушаю вас.

— Прежде всего я должен рассказать вам краткую предысторию, — начал Донован. — Многие евреи, особенно населявшие древнюю Иудею, утверждали, что Иисус, провозгласивший себя сыном Бога, не соответствовал критериям Мессии, описанным в Старом Завете. И они были правы.

«Довольно странное допущение», — подумала Шарлотта.

— Согласно предсказаниям пророков, Мессия должен быть воином, прямым потомком царя Давида, посланным Господом, чтобы с мечом в руках объединить племена Израиля, тем самым освободив Землю обетованную от тирании

и угнетения, — быстро говорил Донован, выражение его лица менялось, слова он сопровождал жестами. — Предполагалось, что Мессия перестроит священный храм и завоюет Рим. Иудеев веками покоряли и угнетали все сильнейшие империи Древнего мира: персы, греки и римляне. В течение первого тысячелетия своего существования Иерусалим знал только кровопролитие. — Образы погибших израильских солдат напомнили Доновану, как мало все изменилось с тех пор. — Однако, читая Священное Писание, мы видим Иисуса, проповедующего мир. Видим человека, предлагающего иудеям заплатить долги и принять свою судьбу. В обмен он обещал им вечную жизнь с Господом. Он верил, что зло порождало лишь новое зло — и так до бесконечности.

Шарлотта поняла, что Доновану очень надо поведать ей эту историю и она должна выслушать его.

— «Взявшие меч от меча и погибнут?»* — спросила она.

— Именно так. Иисус знал, что силой Рим не одолеть. Он пытался предотвратить массовое восстание иудеев, в результате которого римляне могли устроить страшную резню. Однако многие предпочли не слышать его. — Голос Донована приобрел торжественность. — Менее чем через тридцать лет после смерти Иисуса иудеи все же взбунтовались. Ответ римлян был молниеносным и беспощадным. Они осадили Иерусалим и, взяв город, вырезали всех жителей до единого — мужчин, женщин, детей. Тысячи были распяты, сожжены или просто изрублены на куски. Иерусалим и Второй храм сровняли с землей. Как и предрекал Иисус. — Он помедлил. — Доктор Хеннеси, знаете ли вы, что большинство теологов считают, что пастырство Иисуса длилось всего лишь год?

Она знала лишь, что Христу было тридцать с небольшим, когда он встретил смерть.

— Это не приходило мне в голову.

Донован наклонился к ней.

* Мф. 26:52.

— Полагаю, вы согласитесь, что Иисус был выдающимся человеком — философом и учителем. Человеком, который явился, в общем-то, из неизвестности, дабы словом своим подарить человечеству столь нетленные надежду, добро и веру, что до сих пор, спустя две тысячи лет, они живы в сердцах людей. Ни одна личность не оставила такого следа в истории. — Не сводя глаз с Шарлотты, Донован опустил руки на обложку «Тайных хроник», словно защищая книгу.

— И книга имеет ко всему этому какое-то отношение? — Шарлотта заметила, как Донован переглянулся с Сантелли, и поняла, что эта часть беседы была спланирована обоими заранее.

На ее вопрос Донован ответил вопросом:

— Известны ли вам история воскресения Христа и рассказ об опустевшей гробнице?

— Разумеется.

Шарлотта изучала катехизис в начальной школе и в католической женской гимназии и поэтому много знала о Священном Писании, больше, чем ей хотелось бы. Она дала Доновану прямой ответ, какого он и ожидал, тот самый, что сглаживал разночтения в толковании Евангелий.

— Иисус был распят и похоронен. Через три дня он восстал из мертвых и явился своим ученикам, прежде чем вознестись на небеса.

«Правда, в каком облике он явился — этим вопросом, кажется, никто не задавался», — мелькнуло у нее в голове.

— Совершенно верно. — Священник остался доволен. — А теперь давайте перейдем к удивительному продолжению этой истории. — Он осторожно похлопал ладонью по обложке фолианта. — Это дневник, написанный рукой Иосифа из Аримафеи, библейским персонажем, тесно связанным со смертью Иисуса и его воскресением.

Шарлотта была поражена. Еще одно бесценное и скрываемое от мира сокровище! Эту книгу они тоже украли?

— Тот самый Иосиф Аримафейский?

— Тот самый. Человек, похоронивший Христа. — Отец Донован раскрыл книгу, страницы которой покрывали письмена на древнегреческом языке, и посмотрел на Шарлотту. — Столетиями Ватикан опасался доказательств опровержения роли Христа как Мессии. И эта книга раскрывает множество причин этих опасений. — Глянув украдкой на Сантелли, Донован собрался с духом, чтобы постараться не мямлить и не дать голосу дрогнуть. Пока что кардинал был удовлетворен его действиями. — Хотя в Новом Завете он фигурирует как приверженец Христа, на самом деле Иосиф Аримафейский тайно норовил препятствовать пастырству Иисуса. Видите ли, Иисус представлял серьезную угрозу для иудейской знати. Мудро сторонясь конфронтаций с оккупационными римскими властями, он резко критиковал иудейских правителей, в особенности духовенство, превратившее храм Господа в пародию на святиню. В обмен на подношения иудейские священники разрешали язычникам приносить жертвы на алтари храма. Священные внутренние дворы они превратили в рынок. Храм являлся воплощением иудейской веры. Оттого-то и для верующих иудеев, таких как Иисус, его неуклонное разложение и упадок означали медленную гибель их религиозной традиции.

Шарлотта припомнила, как Матфей описывает вступление Иисуса в Иерусалимский храм и как он опрокидывал столы торговцев и менял. Иисуса глубоко ранило то, что из священного места устроили балаган.

— Конечно же, Иисус порицал правящую верхушку иудеев, — продолжал Донован, — и не боялся делать это открыто. И потому неудивительно, что именно иудейские священники послали храмовую стражу, чтобы схватить его. После того как Иисус был казнен, Синедрион поручил Иосифу Аримафейскому обратиться к Понтию Пилату с просьбой о выдаче тела. Уступив заверениям Иосифа, что это удержит фанатичных приверженцев Иисуса от снятия тела с креста, Пилат его просьбу удовлетворил.

Шарлотта неплохо знала язык жестов. Несмотря на то что Донован поддерживал спокойный и доверительный тон повествования, глаза его бегали. Она вспомнила слова Джованни, что снятие с креста тела преступника в ту пору было событием беспрецедентным. Тела распятых для погребения не выдавались. Но, учитывая угрозу, которую представлял Иисус для иудейской аристократии — а ей, по-видимому, было что терять в случае смены строя, — объяснение Donovan казалось правдоподобным.

— Но зачем приверженцы Иисуса хотели украсть его тело?

— Для того чтобы объявить о воскресении и представить его как божество.

— Выходит, Иосиф Аримафейский добивался получения тела, чтобы защитить его?

— Да. — Донован заставил себя посмотреть ей в глаза.

Шарлотта почувствовала, как в душе ее остро обозначились противоречия, поначалу неясные, но теперь все более тревожные. Явно напрашивался вопрос, который она просто не могла не задать в этой напряженной ситуации. Взгляд ее перескочил на экран ноутбука, откуда на них недремлющим оком взирал воссозданный образ распятого.

— А как же воскресение? — Она нервно сглотнула. — Оно было или...

— Ну конечно было, — усмехнулся Донован. — Тело тайком поместили в гробницу Иосифа, ее место последователям Иисуса было неизвестно. Но через три дня оно исчезло.

— Но может, его украли?

Донован почувствовал, как Сантелли буквально прожигает его взглядом:

— Как раз в этом месте в Библии противоречий нет, доктор Хеннеси. Четыре отдельных Евангелия повествуют нам о том, что три дня спустя Иисус восстал из могилы. А затем явился перед своими учениками и вознесся на небо.

Шарлотта растерялась. Она была не из тех, кто безоговорочно верит каждому слову Библии, и ее утреннее упражне-

ние напомнило ей почему. В частности, один отрывок, в котором описывается физическая смерть Иисуса на кресте, составил все на свои места в ее голове. Начинался он со стиха 50, главы 27 из Матфея: «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме разодралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли. И, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во священный град и явились многим».

Размышляя над ним, Шарлотта заметила некое раздражающее противоречие в пасхальной истории. В отрывке, где говорилось о «воскресении Его», не было упоминания о трехдневном интервале или же о погребальной процедуре.

«Интересно, — подумала она, — если душа Иисуса уже отлетела от тела в момент смерти на кресте, тогда какая часть его могла восстать из могилы три дня спустя? Бездыханная, бездушная оболочка? И как насчет всех этих других воскресших святых трупов? Почему ни в одном другом историческом документе не упоминается о таком количестве воскресших тел?»

Кажется, она знала ответ. *Потому что воскресение было не физическое.* Тексты в Евангелиях истолкованы неверно. Внимательно разглядывая лицо второго по должности человека в Ватикане, Шарлотта видела перед собой опытного, изощренного бюрократа, который не захочет ничего слушать об иных толкованиях. И, не забывая об осторожности, она все-таки вынуждена была задать очевидный вопрос:

— Но как же тогда наш оссуарий, останки этого распятого... И символ Христа? В этой книге не сказано, что все это значит?

Успев взять себя в руки, Донован пролистал «Тайные хроники» почти до конца и осторожно повернул книгу к Шарлотте.

Она увидела на страницах манускрипта подробные зарисовки оссуария и его содержимого.

— После тайного соглашения Иосифа с Пилатом, — ровным голосом объяснил Донован, — ученики Христа устроили настоящий переполох в Иерусалиме, когда не обнаружили тела. Его исчезновение позволило им объявить о чуде воскресения. Разумеется, Пилат обрушился на Иосифа Аримафейского, требуя разрешения проблемы. — Донован показал на оссуарий. — Вот тогда-то Иосиф и сфабриковал все это.

Шарлотта попыталась осмыслить услышанное:

— Если это останки не Иисуса...

Улыбаясь, Донован развел руками, предоставляя ей самой додумать остальное.

— ...выходит, Иосиф Аримафейский подменил тело?

— Совершенно верно.

Ей показалось, она услышала вздох облегчения Сантелли.

— Как рассказывает нам сам Иосиф, он заполучил тело другого распятого, одного из двух остававшихся на кресте на вершине Голгофы... преступника, убитого в день смерти Иисуса. Тело подвергли традиционным погребальным ритуалам и оставили истлевать на год.

— И тем самым полностью уничтожили личность второго человека.

«Если Донован сам все это выдумал, он чертовски хорошо потрудился», — подумала она.

— Да. Блестящая фальсификация, направленная на то, чтобы доказать, что Христос никогда не восставал из гробницы. Отчаянная попытка дискредитировать раннее христианство с целью защитить иудейскую знать.

Несколько мгновений Шарлотта размышляла над услышанным. Аргументы отца Донована были хороши, вдобавок, по его словам, он обладал подлинным документом, подкрепляющим его историю. Все это прекрасно согласовывалось с противоречиями, на которые она ссылалась ранее, в частности, со странным фенотипом и перебитыми коленями. Скелет мог принадлежать некоему осужденному преступнику из глухой римской провинции. Неясным оставался один факт.

Для нее книга в прямом смысле недоступна, поскольку написана на древнегреческом. И Шарлотте ничего не оставалось, как принять на веру ее толкование священником. Возможно, это тоже было частью его плана. Но чего ради? Шарлотта остро взглянула на Донована:

— Теперь ясно, что план Иосифа провалился. Но почему так получилось, что до сих пор никто не обнаружил этого?

Задав вопрос, Шарлотта почувствовала, как все у нее внутри сжалось от тревоги. Не слишком ли она усердствует.

— Я полагаю, — пожав плечами, отвечал Донован, — что Иосиф из Аримафеи умер или был убит в течение следующего года, прежде чем тело достигло нужной кондиции. Может статься, его убили римляне или это случилось по указанию Синедриона. Узнать нам уже не суждено. Давайте лучше будем радоваться тому, что задуманное им не воплотилось в жизнь. Поскольку в отличие от наших дней, когда такие искусные ученые, как вы, в состоянии раскрыть нечестную игру, в древние времена физическое тело наверняка могло стать причиной множества неразрешимых проблем.

— А оссуарий нашли совсем недавно? — Она набралась решимости выслушать их ответ.

— Ватикан получил «Тайные хроники» в начале четырнадцатого столетия. Однако всерьез его не воспринимали до тех самых пор, пока несколько недель назад один археолог не раскопал гробницу чуть северней Иерусалима. К счастью, у него хватило ума догадаться, что, если он достаточно осторожно выйдет на нас, мы щедро заплатим ему за находку.

На мгновение сбита с толку, Шарлотта несколько раз прокрутила в голове объяснение. Если Донован говорил правду, это означает, что это анонимный «археолог» убивал людей, чтобы заполучить оссуарий, а Ватикан был не в курсе его методов. Может, Берсеи погорячился и сделал неправильный вывод? Но Джованни умен, очень умен. Она лично убедилась в том, что он не из тех, кто делает скоропалительные выводы. Что же такое обнаружил Джованни?

— Останки распятого мужчины, датируемые первым веком, в оссуарии с барельефом Иисуса, — пробормотала Шарлотта. — Бесценный артефакт... несмотря ни на что.

— Именно так. Это на первый взгляд подлинное открытие могло бы без должного объяснения доставить излишние неприятности христианской вере. Мы должны были удостовериться, что содержимое оссуария полностью согласуется с изложенными в дневнике Иосифа фактами, прежде чем доводить до конца какие-либо действия. И теперь благодаря вашему напряженному труду я уверен, что мы можем закрыть дело.

Шарлотта перевела взгляд на страницы манускрипта, на которых Иосиф отобразил оссуарий и его содержимое. И тут до нее дошло, чего там не хватало. Цилиндрика со свитком! Ее бровь изогнулась.

— Что-то не так? — поинтересовался Донован.

Взяв в руку упакованный в пластик цилиндр, Шарлотта указала на рисунки:

— Почему здесь нет этого?

Она заметила, как занервничал Донован.

— Даже не знаю... — проговорил он, покачав головой.

И неуверенно взглянул на Сантелли. Догадываясь, что могло быть написано в свитке, священник старательно обходил его в разговоре.

— Почему бы вам его не открыть? — спокойно предложил Сантелли.

— Да мне как-то не приходилось иметь дело с древними документами, — сказала Шарлотта, застигнутая врасплох. — Мы ждали...

— Не стоит беспокоиться, доктор Хеннеси, — прервал ее кардинал. — Отец Донован большой специалист по древним документам и умеет с ними обращаться. Кроме того, я сомневаюсь, что нам захочется выложить хоть что-то из этого в качестве экспонатов в Ватиканском музее.

— Хорошо. — Она передала пакетик с цилиндром побледневшему хранителю архива.

— Вперед, Патрик, — поторопил Сантелли. — Давай открывай!

Удивленный развязным тоном кардинала, Донован открыл пакет. Достав цилиндр, священник снял незапечатанный колпачок и вытряхнул свиток на стол. Затем обменялся напряженными взглядами с Сантелли и Хеннеси.

— Ну вот... — Он с превеликой осторожностью развернул свиток и распрямил его, придерживая обеими руками на пластовом пакете.

Увидев, что в нем, Донован почувствовал громадное облегчение и отодвинул от себя так, чтобы двое других тоже могли рассмотреть.

Три пары глаз внимательно вглядывались в изображение на древнем пергаменте. Это был не обычный рисунок, а смесь нескольких разных картинок. Центральной его точкой являлся иудейский семисвечник, композиционно наложенный на крест, обвитый листьями. Символ, который находился на боку оссуария, повторялся здесь четыре раза, между перекладинами креста.

— И что все это означает? — спросил Сантелли Донована.

— Затрудняюсь ответить... — признался тот.

Священник постарался утаить то, что заметил. По краю свитка, обращенного к нему, шел как будто бы свежий срез! Кто-то намеренно отхватил полоску пергаamenta? Он прикрыл срез большими пальцами.

— Что бы ни означало — это красиво... — вмешалась Шарлотта.

— Согласен, — с улыбкой кивнул Донован.

— Ну что ж, доктор Хеннеси, — подытожил Сантелли. — Вы блестяще справились с работой. Не могу выразить словами, насколько мы вам благодарны... Святой отец также просил предать вам слова благодарности. Только прошу вас, пожалуйста, тщательно соблюдайте наше пожелание и не обсуждайте это ни с кем, включая членов вашей семьи, а также представителей прессы.

— Обещаю, — ответила Шарлотта.

— Прекрасно. Если не возражаете, я попрошу отца Мартина проводить вас. Мне предстоит кое-что обсудить с отцом Донованом. И хотя работа ваша здесь окончена, пожалуйста, вы можете оставаться в Ватикане столько, сколько пожелаете.

Из Апостольского дворца Шарлотта направилась прямо в лабораторию, надеясь все-таки застать там Джованни.

Шагая по коридору подвала, она не сводила глаз с двери каморки наблюдения, которая так и осталась приоткрытой. Вопреки здравому смыслу, Шарлотта не удержалась и постучала по ней костяшками пальцев.

— Мистер Конти, можно вас на пару слов?

Никто не ответил.

Она толкнула дверь и сунула голову в проем. Комната была пуста — в прямом смысле слова: ничего, кроме голых полок вдоль стен. Даже потолочную панель вернули на место.

— Что за черт...

Прикрыв дверь, Шарлотта осторожно двинулась по обьтому жутковатой тишиной коридору. Абсолютно уверенная, что замок не сработает, она провела «магниткой» по считывающему устройству на двери в лабораторию. Однако раздался щелчок, замок открылся, и она вошла.

Впервые с того дня, как Шарлотта переступила порог лаборатории, свет и кондиционер были выключены. Пробравшись на ощупь вдоль стены к пульту управления, она щелкнула несколькими выключателями.

Когда зажегся свет, Шарлотта не поверила своим глазам. Лаборатория опустела, оссуарий, кости — все исчезло. Даже системные блоки компьютеров были сняты со стоек.

Опасаясь худшего, она не стала проходить в подсобку, просто выключила свет и также вдоль стены вернулась к выходу. И тогда слышала в коридоре шаги — приближаясь, они становились все громче.

Что делать? Дверь была без стекла, и видеть человека, идущего сюда по коридору, Шарлотта не могла. Отец Донован? Берсей? Она прижалась к двери. Ей приходилось идти по этому коридору вместе с ними обоими, но такой вот размеренный ритм шагов был незнаком.

А что, если это Конти?

Теперь, когда Шарлотта увидела опустошенную лабораторию и каморку, лишенную подслушивающей аппаратуры, ноутбук, который был у нее с собой — единственное свидетельство секретного проекта Ватикана, — казался ей куском сырого мяса в логове льва. Женщина вся сжалась, прося Бога о том, чтобы услышать, как открывается какая-нибудь другая дверь, или чтобы эти шаги удалились.

Звук шагов прервался, полоску света под дверью перекрыла тень.

Отпрянув от двери, Шарлотта неслышно прокралась вдоль первой рабочей установки и спряталась за ней как раз в тот момент, когда щелкнул открывающийся замок.

Она почувствовала, что волосы на затылке становятся дыбом, когда услышала, как дверь со скрипом отворилась, и свет из коридора пролился в лабораторию. Кто бы это ни был, он не может видеть ее. Вошедший не двигался. Прислушивается?

Шарлотта задержала дыхание и, вцепившись обеими руками в ноутбук, сидела совершенно неподвижно. Прошло несколько невыносимо долгих секунд. Затем один за другим щелкнули выключатели, и темнота растаяла под лампами искусственного света.

Никто не двигался.

У нее начали затекать ноги.

Прикрыв за собой дверь, человек медленно вошел в комнату, пробрался между рабочими установками и повернул назад, к подсобке.

Шарлотте не было видно происходящего, но в ту секунду, когда она почувствовала, что незнакомец вошел в подсобку, она вскочила и бросилась к двери. Когда рука ее поворачивала дверную ручку, Шарлотта краешком глаза успела заметить выходящего из подсобки Конти... И его перекошенную от злости физиономию.

Шарлотта рванулась по коридору, резиновые подошвы ее туфель, издавали резкие звуки, соприкасаясь с гладкими виниловыми плитками пола. Не оглядываясь, она слышала, что Конти бежит следом.

Лифт впереди по коридору был закрыт. Нельзя было задерживаться ни на мгновение, и Шарлотта сразу же повернула к пожарному выходу, изо всех сил толкнув дверь. Она буквально взлетела по лестнице, перепрыгивая через три ступени и крепко прижимая к боку ноутбук. На середине второго пролета до нее долетел грохот захлопнувшейся за Конти подвальной двери. Не останавливаясь, она глянула вниз и увидела силуэт Конти, бегущего вверх по винтовой лестнице.

Выскочив на площадку, Шарлотта уже знала, что у нее есть две возможности: дверь служебного выхода — прямо на улицу, или же дверь для персонала, ведущая в галерею музея. Не раздумывая, она толкнула первую дверь так, что та распахнулась настежь. Но вместо того чтобы выскочить на улицу, женщина бросилась к двери для персонала и вошла в музей так тихо, как только могла, осторожно прикрыв за собой створки.

На подходе к верхнему пролету крутой лестницы Конти услышал звук захлопнувшейся двери служебного выхода. Преодолев последние ступени, он толкнул ее и выбежал наружу.

Чертовой бабы нигде не оказалось — ни на аллеях сада, ни за углом музея. Как не было поблизости и подходящего места, чтобы спрятаться. Он резко развернулся и кинулся в здание.

Быстро шагая вдоль галереи Пио, Шарлотта понимала, что ей надо как можно скорее убираться из Ватикана. Вероятно, через ворота Святой Анны. Слава богу, что паспорт, деньги и кредитные карточки при ней, надежно спрятаны на поясе, охватывающем талию, об остальных вещах даже думать не стоило.

Чувствуя головокружение — не от бега, а от действия мельфалана, — Шарлотта сделала несколько глубоких вдохов, чтобы хоть чуть-чуть привести в порядок голову. Острый приступ тошноты отпустил так же внезапно, как и пришел.

Зная, что лишь ненадолго избавилась от Конти, Шарлотта напряженно размышляла. Что делать? Попробовать затеряться в необъятных галереях музея? Места, конечно, предостаточно, но повсюду стоят камеры наблюдения, и ей не хотелось предоставлять этому ублюдку шанс подключить к охоте службу безопасности музея. К тому же в длинных коридорах, тянущихся по периметру гигантского основания здания, ее будет легко заметить. Одинокая туристка в ярко-розовой блузке, с компьютерной сумкой, кудрявая, с каштановыми волосами, к тому же не задерживается ни перед одним экспонатом.

К счастью, галерея Пио располагалась совсем недалеко от главного выхода из музея. Осмотрев пространство за стеклянными дверями, Шарлотта выскользнула наружу.

Пробравшись через толпы туристов, слоняющихся по внутреннему двору, она обогнула угол здания и поспешила по дорожке, идущей вдоль восточной стены музея. Конти пока видно не было. Но Шарлотта не позволяла себе расслабиться, поскольку знала наверняка, что этот человек из тех, кто идет до конца.

Пройдя через короткий туннель под древним крепостным валом города, она очутилась среди невысоких домиков, представших в тени заднего фасада громады Апостольского дворца. Мелькнула мысль: «Донован все еще общается со своим кукловодом Сантелли? Как может такой приятный человек быть замешан в таком грязном деле?»

Когда Шарлотта свернула на Борго Пио, взгляд ее невольно упал на пост швейцарских гвардейцев у открытых ворот.

«Интересно, — подумала она, — предупредил ли их Сантелли? Попытаются меня задержать или нет?»

Шарлотта устремилась вперед, понимая, что это ее единственный шанс.

И в тот момент, когда до ворот оставалось метров двадцать, она увидела Конти. И заметила то, на что прежде не обратила внимания: на виске у него была рана.

Уперев руки в бедра и тяжело дыша, Конти стоял между Шарлоттой и воротами, бросая ей вызов и перекрывая дорогу.

Но она не замедлила шаг. Поскольку назад пути не было, единственной надеждой Шарлотты оставалась попытка прорваться вперед. Место людное. Охрана рядом. Разумеется, гвардейцы не допустят, чтобы стычка произошла здесь, даже если они на его стороне.

Сосредоточив взгляд на воротах, Шарлотта бросилась вперед.

Конти среагировал молниеносно, вылетев на проезжую часть и едва увернувшись от грузового фургона, направлявшегося в город. Рывкнул клаксон, но Конти не обратил на него внимания, стараясь не упустить из поля зрения свою жертву.

Шарлотта успела преодолеть еще десять метров, когда в опасной близости от нее вырос наемник. Обойти его она не могла.

Конти преградил ей путь.

— Эту штучку я тебе не дам вынести, — прорычал он, показав глазами на сумку с ноутбуком.

Непонятно почему, но она не испугалась. Он заметил, что женщина поглядывала то на огромную багровую шишку на его виске, то за его плечо — в сторону ворот.

А затем Шарлотта сделала то, чего Конти никак не ожидал. Она завизжала.

На мгновение Конти остолбенел.

— Помогите! — опять завизжала Шарлотта, на этот раз еще громче.

Гвардейцы у ворот слышали ее. Двое из них, в синей форме и черных беретах, бросились к ней, на ходу вытягивая из кобуры «беретты» и расталкивая толпу испуганных туристов.

Конти решил было вырвать у нее сумку. Но куда потом деваться? Сам себя наказал, идиот, что не захватил оружие.

— А как же ваше соглашение о конфиденциальности, доктор Хеннеси? — спокойно спросил он. — Забыли? Могу напомнить.

Как только Шарлотта заметила, что его внимание на мгновение отвлеклось на приближающихся охранников, она решила проделать то, о чем не переставала думать с первого момента, когда познакомилась с этим подонком. Чуть присев, левой ногой она нанесла преследователю сильнейший удар в пах.

Конти переломился пополам. От жуткой боли ему пришлось опереться обеими руками на землю, чтобы не рухнуть ничком.

— Сука! — Вены на его побагровевшем лице вздулись, когда он поднял злобный взгляд на американку.

Двое подоспевших охранников встали по обе стороны от Конти, направив пистолеты ему в голову.

— Не двигаться! — скомандовал один из них, сначала по-английски, затем — по-итальянски.

Хватая ртом воздух, Конти сразу узнал в нем *casaseno** того самого умника, что стоял на воротах в день, когда они с

* Всезнайка, «профессор» (ит. *пренебрежит.*).

Донованом прибыли в Ватикан. Охранник его тоже припомнил и довольно ухмыльнулся.

— Что здесь происходит? — по-английски спросил Шарлотту второй гвардеец.

— Этот человек угрожает мне и пытается отобрать мою сумку, — твердым голосом сказала она.

Первый охранник попросил у Конти удостоверение личности.

— У меня не... — его вырвало желчью, — ...нет с собой.

Конти был уверен, что Сантелли не одобрит, если он воспользуется таким неподходящим моментом для упоминания своей связи с ним. Звонок кардиналу он потребует чуть позже. Он также решил не сообщать охране о том, что в ноутбуке содержится чрезвычайно важная информация, разглашение которой грозит куда более серьезными проблемами, если они будут настаивать на разъяснениях. Ну а пока можно поиграть по правилам.

Второй охранник попросил Шарлотту предъявить удостоверение, что она с готовностью сделала. Витиеватый папский герб на гостевом пропуске свидетельствовал о том, что она является приглашенным лицом секретариата.

— Вы можете идти, доктор Хеннеси. — Он повернулся к Конти: — А вам придется пройти с нами, синьор.

Конти вынужден был подчиниться.

Гвардейцы помогли ему подняться на ноги и остались стоять по бокам, не убирая пистолетов.

Шарлотта вздохнула с облегчением и быстро зашагала к воротам. Очувтившись за пределами Ватикана, она направилась к Виа Делла Кончилиацьоне, поймала такси и велела водителю отвезти ее прямо в аэропорт Фьюмичино.

— *Rapidamente!**

Водитель вдавил акселератор, и машина рванулась вперед — это был единственный раз, когда ей не пришлось в голову обвинять в безрассудстве римских водителей. Ей не терпелось как можно скорее убраться отсюда.

* Побыстрее! (ит.)

И только сейчас Шарлотта осознала, что ее просто трясет от страха.

Глядя в заднее окно на то, как уплывает назад собор Святого Петра, она судорожно сжимала сумку с ноутбуком.

Такси выскочило на федеральную автомагистраль, и Шарлотта увидела, как стрелка спидометра добралась до отметки «160 км/час». Она откинулась на спинку сиденья и пристегнула ремень безопасности. Когда Рим остался позади, Шарлотта достала мобильный телефон и позвонила Эвану Олдричу. Не важно, что в Финиксе сейчас ночь в разгаре. Он ответил почти сразу же.

— Эван?

— Привет, Чарли. А я как раз думал о тебе.

Его голос мгновенно успокоил ее.

— Привет. — Голос Шарлотты дрогнул.

— У тебя все в порядке?

— Нет. Все очень плохо. — Отвернувшись от водителя, она шепотом вкратце рассказала Эвану о том, что произошло. — Сейчас еду в аэропорт.

— Хотел сделать тебе сюрприз, но... на самом деле я на пути к тебе и сейчас только что приземлился во Фьюмичино.

— Что?! Ты шутишь! — Она с облегчением расслабила плечи.

— Стою получаю багаж. Слушай, где меня найти...

Абруццо, Италия

В часе езды на северо-запад от Рима черный седан «альфаромео», взятый Конти напрокат, выбрался на автостраду SS5, которая тянулась вдоль Апеннинского хребта к Монте Скунколе. Сквозь матово-серую дымку, подернувшую после-полуденное небо, проглядывал белесый солнечный диск. На лобовом стекле оседала морось.

Пытаясь собраться с мыслями, Патрик Донован глядел в запотевшее окно на лоскутное одеяло виноградников раскинувшейся внизу долины.

После неожиданного и стремительного бегства Шарлотты Хеннеси и довольно хлопотного вызволения Конти из камеры предварительного заключения Швейцарской гвардии крайне встревоженный кардинал Сантелли дал ему необычные инструкции относительно дальнейших действий: «Следует принять все необходимые меры для того, чтобы эта глава истории церкви исчезла бесследно. Можете использовать любые методы, Патрик. Конти поможет вам уничтожить оссуарий и его содержимое... И манускрипт. Никаких материальных улик; единственное, что должно остаться, — легенда. Вы все поняли?»

Реликвии и книга могли быть легко уничтожены в ватиканской лаборатории, и Донован чувствовал, что цель этой поездки намного серьезнее, чем простая ликвидация улик.

Поглядывая на наемника, он понимал, что рана на голове, происхождение которой Конти не удосужился объяснить, напрямую связана с таинственным исчезновением доктора Берсеи.

Конти снизил скорость и повернул с автострады направо, на узкую немощеную дорогу. Густая трава и низкорослый кустарник зашуршали о брюхо машины. Они ехали молча, пока грунтовка не вывела их к небольшой буковой рощице. Конти остановил машину, заглушил двигатель, оставив ключи в замке, и нажатием кнопки открыл багажник.

Выбравшись из машины, они направились к багажнику — в нем были уложены по диагонали лопаты и кирки. Конти вытащил инструмент и сунул в руки Доновану лопату.

— Копать будем глубоко.

— Так, с этим все. — Конти вытер пот со лба тыльной стороной грязной ладони. — А теперь у меня к тебе пара вопросов.

Он воткнул лопату в землю и облокотился на нее. Остро пахло сырой землей. Снова стал накрапывать дождь.

Донован поднял на него взгляд поверх запотевших очков.

— Вам разве недостаточно увиденного, чтобы разобраться самому?

— Не-а. — Наемник помотал головой. — Скажи-ка мне, только честно: ты как думаешь, чьи кости в этом оссуарии?

Сальваторе Конти не подвергал сомнению собственную веру. Эти проблемы он давным-давно оставил за бортом. Просто кража оссуария, результаты его научного исследования, а также открытия Берсеи в катакомбах Торлония разожгли его любопытство.

— Вы видели то же, что и я. — Донован развел руками. — Сами-то что думаете?

— Думать — не моя работа, — ухмыльнулся Конти.

— Если честно, я не знаю.

— Тогда к чему столько возни?

Немного подумав над его вопросом, Донован ответил:

— Доказательства серьезные. Все указывает на то, что это останки Иисуса Христа. Наш долг — защищать церковь. Сами понимаете, что другого выхода у нас не было.

— Ну, если там Иисус, — наемник указал на багажник машины, — то защищаете вы офигенную кучу вранья. Хотя мне-то что...

Донован никак не ожидал, что такой человек, как Сальваторе Конти, в состоянии понять глобальные последствия происходящего. Оссуарий и его содержимое способно кардинально изменить двухтысячелетнюю историю человечества. А человечество нуждается в истинах, которые объединяют людей, а не в полемике и разногласиях. Он убедился в этом на личном опыте, еще на улицах Белфаста. Патрик Донован был весьма сведущ в истории католической церкви, но то, что он защищал, имело мало общего с древними книгами. Существовал некий моральный долг, исполнять который он должен был так, чтобы праведная вера в этом суетном материалистическом мире не оскудевала.

— Вы меня удивили. Вы не похожи на человека, которому на все это глубоко насрать, — бросил Донован.

Конти обжег его взглядом, несколько смущенный неожиданной грубостью священника. Возможно, это облегчит его задачу.

— Ну, не знаю... Кроме того, если бы на свете был Бог, — с сарказмом продолжил он, — таким, как я и ты, уж точно не поздоровилось бы. — Наемник вновь взялся за лопату.

Доновану претила сама мысль о том, что у него с Конти может быть что-то общее, но он понимал: вполне вероятно, наемник прав. «Я ведь часть всего этого, один из них». В конце концов, Конти не действовал самостоятельно, он был всего лишь рядовым исполнителем. И ведь не Конти упрашивал Сантелли предпринять меры по извлечению оссуария, а он, Донован. Даже принимая во внимание, что Донован и представить себе не мог, на какие экстремальные меры решится

Сантелли, тем не менее сам он пальцем не пошевелил, чтобы остановить кардинала.

— Скажите, что на самом деле произошло с доктором Берсеи? — В голосе священника чувствовалось напряжение, он инстинктивно понимал, что с ответом Конти связана и его собственная судьба.

— На его счет можешь не беспокоиться. — Грубое лицо Конти скривилось. — Он получил по заслугам, а тебя я избавил от грязной работы. Это все, что тебе положено знать.

— А как он оказался в катакомбах? — Донован почувствовал, как гнев наполняет его.

Конти решил было проигнорировать вопрос, но, подумав, что Донован не представляет никакой угрозы, ответил:

— На свитке, что этот парень вытащил из оссуария, был рисунок, и он вычислил, что рисунок является точной копией фрески в катакомбах Торлония. Вроде как у этого типа, Иосифа из Аримафеи, был склеп в Риме. Ну, вот Берсеи, похоже, решил, что именно в ней и засушили Иисуса. Кто бы мог подумать, а?

Донован мысленно ахнул. Неужели такое возможно? Неужели Берсеи нашел настоящую могилу?

— Хочешь совет? — продолжал Конти. — Ты на девуку-то особо не заглядывайся. — Ему доставляло удовольствие наблюдать, как каждое его новое слово подрывает мужество священника. — Она, так сказать, получила «отсрочку приговора».

— Я вас не понимаю...

— Сантелли пересказал мне всю ту ересь, что вы наплели ей про манускрипт. Хороша сказочка. Только вы оба не врубаетесь, что скормили ей слишком много информации. Кардинал сказал тебе, что она слиняла со своим ноутбуком... набитым результатами исследований?

— Нет...

Неудивительно, что Сантелли так нервничал. Все могло вот-вот раскрыться. Конти наломал дров — в сообщениях из

Иерусалима появился фоторобот человека, до странности похожего на него. Джованни Берсеи погиб. Теперь вот Хеннеси умудрилась сбежать с доказательствами, имеющими серьезные последствия для Ватикана.

— Плохо. Придется мне решать и эту проблему, а кровь американки будет на ваших руках.

В глазах священника вспыхнула ненависть.

— Ну-ну, не пялся на меня так, Донован. Ты ведь один из тех, кто настаивал на приглашении посторонних.

— У нас не было выбора.

— Ну да.

— Что вы собираетесь с ней сделать?

Хитро ослабившись, Конти ответил не сразу.

— Так я тебе и сказал. Знаешь, ты сейчас похож на влюбленного по уши соплика, ей-богу. Сантелли считает, что два трупа в непосредственной близости от Ватикана могут возбудить излишние подозрения. Но если с нашим обожаемым генетиком по дороге домой в Штаты приключится какой-нибудь несчастный случай, власти и не рыпнутся. Будь уверен, мы с ней повеселимся как следует — на прощание... — Конти вздохнул, будто бы от скуки. — Комай давай.

Донован, стиснув зубы, воткнул штык лопаты в землю. Затаенная ярость, которую он когда-то загнал в дальний угол своей души, пыталась пробиться наружу.

Почти три часа они копали прямоугольную яму пять футов глубиной.

«В нее легко поместятся оссуарий и тело», — подумал Донован.

Наконец Конти бросил лопату на землю.

— Хорош. — Оба взмокли от пота и перемазались землей. — Пошли за оссуарием.

Они возвратились к машине.

— Зачем надо его закапывать? — спросил Донован, поворачиваясь к Конти. — Почему нельзя уничтожить прямо на земле?

Не отвечая, Конти наклонился над багажником и поднял крышку оссуария. Сверху на костях лежали «Тайные хроники» и два серых брикета, напоминающие формованную глину.

— А это... — Донован указал на С-4.

— Это, это... — передразнил наемник. — Уж с твоим-то прошлым ты просто обязан знать. Разве ИРА рвала витрины протестантских магазинов в Белфасте чем-то другим? Бабах! — Конти распахнул глаза в комическом изумлении и растопырил пальцы.

Откуда он узнал? Это было так давно — в другой жизни.

— Лучше рвануть все это под землей?

«Но сначала, — подумал Донован, — Конти огреет меня лопатой по голове, столкнет в яму, а уж потом подорвет взрывчатку. А может, пристрелит из пистолета или же просто прикончит голыми руками...»

Наемник выпрямился и скомандовал:

— Бери с того конца.

Он шагнул в сторону и ухватился за основание оссуария с одной стороны, Донован взялся с другой.

Они вытащили оссуарий из багажника и понесли к краю ямы.

— На счет «три» бросаем. — Конти начал считать.

Когда оссуарий с глухим звуком соприкоснулся с землей, Донована охватил ужас. Крышка ударилась о дно ямы, и по гравировке пошли трещины. Перед мысленным взором священника вдруг явился Сантелли, сидящий в своем кабинете и прилежно работающий на благо сохранения колоссальной системы, сотворенной человеком, которому, вероятно, принадлежат эти непорочные мощи. Он думал о своей встрече с Сантелли несколько недель назад, когда зарождался предварительный план этой операции. И вновь все складывается так, что Ватикан выйдет победителем.

Конти потянулся за своей лопатой. Взявшись обеими руками за черенок, он внимательно осмотрел острые края шты-

ка. Одного крепкого удара по черепу Донована будет достаточно. Тело — в яму, к ящику. Засыпать землей, а С-4 довершит дело. Уголком глаза он заметил, что священник присел, чтобы завязать шнурок.

Однако когда тот поднялся, Конти поразился: перед ним стоял совсем другой человек. Священник целился из серебряного пистолета прямо ему в грудь. Смерив его презрительным взглядом — архивариус с пистолетом в руках выглядел едва ли не комично, — Конти пригляделся к оружию. Стандартная модель «беретты», скорее всего, стибрил из казармы швейцарских гвардейцев. С предохранителя снят.

Донован твердо решил выжить, не ради себя, но скорее для того, чтобы спасти невинную жизнь Шарлотты Хеннеси и любого другого, кого он так неразумно втянул в это грязное дело.

— Брось лопату, — велел он.

Осуждающе тряся головой, Конти присел на корточки, чтобы положить лопату на мокрую траву, и тут же попытался выдернуть «глок», пристегнутый к его правой лодыжке под штаниной.

Первый выстрел показался неправдоподобно громким и ударил Конти в правую руку с пугающей силой. Было видно, как пуля прошла сквозь плоть и кость, зацепив на вылете лодыжку. Конти дернулся, но не вскрикнул. Кровь запырилась из раны, и раненая согнутая рука стала похожа на клешню. Он поднял глаза на Донована:

— Ну, урод, ты за это заплатишь.

— Вставай! — скомандовал Донован, отважившись подойти чуть ближе, и нацелил пистолет в голову Конти.

Убить этого выроodka сейчас казалось ему не таким трудным, как он думал.

«Господи, дай мне сил. Помоги мне сделать все как надо!»

Наемник как будто собрался повиноваться. Произошедшее в следующее мгновение было слишком стремительным — Донован не успел среагировать. Конти прыгнул вперед, врезавшись плечом в грудь Донована, и опрокинул его.

Удивительно, но священнику удалось не выпустить из руки «беретту». Конти потянулся за пистолетом левой рукой, но не рассчитал и схватился за ствол. Второй выстрел разорвал воздух, и Конти вскрикнул: теперь и здоровая рука оказалась покалечена.

Серьезно раненному Конти все же удалось прижать пистолет Донована к земле. Ударом локтя ниже запястья священника он выбил у него «беретту». Второй мощный удар локтя пришелся в лицо Доновану. Из сломанного носа хлынула кровь, и священник закричал от боли.

Яростно отбиваясь, Донован тщетно пытался высвободиться. Конти отпустил его руку, чтобы нанести следующий удар локтем. Это подарило Доновану долю секунды, и он ударил в единственное место, которое он мог разглядеть сквозь залитые кровью бифокальные стекла очков. Его кулак с силой врезался в лиловую шишку на виске Конти.

И это сработало. Оглушенный ударом Конти качнулся вбок, что позволило Доновану вскочить на ноги. Не видя нигде «беретты», он бросился бежать.

Через несколько секунд сумасшедшая боль в голове Конти утихла, но правый глаз по-прежнему был словно затянут багровой пеленой. Кровь обильно текла из раны от молотка в том месте, где ее вскрыл перстень Донована. Помотав головой, он увидел священника — тот бежал по дорожке к автостраде.

Конти почувствовал под своим плечом «беретту». Он попытался вытащить ее, но и левая, и правая покалеченные руки отказывались повиноваться. Если уж взять в руки эту чертову железяку было проблемой, то стрелять из нее он и подавно не сможет.

— Твою мать!.. — Грязно выругавшись по-итальянски, наемник вскочил на ноги и кинулся вдогонку.

Преодолев уже полпути к автостраде, Донован мчался со всех ног, оглядываясь через плечо. Конти удалось не только подняться, он бежал следом, стремительно сокращая расстояние, и догнать священника для него — лишь вопрос време-

ни. Донован знал, что без оружия он представлял собой легкую добычу для тренированного киллера, даже раненого.

«Господи, молю Тебя, помоги мне!»

Донован слышал тяжелое хриплое дыхание Конти, тот был уже в нескольких шагах от него, готовясь к прыжку. Собравшись, священник из последних сил рванулся вперед.

Пять метров.

Два метра.

В ту секунду, когда нога Донована коснулась щебенки автострады, он краем глаза успел заметить стремительно приближавшуюся машину. Рев клаксона. Огни фар в опасной близости. Визг покрышек. Он смутно видел желтую разделительную полосу. Каким-то чудом машина, не задев его, проскочила за спиной... именно в тот момент, когда нога Конти ступила на проезжую часть.

Упав на асфальт, священник увидел, как ноги Конти, соприкоснувшись с бампером машины, вдруг с хрустом переломились, тело его швырнуло на капот, затем на ветровое стекло и через крышу — на дорогу.

Пытаясь скорректировать движение, пришли в действие антиблокировочная система тормозов «мерседеса» и система устойчивости курса. Однако машине не удалось противостоять комплексному воздействию от превышения скорости, внезапного поворота руля и скользкого после дождя дорожного покрытия. Автомобиль налетел на огромную ель, облепив ствол дерева жутким нагромождением искореженного металла и разбитого стекла. Водитель — молодая женщина с длинными светлыми волосами, которая, скорее всего, была не пристегнута, — вылетела через лобовое стекло и неподвижно лежала поперек капота вся в крови, со сломанной шеей. Шум вращающегося заднего колеса «мерседеса» и шипение пробитого радиатора звучали в унисон с автомобильным радио, исполнявшим нечто в стиле «техноданс».

Донован уже ничем не мог ей помочь.

Конти лежал и, удивительное дело, все еще шевелился.

Шатаясь, Донован побрел к искалеченному убийце, сознавая, что тот все еще опасен, и пребывая в твердом убеждении: Сальваторе Конти не должен иметь ни малейшего шанса выбраться отсюда живым. Поглядев в обе стороны пустынного шоссе, Донован наклонился и отстегнул от лодыжки наемника пистолет. Обойма полная, с предохранителя снят. Когда священник ткнул дулом в распухший правый висок Конти, он готов был поклясться, что слышит колокольный звон, плывущий над Белфастом.

— Бог меня простит...

Отец Патрик Донован нажал на курок.

Донован оттащил искалеченное тело в заросли кустов у обочины и прикрыл его, забросав листвой и ветками. Осматривая карманы наемника в поисках бумажника, он нашел шприц и пузырек с прозрачной жидкостью — все найденное он прихватил с собой.

Затем Донован побежал по дорожке к яме и спрыгнул в нее. Он положил половинки разломившейся крышки оссуария на землю, аккуратно достал два брикета С-4 и оставил их в яме.

Крепче уперевшись ногами в землю, священник низко присел и подхватил оссуарий под днище. В яме было не развернуться, и ему не сразу удалось поднять его и утвердить на отвале земли наверху: ковчег оказался не столько тяжелым, сколько слишком громоздким для одного человека. Обливаясь потом и задыхаясь, Патрик Донован выбрался из ямы.

Подогнав «альфа-romeo» поближе, священник загрузил оссуарий в багажник и уложил рядом лопаты. Захлопнув крышку, он, как был, в измятой и испачканной одежде нырнул на водительское сиденье. Усталость навалилась на него. Все тело ныло, сломанный нос пульсировал болью, однако по большому счету он чувствовал себя неплохо; адреналин в крови утихал, но возбуждение не оставляло его. Донован был доволен своими действиями. Много воды утекло с той

поры, когда он держал в руках оружие или дрался, защищая себя. Но как говаривал его отец, «ирландцы прощают сильных мира сего, только когда они благополучно похоронены».

Господь защитил его... и он знал почему. Эта несправедливость должна быть исправлена.

Он стер кровь и отпечатки с «беретты» и «глока» Конти — оба пистолета все еще пахли порохом — и сунул их в бардачок. «Глок» он выбросит в первую попавшуюся по пути реку, а «беретту» пока оставит. Запустив двигатель, Донован включил заднюю передачу.

Добравшись до автострады, он немного подождал, недоумевая, почему до сих пор никто не прибыл на место трагедии. Мимо не прошло ни единой машины.

Донован бросил взгляд на укрытый ветками труп недалеко от обочины и подумал, что, когда его обнаружат, будет очень трудно, а то и невозможно определить личность искалеченного наемника. Отпечатки пальцев, карта дантиста или же любой другой метод судебной идентификации, даже самый передовой, здесь не сработают. Также Конти никаким образом нельзя связать с Ватиканом. Он был чужаком, скитальцем — человек из ниоткуда, ушедший в никуда.

Донован задумался о том, какой путь ему избрать.

Немного подумав, он повернул направо — на юго-запад. Когда место трагедии исчезло из зеркала заднего вида, Патрик Донован мысленно прочел молитву о спасении души погибшей женщины.

Иерусалим

Разак сидел за столом на кухне и пил полуденный чай, когда его спокойное времяпровождение нарушил звонок мобильного телефона. На экранчике высветилась надпись: «Номер не определен». Озадаченный Разак нажал на кнопку.

— Ассалам?

— Я видел вас по телевизору. — Человек говорил по-английски, и голос его казался смутно знакомым.

— Кто это?

— Друг.

Разак поставил стакан на стол.

«Наверное, репортер, — подумал он. — Или кто-то хочет сообщить информацию».

Но этот певучий акцент он точно слышал прежде.

— Я знаю, кто украл оссуарий, — спокойно сообщил голос.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Разак выпрямился на стуле.

Необходимо, чтобы звонивший высказался поконкретнее. Иначе непонятно, как реагировать.

— Все вы понимаете. Несколько недель назад мы с вами встречались в Риме. Вы привезли мне посылку в «Кафе Греко». Вы дали мне свою визитку и просили позвонить, если у меня появятся проблемы.

Перед мысленным взором Разака предстал сидящий за столом лысый мужчина в очках, с беспокойными пальцами, крепко сжимавшими кружку с пинтой светлого пива. Он был одет во все черное с белым воротничком — христианский священник. Разак помнил, что в кожаном рюкзаке, который он передал священнику, находилось секретное досье, но какое это имело отношение к похищению оссуария, он пока не понял.

— Ясно, — неуверенно ответил он. — Слушаю вас.

— Книга содержала подробнейшую информацию об оссуарии, замурованном глубоко под Храмовой горой, в потайной усыпальнице.

— Какая книга?

— И еще о девяти других оссуариях. Правильно?

— Да. — В интонации Разака звучало скорее поощрение к диалогу, чем признание факта.

— Десятый оссуарий — у меня.

Жалея, что не может записать этот разговор на пленку, потрясенный Разак немного помедлил.

— Вы убили тринадцать человек. Вы осквернили священное место... — Он поднялся из-за стола и нервно зашагал по комнате.

— Нет, — нетерпеливо оборвал звонивший, — не я... — Разак почувствовал, что его невидимый собеседник искренен. — Но мне известно, кто это сделал, — закончил он фразу.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду?

— Очень просто: я собираюсь вернуть оссуарий вам... И вы сможете покончить со всей этой историей так, как вам удобно.

В первый момент мусульманин просто не нашел слов для ответа.

— Но почему вы это делаете?

— Я знаю, что творится в Иерусалиме, — сказал священник. — Страдает слишком много ни в чем не повинных людей. И я знаю, что вы сожалеете. Вы честный человек. Я понял это в ту минуту, как увидел вас.

— Неужели вы возьметесь доставить его сами? — Разак едва понимал, что происходит.

— К сожалению, у меня много других дел. Уверен, вы поймете, что я не могу пойти на такой риск.

— Понимаю.

Возникла пауза. Разак не выдержал и спросил:

— Что же находилось в этом оссуарии? Что делало его таким ценным?

Еще одна долгая пауза.

— Нечто чрезвычайное.

Разак содрогнулся, вспомнив дикую теорию Бартон о христианах-фанатиках. Неужели в исчезнувшем оссуарии были останки Иисуса? А старинная книга раскрывала происхождение древних реликвий?

— Содержимое будет возвращено вместе с оссуарием?

— К сожалению, этого я не могу допустить.

И мусульманин решил задать следующий вопрос:

— Это правда, что в оссуарии находились его мощи? — Он мысленно собрался, чтобы спокойно выслушать ответ.

Христианский священник колебался, явно зная, кого имел в виду Разак.

— Утверждать это наверняка невозможно. Ради вашей собственной безопасности, прошу вас, не спрашивайте об этом. Просто дайте мне знать, что вы хотели бы получить назад оссуарий.

Разак задумался над его словами. Он представил себе Бартона, сидящего в израильской тюрьме в ожидании суда. Затем подумал, какого же дурака сделал из него Фарух — единственная сила, стоявшая за доставкой книги, та сила, которая привела в действие страшный механизм, погубивший столько жизней и едва не подвергший опасности все человечество. И Разак сообщил христианину, куда доставить посылку.

— Когда ждать прибытия груза?

— Я вышлю его прямо сегодня, не беспокойтесь. Экономить на доставке не собираюсь, и вы получите его в кратчайшие сроки.

- А книгу? — спросил Разак.
- И книгу, разумеется, тоже.
- Вы не могли бы отправить ее на другой адрес?
- Как вам будет угодно.

Разак назвал ему второй адрес.

— И для полной ясности, — добавил мужчина. — Этот английский археолог, задержанный израильской полицией, не имеет никакого отношения к похищению.

— Я догадывался об этом, — ответил Разак. — А настоящие похитители? Что будет с ними?

Еще одна пауза.

— Думаю, вы согласитесь, что у правосудия свой путь поисков виновных.

На этом разговор прервался.

Суббота

Храмовая гора

После утренней молитвы Разак отправился напрямиком к мечети Аль-Акса. Этой ночью он совсем не спал, мысли все время крутились вокруг шокирующего телефонного звонка от священника, с которым несколько недель назад он встречался в Риме. Израильская полиция была права. Только инсайдер мог быть пособником похитителей. Теперь же стало окончательно ясно, что это не Бартон.

Войдя через служебный вход с торца здания, он прошел по коридору, оканчивающемуся недавно установленной пожарными железной дверью. Над ней висела табличка с надписью на арабском языке: «Открывать только в чрезвычайной ситуации».

Разак повернул ручку.

Свежевыкрашенная винтовая лестница за дверью спускалась на двенадцать метров вниз, прямо в подземелье мечети Марвани. Секретный проход? Может, это современный аналог того, которым две тысячи лет назад пользовался Иосиф Аримафейский?

Сосредоточив внимание на коридоре, он отпустил дверь, дав ей захлопнуться.

По обе стороны располагались кладовые мечети.

Сердце учащенно забилося, когда Разак подошел к первой двери и открыл ее. Вдоль одной стены помещения выстрои-

лись картонные коробки, а на полках стеллажа разместились чистящие и моющие средства. Второй стеллаж был заставлен свежееотпечатанными экземплярами Корана, приготовленными, чтобы нести духовное просвещение новообращенным в мусульманство. Он закрыл дверь и направился к следующей комнате.

За второй дверью находились склад стульев и списанный стол; восточные ковры, скатанные и запаивные в пластик, стояли у боковой стены. В дальнем конце комнаты лежали обугленные остатки михраба, подожженного молодым австралийским евреем Майклом Роганом 21 августа 1969 года. Разак вспомнил, как ему рассказывали, что фанатик заявил израильским властям: на эту акцию его вдохновил Господь Бог, дабы ускорить приход Мессии и строительство Третьего храма иудеев.

Закрыв дверь, Разак подумал, что, вероятно, австралиец ошибался. Очень хотелось, чтобы это было так.

Далее по коридору находилась дверь последней кладовой. Нажав на ручку, Разак с удивлением обнаружил, что дверь заперта. Он попробовал снова. Закрыто.

Озадаченный, он отправился назад, пересек просторный молитвенный зал мечети и, выйдя на яркое утреннее солнце, прошел через эспланаду к школе, где изучали Коран. Если хранитель там, он потребует, чтобы комнату открыли для проверки.

Однако кабинет Фаруха наверху был пуст.

Разак чуть постоял не двигаясь, напряженно раздумывая, что предпринять. Затем неохотно обогнул стол и начал рыться в ящиках.

Там он обнаружил странную совокупность предметов, в которую входили небольшой пистолет и литр американского бурбона «Дикая индейка», который, как очень надеялся Разак, Фарух просто у кого-то отобрал, поскольку Коран строго запрещал употребление алкоголя. Была там и украшенная орнаментом бронзовая шкатулка, задвинутая подальше от глаз в левый ящик, но она оказалась заперта. Наконец Разак

нашел то, что искал: металлическое кольцо с ключами. Схватив связку, он спустился вниз и вышел из здания.

Возвращаясь через эспланаду, Разак не заметил, что следом за ним осторожно идет сам хранитель.

Пройдя через молельный зал мечети и остановившись перед закрытой дверью, Разак достал связку и один за другим стал пробовать ключи. Добравшись до маленького, тускло отсвечивающего ключика, он решил, что этот наверняка от шкатулки, найденной в столе Фаруха. Наконец, когда оставались лишь два последних, серебристый ключ легко скользнул в замок. Тихонько помолясь и задержав дыхание, Разак повернул его.

Замок щелкнул и поддался.

Разак надавил на ручку. За порогом комнаты без окон было темно. Войдя и оставив дверь открытой, Разак нащупал выключатель. На первый взгляд комната казалась пустой.

Лампы под потолком не спеша, с легким потрескиванием оживали и, разгораясь, замигали.

Затем комната осветилась.

Лицо Разака вытянулось. Он не верил своим глазам!

Вдоль дальней стены на виниловых плитках пола аккуратным рядком выстроились девять оссуариев с выгравированными на древнееврейском именами Иосифа и членов его семьи.

— Храни нас Аллах, — пробормотал по-арабски Разак.

Краешком глаза он заметил силуэт на пороге и резко обернулся.

Фарух!

— Неплохо сработано, Разак. — Фарух сложил на груди руки, просунув ладони в просторные рукава черной рубахи. — Но пусть вас это не тревожит. Они скоро исчезнут.

Талант хранителя, заставлявший бесследно исчезать предметы, начал вызывать у Разака отвращение.

— Что вы наделали?

— Благородное дело — помог нашим людям, — спокойно заявил хранитель. — Не стоит беспокоиться по поводу небольших жертв, вызванных суровой необходимостью.

— Небольших жертв? — Разак перевел взгляд на оссуарию. — По вашему ложному обвинению посадили невинового человека.

— Бартон? Англичанин? Среди них нет невинных, Разак. Особенно когда ими движет желание опорочить Аллаха.

— Другим членам совета об этом известно?

— Да какая разница? — Хранитель с досадой отмахнулся.

— Вы посылали меня в Рим передать в Ватикан посылку — книгу, которая впоследствии побудила христиан пойти на это немыслимое преступление. Как мне кажется, я заслуживаю объяснений. Погибло много людей, ни в чем не повинный человек находится под следствием... Чего вы добились в итоге?

— Разак. — Фарух разочарованно покачал головой. — Вы не осознаете всей серьезности сложившейся здесь ситуации. Мы достигли сплоченности и единства. Народ доверил нам защиту и себя, и своей веры. И вере нашей суждено оставаться неизблемой навеки. Здесь же, в Иерусалиме, мы защищаем лишь пядь земли, нашу святыню. Ислам превыше всего. Подрывать его учение — все равно что вырвать душу у мусульманина. Неужели это не понятно?

— Но это же не война.

— Это война! С самого начала. С той самой поры, когда христиане и иудеи вознамерились отнять у нас эту забытую землю, которую сделал священной великий пророк Мухаммед, да благословит его Аллах. Неужели я должен напоминать вам, что сам я проливал кровь, защищая наш народ и это место? И сколько людей отдали жизни ради того, чтобы такие, как вы, — он резко нацелился пальцем в грудь Разака, — могли чувствовать себя здесь как на родине.

Разак предпочел хранить молчание. Несомненно, народ в большом долгу перед такими, как Фарух, — теми, кто, не щадя себя, отважно боролся с израильской оккупацией. Но он устал от риторики, устал от бесконечной ненависти, что напитала этот клочок земли. Он хотел конкретных ответов на конкретные вопросы. И первый из них — каким образом

доставленная в Рим книга указала точное место древней усыпальницы, веками прятанной под Храмовой горой.

— Так что же я тогда привез в Рим?

Фарух обдумал вопрос.

— Если я отвечу, вы успокоитесь и примиритесь со случившимся?

— Возможно.

— Пойдемте со мной. — Фарух повернулся к двери.

В кабинете Фаруха Разак сел, с волнением ожидая объяснений хранителя, почему христианам позволили осквернить Храмовую гору. Деяние столь мерзкое и вероломное, что оправдание придумать трудно.

— Мои ключи, пожалуйста. — Старик протянул руку.

Разак вытащил связку из кармана и уронил ее в подставленную ладонь хранителя.

Нагнувшись за столом, Фарух достал маленькую прямоугольную шкатулку и положил себе на колени.

— Когда в тысяча девятьсот девяносто шестом году мы приступили к раскопкам мечети Марвани, — начал он, — и в отвалы в долину Кидрон вывозились тонны камня, люди просеивали и осматривали буквально каждый камушек. Меньше всего нам хотелось, чтобы какая-нибудь найденная реликвия была неверно истолкована как принадлежность иудейского храма.

— Вы имеете в виду храм Соломона?

— Да. А мы искали бесспорное археологическое свидетельство, подтверждающее наши притязания и, по существу, усиливающее наши позиции здесь. — Фарух чуть повысил хриплый голос. — Но как вам известно, евреям удалось убедить израильское правительство и некоторых мусульманских археологов начать исследование структурной целостности всей горы. Они сослались на округлый выступ во внеш-

ней стене, появившийся во время наших работ, признак вероятной подвижки фундаментов. — Фарух поерзал на стуле. — И лично я, и несколько других членов совета пытались остановить их. Но Археологическому управлению при Министерстве культуры Израиля удалось убедить многих людей, включая и кое-кого из наших, в необходимости проведения этих работ. Их изыскания должны начаться буквально на днях.

Широкой огласки споров теперь было невероятно трудно избежать. Разак понимал, к чему все шло.

— Выходит, вы знали, что потайную крипту непременно найдут?

Фарух кивнул.

— Но откуда вам стало известно, что она вообще существует?

Хранитель похлопал ладонью по шкатулке.

— Эту невероятную находку откопали несколько лет назад. Причем на начальном этапе раскопок.

Взгляд Разака переместился на бронзовую чеканку шкатулки. Орнамент напоминал исламский, но при более тщательном изучении символов — в основном орнаментальных крестообразных форм, — несомненно, просматривались христианские мотивы. Своеобразный рисунок украшал и крышку, по богохульным изображениям живых существ Разак сразу же понял, что он тоже не исламский.

— А что означает этот герб?

— Два средневековых рыцаря, скачущие на одном коне, в полном вооружении, со щитами и одним копьем на двоих символизируют тех, кто поклялся избавить эту землю от мусульманского влияния. Христианские рыцари храма Соломона. Тамплиеры.

— Значит, Грэм Бартон был прав? — прищурился Разак.

— Да. Таким был герб тамплиеров, когда эти неверные впервые оккупировали Храмовую гору в тысяча девяносто девятом году. Можете представить мое удивление, когда я нашел эту шкатулку. А когда узнал о ее происхождении, удивился еще больше.

— Где конкретно вы нашли ее?

— В раскопе под мечетью Марвани. Бульдозер отваливал землю и расколол ножом каменную плиту. Удивительная находка.

— И что было внутри?

Фарух побарабанил пальцами по крышке шкатулки.

— Наряду с другими предметами в ней находился древний манускрипт под названием «Тайные хроники». Его-то вы и отвезли в Рим три недели назад.

Разак припомнил, что лысый священник, с которым он встречался в «Кафе Греко», имел при себе кожаный портфель с эмблемой в виде двух скрещенных ключей и папской митры — величественным гербом католической церкви. Ватикан. Христиане-фанатики.

— Нам нужна была помощь католиков.

— Я так понимаю, в книге указано точное местонахождение крипты? — Разак скрестил руки на груди.

— Помимо всего прочего, там был рисунок, сопровождаемый точными размерами.

— А сам манускрипт о чем?

Фарух рассказал о дневнике Иосифа из Аримафеи — свидетеле очевидца об аресте, распятии и последующем погребении Иисуса. О находке оссуария и его реликвий, подтверждающих распятие Христа и его физическую смерть. Затем он выдержал паузу, предоставляя Разaku время, чтобы осмыслить услышанное.

Разак же подумал о том, насколько точны были догадки Бартона.

— Если все это правда, то учению Корана может угрожать опасность.

— Еще какая. Вы же знаете нашу позицию, когда речь заходит об Иисусе. Аллах вознес его на небеса до того, как враги смогли причинить ему хоть какой-то вред, — ни ареста, ни суда, ни распятия... Ну и разумеется, никаких похорон. Теперь-то вы понимаете, как нам важно устранить эту угрозу.

Разак почувствовал, что Фарух радеет не только о защите Храмовой горы, за этим есть куда более глубокий подтекст.

— Разве нельзя было спуститься в этот склеп и уничтожить свидетельства, не вовлекая католиков? Не убивая невинных людей?

— В таком случае риск был бы куда серьезнее, — с досадой махнул рукой хранитель. — Нам с вами хорошо известно, что Археологическое управление вербует себе сторонников среди наших людей. Людей, позвольте заметить, регулярно посещающих молитвенные собрания в мечети Марвани. Уверен, это какая-то хитрая тактика с их стороны. Нам не разрешено копать без формальной санкции Израиля. Сделай мы все своими руками, и человеческих жертв было бы куда больше.

— Выходит, свое грязное дело мы позволили сделать католикам. А сами умыли руки.

Каждое новое разоблачение умаляло решимость Разака, переворачивая все с ног на голову. Еще один случай, когда политика и религия стали неразделимы.

— Это был единственный путь к достижению наших целей, — ровным голосом продолжил Фарух. — А поскольку для христиан угроза оказалась куда серьезней, я был уверен, что католики, решив изъять реликвию, будут действовать быстро. И это позволило им уберечь свой институт веры. Мы же, в свою очередь, укрепили нашу позицию здесь тем, что ликвидировали опасность, грозящую поставить под сомнения учения Пророка.

— Неужели не было какого-то другого пути... — Не договорив, Разак умолк.

— Вы сейчас думаете об этом археологе, да? — В интонациях Фаруха сквозило разочарование. — Разак, мы все хорошо знаем, что в Израиле, несмотря на сосуществование нескольких религий, есть только две стороны. И Бартон — не на нашей. Просто помните, на какой стороне вы, — предостерег его Фарух. Потерев руки, он продолжил: — И прежде чем вы вынесете решение, позвольте мне показать вам еще

одну вещь. — Выдвинув ящик стола, он достал стопку бумаги. Сняв верхний лист, он положил его перед Разаком. — Взгляните-ка.

Разак вгляделся в небрежный набросок — какие-то прямоугольники, сопровождаемые подписями, кажется, на греческом. Он покачал головой, не в силах понять смысл рисунка.

— Что это?

— Карта Храмовой горы, сделанная Иосифом, та самая, которой пользовались воры, чтобы определить истинное местонахождение оссуария. Обратили внимание вот на эту конструкцию наверху?

Кивнув, Разак вдруг почувствовал, что задыхается. Голос Фаруха доносился словно издалека:

— Это иудейский храм, который Иосиф так живо описывает на этих страницах. — Он похлопал ладонью по стопке листов.

— Значит, он все-таки существовал. — Разаку по-прежнему не хватало воздуха.

— Может, и существовал, — улыбнулся Фарух. — Можно даже поспорить, как это любят делать евреи, что в каменных отвалах долины Кидрон можно отыскать фрагменты его стен. Теперь-то вам понятно мое желание предотвратить дальнейшие раскопки. После похищения все дискуссии по поводу раскопок под Храмовой горой прекратились на неопределенное время.

— И все археологические доказательства куда-то делись.

— Когда мы полностью ликвидируем оставшиеся девять оссуариев, не останется вообще ничего.

Разак растерялся. Если правда, что Западная стена прежде поддерживала храм, то все притязания евреев на Храмовую гору справедливы. Извечные еврейские стенания были не напрасны. Только теперь они никогда не узнают об этом. И этому невольно способствовал он сам.

Фарух вновь наклонился и достал пухлый документ.

— У меня есть секретный перевод полного текста «Тайных хроник». Почитайте на досуге. — Он положил стопку

перед Разакком. — Когда закончите — дайте знать. А потом, пожалуйста, сожгите все страницы до одной.

Разак чувствовал: еще чуть-чуть — и силы его оставят.

— А кое-что вы в Рим не отвозили. Кое-что, о чем вам тоже следует знать. — Фарух открыл шкатулку. — В этой шкатулке тамплиеров я нашел еще один документ. Еще один дневник, написанный, правда, не рукой Иосифа Аримафейского.

Разак вдруг начал понимать, что мотивы старика были чрезвычайно сложными и двигала им не просто ненависть. И это только подтверждало то, что обстоятельства жестоко играли судьбой этого человека.

— Чей же это дневник?

Хранитель достал из шкатулки ветхого вида свиток.

— Рыцаря-тамплиера, который первым нашел оссуарии.

Рим

Эван и Шарлотта пили кофе в номере, снятом ими во «Фьюмичино Хилтон», удобно расположившись в креслах перед залитым солнечным светом окном, которое выходило на оживленные взлетно-посадочные полосы аэропорта. Не совсем подходящая обстановка для романтического свидания, однако Шарлотта настояла на том, что не будет чувствовать себя в безопасности, если они вернутся в Рим.

Закутавшись в халат, она с нежностью поглядывала на Эвана, волосы ее шевелил легкий ветерок. Впервые за последние дни Шарлотта отлично выспалась. Для этого понадобились пара бокалов вина и таблетка снотворного. Неожиданные и от этого вдвойне приятные любовные ласки тоже способствовали крепкому сну. Рассказав Эвану обо всех невероятных событиях, произошедших накануне, Шарлотта показала ему потрясающие материалы, хранившиеся в памяти ее ноутбука. Эван убедил ее, что все будет хорошо, независимо от любого подписанного ею договора о неразглашении. Тем не менее номер он заказал на свое имя — на всякий случай.

Поскольку в исследованиях принимала участие БМТ, следует быть очень осторожными, напомнил ей Эван. Он пред-

ложил выждать и посмотреть, что последует за обвинениями, которые доктор Берсеи выдвинет против Ватикана, — еще слишком рано предполагать, что с ним случилось что-то плохое.

С обожанием глядя на него, Шарлотта проговорила:

— Как же я скучала по тебе, Эван! Мне так стыдно за то, как я вела себя перед отъездом.

— Да и я сам тоже не был образцом для подражания, — улыбнулся Олдрич. — Слушай, у меня же для тебя сюрприз. Вчера день был не слишком подходящий, зато сегодня...

«Он очень взволнован», — отметила Шарлотта.

Поднявшись из кресла, Эван обогнул тележку обслуживания номеров и направился прямо к своему чемодану. Шарлотта наблюдала, как он, расстегнув молнию бокового кармана, достал маленькую коробочку, кольцо для ключей и что-то напоминающее пузырек. Затем убрал ее ноутбук с прикроватной тумбочки и сел рядом с ней, выложив предметы на круглый стол, стоявший перед окном.

Шарлотта быстро глянула на него.

— Что происходит?

— Я хотел позвонить тебе, — сказал Эван. — Но потом решил, что говорить об этом лучше с глазу на глаз. Прежде всего это касается тебя. И если честно, именно поэтому я здесь. — Он с улыбкой протянул ей коробочку, казавшуюся особенно маленькой на его широкой ладони.

Шарлотта взглянула на нее, и сердце на секунду замерло. Коробочка очень напоминала футляр для ювелирных украшений — точь-в-точь как...

«Он что, прилетел сделать мне предложение?»

Шарлотта взяла у него коробочку и выпрямилась в кресле.

— Ну-ка, открой.

Она скосила глаза на Эвана. Не очень-то романтическое начало...

— Это образец кости, который ты присылала.

— А-а, — протянула Шарлотта, чувствуя одновременно облегчение и разочарование.

Подняв крышку, она увидела древнюю плюсневую кость, которую запросто можно было спутать с окаменелостью. В центре лежавшей на кусочке белой марли кости отчетливо виднелось просверленное отверстие — отсюда Эван экстрагировал ДНК. Шарлотта осторожно потрогала образец указательным пальцем.

— Помнишь, мы говорили об аномалии?

— Конечно. И что?

«Что же такое он обнаружил, из-за чего прилетел сюда, на край света?» — подумала она.

— Прежде всего вопрос: кто-то еще подвергал эти кости анализу?

Шарлотта покачала головой.

— Провели только радиоуглеродное датирование в лаборатории AMS в Риме, и тот образец сожгли.

— А другие части скелета?

Она мысленно представила древние кости, лежащие на черном резиновом коврикe. Вчера утром они исчезли из лаборатории вместе с оссуарием и другими реликвиями.

— Они пока в Ватикане.

«Или уже нет?»

— Хорошо, — вздохнул Олдрич с явным облегчением. — Ну, когда ты увидишь то, что я тебе покажу... — Он снял колпачок с крохотной флэшки, висевшей у него на кольце с ключами, и, потянувшись к ноутбуку, вставил ее в USB-порт. Затем запустил файл с флэшки, на мониторе начал загружаться видеоклип. — Я сам поначалу, когда увидел это, решил, что у меня сканер барахлит, — объяснил Эван. — Меня едва инфаркт не хватил. Сканер, однако, исправен. Все дело в образце.

Клип закончил грузиться.

Шарлотта придвинулась поближе к ноутбуку.

— Смотри. Первое, что ты увидишь, — это кариотип. Когда появится, я нажму на паузу.

Как только клип стартовал, Олдрич «заморозил» картинку. Она вгляделась в похожие на червячков хромосомы, расположенные попарно, как солдаты в строю. Все пары, окрашенные каждая своей флуоресцентной краской, были пронумерованы цифрами от 1 до 23, кроме последней, обозначенной «Х» и «Y».

— Даже здесь уже видна мутация.

— Какая пара аномальная?

— А ты приглядишься, — велел Олдрич. — И скажешь сама.

Шарлотта внимательно всмотрелась в изображение. Как только ее взгляд перешел на двадцать третью пару, она заметила нечто странное. У каждой пары имелись возникшие под действием красителя вполне различимые полосы вдоль всей длины хромосомы. У пары номер двадцать три таковых не было.

— А что это с двадцать третьей?

— Вот-вот. Теперь поехали дальше — там кое-что прояснится.

Олдрич вывел на монитор следующее изображение — ядро клетки, сильно увеличенное с помощью микроскопа. Хромосомы находились в их естественном, неупорядоченном состоянии, а окружающая клетку мембрана едва просматривалась на краю экрана.

— Я пометил двадцать третью пару хромосом. — Олдрич показал пальцем. — Видишь?

Две аномальные хромосомы были обведены ярко-желтыми кругами.

— Вижу.

— Теперь гляди в оба, Чарли. Сейчас начнется процесс экстрагирования.

— Что?

— Объясню через секунду.

Она заметила, что левая нога Олдрича мелко подрагивает.

На экране полая стеклянная игла проткнула клеточную мембрану, ее четкий абрис и острый кончик резко контрасти-

ровали с клеточной структурой. Далее игла всосала все хромосомы, за исключением двадцать третьей пары.

— Я забрал хромосомы на исследование. — Вдоль черной полосы верхней границы окна дисплея выстроились по ранжиру экстрагированные хромосомы, и Олдрич указал на них. — Вот они, изъятые. Пока все нормально, так?

— Так.

На экране иглу удалили, и клеточная оболочка сомкнулась в месте пункции.

— А вот теперь смотри.

Именно в этот момент Шарлотта заметила нечто непонятное. Пара странных, не имевших полосок хромосом, все еще остававшаяся в клетке, мгновенно начала делиться, производя новые хромосомные пары взамен удаленных. Самопроизвольная регенерация прекратилась, как только структура достигла своего необычного равновесия — сорока восьми хромосом.

— Что я вижу... — Шарлотта оторвала глаза от экрана. — Эван! Что это?

Он окинул ее напряженным взглядом.

— Фундаментальное биологическое открытие. Вот что ты видишь. Давай я прогоню ролик еще раз.

Клип был запущен снова с момента изъятия иглы. Экстрагированные хромосомы вновь выстроились вверх экрана. А затем последовало *открытие*, как охарактеризовал его Эван, — самый удивительный биологический процесс, который она видела в своей жизни. Спонтанная генетическая регенерация!

— Но такого просто быть не может... — Шарлотта прижала пальцы к губам.

— Я в курсе.

В мире не было объяснения тому, что она только что видела.

— С точки зрения науки абсолютно невозможно, чтобы человеческая хромосома воспроизводила точные копии дру-

гих пар! Это же набор из ДНК матери и отца... Сложнейший комплекс генетической информации...

— Это противоречит всему, что мы с тобой знаем, — спокойно подвел итог он. — Я провел несколько трудных часов, пытаясь это воспринять.

Шарлотта молчала.

— Хочешь, скажу кое-что еще?

— Порадуешь?

— Еще как. — Олдрич весь подобрался. — Я провел секвенирование*, применив новый генный сканер, составил схему нуклеотидной последовательности генома и сравнил его с опубликованными генетическими картами. Догадываешься, что я искал?

— Аномалии в трех миллиардах пар оснований, — ответила она.

Молекулярная структура ДНК напоминает винтовую лестницу или двойную спираль с горизонтальными «ступенями», сформированными парами нуклеотидных оснований — аденина и тимина или гуанина и цитозина, — известными также как «кирпичики» жизни. Три миллиарда этих «ступенек», составляющие основное содержание хромосом, формируют «гены» — участки ДНК, определяющие строение органов тела и физиологию организма. При помощи лазерного сканера они могут проверить генные цепочки на предмет обнаружения участков, искаженных вследствие мутаций.

Олдрич вскочил и зашагал по комнате:

— В общем, я обнаружил, что в присланном тобой образце содержится менее десяти процентов от объема генетического материала, найденного в стандартном геноме человека!

Шарлотта откинулась на спинку кресла и с недоверием помотала головой.

— Такого не может быть.

* Определение нуклеотидной последовательности молекулы ДНК.

— Ты права, — подхватил Олдрич. — Поэтому я провел еще ряд тестов. Я сравнил ДНК образца со всеми известными мне некодирующими участками человеческой ДНК. И знаешь, с чем я столкнулся?.. Готова? Крепко сидишь на стуле? Совпадений нет! Ни единого.

На мгновение ее рациональное мышление дало сбой, голова слегка кружилась. Объяснений не было.

— И что это значит?

— То, что образец не содержит лишней ДНК! — Олдрич уже кричал.

До завершения проекта «Геном человека»* в 2003 году ученые считали, что превосходство организма человека над животным — особенно в разуме — выражается в существенно большем объеме генетической информации. Но геном человека оказался много меньше предполагаемого и по объему составляет одну двенадцатую содержимого генома обыкновенного лука. Генетики приписали разницу «лишней ДНК» — бесполезной куче неиспользуемых участков в цепочке ДНК, появившихся в процессе эволюции.

Все это напоминало какую-то странную научную сказку. Но, вспомнив безупречный трехмерный облик, выстроенный по ДНК образца кости — отсутствие известной расовой принадлежности, гермафродитизм, уникальный цвет кожи и черты лица, — Шарлотта поняла, что во всем этом был смысл.

— Эван, ты всерьез утверждаешь, что ДНК этого образца имеет идеальную генетическую структуру?

Он кивнул.

* Проект «Геном человека» (Human Genome Project) — грандиозный международный исследовательский проект конца XX — начала XXI века. В ходе его была определена точная последовательность нуклеотидных оснований в хромосомах человека. Полученные результаты уже применяются в ходе идентификации генов, ответственных за развитие многих наследуемых заболеваний. Впрочем, знания генетиков о молекулярных механизмах генетических процессов пока еще далеки от создания полной картины. В частности, слова автора романа о лишней ДНК представляют собой лишь одну из точек зрения.

— Да. Понимаю, звучит слишком здорово, чтобы оказаться правдой.

Безупречный геном вряд ли может возникнуть в процессе эволюции.

«Совершенство», — мысленно восхитилась она.

Но как вообще мог у человека появиться такой генотип? Это абсолютно не вяжется с тем, что Дарвин или современная наука выдают в качестве объяснения развития человека из обезьяны.

Эван Олдрич показал дрожащей ладонью на экран.

— Эта ДНК потенциально может быть использована как матрица для исправления аномалий в человеческих клетках. А воспроизводить ее можно при помощи бактериальной цитоплазмы.

— По-моему, ты бежишь впереди паровоза. — Шарлотта недоуменно уставилась на него:

— Это выводит биоинженерию на качественно новый уровень. Представляешь, идеальная ДНК в вирусной форме! Невообразимо! — Эван заговорил медленнее: — По сути, это настоящее чудо. Я даже начал размышлять над тем, какие могут быть последствия, если предать это гласности, как откликнется на это мир. Прежде всего мне пришло в голову, сколько жизней можно будет спасти, вылечив наследственные заболевания. Затем я представил себе биотехнологические компании, вступающие в гонку переоборудования для усовершенствования лечения богатых людей. Генетически сконструированные дети. Дозированная медицинская помощь. Биологический элитизм*. Это будет на руку только людям состоятельным — бедным не достанется ничего. А если и достанется, устранение болезней в таком широком масштабе будет иметь разрушительный эффект. Широкое распро-

* Элитизм — фашистская идеология, возникшая в Италии в начале XX века, развивающая идеи Макиавелли об управлении государством. По ней, общество состоит из элиты, управляющей его деятельностью, и народа-биомассы, из которой можно лепить что угодно.

странение долгожительства приведет к беспрецедентному приросту населения, что, в свою очередь, чревато колоссальной нагрузкой на все мировые ресурсы.

— Я понимаю, о чем ты, но... — ошеломленно проговорила Шарлотта.

— Дай договорить, — торопясь высказаться, перебил он. — Есть одно «но». — Олдрич протянул правую руку и, зажав в пальцах пузырек, поднес к ее лицу. — Вот это.

Ватикан

Кардинал Антонио Карло Сантелли уныло глядел из окна кабинета на просторную площадь Святого Петра и громадный обелиск в центре ее, ослепительно белый в утреннем солнце. Взгляд его переместился на собор и статуи святых, выстроившиеся вдоль крыши. Если бы католики узнали о его благородных намерениях защитить основы их веры, увековечили бы они его образ в виде изваяния? Стал бы он современным мучеником? Святым?

В последние несколько недель перед его глазами развернулась настоящая драма. Еще со времен скандала с банком «Амброзиано» разоблачения, свидетелем которых он стал за время службы в Ватикане, постепенно вынудили его начать сомневаться в своей преданности церкви.

«Была ли моя жизнь, — размышлял Сантелли, — всецело посвящена служению высшему добру и стал ли я тем, кем мечтал стать, будучи молодым священником-идеалистом?»

Вчера он лично позаботился об освобождении Конти из камеры заключения швейцарских гвардейцев. И приказал наемнику устранить последние потенциальные препятствия: избавиться от оссуария и, разумеется, его содержимого. Следующим подлежал ликвидации отец Патрик Донован, за-

тем — доктор Хеннеси и наконец — ее американский любовник Эван Олдрич.

Руки кардинала еще больше окрасились кровью.

Весь вечер Сантелли ждал подтверждения от Конти о том, что обе реликвии уничтожены. Но тот не позвонил. Кардинал начал беспокоиться: вдруг наемник перехитрил его и теперь потребует дополнительного вознаграждения. Или станет шантажировать его.

Хуже того. Несколько минут назад из новостного блока он услышал о смерти экскурсовода катакомб Торлония — сообщение не из тех, что помещают в заголовках передовиц. Происшествие на первый взгляд рядовое, однако полиция возбудила следствие по факту смерти, поскольку в списке посетителей было обнаружено всего лишь одно имя. Тревогу подняла обезумевшая от волнения жена единственного в тот день посетителя катакомб, которая позвонила в полицию, чтобы сообщить, что ее муж не пришел домой ночевать. В катакомбах был организован поиск. Властям не понадобилось много времени, чтобы найти на дне шахты искалеченное тело Джованни Берсеи.

По-видимому, при более благоприятном стечении обстоятельств инцидент можно было бы квалифицировать как несчастный случай — вернее, странное пересечение несчастных судеб двух человек, оказавшихся в одном и том же месте. Полиция, однако, побеседовала со свидетелем — молодой женщиной-бегуньей, тренировавшейся на аллеях парка. По ее словам, она видела неизвестного, вышедшего из катакомб и грузившего в микроавтобус мотороллер. Фоторобот, составленный с ее слов, напоминал человека с фоторобота из Иерусалима.

Средства массовой информации буквально зубами уцепились за эту новость.

И сейчас Сантелли каждую минуту ждал звонка следователей.

Еще один скандал.

В руках кардинал держал части свитка, который ученые нашли в оссуарии Христа. В левой руке — рисунок потолочной фрески в гробнице Иосифа, находившейся глубоко под землей в катакомбах Торлония. В правой — древнегреческий текст, предварявший рисунок. Он попросил Конти отделить его от картинки, боясь, что текст может содержать некое скрытое послание. Прежде чем отправить отца Донована в роковое для него путешествие, он попросил священника перевести греческий текст, последний отголосок древней угрозы христианству.

Перевод был написан от руки на плотном листе с эмблемой Ватикана. Потянувшись через стол, Сантелли положил две половинки свитка рядом с переводом.

Свиток кардинал решил уничтожить — сжечь. Но сейчас он молился о том, чтобы отыскать в древнем тексте нечто способное помочь ему прийти к согласию с самим собой и успокоиться. Глубоко вздохнув, он еще раз внимательно посмотрел на оригинал, затем перевел взгляд и начал читать перевод отца Донована.

«Пусть вера поддерживает нас в торжественной клятве защищать Господню святыню. Здесь покоится сын Его в ожидании своего окончательного воскресения, когда будут восстановлены Законы Божьи и призваны на суд души всех людей. Да не разубедят эти мощи истинно верующих, поскольку многие повествования есть всего лишь слова, написанные заблудшими людьми. Душа — вот извечная истина.

Господь, помилуй нас всех.

Его преданный слуга,
Иосиф из Аримафеи».

Проснулся интерком и вырвал кардинала из омута мыслей.

— Ваше преосвященство, простите за беспокойство, но... — Голос молодого священника был взволнованным.

— Ну что там, отец Мартин?

— Вас хочет видеть отец Донован. Я сказал, что вы заняты, но он не уходит...

В смятении кардинал рухнул на спинку кресла, пальцы впились в подлокотники. Донован? Это невозможно! Сантелли выдвинул верхний ящик стола, желая убедиться, что «беретта» все еще там.

— Впустите его.

Через пару секунд дверь кабинета открылась.

Как только Патрик Донован переступил порог кабинета, Сантелли заметил большие синяки под его обоими глазами. Нос священника был искривлен и распух, создавалось впечатление, будто его составили из двух половинок, на нем чудом держались старые очки в толстой пластмассовой оправе, заменившие его обычные бифокальные стекла. В левой руке Донован сжимал пухлую кожаную сумку.

Он опустил в кресло напротив кардинала и поставил сумку себе на колени.

Сантелли не поприветствовал его — ни голосом, ни жестом.

Донован, видимо, тоже не собирался терять время даром.

— Я пришел кое-что показать вам. — Он похлопал ладонью по сумке.

Если б Сантелли не сидел сейчас в самом безопасном помещении Ватикана, вход в которое надежно защищали металлоискатели и детекторы взрывчатых веществ, он, наверное, решил бы, что Донован прячет в сумке оружие или бомбу. Но вряд ли ему грозило что-либо подобное. Несколько лет назад, после знакомства с Конти он лично позаботился об усилении мер безопасности.

— Но сначала я должен спросить: зачем вы устроили покушение на меня?

— Это очень серьезное обвинение, Патрик. — Сантелли глянул на верхний ящик стола.

— Очень серьезное.

— На вас микрофон «прослушки»? Записывающее устройство?

Донован покачал головой.

— Вы же знаете, их бы обнаружили еще на входе.

Это верно. Безопасность святая святых католической церкви оберегалась весьма тщательно, слишком важные разговоры велись за этими дверьми.

— Вы жаждете возмездия? За этим вы явились сюда? Вы пришли убить меня, отец Донован?

— Предоставим это Господу, хорошо? — Лицо Донована оставалось каменным.

Повисла неприятная пауза. Сантелли кивком головы указал на сумку, выглядевшую так, будто в нее затолкали нестандартного размера шар из боулинга. У кардинала даже мелькнула мысль, что в ней покоится голова Сальваторе Конти. В то же время он знал, что Доновану несвойственна жестокость. Тем не менее кардинал не мог понять, почему убийце не удалось выполнить поставленную перед ним задачу и почему у Донована такой вид, словно он провел десять раундов на ринге. А может, таков был план Конти? Может, Конти подослал его вымогать деньги?

— Так с чем вы пришли ко мне?

— С тем, что вы должны увидеть собственными глазами.

Донован поднялся и поставил сумку на неправдоподобно чистый стол. При этом раздался такой звук, будто друг о друга ударились две деревяшки. Он заметил, что на плазменном мониторе кардинала теперь новая заставка, бегущая строка: «Вера — это то, во что ты веришь, а не то, что ты знаешь... Марк Твен». Донован остался стоять, не сводя пристального взгляда с Сантелли.

Так пролетели несколько мгновений противоборства — глаза в глаза.

Наконец Сантелли, тяжело дыша, поднялся с кресла.

— Ладно, Патрик. Раз уж, чтобы заставить тебя уйти, надо заглянуть в твою сумку... так и быть. — Раздраженный, кардинал склонился над сумкой, чуть помедлил и затем медленно потянул за молнию.

Когда он раздвинул края, оттуда вновь донеслось бряканье. Лицо кардинала сделалось мертвенно бледным, когда он увидел человеческий череп и кости. Он медленно поднял на ирландского священника потухший взгляд.

— Самодовольный ублюдок. Гореть тебе в аду за это!

— Я хотел, чтобы вы помирились с ним, прежде чем я похороню его надлежащим образом, — сказал Донован.

Поначалу он пришел в ужас от мысли, что ему придется нести святые мощи в простой сумке. Но вчера днем он заехал в DHL, чтобы договориться о срочной отправке оссуария самолетом в Иерусалим. Манускрипт был отправлен Разаку отдельно через курьера-мусульманина, с которым он встретился в Риме. Гвозди и монеты лежали в бардачке взятой на прокат машины, рядом с «береттой».

— Сукин сын... — Голос Сантелли был странно спокоен. Дальше все произошло как в тумане.

Выдернув руки из карманов, Донован правой рукой вцепился в запястье старика, в левой руке он сжимал маленький пластмассовый шприц. Глубоко вонзив иглу в предплечье кардинала, он надавил на поршень.

С диким изумлением на лице Сантелли отпрянул от священника, рухнул в свое кресло и схватился за руку в месте укола. Прежде чем он успел позвать на помощь отца Мартина, тубарин остановил его сердце — скрюченные от боли руки замерли в попытке вырвать шприц, тело кардинала выгнулось в агонии и застыло.

Патрик Донован стоял и ждал, пока тело не дернулось в последний раз.

— Такова Божья воля... — тихонько проговорил священник.

Он не знал, что за яд содержался в шприце, но был твердо уверен: именно таким способом Конти лишил жизни экскурсовода, найденного у входа в катакомбы Торлония. Шансов пронести в эти стены орудие убийства было ничтожно мало. Вот почему Донован решил попытать удачи с помощью иглы.

Убийство разрушило все, что было для него свято. Он преступил клятву, данную Господу в юности, когда он отрекся от своего жуткого прошлого. Но если не уничтожить Сантелли, погибнет Шарлотта Хеннеси, да и он сам тоже. Израильтяне никогда не узнают правды, и на английского археолога взвалят вину за преступление, которого не совершал.

Осторожно застегнув сумку, Донован вышел в приемную и сказал отцу Мартину, что кардинал просил его не беспокоить и никого с ним не соединять.

Отец Мартин кивнул и провожал хранителя библиотеки любопытным взглядом, пока тот шествовал мимо швейцарских гвардейцев к выходу в коридор. Как только Донован скрылся из виду, он торопливо направился в кабинет Сантелли. Там он увидел багровую лысую макушку над спинкой кресла, повернутого к окну. Дважды позвав кардинала и не получив ответа, отец Мартин медленно обогнул стол.

Иерусалим

Разак ждал, пока Фарух, не отрывая напряженного взгляда от древнего свитка, надевал очки для чтения.

Прочистив горло, хранитель начал читать вслух:

«12 декабря 1133 года от Рождества Христова

Святая Елена была первой, кто обнаружил истинное происхождение Иисуса Христа. Она пришла на Святую землю в поисках исторического доказательства того, что Христос не является вымышленным героем из легенды или предания. За время своего паломничества она нашла, как она верила, пустую гробницу Иисуса и глубоко под землей, под храмом Гроба Господня обнаружила деревянный крест, на котором Иисус терпел муки и испустил дух. Сегодня мы несем истинный крест в битве, защищая нашу веру и Господа. О находках подобных реликвий ходило множество слухов. Но то, что удалось отыскать мне, на сегодняшний день есть самое удивительное.

Однако прежде я должен поведать, как мне это удалось.

В Иерусалиме столетиями живут христиане, которые не придерживаются слов, написанных в Библии. Эта мирная община, много веков выживавшая в изоляции, называет се-

бя орденом Кумрана*. Я встречался с ними и многое узнал об их вере. Поначалу вероучения кумранитов шокировали меня, поскольку их древние письма во многом противоречат слову Божию. Орден этот считает, что Христос умер физической смертью и только дух его вознесся из гробницы, чтобы предстать перед учениками. Они даже утверждают, что тело Христово все еще покоится в тайном месте в ожидании воскресения, дабы провозгласить Судный день, и что мощи его будут еще раз востребованы Духом Божиим.

Я спросил о первоисточниках их записей. Они настойчиво утверждали, что наставления и манускрипты существовали задолго до “Послания к римлянам”.

Услышав эти слова, я едва не набросился на них в ярости. Однако, заинтригованный, был вынужден узнать больше. Со временем эти люди, добрые и великодушные, стали нашими друзьями. После долгого общения с ними я начал понимать, что истоки их верований, хоть и нетрадиционных, глубокими корнями уходят в истинную веру и благоговение. Их Бог есть наш Бог. Их Христос есть наш Христос. Единственное, что нас разделяло, — это интерпретация.

В одиннадцатый день октября 1133 года на Иерусалим напала шайка мусульманских воинов. Хотя мы отразили их атаку, это удалось лишь после гибели наших братьев во Христе — кумранитов, они пытались защитить свой священный город. Их предводитель, старик по имени Захария, был тяжело ранен и умирал, когда я нашел его. У него при себе бы-

* В 1947 г. в пещере на побережье Мертвого моря в пустынной местности Вади-Кумран (Иордания) один бедуин случайно обнаружил кожаные свитки, исписанные древнееврейским письмом. Последовавшие затем поиски и раскопки привели к открытию новых рукописей. Всего было найдено около 40 тысяч фрагментов различной величины, представляющих остатки около 600 книг. Весь этот рукописный материал охватывает время от III в. до н. э. до VIII в. н. э. Было выяснено, что большинство кумранских рукописей принадлежало иудейской секте, прожившей в Иудейской пустыне со второго века до н. э. по 68 г. н. э. Большинство ученых отождествляют эту общину с ессеями, о которых было известно из описаний Иосифа Флавия, Филона Александрийского и др.

ла старинная книга. Узнав, что все его братья погибли от набега, Захария отдал книгу мне. Он прошептал, что в книге содержатся важные знания, включая древний секрет, долго хранимый его народом, — место расположения потайной камеры, где похоронено тело Иисуса. Затем Господь призвал старца к себе.

Я нанял надежных местных книжников, чтобы перевести тексты, большинство которых было на греческом. Именно тогда я обнаружил, что книга представляет собой дневник, написанный ученым человеком по имени Иосиф из Аримафеи. Также в книге я нашел карту, нарисованную рукой Иосифа, а на карте — местонахождение тела Христа. И тогда я понял, что захоронение располагается глубоко под землей прямо у нас под ногами, там, где стоял храм Соломона.

Я велел своим людям отыскать гробницу Иосифа. Они копали несколько недель, пробили три древние стены и наконец достигли твердой почвы. Мои надежды теперь легко могли быть развеяны, поскольку все говорило о том, что никто не прикасался к этому месту. Но точные размеры, указанные Иосифом Аримафейским, свидетельствовали, что надлежало углубить раскоп. Так мы и поступили, для начала расчистили мягкую породу и поняли: то, что мы приняли за поверхность скалы, оказалось массивным округлым камнем. Откатить его удалось лишь четверым. За ним оказалась потайная камера — в точности как указывал Иосиф.

Внутри я обнаружил девять каменных ковчегов, надписанных именами Иосифа и членов его семьи. К моему удивлению, десятый ковчег украшал священный символ Иисуса Христа, а внутри его находился скелет человека и реликвии, которые могли попасть сюда, будучи сняты только с одного места — с креста.

Во исполнение своей священной клятвы защищать Господа и Его сына Иисуса Христа я надежно укрыл эти чудесные реликвии под храмом Соломона. Потому как если старик сказал правду, возможно, настанет день, и эти мощи обретут жизнь, и души всех людей будут спасены.

Я назвал книгу Иосифа Аримафейского “Тайные хроники”. В ней — ключи к нашему спасению.

Да простит меня Господь за деяния мои.

Его преданный слуга,
Гуго де Пейн*».

Фарух аккуратно скатал пожелтевший пергамент и убрал его в шкатулку. Затем снял очки и выпрямился, дожидаясь реакции Разака.

После долгой паузы тот заговорил:

— Поправьте меня, если я не так понял. В двенадцатом столетии рыцари-тамплиеры подружились с группой радикальных иудеев — а может, и христиан, — и те передали им книгу «Тайные хроники», которая привела тамплиеров к останкам Иисуса, захороненным в тайном помещении под горой. Почти девятьсот лет назад тамплиеры замуровали гробницу и спрятали под полом эту шкатулку вместе с «Тайными хрониками». А шкатулку нашли вы лично во время раскопок в тысяча девятьсот девяносто седьмом.

— Все правильно.

Разак попытался все это осмыслить. Его подмывало спросить Фаруха, зачем тамплиерам понадобилось прятать такие невероятные реликвии. Но он понимал, что хранитель способен лишь строить догадки на этот счет. Без сомнений, тамплиеры защищали древнюю тайну. Зная кое-что о тогдашних непрочных отношениях между Папой и крестоносцами, логично предположить, что тайна эта использовалась как страховка — а возможно, и шантаж — в отношениях с церковной верхушкой. Что, в свою очередь, объясняло стремительный взлет тамплиеров к власти. Однако, исходя из письма, благочестие и набожность Гуго де Пейна позволяли выдвинуть и иную версию. Вполне вероятно, тамплиеры руководствовались благородными намерениями. Ведь они, в конце концов, охраняли это место.

* Официальный основатель ордена тамплиеров и с 1119 г. по 24 мая 1136 г. первый Великий магистр.

— Как удалось вам убедить Ватикан начать действовать?

— Очень просто. Поговорил с отцом Донованом, главным хранителем библиотеки Ватикана. Насколько мне известно, это единственный человек, кто в курсе существования «Тайных хроник» и, что более важно, их значения. Мне стоило лишь упомянуть это название, как он тут же понял, о чем речь. Несколько дней спустя вы доставили книгу ему в Рим. Я не ошибся, полагая, что именно Донован придаст делу ускорение.

— А если б он не понял?

Фарух усмехнулся.

— Особого значения это и не имело. Я бы все равно его уговорил. Разве можно проигнорировать такую информацию.

— Вы очень рисковали, затеяв это.

Видя реакцию Разака, Фарух решил не говорить ему, что это он помог похитителям тайно переправить взрывчатку в Иерусалим, используя свои контакты с Хезболлой в Ливане. Вторым его «вкладом» стала мощная буровая дрель, которую он по требованию похитителей приобрел за наличные за границей. Хезболла и в этом оказала помощь.

— Вполне возможно, друг мой. Но в этом деле для нас все складывалось удачно, и я приступил к действию, как только понял это. Я уже говорил, что целью операции было предотвращение гибельной находки, тела Иисуса, а значит — защита как ислама, так и христианства. Очень, очень печально, что из-за этого погибли люди... хоть они и евреи. Но не начини мы действовать, жертв было бы гораздо больше, и физических, и духовных, как среди мусульман, так и среди христиан. Выиграли бы только евреи — за наш счет, разумеется. Думаю, вы согласитесь, что найденный нами выход был самым удачным.

Разаку пришлось признать, что в рассуждениях Фаруха содержалась неоспоримая, хотя и извращенная логика. Изопренные методы в борьбе за выживаемость.

— А сами-то вы что почувствовали, узнав о противоречиях в наших учениях?

— Что бы там ни говорилось, мы не должны ставить под сомнение нашу веру, Разак. — Фарух поднял глаза к потолку. — Возможно, это означает, что в поисках истины нам следует еще глубже заглянуть в себя. Даже при условии, что эти украденные мощи и впрямь останки Иисуса, никакие древние кости не поколеблют моей веры.

Разак вспомнил, как Бартон говорил что-то о доbibлейских текстах, рассматривавших воскресение как трансформацию духовную, а не физическую. И хотя слово «воскресение» просуществовало столько веков, значение его, вероятно, стало восприниматься слишком буквально.

— А храм Соломона?

— Древняя история. — Хранитель поджал губы. — Сродни истории о Иевусе, который захватил царь Давид и переименовал в Иерусалим за две тысячи до наступления эры Иисуса. Иудеи пролили много невинной крови, предъявляя свои права на эту так называемую Землю обетованную. Однако когда роли поменялись, они почувствовали себя оскорбленными. На самом деле это место не принадлежит никому, кроме Аллаха. Теперь евреи вновь владеют Израилем. Но само наше присутствие здесь, на этом самом месте, не дает им покоя, напоминая о том, что события могут принять иной оборот. И в итоге Аллах рассудит, кому даровать победу. — Фарух обошел стол и опустил руку на плечо Разака. — Пойдемте в мечеть и помолимся.

Рим

Олдрич придвинулся поближе к Шарлотте.

— Чарли, а если я скажу тебе, что ты можешь избавиться от любой болезни с помощью одного-единственного укола иммунной сыворотки, настолько мощной, что она в состоянии перекодировать поврежденную ДНК?

Шарлотта вздрогнула, не находя слов от изумления. Она переводила взгляд с пузырька на Эвана и обратно. Это не сон?

— Когда я неделю назад побывал у тебя дома, я увидел в холодильнике лекарство, «мельфалан»... с твоим именем на наклейке.

Грудь ее сдавило, глаза наполнились слезами.

— Я хотела рассказать тебе, но... — Шарлотта упала в его объятия и расплакалась.

— Все хорошо, — нежно проговорил Эван.

Слезы потекли еще сильнее. Затем она резко отстранилась.

— Таблетки! Я оставила их в Ватикане. Я должна принимать их каждый день!

— Об этом не волнуйся, — успокоил он. — Они тебе не понадобятся. Никогда.

Шарлотта опешила.

— Миелома — серьезнейшая разновидность рака, — объяснил он. — Я знаю, как ты мучаешься. И знаю, что именно поэтому ты в прошлую нашу встречу была такой... отстра-

ненной. А я тогда просто перегнул палку. Тебе столько пришлось пережить. А я вел себя как последний эгоист...

Уже рыдая, она кивнула.

— Я...я никому не говорила.

— Знаешь, мне кажется, что теперь ты должна начать понемногу выпускать пар, чтобы предотвратить эмоциональный взрыв, — лукаво проговорил Олдрич. — А я потерплю. Ты должна довериться мне.

Кивнув, Шарлотта потянулась к упаковке с салфетками на прикроватной тумбочке.

— Надо папе сказать. — Она промокнула слезы. — Но я побаиваюсь. Он еще не отошел от смерти мамы...

— Не надо ему ничего говорить.

— Почему? — Реплики Эвана начинали ее озадачивать. Он покачал на ладони бесценный пузырек.

— Если я ничего не напутал, папе тебе рассказывать будет нечего. И не будет необходимости глотать мельфалан. Я хочу, чтоб ты стала первым пациентом в моем клиническом исследовании.

— Да ладно, Эван, не может быть все так просто... — Она вытерла глаза.

— Я тоже так считал. Но думаю, ты согласишься, что, когда дело доходит до генетики, я знаю, о чем говорю. И я абсолютно в этом уверен.

Шарлотта пригляделась к пузырьку, на этот раз внимательнее.

— Но почему я? Ведь есть столько людей, которые больше заслуживают... которые больны намного серьезнее.

— Конечно есть. И если мы не ошиблись, то, возможно, подумаем, как всем им помочь. Но чтобы сделать это, я должен быть уверен, что ты будешь рядом со мной. И мы сделаем все вместе.

— Так... ты хочешь сказать, что если я соглашусь, то ты сделаешь эту инъекцию мне?

— Да.

— Эта ДНК — мужская. Она превратит меня в мужчину?

Оба рассмеялись, и повисшее в комнате напряжение немного развеялось.

— «Половые признаки» я уже отделил, — заверил он Шарлотту. — Здесь специально приготовленная для тебя сы-воротка исключительно направленного действия — на твои кости, клетки крови и так далее. Имея идеальный геном, мы можем готовить лекарство какого угодно профиля.

— Просто сказка какая-то, — пробормотала она.

Эван взглянул на пузырек, затем на Шарлотту.

Время, казалось, застыло, пока она обдумывала, продолжать ли ей тягостный курс химиотерапии. Несомненно, такое лечение сведет на нет всякую надежду иметь детей. И при самом благоприятном варианте развития событий она проживет еще десять — пятнадцать лет. Ей не дотянуть даже до пятидесяти.

— Так как?

Шарлотта улыбнулась, чувствуя, что может доверять ему. Она вспомнила ангела смерти в соборе Святого Петра, переворачивающего песочные часы.

— Согласна.

— Отлично. — Эван улыбался от уха до уха. — Но ответь мне на один вопрос. Чью косточку я исследовал?

Отец Донован попытался внушить ей, что скелет являлся фальсификацией, сфабрикованной Иосифом Аримафейским для того, чтобы развенчать Иисуса как долгожданного Мессию. Сейчас же его история казалась ей просто нелепой. Только в божественном создании мог быть обнаружен такой фантастический генотип.

Шарлотта подошла к окну и некоторое время молча смотрела на огни аэропорта. Затем повернулась к Олдричу — глаза ее были грустны, но она улыбалась.

Ватикан

Собор Святого Петра закрылся ровно в семь вечера; его обширное сумрачное чрево быстро опустело — лишь одинокая фигура с черной сумкой почти бегом двигалась вдоль северного трансепта.

Отец Донован поравнялся с высоким, величественным Балдахином, чья мраморная балюстрада окружала подземный грот прямо под папским алтарем. Остановившись, чтобы перекреститься, он огляделся, не видит ли кто его, затем открыл боковые воротца и скользнул внутрь. Осторожно закрыл за собой створки и крадучись двинулся вниз по винтовой лестнице.

Когда священник опустился на один уровень ниже пола собора, перед ним предстала искусная мраморная рака. От ее гладких поверхностей отражался теплый свет девяности девяти богато украшенных масляных ламп, горящих постоянно в честь самой святой земли во всем Ватикане.

Sepulcrum Sancti Petri Apostoli. Рака Святого Петра.

По словам Иосифа из Аримафеи, он поручил Петру выполнить два важнейших заключительных служения Мессии. Перевезти десять оссуариев из Рима в новую усыпальницу под Храмовой горой в Иерусалиме и доставить его бесцен-

ный манускрипт — основополагающий документ христианских евангелий — в надежные руки.

Донован вспомнил последний абзац из Иосифовых «Тайных хроник».

«В эту ночь император Нерон устроил пир в своем дворце. На пир тот он пригласил меня, мою жену и моих детей. Я согласился с великой печалью, поскольку намерения его были мне известны: ведь сердце этого человека наполнилось злом. Те, кто прославляет учение Иисуса, отказались воздавать императору дань уважения. За что многие были сожжены заживо.

За мою преданную службу Риму Нерон известил меня, что моя смерть, как и смерть моей возлюбленной семьи, будет легкой. Еда, что подадут нам на пиру, будет отравлена.

В огромном Риме нам от него не укрыться, и только Бог будет нам защитой. Наша судьба в его руках.

Мы договорились, что тела наши будут отданы моему брату, Симону-Петру, он похоронит их в нашем склепе рядом с Иисусом. Когда плоть истлеет, Петр отправит их назад, в Иерусалим. Иисус будет предан земле под великим храмом, поскольку я обещал ему это перед его казнью. И там мы вновь встретимся на Судном дне. И тогда храм очистится. И Господь вернется в свою священную Скинию.

Я попросил Петра доставить эти записки нашим братьям, ессеям. Они сохраняют это свидетельство служения Господу и Его сыну. Они поведают людям, что скоро грядет Судный день».

Когда Петр выполнил свой долг перед братством, он вернулся в Рим и продолжил проповедовать учение Христа. Вскоре после этого по приказу Нерона он был схвачен и приговорен к смерти — его распяли головой вниз.

«Иди, не стой», — поторопил себя Донован.

Прямо под основанием Балдахина, меж красных мраморных колонн, располагалась небольшая, защищенная стек-

лом ниша с золотым мозаичным изображением окруженного ореолом Христа. Под мозаикой лежала небольшая золотая шкатулка — оссуарий.

В этом оссуарии хранились мощи самого святого Петра, изъятые из гробницы, располагавшейся еще глубже под Балдахином и случайно обнаруженной во время раскопок в 1950 году. Скелет был найден не в самой гробнице, а в одной из прилегающих ниш, но привлек внимание археологов тем, что принадлежал мужчине преклонного возраста, а также отсутствием черепа — так, по идее, могло случиться с останками человека, которого сняли с перевернутого распятия. Позже провели радиоуглеродный анализ и выяснили, что мужчина жил в первом столетии.

Из кармана Донован достал золотой ключ, который он забрал из сейфа в Секретном архиве Ватикана. Он опустил на пол сумку, затем осторожно вставил ключ в замок рамки ниши. Петли издали тихий стон, когда он открыл дверцу.

Донован поглядел на оссуарий, отлитый из чистого золота. Своей формой он неспроста напоминал миниатюрный Ковчег Завета. Четыре спиральные колонны Балдахина прямо над Донованом тоже неслучайно повторяли контуры храма Соломона.

Помня, что времени мало, священник вытянул руки и крепко взялся за крышку ковчега. Глубоко вздохнув, он сдвинул ее и потянул вверх.

Как он и полагал, оссуарий святого Петра был пуст.

После завершения исследований останки святого водворили в скромную гробницу времен императора Константина, где их и обнаружили. Мало кто знал, что этот ковчег служил лишь для того, чтобы увековечить память о первом патриархе.

— Помилуй нас, Господи... — благоговейно прошептал Донован, глядя на мозаичного Христа.

Читая вслух молитву, он начал перегружать из кожаной сумки в оссуарий кости, идеально сохранившийся череп и челюсть. Закончив, прикрыл крышку.

Когда Донован закрыл стеклянную дверцу и повернул ключ, он услышал наверху в соборе какой-то шум. Затем открылась дверь. Послышались поспешные шаги. И возбужденные голоса.

Прямо над нишей находилась тяжелая металлическая решетка вентиляционного канала. Донован инстинктивно просунул руку через решетку и, разжав пальцы, выпустил ключ в пустоту. Донесся негромкий звон металла о камень. Потом он вспомнил о пустом шприце у себя в кармане и избавился от него тем же способом.

Схватив сумку, священник, пригибаясь, сделал несколько шагов вверх по лестнице.

— Отец Донован. — Низкий голос окликнул его по-итальянски. — Вы здесь?

Всмотревшись сквозь балюстраду, он разглядел три фигуры — две в синих мундирах и черных беретах, третья в рясе. Швейцарские гвардейцы и священник.

«Попался!»

Он подумал отступить по лестнице вниз, в просторный подземный папский склеп, примыкающий к гробнице святого Петра. Возможно, там удастся ненадолго спрятаться среди сотен саркофагов, переждать, а затем попытаться скрыться из Ватикана.

Донован удивился, как им удалось так быстро отыскать его. Затем он сообразил, что для входа в собор воспользовался магнитным ключом. Каждое устройство считывания магнитных карточек регистрировало их местонахождение и передавало на центральный пост охраны швейцарских гвардейцев. Донован вдруг осознал всю серьезность ситуации, в которую вляпался: спрятаться было невозможно. Они знали, что он тут.

Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Донован преодолел оставшиеся ступеньки и открыл воротца.

— Здесь я, здесь, — отозвался он.

Два охранника быстро подошли к нему, священник предусмотрительно приотстал.

— Просто заканчивал молитву, — доверительно сообщил Донован.

Они, похоже, приняли это за чистую монету.

— Отец Донован, — резко сказал охранник, который был ниже ростом. — Вы должны пройти с нами.

Хранитель архива взглянул на его тускло отсвечивающую «беретту» и вспомнил, как вчера, отправившись вызволять Конти, они с Сантелли остановились у казармы. Оружейник гвардейцев как раз выложил на стол для чистки полдюжины пистолетов. В общей суете никто даже не заметил, как Донован опустил в карман «беретту» и несколько обойм к ней.

Сумев улыбнуться, Донован поинтересовался:

— Какие-то проблемы?

— Да, — ответил священник, выходя из-за спин гвардейцев.

Прищурившись, Донован разглядел, что это отец Мартин. Нашел ли помощник Сантелли тело? Зачем он привел охрану — арестовать его?

— И очень серьезные, — сурово начал Мартин. — Вскоре после вашего ухода из кабинета кардинала Сантелли его преосвященство был найден мертвым.

Донован ахнул, изо всех сил постаравшись изобразить изумление. Сердце бешено колотилось, ладони вспотели.

— Какой ужас. — Он мысленно приготовился к тому, что за этим последует.

Сейчас секретарь кардинала бросит ему в лицо обвинение.

— Похоже, сердечный приступ, — пояснил отец Мартин.

Вглядевшись в глаза молодого священника, Донован готов был поклясться, что видит в них ложь. Он испустил тяжелый вздох, якобы от потрясения, в действительности же — от облегчения.

— Такое несчастье... — тихо проговорил отец Мартин, опуская глаза в пол, словно на всеночной.

На самом деле он подслушивал разговор Донована с Сантелли, пользуясь телефоном кардинала как интеркомом. И то, что он услышал, было просто невероятным. Мартин почти

не сомневался, что отец Патрик Донован отомстил старому кардиналу, хотя можно было только гадать, как именно. Разве металлодетекторы регистрируют оружие не всех типов?

«Да это и не важно, — думал отец Мартин. — На месте Донована я поступил бы так же. Как бы там ни было, этот урод Сантелли мертв. Невелика потеря для церкви, и для меня тоже».

— Нам нужна ваша помощь. Необходимо забрать его юридические документы из архива. — Он вздохнул. — И семью кардинала придется срочно известить...

Донован поднял голову, глаза его сверкнули.

— Да, конечно... Если хотите — пойдемте прямо сейчас. Мартин слабо улыбнулся.

— Благослови вас Господь, отец.

Воскресенье

Иерусалим

Никогда еще вид пыльных улиц Иерусалима не доставлял Грэму Бартону такой радости. Он сделал глубокий, опьяняющий вдох, наслаждаясь знакомым ароматом кипарисов и эвкалиптов. Замечательное утро. Завидев на нижней ступеньке полицейского участка Разака, Бартон улыбнулся, и улыбка его стала еще шире, когда рядом с ним он разглядел Дженни.

Она бросилась к нему и обвила руками его шею. Грэм почувствовал слезы на щеках жены, когда она поцеловала его.

— Я так боялась за тебя!

— Я все это время думал только о тебе. Спасибо, что приехала.

— Ты же знаешь, я всегда рядышком, — улыбнулась она.

— Говорят, подставы в Иерусалиме не редкость. — Разак обнял Бартона. — Но у правосудия всегда найдутся способы отыскать виновных.

— Конечно... Кстати, о правосудии, — смущенно сказал Бартон. — Как вам удалось убедить израильтян, что это не я?..

— Очень скоро вы все узнаете, — ответил Разак. — Кстати, у меня для вас подарок. — Он протянул Бартону пухлый конверт, в котором, похоже, находилась большая книга.

— Что это?

— Копия одного из экспонатов, представленных как вещественное доказательство в вашу защиту, — загадочно проговорил Разак.

Бартон взял пакет.

— Внутри этого конверта сама история, — пообещал мусульманин. — Обязательно прочтите. Найдете много интересного.

Фарух сидел у себя на веранде, поглядывая сверху на красную черепицу крыш и обветшалые фасады домов Мусульманского квартала Старого города. День был необычайно ясен и тих, слабый ветерок благоухал ароматом пальм.

На душе у Фаруха царило спокойствие. Он уже и не помнил, когда ему было так хорошо. Израиль вновь балансировал на грани жестокой конфронтации, борьба за освобождение Палестины не потеряла силу, и вера в победу — животворящий огонь, питающий пожар конфликта, — крепла. Улыбаясь, старик отхлебнул чая с мятой. С Храмовой горы доносился гул толпы, хотя сегодня тональность его была несколько иной, звуча почти что... празднично?

В квартире зазвонил телефон.

Фарух поднялся с кресла и вошел в комнату, чтобы ответить:

— Ассалам.

— Господин. — Голос Акбара дрожал. — Вы слышали новости?

— Нет еще. А что тебя так встревожило?

— Прошу вас... Включите телевизор... Си-эн-эн. Потом позвоните мне, пожалуйста, и скажите, что делать.

Раздался щелчок, Акбар отключился.

Открыв входную дверь, Фарух с удивлением увидел желтый фургон DHL, припаркованный напротив, а на крыльце стоял водитель-палестинец в униформе, белые проводки плеера свисали у него из ушей. Парень держал в руках продолговатое электронное устройство. Фарух нахмурился, заметив, что молодой человек в шортах.

— Одеваться надо подобающе, — проворчал Фарух. — Как тебе не стыдно?

Посыльный пожал плечами и сказал:

— Вам посылка.

На лице хранителя отразилось замешательство. Он ничего не ждал.

— И что за посылка?

— Откуда ж мне знать? — ответил юноша. — Распишитесь вот здесь, и я вам ее выгружу.

Он протянул ему электронное устройство доставки, показал на освещенный сенсорный экран, пояснил, где расписаться, и вручил Фаруху пластиковый стилус. Фарух расписался.

— Посылка большая. И тяжелая. Куда вам ее поставить?

Встревожившись еще больше, Фарух принялся поглаживать бороду — старая привычка еще с солдатской поры.

— В гараж. — Он показал. — Погодите, я открою.

Зайдя в дом, Фарух нажал на кнопку, открывающую гараж, и вздохнул, проходя мимо искореженного «мерседеса». Хозяином единственной расположенной рядом приличной кузовной мастерской был еврей, который в сложившейся ныне ситуации отказался заниматься его машиной. Придется терпеть беспорядок в гараже, пока Фарух не найдет того, кто возьмется за ремонт. Сложив руки на груди и недовольно выпятив губы, старик смотрел, как медленно, со скрипом откатывалась гаражная дверь.

Посыльный ждал на другой стороне улицы.

В тот миг, когда глаза старика остановились на деревянном ящике, складки его на загубелом лице разгладились. Он шагнул наружу и осторожно осмотрел узкую улицу.

Водитель опустил ящик на бетонный пол гаража, откатил тележку обратно к фургону, погрузил ее и уехал.

Фарух осмотрел наклейку на посылке. Посылка пришла из Рима, вместо обратного адреса — номер почтового ящика. Имя отправителя — Дэниел Марроне.

Перед глазами вдруг все поплыло.

Минут десять Фарух собирался с мужеством, чтобы вскрыть ящик. А когда наконец взялся за дело, далось оно ему нелегко. Откинув крышку, он увидел, что внутри все заполнено пузырчатым пластиком. Когда упаковка была почти сорвана, пальцы ощутили холод камня. Сердце старика болезненно сжалось от ощущения провала и тяжелой потери. Сначала книга. Теперь это? Стянув последний слой пузырчатой упаковки, он бездумно смотрел на искусную гравировку расколотой крышки оссуария. Ее узор Фарух узнал сразу, поскольку уже видел его в «Тайных хрониках».

Внезапно в проеме гаражной двери материализовались какие-то силуэты.

— Не двигаться, — прозвучала команда по-арабски.

Фарух выпрямился и застыл на месте. На пороге гаража стояли четверо мужчин — все вооружены, и каждый держал его на прицеле. Они были в штатском и в пуленепробиваемых жилетах, но Фарух сразу понял, кто их прислал. Агенты Шин Бет. Призраки прошлого.

— В чем дело? — спросил он.

Из-за угла появился Арий Телексен, его отвисшие щеки раздвигала сардоническая улыбка. В углу сурового рта висела сигарета. Он намеренно выдохнул облако дыма, зная, что этим оскорбит мусульманина.

— Фарух аль-Джамир. — Раскатистый баритон Телексена заполнил все пространство гаража. — Я привез вам инструкцию по эксплуатации для вашей посылки. Вы, похоже, забыли ее в своем кабинете. — Зажав в трех пальцах изуродованной руки запаянную в пластик стопку печатных листов, он показал ее Фаруху. — Если желаете взглянуть на оригинал —

нал, я могу договориться с моими друзьями в Археологическом управлении.

Фарух узнал ксерокопию «Тайных хроник».

— Прямо как в добрые старые времена, а? — Телексен ухмылялся. — Ну что, прокатимся?

Впервые за свою долгую жизнь Фарух аль-Джамир почувствовал, что ему страшно. Очень страшно.

Содержание

Пролог	7
Понедельник. Три дня спустя	23
Вторник	91
Среда	177
Четверг	235
Пятница	285
Суббота	389
Воскресенье	433

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Майкл Бирнс

СВЯТАЯ ТАЙНА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *С. Абовская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *Н. Шабунина*
Корректоры *Е. Амелогова, Л. Ершова*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 01.07.2009.
Формат 60х90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офс. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 8000 экз. Заказ 4564

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

МАЙКЛ
БИРНС

СВЯТАЯ ТАЙНА

ЭКСМО

Патрику Доновану, хранителю секретного архива Ватикана, неизвестный предлагает приобрести древний манускрипт, сохраненный до нашего времени тамплиерами. Им оказывается тайный дневник Иосифа, ученика Христа, с подробным планом места, где захоронен его учитель. И буквально через пару недель под Храмовой горой в Иерусалиме группа вооруженных наемников вскрывает тайное захоронение, похищает оттуда погребальный ковчег, а затем один за другим гибнут все, кто хоть как-то причастен к тайне древней святыни... Роман Майкла Бирнса «Святая тайна» – один из самых успешных триллеров 2008 года.

интернет-магазин
OZON.ru